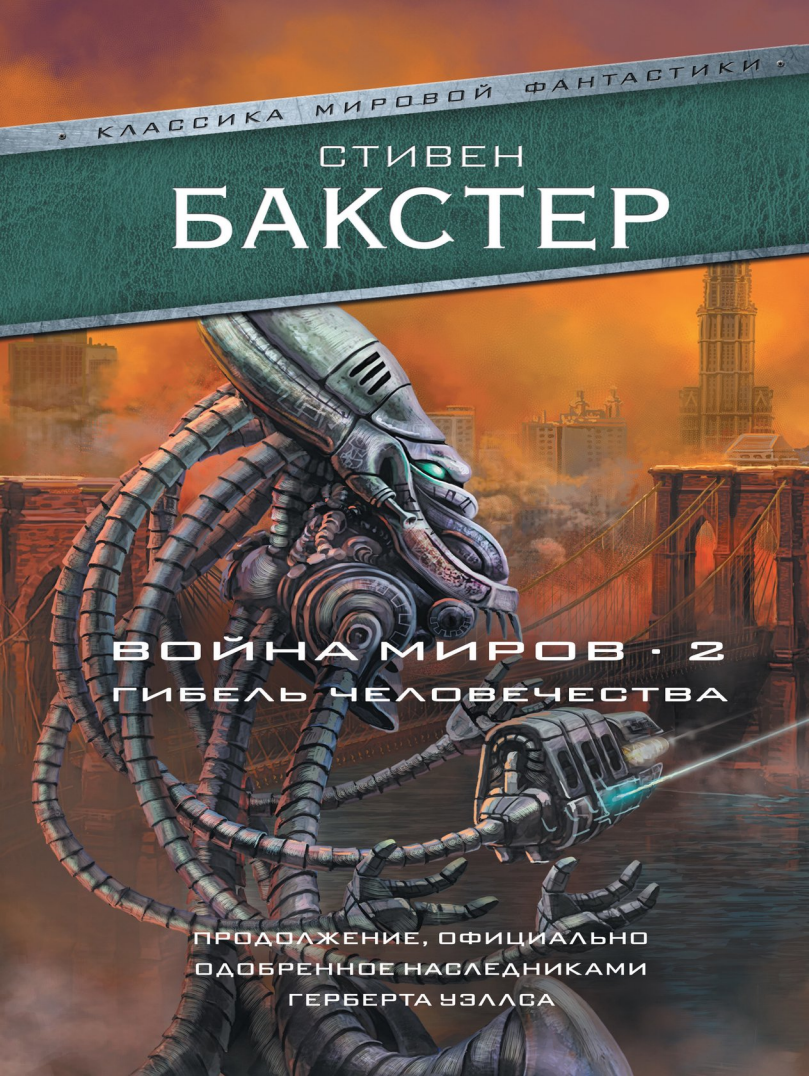
КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

СТИВЕН

БАКСТЕР



ВОЙНА МИРОВ · 2

ГИБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ, ОФИЦИАЛЬНО
ОДОБРЕННОЕ НАСЛЕДНИКАМИ
ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА

Война миров 2. Гибель человечества

Стивен М. Бакстер

Аннотация
Стивен Бакстер. Война миров 2. Гибель человечества
Книга I. Возвращение марсиан
1. Призыв к оружию
2. Встреча ветеранов
3. Артиллерист в Нью-Йорке
4. Ненадежный рассказчик
5. Я возвращаюсь в Англию
6. Суррейский коридор
7. В Лондоне
8. Встреча в Оттершоу
9. Звонок из Германии
10. В Стэнмуре и Лондоне
11. В Лондоне
12. Мобилизация
13. На подходе к Аксбриджу
14. Прибытие первой волны
15. Понедельник в Лондоне
16. За Кордон
17. Цилиндр № 12

18. Летательные машины над Лондоном
19. Первые часы за Кордоном
20. Захваченная местность
21. В Эбботсдейле
22. Марсиане выходят из-за Кордона
23. Наше бегство из Стэнмура
24. На Королевской линии
25. Начало отступления
26. Марсиане в Уормвуд-Скрабсе
27. Бегство по центру Лондона
28. Падение Лондона
Книга II. Англия под властью марсиан
1. Письмо в Париж
2. Встреча в Берлине
3. Путь на побережье
4. На борту «Неуязвимого»
5. На немецком берегу
6. Битва в Северном море
7. Высадка в Уоше
8. В Портсмуте
9. Секретное задание
10. Ночь в Гэмпшире
11. Я возвращаюсь в Лондон
12. Из Олдвича в Стрэтфорд
13. В канализации
14. Снова на поверхности

15. В Траншее
16. Туннель под Траншеей
17. За Кордоном
18. Картофельные поля
19. Званый ужин
20. Верити Блисс
21. Велосипедная прогулка
22. Мариотт
23. Вольные стрелки Бакингемшира
24. Пробуждение
25. На вилле у китерийцев
26. Жатва
27. Пилот боевой машины
28. В пещерах Вест-Уайкомба
29. Рассказ артиллериста
30. Странные переговоры
31. Внутри Редута
32. Пленники марсиан
33. Лаборатория
34. Сток
Книга III. Мир, охваченный войной
1. Дом в Далеме
2. На Лонг-Айленде
3. В особняке Бигелоу
4. Исход
5. Я прибываю в Торнборо

6. В Лос-Анджелесе
7. «Боудикка»
8. За дело
9. Побег из Лонг-Айленда
10. Мосты Нью-Йорка
11. Центральный парк
12. Прибытие марсиан в Мельбурн
13. В Пекине
14. Вторжение на Манхэттен
15. Уолтер Дженкинс в Далеме
16. Игра теней
17. Над Дурбаном
18. Возле Санкт-Петербурга
19. Наступление с Эльбы
20. В столицу
21. Марсиане в Берлине
22. Нью-Йоркская эдисонада
23. Мир в осаде
24. Месть марсиан
25. В игре
26. Перемирие
Книга IV. Марсиане на Земле
1. Телефонный звонок
2. Последствия
3. В Англию на монорельсе
4. Снова в Редуте

5. Подземное логово марсиан
6. «Фатерлянд»
7. Через Арктику
8. На мысе Челюскин
9. Ненадежный провидец
10. Эпилог
Послесловие и благодарности

Аннотация

С марсианского вторжения прошло четырнадцать лет. Человечество наблюдает за небом, но вполне уверено в своих силах, полагаясь на военный прогресс и заимствованные марсианские технологии. Враг уязвим для земных вирусов. Армии готовы и ждут повторного вторжения.

Лишь единицы полагают, что наученные поражением марсиане теперь сумеют адаптироваться к земным реалиям. И они оказались правы. Марсиане высадились – и избиение человечества началось.

Стивен Бакстер
Война миров 2. Гибель человечества

Stephen Baxter
The Massacre of Mankind

© Stephen Baxter, 2017
© Е. Пташкина, перевод, 2018
© И. Савченко, ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается Герберту Уэллсу, чьи идеи я здесь развил, и Обществу Уэллса.

Если астрономия чему и учит, то тому, что человек – всего лишь деталь в эволюции Вселенной и на других небесных телах неизбежно найдутся другие детали, схожие с ним, но все-таки иные. И хотя человек вряд ли встретит своего двойника, ему суждено обрести невероятное множество кузенов, рассеянных по космосу.

Персиваль Лоуэлл. Марс, 1895

Мне казалось, человечество стояло на пороге того, чтобы в полной мере осознать свое место в космосе. Весь интеллектуальный мир жил догадками и надеждами. А потом снова явились марсиане.

Уолтер Дженкинс. Летопись Марсианских войн, 1913 и 1928

Книга I. Возвращение марсиан

1. Призыв к оружию

Для тех из нас, кто выжил, Первая марсианская война была катастрофой. Но для существ куда более разумных, чем мы, и более древних, чем марсиане, для тех, кто наблюдает за нашим миром с дальних рубежей холодного космоса, это противостояние наверняка было мелким, незначительным событием, недостойным внимания.

Чем дальше планета от Солнца, тем она древнее и холоднее. Таким образом, Земля старше, чем жаркая плодородная Венера, а суровый Марс, в свою очередь, старше нашего прохладного шарика. Более отдаленные миры — Сатурн, Уран и Нептун — еще древнее и навек скованы льдом. Но Юпитер — царь всех планет, более массивный, чем все они вместе взятые, настолько же превосходящий по возрасту Марс, насколько Марс превосходит нашу планету, и согретый собственным внутренним пламенем, — должен быть населен существами, чей разум поистине велик. Теперь мы знаем, что эти существа давно наблюдали за нами — за человечеством, за Марсом, даже за невинной Венерой. Какой им виделась наша война? Быстро гаснущие искры во тьме,

отблески огня на зеленой коже нашей планеты, облачка угольно-черного дыма — беспомощное людское копошение… Юпитериане смотрели на это так, как молчаливый бог мог бы наблюдать за своими непутевыми созданиями: размышляя о непостижимом, с глубочайшим неодобрением.

И все же, как утверждает Уолтер Дженкинс, этот изучающий взгляд свыше задает тот контекст, в котором мы, некогда мнившие себя властителями всего сущего, обречены проживать свои жалкие жизни. И — как показали марсиане, наведавшись на нашу планету, — умирать своими жалкими смертями. Уолтер был прав. Этот контекст продиктовал ход всей Второй войны — и определил самый важный момент в моей жизни.

Впрочем, я, как и большинство людей, стараюсь не думать об этом и тем самым сохраняю здравый рассудок.

И, раз уж речь зашла об изучающем взгляде, я, принимаясь за собственные мемуары, не могу обойти вниманием тень, которую отбросил могильный камень, монолит, известный всем как Летопись — хроника Первой войны, записанная Уолтером, моим глубокоуважаемым деверем (если я еще могу его так называть после развода с его братом, Фрэнком); эта книга, как сказал бы

Фрейд, психотерапевт Уолтера, словно тепловым лучом выжгла в коллективном подсознании образ Первой марсианской войны. Хочу сразу предупредить моих читателей: если вы ждете рассказа о величии космоса, поданного высокопарным слогом человека, которому заплатили за всю эту писанину, то вам стоит поискать другое сочинение. Но если вас интересует честный и беспристрастный отчет о событиях, которым я стала свидетельницей, тогда я, женщина, пережившая Первую марсианскую войну и потерявшая все, что имела во время Второй, представляю на ваш суд эти скромные заметки.

По иронии судьбы эта история началась для меня задолго до того, как марсиане во второй раз ступили на Землю, — с настойчивой серии звонков Уолтера из венской больницы. Мне, в то время по крупицам выстраивавшей новую жизнь в Новом Свете, только этого не хватало. Но чувство долга взяло верх, и я откликнулась на его призывы.

Юпитер! Сумасшедший дом! Воистину это с самого начала была запутанная история.

2. Встреча ветеранов

Первые отголоски надвигающейся бури я ощутила в Нью-Йорке, а именно — в Вулворт-билдинг, где мне назначил встречу отставной майор Эрик Иден, чтобы, как он сказал, передать сообщение от Уолтера Дженкинса.

Мой юный коллега Гарри Кейн настоял на том, чтобы составить мне компанию. Гарри был из той породы нахальных американских журналистов, которые с подозрением относятся ко всему европейскому, — думаю, он был таким еще до войны Шлиффена. Я полагаю, Гарри хотел оказать мне моральную поддержку, но к этому примешивался и профессиональный интерес: ему было любопытно побольше узнать о Марсианской войне, бывшей для него лишь смутной картинкой из прошлого.

Так что мы отправились в назначенное место. Был свежий ветреный день; на дворе стоял 1920 год, середина марта. На Манхэттен обрушился снегопад — как все надеялись, последний в этом году; но главной нашей проблемой оказалась слякоть, которая подкарауливала неосторожных пешеходов на обочине, чтобы они промочили

ноги по самые щиколотки. Я помню это утро: бодрящая суета на дорогах, электрические рекламные щиты, сияющие в неярком свете дня, — чистая, наивная энергия молодой нации, которую я впитывала напоследок, перед тем как снова окунуться в дела старой недоброй Англии.

Наконец мы с Гарри вошли в здание. В вестибюле поток горячего спертого воздуха ударил мне в лицо. В те дни американцы любили как следует натопить помещение. Я расстегнула пальто, развязала платок, и мы ступили на пол из отполированного греческого мрамора, покрытый подтаявшим снегом и песком, нанесенным с улицы. В вестибюле царило оживление. Гарри со своей обычной насмешливой отрешенностью — привлекательная черта для мужчины под тридцать, хотя по описанию и не скажешь, — сказал мне, перекрикивая шум:

— Сдается мне, что твой майор Иден недавно в городе.

— И ты это понял, даже не видя его?

— Естественно. Иначе зачем бы вам встречаться здесь? В Лондоне американец назначил бы встречу в соборе Святого Павла — это тот самый, с отверстием в куполе, я верно помню? А куда пойдет британец в Нью-Йорке? Вот, пожалуйста

— самое высокое здание в мире! — Гарри протянул руку и добавил: — Кстати, а вот и он.

Человек, на которого он указывал, стоял поодаль. Он был худ, невысок и одет в костюм-визитку, казавшийся дорогим, но безнадежно устаревшим на фоне кричащих нарядов, в которые были облачены все вокруг. Если это был Иден, он выглядел моложе своих лет — майору было тридцать восемь, на шесть лет больше, чем мне.

— И ты думаешь, что это Иден, потому что…

— Он единственный, кто разглядывает мозаику.

Человек действительно глядел на потолок, который (кажется, раньше я этого не замечала) был покрыт мозаикой в романском стиле — а может, в византийском. В этом все американцы: в свежевозведенном храме мамоны они чувствовали тягу к своему европейскому прошлому, от которого давно оторвались.

Гарри направился к мужчине, бормоча под нос:

— И выглядит он как типичный англичанин за границей. При таких навыках маскировки неудивительно, что марсиане его поймали.

Я последовала за ним, фыркнув от смеха.

— Тише ты. Что ты такое говоришь? Этот человек — герой.

Эрик Иден, в конце концов, был единственным из ныне живущих людей, кто побывал внутри действующего марсианского цилиндра — его поймали в первые пару дней нашествия в 1907 году, когда военные, пребывая в неведении о природе марсиан, исследовали место первого падения в Хорселле. Эрика оставили в живых — возможно, как образец для дальнейших исследований; он смог выбраться из цилиндра, не имея при себе совершенно ничего, и немедленно направился в свою часть, чтобы сообщить бесценные сведения о марсианских технологиях.

Может, он и был героем, — но, когда мы подошли, Эрик выглядел довольно встревоженным.

— Миссис Дженкинс, я полагаю?

— Мисс Эльфинстон. После развода я предпочитаю, чтобы ко мне обращались так.

— Прошу прощения. Полагаю, вы узнали меня благодаря афишам в витринах книжных магазинов.

Гарри ухмыльнулся.

— Вроде того.

— О нашей поездке много говорили. Сейчас со мной только Берт Кук, но вскоре мы направимся

в Бостон к старику Скиапарелли — тому самому, что открыл каналы, знаете? Ему уже за восемьдесят, но он держится молодцом…

Я быстро представила Гарри, сказав, что мы оба работаем в «Пост».

— Я не читал вашу книгу, сэр, — признался Гарри. — У меня несколько другие интересы. Я сражаюсь с людьми из Таммани-холл [1], а не с Марса.

Эрик выглядел озадаченным, и я почувствовала, что пора вмешаться:

— Таммани-холл — местная политическая машина демократов. Американцы ко всему подходят с размахом, включая коррупцию. И в том цилиндре были не люди, Гарри.

— Тем не менее, — ничтоже сумняшеся продолжал Гарри, — я и сам пробовал силы в книготорговле. Всякая громкая бульварщина — вот моя стезя, раз уж у меня нет возможности торговать героическим прошлым.

— Вам повезло, — мягко сказал Эрик. Эта фраза показалась мне квинтэссенцией британской

---

[1] Примечания: 1

Таммани-холл — политическое общество Демократической партии США. Действовало с 1790-х по 1960-е годы. К 1870-м превратилось в политическую машину, продвигающую демократов на выборные посты; его лидеры не гнушались гангстеризма, казнокрадства и подкупов. — *Здесь и далее прим. пер.*

сдержанности. — Мисс Эльфинстон, Уолтер Дженкинс предупредил меня о вашей, скажем так, неготовности снова впутываться в его дела. Однако мистер Дженкинс подчеркнул важность известия, которое он хочет донести до своей семьи. Похоже, ему не удалось связаться ни с кем из родственников. Именно поэтому ему пришлось пойти кружным путем и выйти на вас через меня.

— Серьезно? Ну ничего себе! — усмехнулся Гарри и покрутил пальцем у виска. — Получается, человек хочет поговорить с бывшей женой, и единственный способ это сделать — достучаться до кого-то на другом краю света, кого он едва знает — при всем уважении, сэр, — в надежде, что он поговорит с бывшей женой его брата…

— Такой уж он человек, — сказала я, почему-то испытывая потребность заступиться за Уолтера. — Он никогда не был приспособлен к жизни.

— Видимо, даже до того как он несколько недель вынужден был скрываться от марсиан, — угрюмо добавил Иден.

Гарри, молодого, уверенного, нельзя было назвать черствым, но я видела, что он не понимает.

— Не знаю, чем вы обязаны Дженкинсу, майор

Иден. Я видел ваше интервью в «Пост», где вы ополчились на него за утверждение, будто он видел больше, чем кто бы то ни было, марсиан, пока они шатались по Англии. По вашим словам, вы видели такое, что ему и не снилось.

Эрик поднял руку.

— На самом деле я этого не говорил. Репортер, видимо, решил оживить материал — ну что ж, надо ведь как-то продавать газеты. Но я скорее считаю, что нам, ветеранам, стоит держаться вместе. И кроме того, в каком-то смысле Дженкинс действительно весьма мне посодействовал. Нельзя отрицать, что именно его мемуары в наибольшей степени сформировали в общественном сознании образ Марсианской войны. А я ведь там упомянут.

— Правда?

— О да. Книга первая, глава восьмая. Хотя по ошибке он сообщил, что я «пропал без вести». Это было весьма краткое упоминание.

Я хмыкнула:

— Вот он, хрестоматийный пример ненадежного рассказчика.

— Но он никогда не рассказывал о моих приключениях, как, скажем, и о приключениях Берта Кука, так что у меня появилась возможность

написать о них самому — и издатели озаглавили мои воспоминания «Нерассказанная история».

Гарри рассмеялся.

— Вот это деловой разговор, это я понимаю! Так что у вас за план, майор Иден? Или мы весь день будем тут околачиваться и глазеть на фрески?

— Мозаики, — поправил Эрик. — Простите. Мисс Эльфинстон, мистер Дженкинс хотел бы вам позвонить.

Гарри присвистнул.

— Из Вены? Трансатлантический звонок ударит ему по карману. Знаю, сейчас все только и твердят, что о новом подводном кабеле, и все же…

Эрик улыбнулся.

— Я так понимаю, благодаря успеху его книги мистер Дженкинс сейчас не стеснен в средствах. Не говоря уже о том, что он продал права на экранизацию, — майор взглянул на часы. — Так или иначе, Дженкинс позвонит нам в номер — в тот, где остановились мы с Бертом. Если вы согласитесь отправиться со мной…

— В каком отеле вы остановились?

— «Плаза», — с легким удивлением в голосе ответил Эрик.

Гарри расхохотался.

— Я бы удовлетворился и более скромной го-

стиницей, но Берт Кук…

— Вам не за что извиняться, — сказала я. — Но… — Я посмотрела Эрику в глаза и увидела в них кое-что знакомое — что-то такое, что я никогда не могла бы разделить с Гарри, каким бы он ни был добряком. Это был взгляд ветерана войны. — Зачем ему звонить? Неужели они могут вернуться? И почему сейчас? Момент ведь совершенно неподходящий, разве не так?

В ответ Эрик лишь пожал плечами — но он понял, о чем я говорю.

Я никогда не была астрономом, но после Марсианской войны все мы стали следить за танцем планет. Марс и Земля гоняются друг за другом вокруг Солнца, как машины на трассе Брукландс. Земля находится на внутренней орбите и потому движется быстрее, иногда обгоняя Красную планету — каждые пару лет или около того. И в эти моменты обгона, которые называются противостоянием (потому что в это время Марс и Солнце находятся в нашем небе строго друг напротив друга), расстояние между Землей и Марсом минимально. Но Красная планета движется по эллиптической орбите, как и Земля, пусть ее орбита и не настолько вытянутая, — они не ходят ровными кругами. А потому от встречи

к встрече это минимальное расстояние колеблется от шестидесяти с чем-то миллионов миль до сорока миллионов. Когда планеты оказываются ближе всего друг к другу, это называется великим противостоянием. И оно тоже циклично. Планеты оказываются на минимальном расстоянии друг от друга примерно каждые пятнадцать лет: в 1894 году, и в 1909-м, и в 1924-м…

Я процитировала по памяти:

— До следующего великого противостояния еще четыре года. Атака 1907 года произошла за два года до последнего такого противостояния. Соответственно, в ближайшие два года они не вернутся — если они вообще вернутся. Но если они хотят нарушить традицию и прилететь в этом году, тогда, возможно, они уже в пути. В этом году противостояние случится 21 апреля…

— И, как раструбили все газеты, включая нашу, — вклинился Гарри, — запуск в таком случае состоялся бы 27 февраля — две недели назад.

Еще немного мрачной логики. В 1907 году планеты максимально приблизились друг к другу 6 июля. Цилиндры начали приземляться ровно за три недели и один день до этой даты, а выстрелы из огромных марсианских пушек, в свою очередь, начались за четыре недели и четыре

дня до этого.

Но все мы знали, что, даже если астрономы заметили на Марсе что-то подозрительное, никто из нас об этом не услышал бы. После Марсианской войны власти засекретили все астрономические исследования. Предположительно, это было сделано затем, чтобы пресечь панику, которая поднялась во время противостояний 1909, 1911 и 1914 года, и остановить тех, кто бездумно поднимал переполох, повлекший за собой смуту в деловых кругах и так далее, в то время как ни единый марсианин не высунулся из цилиндра. В итоге, по крайней мере в Британии, это привело к тому, что владение нелицензированным телескопом стало уголовным преступлением. В этом была своя логика, но, с моей точки зрения, такая секретность вызвала только больше страха и сомнений.

Получается, даже сейчас цилиндры могут нестись сквозь космическое пространство — по направлению к нам! Зачем бы еще Уолтеру пытаться выйти со всеми нами на связь? Но такой уж он был человек — он всегда говорил обиняками. Некоторое время я пребывала в раздумьях, но неожиданно повисшее напряжение требовало действий.

— Что ж, давайте ответим на звонок, — сказала я так решительно, как только могла. Я взяла Эрика под руку, Гарри придержал меня под локоть, и мы втроем вышли из вестибюля. — Думаю, я как-нибудь протяну час-другой в роскошных интерьерах «Плазы».

— А мне не терпится встретиться с этим Куком, — добавил Гарри. — Если хотя бы половина его слов — правда, он презанятный тип!

3. Артиллерист в Нью-Йорке

Мы взяли такси в отель и отправились на пересечение 58-й улицы и 5-й авеню. Главный вход «Плазы», если вы вдруг не знаете, выходит на Великую армейскую площадь, посвященную победам Армии Союза в Гражданской войне. С 1922 года на ней появились также монументы, связанные с другим военным конфликтом. Но тогда это было впечатляющее зрелище.

Номер Эрика был именно таким роскошным, как я и ожидала, — с пухлыми креслами и великолепным видом на площадь. На низком стеклянном столике возвышалась закупоренная бутылка шампанского. Комнату наполняли слегка дребезжащие звуки регтайма, исходившие из радиоприемника. Это был не один из тех маленьких «народных приемников» казенного вида, известных как «мегафоны Марвина», какие в те годы можно было найти в любом британском доме, а добротная американская техника в ореховом корпусе.

И в этом антураже Альберт Кук, одетый в халат, возлежал на диване и лениво листал цветное приложение к какой-то газете. Когда я впервые

оказалась в американском отеле, меня совершенно ошеломила такая роскошь, как собственная ванная, телефон в номере и каша на завтрак. Но Кук явно чувствовал себя в этой обстановке как рыба в воде.

Кук казался чуть старше Эрика — на вид ему было лет сорок; у него были аккуратно подстриженные черные волосы с проседью, а нижнюю часть лица пересекал багровый шрам (хотя позднее до меня дошли слухи, будто Кук специально подкрашивал его для пущего эффекта). На комоде лежал потрепанный фолиант — один-единственный экземпляр его книги, зато посреди комнаты возвышалась стойка с плакатом, изображающим Кука в изодранной униформе и с какой-то дубинкой в руках. Надпись на плакате гласила:

Воспоминания артиллериста

Эрик представил нас. Кук не поднялся с дивана. Он что-то буркнул Гарри и смерил меня взглядом с ног до головы, явно разочарованный при виде женщины, одетой в скромный брючный костюм. Надеюсь, что я ответила ему достаточно испепеляющим взором. Со времен Первой войны я отказалась от одежды, в которой было неудобно ездить на велосипеде, и остановила свой выбор

не на изящных модных костюмчиках, а на простых и грубых, какие носили работницы военных заводов, — и мне было все равно, что Кук думает по этому поводу.

Он снова уткнулся в журнал.

— Так что, Эрик, у нас полчаса до этого проклятого звонка?

Эрик вынул шампанское из ведерка — в бутылке оставалось не более трети. Он виновато взглянул на меня.

— Если хотите, могу заказать еще.

Мы с Гарри помотали головой.

— Пожалуйста, садитесь. Давайте я возьму ваши пальто…

— И не беспокойтесь, я не буду вас смущать, — лениво протянул Кук. — Когда профессор позвонит из своей заокеанской психушки, я тотчас же уйду. Мне с ним говорить не о чем — с тех самых пор, когда он в Путни вылакал мое пойло, обыграл меня в шахматы и удрал, — не успели мы приняться за работу.

Гарри рассмеялся.

— Ну слушайте, мы же все читали книгу. Какую еще работу? О какой бы грандиозной схеме с подкопами вы ни мечтали…

— Это все с его слов. Спесивый ученый индюк!

Надо было его засудить.

— С таким же успехом вы могли бы засудить Чарли Чаплина.

Кук нахмурился: Гарри наступил на больную мозоль. Слава Чаплина была во многом построена на единственном образе — «маленьком солдатике», комическом добряке-артиллеристе в форме не по размеру, который вечно мечтал стать генералом, в то время как его пушки то и дело взрывались в клубах дыма. Даже более толстокожий человек, чем Альберт Кук, заметил бы, откуда растут ноги у этого персонажа. Но Кук, в конце концов, послужил просто точкой отсчета для создания образа.

Я вклинилась в попытке сгладить недостаток такта своего коллеги:

— Не думаю, что хоть кто-то из нас выглядел достойно в книге Уолтера. Я до сих пор не смирилась с тем, как он представил меня миру.

Описывая, как его брат помогал нам с невесткой отбиться от грабителей, Уолтер использовал слова, которые надолго впечатались мне в память. «Второй раз за этот день девушка обнаружила недюжинное присутствие духа…» [2] Как будто

---

[2] Примечания: 2

Здесь и далее «Война миров» Г. Уэллса цитируется в переводе Михаила Зенкевича.

все девушки — трусливые создания! И так далее. Меня могли бы с позором вышвырнуть из рядов суфражисток, пока их движение еще не запретили!

Берт Кук меня не слушал — как я выяснила впоследствии, для него это было типично.

— Надо было его засудить, что бы там ни говорили адвокаты.

Эрик покачал головой.

— Не глупи. Он сделал тебя героем! Пускай и без умысла. Я слышал, как ты рассказывал на публике — сам знаешь, как народ падок на такие детали, — о том, как толпа устремилась прочь от марсиан, а ты единственный отправился им навстречу, сообразив, что там может быть еда…

Конечно, я вспомнила этот отрывок:

— Я питался около марсиан, как воробей около человека.

— Да, это обо мне, — теперь Берт смотрел на меня, словно рассчитывая впечатлить. — Хотя я никакой не воробей. Я все продумал, понимаете? И тогда, и сейчас. И тут вдруг он появляется из ниоткуда и хочет с вами поболтать. Что же он, интересно, хочет обсудить? То, как Зигмунд Фрейд каждый день ставит ему клизму, — он ведь его приводит в чувство с самого 1907 года?

Он вдруг посерьезнел:

— Или речь о Марсе? Скоро новое противостояние — это всем известно. Может быть, Уолтер что-то выяснил? Ему ли не знать, в конце концов!

Я повернулась к Куку.

— Вы презираете его за ученость и эрудицию, считаете его слабаком — и все же хотите узнать, что за сведения он хочет до нас донести?

— Если марсиане и вправду предприняли новую попытку, разве я не имею права об этом знать? Уж кто-кто, а я точно имею!

Он встал, пошатываясь, схватил бутылку шампанского за горлышко и проковылял к двери.

— Мой выход… во сколько он там, Иден?

— В шесть часов. В том книжном на Бродвее, который…

Кук громко рыгнул и подмигнул мне с сальной улыбочкой.

— А потом посмотрим, кто чего стоит, а? Представьте себе, юные, пышущие здоровьем американки так и льнут к тем, кто прошел через ужасы войны. Как там говорится — «выживает сильнейший»? «Как воробей около человека…» Ха!

Думаю, все мы почувствовали облегчение, когда за ним закрылась дверь.

Затем последовало несколько минут неловкого молчания, пока мы ждали звонка от Уолтера. Мы разрешили Эрику заказать для нас кофе, и его принесли на подносе с грудой сладких кексов.

— Так что, мисс Эльфинстон… Джули?

— Да, майор, меня зовут именно так.

— От чего это сокращение? От Джулии? От Джульет?

Гарри хмыкнул.

— Ни от чего. Меня просто назвали Джули. Я родилась в 1888-м, в том самом году, когда в театрах шла «Мисс Джули» Стриндберга, и мою маму она очень впечатлила.

Эрик кивнул.

— Получается, когда прибыли марсиане, вам было девятнадцать.

Я пожала плечами.

— Я была уже взрослая.

— Мне самому было всего двадцать пять. Многие из моих людей были старше. В армии солдаты идут за сержантами, а не за офицерами. Что ж, тем лучше! Но, знаете, во время войны Шлиффена и русские, и немцы вербовали и более юных рекрутов — когда бои затянулись…

Мне стало интересно, откуда он об этом знает. Давно ходили слухи о британских «советчиках»

на стороне Германии, которые применяли на восточных полях сражений экспериментальные виды оружия и методы ведения боя. Люди мрачно намекали, что кое-что из этого основано на марсианских технологиях.

— Хорошо, что мы остались в стороне от этого, — продолжил Эрик. — Французов ведь мигом отправили в нокаут, — он изобразил боксерский двойной удар. — В школе я неплохо боксировал. Конечно, с тех пор подрастерял мастерство…

Гарри прыснул со смеху, затем осекся и извинился.

Наконец, к нашему общему облегчению, зазвонил телефон.

Эрику пришлось пообщаться с целой чередой телефонисток: в отеле, на новой трансатлантической телефонной станции и наконец в Вене. У последних, с его слов, был «сильный немецкий акцент, но хорошее произношение». Наконец он передал трубку мне.

К своему удивлению, я услышала не Уолтера, а другого человека — он говорил по-английски звучным, хорошо поставленным голосом.

— Миссис Дженкинс?

— Лучше называйте меня мисс Эльфинстон.

— Ммм… Да, в истории болезни вашего деверя

была пометка. В таком случае приношу извинения. Дозвониться до вас через океан — и начать с такой ошибки!

— С кем я говорю? Где Уолтер?

— Еще раз прошу меня простить. Меня зовут Чарльз Сэмюэл Майерс. Я один из докторов, которые в последние несколько лет лечили мистера Дженкинса от неврастении.

Я нахмурилась.

— От неврастении?

Эрик Иден скривился.

— Рядовые, которые видели марсиан воочию, называли это тепловым ударом. Или, как выражается Берт, горячкой. Или колотуном…

Гарри снова покрутил пальцем у виска.

— Джули, ты разговариваешь с чокнутым!

4. Ненадежный рассказчик

Тепловой удар. Горячка. Колотун. Неприглядные солдатские словечки для еще более неприглядного состояния.

Позже я узнала, что мой деверь впервые столкнулся с этими словами, когда его отправили на обследование к доктору Майерсу в военный госпиталь Крейглокхарт близ Эдинбурга. Это было осенью 1916 года, спустя целых девять лет после войны.

Майерс вел прием в пыльном кабинете, который, возможно, некогда служил курительной комнатой. Там лежали книги — воспоминания о Марсианской войне, специально выставленные напоказ, как подумалось Уолтеру; там были и его собственные воспоминания, и первая из книжек Берта Кука, в которой он сам себя восхвалял. Но на столе высились свидетельства другой войны, в основном на немецком, — сводки с восточного фронта войны Шлиффена, которая тогда еще была в разгаре.

— Тепловой удар, — произнес Майерс. — Термин, который вошел в обиход после Марсианской войны. Но само это состояние наблюдалось и

раньше. Во время Второй англо-бурской войны хирурги британской армии сообщали о похожих симптомах у солдат, которые побывали под артиллерийским обстрелом; наблюдалось это и еще раньше, в Америке, во время Гражданской войны. И, конечно, начиная с четырнадцатого года немцы на востоке и их противники русские стали давать этому свои имена. Боязнь пушек, контузия, военный невроз — так можно перевести их термины. Я был первым, кто описал этот феномен в рецензируемом журнале — в «Ланцете».

— Рад за вас, — сказал Уолтер. Он чувствовал себя крайне неуютно. В то время ему было пятьдесят, и, по собственному признанию, после войны он уже не казался себе сильным и крепким. Его до сих пор беспокоили ожоги, в особенности на руках. Тогда, как он рассказал позднее, он почувствовал себя в ловушке. — Но я не понимаю, какое это имеет отношение ко мне.

— Я же вам говорил, — терпеливо сказал Майерс. — Я верю, что немецкая боязнь пушек — это тот же психологический феномен, что и колотун, о котором говорит Кук. И к вам он имеет самое непосредственное отношение — в этом можно убедиться, читая ваши мемуары.

Уолтер возмущенно вскинул голову.

— На меня обрушилось много критики из-за того, что мои воспоминания сочли, как выразился Парриндер, «недостоверными». Я писал эту книгу как честный отчет о том, что пережил во время войны, и привел в ней свои последующие размышления, поскольку я верю, что попал в уникальную…

— Да-да, — прервал его Майерс, — но самое уникальное в вашей ситуации то, что в этой книге — в отличие от многих воспоминаний о войне, как, например, героические рассказы Черчилля или хвастливые мемуары типов вроде Альберта Кука, — вы дали честное и пронзительное описание собственного душевного недуга. Разве вы не видите? Недуга, от которого вы в определенной степени страдали еще до войны. Даже до начала сражений вы явно испытывали трудности: ваши отношения с женой дали трещину…

— Я признаю, что пережитое во время войны стало для меня тяжелым ударом. Ни один человек, способный мыслить и чувствовать, не может пройти через такое, не изранив душу. Но чтобы у меня было психическое расстройство еще до войны? Доктор, с этим я не согласен.

— Но вы сами об этом пишете своими собственными словами. Книга первая, глава седьмая.

«Наверное, я человек особого склада и мои ощущения не совсем обычны». Воистину необычны! Вы описываете чувство отчужденности от мира, даже от самого себя, как будто вы наблюдаете за собственной жизнью со стороны… До начала войны вы предавались утопическим мечтаниям, не так ли? Вы грезили об идеальном мире, глядя на него откуда-то извне, и об идеальном человечестве, для которого вы тем не менее остались бы лишь необязательным дополнением… Но когда явились марсиане — посмотрите, как вы сами описываете свою реакцию на вторжение! Вы говорите, что в панике бежали из Хорселла, где они совершили первую высадку, — и вскоре после этого пришли в себя как ни в чем не бывало. Как ни в чем ни бывало! — он щелкнул пальцами. — Вы продемонстрировали удивительную смесь страха с любопытством: вы были охвачены ужасом — и все же не могли остаться в стороне от зрелища, от таинственного, необычного происшествия. Вы даже упоминаете, что кружили в поисках — как вы это сказали, «более удобного наблюдательного пункта»? Ха! В вас боролись две силы — любопытство и страх. А что до вашей отчужденности от людей — вы ведь можете быть очень жестоким, не так ли? Чтобы спасти жену,

вы взяли двуколку у… у…

— У местного трактирщика.

— Именно! И обрекли человека, который в тот момент был хуже вас осведомлен о происходящем, на смерть. А позже вы и сами стали убийцей — разве не так? Тот священник, о котором вы писали, — вы хотя бы потрудились узнать, кто он, как его имя? Его звали Натаниэль…

— Что толку с того, что я бы это узнал? И я верю, что в темную ночь души, в разгар войны, этот… был оправданным.

— Оправданным с чьей точки зрения? Вашей? Господа Бога? Священника? Даже ваша фраза про «темную ночь души» — цитата из средневекового мистического текста! Вы апеллируете к Богу — в то время как сами написали целую книгу, чтобы оспорить его существование!

— И все же я вырос в лоне этой древней религии, под сводами ее проржавевшего здания, — с явным неудовольствием сказал Уолтер. — Чтобы попасть на первое место работы, стать учителем, мне даже пришлось пройти конфирмацию! И, когда человеческий разум сталкивается с невообразимым, с тем, что выходит за рамки его представлений о мире, он может попасть в ловушку привычного мифа…

— А убийство тоже было для вас невообразимым — прежде чем вы его совершили? Вы, наверное, скажете, что вас подтолкнули к нему марсиане?

— Да, подтолкнули, именно так. Оно не было умышленным.

— Не было? Вы уверены? Вы же из тех людей, кто чувствует отчужденность от собственного разума, не забывайте! И, судя по всему, временами и от собственного сознания.

— О чем вы говорите?

— О последней части вашей книги. Вы описываете сильнейший шок при виде марсианской техники, заполонившей привычную сельскую местность, — «чувство развенчанности», кажется, так вы выразились. Очень хорошо. Но в конце войны — когда, как вы заметили, вы были не первым, кто обнаружил, что марсиан истребила болезнь, — вы три дня были в беспамятстве. Классический случай помрачения сознания. Вы написали эту книгу в тринадцатом году, через шесть лет после окончания войны, — и рассказали в ней о видениях, о воспоминаниях, которые продолжали вторгаться в вашу жизнь. Вместо живых людей вы видели призраков, «тени мертвого города». И так далее, и тому подобное. — Он

посмотрел на Уолтера, и на этот раз в его лице читалось сочувствие. — Дженкинс, ваши отношения с женой потерпели крах. Как вы думаете, почему?

Это поразило Уолтера в самое сердце.

— Но я провел в ее поисках большую часть войны.

— Да, так вы говорите, — Майерс постучал по обложке книги. — Именно так вы здесь и говорите. Но давайте посмотрим, что вы делали! Вы отправились в Уэйбридж и в Лондон — но не в Лезерхэд, где укрывалась ваша жена; на север, навстречу марсианам, а не на юг, к семье. Вот что вы делали.

— Но ведь марсиане… все было не так просто. Третий цилиндр упал в Пирфорде, между Уокингом и Лезерхэдом, и я…

— Ну бросьте! Для этого было необязательно идти кружным путем через центр Лондона. Кстати, вы знаете, что в своей книге так и не назвали жену по имени — ни единого раза?

— Как меня зовут, я тоже не упоминал. Или, если уж на то пошло, как зовут моего брата. Или артиллериста Кука. Это был литературный прием, призванный…

— Литературный прием? Вы привели имя ко-

ролевского астронома. Имя коронного судьи! И не назвали имени собственной жены? Как она, по-вашему, это восприняла? И разве вы не поседели? Всего за несколько дней, во время войны.

— Но… но…

— Трудно найти более явный признак недуга — как физического, так и душевного. — Майерс откинулся в кресле. Я хочу сообщить вам, сэр — и я уже написал об этом в «Ланцет», — что вы страдаете от неврастении — она же горячка, колотун, боязнь пушек. Ее симптомы включают в себя нервный тик, задержку речи, паралич, кошмары, повышенную чувствительность к звукам, тремор, амнезию, галлюцинации. Знакомо, не правда ли? Ваш случай, по сравнению с аналогичным заболеванием у обычного солдата с Восточного фронта, примечателен тем, что вы обладаете внятной речью, живым умом, навыками самоанализа — и вы старше. Все это делает вас превосходным образцом для изучения. Сэр, наше правительство, в особенности военные власти…

— Ха! Разве между ними есть разница — теперь-то, с нашим дражайшим премьер-министром Марвином?

— …побудили меня отправить вас на лечение. В этот госпиталь — и в другие больницы Германии,

где изучают боязнь пушек. Хотите ли вы принять участие в моем исследовании? Это окажет на вас благотворное воздействие, и к тому же есть шанс, что таким образом мы выработаем более эффективный способ лечения солдат, переживших подобную травму, — вне зависимости от происхождения.

— А у меня есть выбор?

— Но на этот вопрос, — сказал мне Уолтер, чей шепот то и дело прерывало потрескивание длинных тончайших проводов, которые нас соединяли, он не дал ответа. Думаю, что и не мог дать, поскольку считал себя высокоморальным человеком. Конечно, выбора у меня не было.

Я широко распахнутыми глазами поглядела на Гарри — они с Эриком Иденом слушали наш разговор, склонившись над второй трубкой. Я не знала, что сказать. Несмотря на то что Майерс пытался подготовить нас к разговору, беседа с самим Уолтером повергла меня в растерянность.

— Уолтер, — начала я, — я бы не принимала всерьез всю эту болтовню о Кэролайн. Ты ведь помнишь, я рассталась с Фрэнком, а он даже книги про меня не писал!

— Ох, боюсь, у нас с братом слишком много общего. Он стремится к высшей цели, и это порой

служит причиной его отчуждения от людей, даже от самых близких…

— А как тебе лечение?

В 1916 году, в разгаре своей завоевательной войны, немцы волей-неволей стали первопроходцами в том, что касалось излечения от этой болезни — «боязни пушек», как они ее называли. Но их подход был обусловлен их культурой. Поддаться страху было позорно и постыдно. И потому их метод лечения, известный как «метод Кауфмана», был основан на психологическом давлении и — как ни трудно мне было в это поверить — на причинении боли.

— Меня отправили к доктору Йелланду. Он был британцем, но последователем Кауфмана и применял технику, которую называл фарадизацией. Он воздействовал напрямую на симптомы с помощью электричества. Например, если у человека были проблемы с речью, в его язык и гортань посылали электрические разряды, его запирали в комнате и привязывали к креслу до тех пор, пока он не начинал говорить.

— О господи! И это работало?

— Да! Процент излечившихся называют «поистине чудесным». Вот только не упоминают о том, что в большинстве случаев болезнь возвра-

щается.

— А в твоем…

— Йелланд старался «излечить» меня от плохих воспоминаний. Возможно, ты помнишь, что я во время Войны получил ужасные ожоги — особенно пострадали руки. И временами, когда мне снятся кошмары о заточении или бегстве или когда я вижу на лондонских улицах призраков минувшего, мои старые раны ноют — словно бы из солидарности. Намеренно уязвляя пораженные участки, Йелланд пытался разорвать связь между воспоминаниями и физической болью, таким образом стараясь избавить меня от гнета памяти — так он это видел.

— И в итоге…

— После пары сеансов я решил прекратить лечение, — только и сказал он.

— И были совершенно правы! — с чувством произнес Эрик.

— Не сказал бы, что у этой процедуры есть преимущества перед курортным лечением, — сухо заметил Уолтер.

После этого Уолтером занялись Майерс и его коллега, Уильям Риверс, который, будучи последователем Фрейда, со скепсисом относился к фарадизации и схожим методикам.

— Теперь я обретаюсь куда в более приятном предместье Вены, и вместо разрядов у меня разговоры — с Фрейдом и его учениками. Мы все говорим и говорим, а доктора пытаются понять, как травма, угнездившаяся глубоко в раненой душе, влияет на поведение человека. В этом действительно что-то есть — но я, как и британские врачи, скептически отношусь к утверждению Фрейда, будто в основе любого душевного порыва лежит сексуальное влечение. Возьмите марсиан — вот вам и контрпример!

Насколько нам известно, у марсиан вовсе нет понятия пола — у нас есть физические свидетельства того, что они воспроизводили себе подобных, не вступая в половой контакт. Как же к ним применить метод Фрейда? И при этом они разумные существа, у них явно есть мотивы…

Я перевела взгляд на своих спутников. Пора было переходить к сути.

— Уолтер, не надо сейчас беспокоиться о марсианах. Мне жаль слышать о твоих злоключениях. Я сочувствую тебе. Возможно, ты знаешь, что я уехала из Британии после выборов одиннадцатого года, когда к власти пришел Марвин со своими напыщенными громилами. Помню, как солдаты в форме маршировали за каретой во время ко-

ронации Георга… Я бы не хотела вслед за тобой оказаться у них в руках. Но ты позвонил, чтобы что-то мне сообщить.

— Я отчаянно пытался выйти на связь хоть с кем-то. Не только с тобой, но и с Фрэнком, и с Кэролайн… Я не нашел другого пути, кроме как достучаться до тебя, Джули. Я не мог сам узнать, где именно ты живешь в Нью-Йорке, поэтому попросил майора Идена передать тебе мое послание. Надеюсь, ты поймешь, ради чего я это затеял. Ты всегда…

— «Обнаруживала недюжинное присутствие духа», как ты выразился в своей книге?

— Прости меня! Послушай: я предлагаю тебе вернуться в Англию. Время еще есть. Садись на пароход — средств у меня хватает. Собери семью, и я позвоню снова. Возможно, стоит остановиться возле Уокинга — дом, где жили мы с Кэролайн, давно продан, но…

— В чем дело, Уолтер? Объясни мне хоть что-нибудь.

Так началось необычайное путешествие, которое привело меня из фойе самого высокого здания в мире к подножию марсианского треножника в Лондоне — и повлекло дальше.

Но пока что Уолтер сказал только одно:

— У меня плохие новости с неба.

5. Я возвращаюсь в Англию

Я стала искать подходящий пароход и узнала, что «Лузитания» готовится к отплытию. Раз уж Уолтер готов все оплатить, почему бы не совершить путешествие со вкусом? Вскоре я раздобыла билеты для себя — и для Эрика Идена с Альбертом Куком, которые, услышав мрачные намеки Уолтера, решили свернуть свой тур по Америке, принеся извинения профессору Скиапарелли. Марсианская война определила собой все течение их жизни; конечно же, они не могли не последовать за мной.

Не то чтобы в тот момент я горела желанием сразу же отправиться в путь. Гарри Кейн, мой бравый рыцарь, разделял мои чувства.

— Если ты американец, в Англии тебе сейчас придется несладко, — сказал он. — Стоит открыть рот, как по говору все сразу поймут, что ты янки, — и любой коп сочтет своим долгом к тебе прицепиться. А Букингемский дворец у них при этом охраняют немцы. И где тут логика?

— Это политика, ничего не поделаешь.

Он хмыкнул.

— Лично я считаю, что это марсиане во всем

виноваты. Как по мне, здесь, по эту сторону океана, Марсианская война, конечно, считалась большим событием, вызвала панику и все в таком роде, — но когда она кончилась, то стала восприниматься как природный катаклизм, все равно что извержение вулкана в Йоркшире или где-то там.

— Ты вообще знаешь, где находится Йоркшир?

— Да вы пропали с передовиц, как только очередной сорвиголова спрыгнул с Бруклинского моста! И кайзер не перестал двигать своих оловянных солдатиков по карте Европы, правда же? Но вы, британцы, кажется, так и не оправились от марсиан.

Я была вынуждена кивнуть.

— Ты проявляешь чудеса проницательности. Так что не позволишь моему деверю оплатить тебе недельный круиз?

— Как-нибудь в другой раз, крошка.

Мы вскользь попрощались — тогда я не могла предположить, что еще очень нескоро увижу Гарри Кейна.

Минуло два дня после звонка Уолтера, и пора было отправляться в путь. Сборы не отняли у меня много времени. Я привыкла путешествовать налегке с того самого ужасного утра, когда

я гостила у своего брата хирурга Джорджа и его жены Элис в Стэнмуре — и брат, вернувшись с вызова из Пиннера, сообщил нам новости о марсианском вторжении. Он усадил нас в коляску, пообещав, что встретится с нами в Эджуэре, после того как оповестит соседей. Для нас это было то еще приключение — вы наверняка знаете о нем со слов Уолтера, который относительно достоверно описал его в своей Летописи. Ведь по пути мы столкнулись с его братом, моим будущим мужем Фрэнком, и в итоге наша история оказалась известна широкой публике. Но Уолтер с присущим ему пренебрежением к деталям, касающимся человеческих судеб, не счел нужным рассказать о бесследном исчезновении моего брата, Джорджа Эльфинстона, которого мы так и не встретили.

Кук и Эрик ждали меня на пристани. Лайнер «Лузитания» был настоящим плавучим отелем — с электрическими лифтами и телефоном в каждой каюте. Это быстроходное судно должно было легко перенести нас через океанские волны — плавание занимало меньше шести дней. Конечно, в то время не было более быстрого способа пересечь Атлантику: огромные цеппелины больше не летали над океаном, и всего год прошел с тех пор, как Алкок и Браун совершили

перелет между материками на военном самолете с полным баком горючего — такие самолеты впервые появились на Восточном фронте войны Шлиффена.

Путешествие успело вымотать меня, еще не начавшись. Нам пришлось провести лишние сутки в доке, пока в гавани собирался конвой: около двадцати кораблей, включая наш — самый крупный пассажирский лайнер, — несколько торговых судов, а также американские эсминцы, оснащенные гидролокаторами и глубинными бомбами и готовые дать отпор немецким подлодкам. С первых недель войны Шлиффена, которая грянула в 1914 году, ни одна немецкая торпеда даже не поцарапала американский корабль, и тот факт, что подобные меры предосторожности полагали необходимыми, говорит о напряжении, царившем в то время между странами.

Но во всем этом были и свои положительные стороны: конвой направлялся в Саутгемптон, а не в Ливерпуль, где обычно причаливала «Лузитания», — таким образом, мы должны были высадиться ближе к Лондону.

Во время плавания я в основном проводила время в корабельной библиотеке; Эрик облюбовал гимнастический зал, а Кук — салон первого

класса с витражными стеклами, мраморными колоннами и трепетными барышнями. Пассажиры то и дело мрачно перешучивались. Говорили, нам повезло, что в нашем конвое не было «Титаника», корабля судоходной компании «Уайт стар», который многие считали проклятым: он едва не пошел на дно после столкновения с айсбергом в первом же плавании — и уцелел только благодаря броне из алюминиевого сплава, в состав которого входил и марсианский металл.

Как только мы причалили в Саутгемптоне, на борт взошли пограничники в черной форме. Их сопровождало несколько обычных солдат в хаки. Мы, трое британских подданных, чьи документы проверили еще на борту, быстро сошли на пристань, в то время как граждане Америки и прочие иностранцы — как и предсказывал Гарри — остались для дальнейшего досмотра. Когда мы покинули корабль, громоздкий багаж двух моих попутчиков был отправлен в лондонский отель.

На выходе из пассажирского терминала нас встречал Филип Паррис, кузен Уолтера Дженкинса. Тогда ему было за пятьдесят. Это был грузный, широколицый тип. Он напомаживал свои черные с проседью волосы и одевался в строгие костюмы, дополняя их, как правило,

темным галстуком и жилетом, поверх которого красовалась толстая цепочка для часов. Он во всем производил впечатление человека делового и представительного — и достаточно надежного, чтобы некто вроде Уолтера Дженкинса доверил ему благополучие трех путников вроде нас, занесенных ветром из-за океана. Точно так же он некогда вверил собственную жену чужим заботам в хаосе Марсианской войны, пока сам носился за пришельцами по просторам Англии, как слепень за лошадью. В своих мемуарах Уолтер пренебрежительно отозвался о Филипе как о человеке храбром, но не настолько, чтобы быстро реагировать на опасность. Ха! Я бы скорее предпочла иметь на своей стороне такого человека, как Паррис, нежели такого, как Дженкинс.

Филип тут же отвел нас на стоянку и рассказал о своих планах. Он намеревался отвезти нас в отель, а потом, через пару дней, — в Уокинг, где должна была собраться семья Уолтера.

— Надеюсь, пограничники не слишком вас утомили?

Эрик Иден покачал головой.

— Они просто делали свое дело. Но когда они всей толпой поднялись на борт… столько мундиров я не видел с тех самых пор, как покинул

Инкерманские казармы.

Филип фыркнул.

— Это вы еще не были в Лондоне. Все из-за Марвина — как по мне, он чересчур близко сошелся с кайзером.

Мы подошли к его автомобилю — новенькому «бентли». Его рама, почти полностью алюминиевая, блестела в жидких лучах мартовского солнца.

Кук, присвистнув, провел пальцем по изящным изгибам капота.

— Что за красотка!

Филип улыбнулся в ответ:

— Как есть красотка! Английский алюминий — или лучше сказать «марсианский», полный бак турецкого бензина и лучшая кожа с французских распродаж. И это не только из любви к роскоши! Я сейчас занимаюсь алюминием, и мне нужно рекламировать свой товар. Сейчас мы свернем на восток, на Портсмут-роуд. Держите документы под рукой. Нам нужно будет проехать через Суррейский коридор — вам, вероятно, будет интересно на это посмотреть, но стража у ворот нынче довольно дерганая…

Суррейский коридор? Стража у ворот? Меня долго не было в Британии, но я помнила, что в

Европе даже для пересечения государственных границ не нужно предъявлять документы — не говоря уже о путешествии по Англии.

Филип усадил нас в автомобиль. В салоне пахло лаковой кожей.

Возле Портсмута Филип по просьбе Кука свернул с главной дороги и заехал на возвышение, с которого открывался вид на город и гавань. Портсмут всегда был главным портом Королевского флота, и Английский канал бороздило множество кораблей. В весенней дымке они казались призрачными. Из труб валил черный дым и рассеивался на ветру.

Кук и Эрик, оба военные, были заворожены этим зрелищем.

— Что-то затевается, — пробормотал Кук. — Глядите, сколько судов.

— Жаль, что у меня нет с собой бинокля, — сказал Филип. — Среди вас кто-нибудь разбирается в кораблях? Не все суда здесь наши. Есть немецкие, а есть и французские, конфискованные во время войны Шлиффена. — Он быстро оглянулся, словно заговорщик. — С американцами сейчас напряженные отношения. В моем клубе ходят слухи… Поговаривают, что кайзеру, который занял всю Европу, снова не сидится на месте.

Сначала немцы вступили в войну в Европе, чтобы быстро обескровить Францию и получить возможность ударить по России, пока она не мобилизовала войска, — а теперь планируют захватить Америку, пока та не стала слишком серьезным противником. У Америки, как вы знаете, достойный флот, но очень маленькая регулярная армия, да к тому же сложности с соседней Мексикой. Если немцы смогут переправить флот через Атлантику, а мексиканцев убедят пересечь границу…

— Это безумие, — проговорил Эрик. — Только и разговоров, что о войне. Всех держат в панике.

— И под контролем, — вставила я.

— Вините в этом кайзера, — сказал Кук. — Он силен — и побеждает на одном континенте. Может победить и на другом — почему нет?

Я наблюдала за всеми военными перипетиями издалека. В каком-то смысле все это началось еще во времена Марсианской войны. Британский флот, лучший в мире, оказался бессильным против угрозы с неба. Когда мы с Фрэнком отплывали из Англии на пароходе, мы видели ла-маншскую эскадру, выстроившуюся вдоль устья Темзы, — как выразился Уолтер, моряки «зорко наблюдали за победоносным шествием

марсиан, бессильные, однако, ему помешать». Так что после войны случились масштабные перестановки: финансирование резервной армии было повышено, а флота — напротив, урезано. Все это сопровождалось причитаниями об утрате традиций и жестким соперничеством между разными видами войск. Частью этой стратегии стало подписание с кайзером в 1912 году довольно унизительного пакта о ненападении — это было сделано во избежание гонки военно-морских вооружений.

После ужасов марсианского вторжения милитаристская направленность Марвиновского режима срезонировала с общими настроениями. Отдельные предприимчивые дельцы обернули это в свою пользу: портные стали шить униформу, кожевники — изготавливать портупеи, кобуры, сапоги и прочее обмундирование, а военные заводы неустанно штамповали оружие, готовясь кинуть его в разверстую пасть грядущих войн…

Все это в конце концов привело к тому, что в 1914 году союзники нас предали.

Филип потер подбородок.

— Что бы вы ни думали о национальных интересах и обо всем подобном, многие из нас испытывали жгучий стыд из-за того, что мы

стояли в стороне, когда Германия обрушилась на Бельгию и Францию всей мощью своих машин — тем более что мы сами пережили такую атаку со стороны марсиан. Неудивительно, что у американцев все это вызвало отвращение.

— Мы, слава богу, в то время изливали свою желчь на ирландцев, — с циничной усмешкой сказал Кук. — А что до войны янки с немцами — возможно, марсиане снова к нам пожалуют, и она кончится, не начавшись.

В этом был парадокс Альберта Кука. Его нельзя было назвать умным человеком в привычном смысле слова, и он явно был малообразованным, но он умел ухватить общую картину. И его последнее предсказание, высказанное в шутку, конечно же, оказалось правдивым.

Филип завел машину.

— Не будем медлить. Я знаю в Петерсфилде неплохой бар, где можно перекусить…

6. Суррейский коридор

Едва перевалило за полдень, когда я узнала, что такое Суррейский коридор, о котором говорил Филип.

Мы ехали через Гилфорд. Когда мы миновали Хай-стрит, перед поворотом на Лондон-роуд дорогу преградил шлагбаум — вроде тех, что бывают на железнодорожных переездах. Филип замедлил ход, и мы пристроились к небольшой веренице машин: шлагбаум поднимался и опускался, пропуская их одну за другой.

Когда пришел наш черед, к окну водителя подошел полицейский. Он был одет в форму, но на ней не было личного номера, а из кобуры на поясе торчал револьвер. Филип предупредил, чтобы мы заранее приготовили документы. Их унесли в небольшую будку на обочине дороги и тщательно изучили. Мне ожидание показалось невыносимо долгим, но Эрик и Кук, лучше знакомые с нынешними английскими реалиями, вынесли его стоически.

Этим дело не кончилось. Нам по очереди пришлось выйти из машины и проследовать в будку. Эрика и Кука быстро отпустили. Последний, воз-

вращаясь, улыбался.

— Там у бобби лежит моя книга. Попросил меня поставить автограф. Ха!

Словом, с ними все прошло гладко — в отличие от меня. Дежурный офицер оказался низеньким и сердитым, с усами по немецкой моде — длинными, уныло висящими. В Лондоне мне предстояло увидеть еще немало таких усов.

— Мне очень жаль, мисс, но вам придется побыть здесь какое-то время, — сказал он.

— Филип! — крикнула я.

Филип Паррис был представительным человеком даже по меркам марвиновской Британии. Как только он встал рядом со мной, я еще раз спросила, за что меня задерживают.

Усатый офицер взглянул в свои записи.

— Мисс, в 1908 году вы стали членом запрещенной организации — Женского социально-политического союза…

Филип разразился смехом:

— Так вот в чем дело! Вы суфражистка!

— Да, я была суфражисткой, — сказала я и поправилась. — И до сих пор ею остаюсь. Что, теперь это преступление?

— Вообще-то да, Джули. Но с этим мы разберемся.

Благодаря познаниям в области английской бюрократии и силе характера Филип быстро убедил офицера, что нет никаких свидетельств, указывающих на мою причастность к покушениям и нападениям. Я не участвовала ни в убийстве премьер-министра Кэмпбелла-Баннермана на открытии Могилы испепеленного солдата — величественного мемориала в память о павших от тепловых лучей, — ни даже в стихийных протестах, участившихся после полулегальной победы Марвина на выборах в одиннадцатом году, вследствие чего движение запретили. В конце концов после долгих телефонных переговоров Филип вытащил меня в обмен на заверения, что в Лондоне я являюсь в полицейский участок и Филип собственной персоной выступит гарантом моего хорошего поведения.

Хотя я была благодарна Филипу, с учетом всех обстоятельств было весьма унизительно полагаться на помощь мужчины.

Так меня встретила новая Британия. Мы поехали дальше.

Гилфорд остался позади. «Бентли» легко скользил по практически пустой дороге. И вот мы въехали в те края, где когда-то расхаживали марсиане.

Вы наверняка видели карты этой местности, которые рисовали с самого конца Первой марсианской войны. Зона боевых действий начиналась к юго-западу от Уокинга, на Хорселлской пустоши, где в полночь 14 июня 1907 года приземлился первый цилиндр. Затем землю испещрили новые воронки, складывающиеся в неровные треугольники — следы от цилиндров, упавших за девять следующих ночей. Они тянулись через Суррей до центрального Лондона и дальше. (Конечно, в расположении шрамов, оставшихся на лице Земли, была своя логика, которой я в то время не понимала, но об этом речь пойдет позже.) Эту полосу разрушений вскоре прозвали Коридором. С тех пор природа, насколько я могла судить, взяла свое — опустевшие поля покрывала зеленая трава, яркая даже в сером мартовском свете.

Но мы увидели и руины в центре Уокинга — эту часть города не стали восстанавливать, и она стояла словно памятник погибшим. Горькая ирония судьбы: в свое время Уокинг был печально известен тем, что там построили первый в Британии крематорий, а теперь сам город превратился в некрополь.

Мы ехали по пустынной сельской местности. Исключая дорогу, здесь не было никаких следов

цивилизации — я не видела ни оград, ни домов, ни даже живых изгородей.

— Даже после зачистки эта земля осталась заброшенной. От черного дыма, который применяли марсиане, и от красной травы, которая в изобилии здесь разрослась, остались следы — как считается, ядовитые. Поэтому здешние земли ни к чему не пригодны.

— Конечно, этим удобно прикрываться, — с усмешкой заметил Альберт Кук.

Ближе всего к месту высадки марсиан дорога подходила в Пирфорде. Там мы заметили солидное здание из бетона и рифленого железа, с колючей проволокой и вышками по всему периметру, вооруженными часовыми и беспечно развевающимся британским флагом. Чтобы подобраться ближе к яме, пришлось бы проехать через еще один пост — куда более внушительный, чем в Гилфорде.

— Я вообще не вижу отсюда воронку, — пожаловалась я.

— Ничего удивительного, — отозвался Филип. — Так со всеми ямами. Слишком важные объекты, чтобы по воскресеньям пускать к ним ротозеев и торговцев лимонадом.

— Более того, — добавил Кук, — там идут ка-

кие-то научные изыскания. Сделали из ям что-то вроде лаборатории. Ученые, изобретатели, военные — все возятся с марсианскими машинами. Видимо, пытаются приспособить их для людей.

Филип хмыкнул:

— А вы откуда знаете?

Бывший артиллерист постучал себя по носу.

— У меня свои источники. И читатели — даже военные, — которые согласны с некоторыми моими взглядами, кое-что мне сообщают. Выяснить, как именно работают эти штуки, не составило большого труда. Взять, например, тепловой луч: тот умник Дженкинс ошибся с его описанием. Это оружие испускает луч в особом — инфракрасном — спектре, и он попеременно отражается от двух маленьких зеркал, становясь все ярче и ярче, пока не вырывается наружу. Когерентный луч — так он называется. Большое параболическое зеркало снаружи пушки нужно, как я понимаю, только чтобы прицелиться — оно испускает свет, едва видимый для нас. А в самом луче пятьсот градусов — еще немного, и он мог бы плавить металл. Готов поспорить, вы этого не знали! Или взять летающие машины: тела марсиан еще не успели остыть, а людям уже удалось запустить эти механизмы. Но чего они не знают — так

это того, какая сила приводит их в движение. Внутри у каждой этакие маленькие коробочки — источники энергии… Но они не сжигают ни уголь, ни бензин и не похожи на электрические батарейки.

— Он прав, — подтвердил Филип. — Есть пара немецких физиков, Эйнштейн и э-э-э…

— Шварцшильд, — пробурчал Эрик.

— Да, именно. У них есть теория, что эти коробочки как-то связаны с энергией, заточенной, по их словам, внутри каждого атома. Если ее только получится высвободить… возможно, именно это удалось марсианам. Если так, то это пока лежит за гранью нашего понимания.

— Еще бы, — сказал Кук не без удовлетворения. — Но бомбы на их основе уже получаются неплохие. Возможно, вы слышали о взрывах в Илинге, Кенсингтоне и Манчестере. Ученые возились с этими устройствами — бум! бах! — и сровняли сто гектаров с землей.

Уолтер воочию наблюдал проявления этой мощи. В Летописи говорится о том, как камера теплового луча у него на глазах обратила воды реки в Шеппертоне в пар и вдоль берегов прокатилась кипящая волна. У Уолтера до сих пор оставались шрамы от ожогов, полученных

в тот день. «Подумай, сколько времени нужно чайнику, чтобы закипеть! — сказал он мне однажды. — И представь, какой невероятный поток энергии тот генератор должен был излить в реку, чтобы вся вода в ней забурлила…»

— Но даже если и так — мы все равно имеем дело с чудом, — сказал Филип и замедлил ход. — Вот посмотрите.

Я огляделась. Мы проезжали близ Эшера. По обе стороны дороги тянулся забор, увенчанный колючей проволокой; то там, то здесь торчали сторожевые вышки. Дома были едва видны сквозь решетку, и люди ходили туда-сюда в тусклом свете словно призраки, а с вышек за ними наблюдали солдаты и полиция. Какая-то маленькая девочка прижалась к забору и глядела на нас, вцепившись в стальную решетку.

Мы притормозили возле заводского комплекса. Здесь возле забора расхаживали военные, и Филип удостоверился, что сквозь лобовое стекло виден пропуск. Мы выглянули наружу.

И посреди небольшого скопления бараков, ям и куч глины я увидела марсианскую машину. Это была многорукая машина — крабообразный механизм, который опирался на пять жестких неподвижных ног и орудовал суставчатыми

щупальцами. Механизмом никто не управлял. Внутри машин, которые я видела в музее, были изображены марсиане, руководившие ими, словно пилоты, — а этот механизм выглядел так, будто из него выскребли мозг.

За многорукой машиной стоял какой-то неказистый с виду аппарат — вертикальный цилиндр, наверху которого раскачивался туда-сюда некий резервуар. Изящными, хоть и непривычными для земного глаза движениями своих щупальцев этот механизм засыпал в резервуар землю, которая затем попадала в цилиндр. Снизу из цилиндра сыпался отфильтрованный белый порошок. По желобу он попадал в прямоугольную коробочку, откуда выходили клубы зеленого дыма — по-марсиански зеленого, того самого зловещего оттенка, который пробудил во мне живые воспоминания. А может, и не только во мне. И пока мы наблюдали за этим, многорукая машина протянула еще одно щупальце и вынула из коробочки серебристый слиток — алюминий.

Но все эти жутковатые манипуляции были лишь центром картины — а на периферии действа, что разыгрывалось вокруг глины, слитков и зеленого дыма, трудилось множество людей. Там были мужчины, женщины и дети, одетые в

блеклые униформы, словно у арестантов. Тяжело волоча ноги, они подносили землю к многорукой машине, уносили слитки и проделывали другую черную работу — все это под надзором вооруженных стражей.

Филип, Кук и Эрик не обращали внимания на людей. Они восторгались техническими приспособлениями, которые успели разглядеть, пока машина ползла мимо.

— Алюминий! — с чувством произнес Филип. — Превосходный материал, прочнее и легче всех прочих металлов... Мы начали его промышленное производство при помощи процесса Холла всего за дюжину лет до прилета марсиан. И нам для достижения таких результатов понадобился бы завод, по мощности не уступающий Ниагарскому водопаду, и огромное количество бокситов, богатых алюминием. Но этого металла в земной коре полным-полно. Марсиане могли производить алюминий из обычной глины!.. Я хотел, чтобы вы увидели это, Джули. В конце концов, мы одна семья. Вот на этом я сделал свое — наше — состояние. И благодарить за это следует Уолтера. Я расскажу вам, как это скромное приспособление, марсианская машина для плавления алюминия, повлияет на будущее страны сильнее, чем любое

оружие.

Я подумала о том, что видела на подъезде сюда.

— Но все эти заборы… револьверы… люди, которые здесь работают… Кто они? Преступники?

— Не обязательно. Вы наверняка знаете, что в Англии сейчас много французских беженцев. А также бельгийских. Некоторые из них нарушают порядок — доставляют неприятности немцам и так далее. К тому же у нас есть и свои саботажники…

— Саботажники? Что, и дети? И всех их очень удачно убрали с глаз долой, в этот «Коридор», где для каждого найдется работа? Что это, Филип, — концлагерь?

У него хватило такта показаться смущенным.

— Это не Южная Африка, — только и сказал он.

Берт Кук рассмеялся.

— Готов спорить, что Кейр Харди и Рамсей Макдональд где-то в этом лагере — дерутся за верхнюю койку как настоящие социалисты!

Филип нажал на газ, и мы плавно поехали дальше.

По пути на север мы оставили по правую руку обгоревшие руины Уимблдона. Недалеко оттуда возвышалось здание, похожее на ангар. Его окру-

жали земляные насыпи. Это было место, куда упал шестой по счету цилиндр.

Дорога здесь проходила по виадуку, потому что местность была затоплена — как я впоследствии узнала — из-за того, что Темза заросла красной марсианской травой. Хотя с победы над марсианами минуло тридцать лет, нанесенный ими ущерб еще только предстояло исправить. И здесь я снова увидела отряды рабочих — они, стоя по колено в неглубокой воде, рыли дренажные канавы или делали что-то в этом роде. За ними приглядывали вооруженные полицейские. На поверхности воды сверкали солнечные блики.

Альберт Кук тихо произнес:

— Я был здесь, рядом, на Путни-хилле. Бросал вызов марсианам. На том доме сейчас наверняка красуется памятная табличка с такой надписью.

И после этого почти всю дорогу до Лондона мы молчали.

7. В Лондоне

Филип припарковал «бентли» на просторной стоянке возле вокзала Ватерлоо. Его переделали, и теперь вокзал был похож на копошащийся муравейник с пристроенной к нему аркой из мрамора и бетона, которая больше всего напоминала мне Бранденбургские ворота.

В Лондоне мы должны были провести две ночи. Мы договорились встретиться через день, чтобы вернуться в Суррей, где ждали Фрэнк и Кэролайн. Эрик и Кук отправились в отель, который Филип подыскал для нас в районе Элефант-энд-Касл, — туда уже отвезли весь багаж, за исключением моего рюкзака. Филип напомнил, что должен сопроводить меня в главное управление полиции Лондона, которое теперь находилось в Барбикане, — доказать, что я не анархистка.

Время терпело, и мы с Филипом решили прогуляться.

На выходе со стоянки моим вниманием завладел колоссальный плакат, где был изображен генерал Брайан Марвин собственной персоной — он стоял, сложив руки, и, казалось, глядел прямо на меня.

В ЮЖНОЙ АФРИКЕ Я СРАЖАЛСЯ С БУРАМИ —
НАША НАЦИЯ БЫЛА УНИЖЕНА!
В ШЕППЕРТОНЕ Я СРАЖАЛСЯ С МАРСИАНАМИ —
АНГЛИЯ ПАЛА НИЦ!
БОЛЬШЕ МЫ ЭТОГО НЕ ДОПУСТИМ!
ЗАПИСЫВАЙСЯ ДОБРОВОЛЬЦЕМ!

Филип встал рядом со мной.

— Годы его не красят, правда?

— Удивительно, что никто не пририсовал ему более пышные усы.

Филип рассмеялся:

— Никто бы не осмелился.

Я взглянула на него и подивилась странностям, присущим человеческому роду — и Филипу Паррису в частности. Он явно был хорошим человеком, здравомыслящим, готовым прийти на помощь друзьям. Ему хватало ума и беспристрастности, чтобы осознавать пороки режима, при котором он сейчас жил, и даже его абсурдность. И все же он и бровью не повел при виде лагеря в Коридоре. Мы, люди, — поистине сложно устроенные существа, и последовательность нельзя отнести к числу наших достоинств.

Мы прошли через здание вокзала — гулкий зал, половина которого была отгорожена досками.

Внутри царил обычный хаос — носильщики, пассажиры, чемоданы, завитки пара и пронзительные гудки. Но строительство меня удивило.

— Что тут происходит? Не помню, чтобы во время Марсианской войны вокзал как-то пострадал.

— О, это воплощение очередной марвиновской мечты. Он обещал развить железнодорожную сеть, построить больше путей, чтобы было проще перевозить людей и оружие на случай нового нашествия марсиан. В какой-то мере он с этим справился. Но у него слабость к показной роскоши, как у старых вояк вроде Черчилля и у всех тех воротил, которые заправляют железными дорогами и угольными шахтами. Все они теперь в правительстве. Широкие судоходные каналы должны соединить Клайд с Фортом, а затем с Гранджемутом. Представьте себе военные корабли на озере Лох-Ломонд! Если марсиане могут перекраивать свою планету, чем британцы хуже? Вот такой логикой он руководствуется. План именно таков — но пока что в шотландской земле едва ли вырыли хоть одну канаву. Или взять туннель под Ла-Маншем. Работы даже не начались — но зато у нас есть вокзал! По крайней мере его фасад.

У выхода с вокзала был книжный киоск компа-

нии «У. Г. Смит и сын», и я из профессионального любопытства туда заглянула. В противовес живой и пестрой американской прессе здесь, судя по всему, преобладали унылые правительственные листки. Больше всего было «Дейли мейл» — эта газета первой возобновила выход после Марсианской войны, и она не давала читателям об этом забыть: «Даже марсиане не заставят нас замолчать!» Мне стало интересно, есть ли в Британии подпольные газеты.

Мы перешли мост Ватерлоо, где кипела работа — мост перестраивали после ущерба, нанесенного войной. Над Лондоном висел привычный густой смог, и, стоя над вечной рекой, я видела сквозь него Вестминстер. Дворец, поврежденный тепловым лучом, был снесен, и даже огрызок часовой башни больше не торчал из земли. На месте дворца возвели грозную крепость из стекла и бетона.

Филип хмыкнул.

— Полюбуйтесь на деяния наших правителей. Вместо парламента построили бункер — тьфу! И в Сити вокруг банка возвели такую же конструкцию — чтобы защитить мировой финансовый центр. Конечно, Лондон остался Лондоном. С утра сюда по-прежнему стекаются служащие и рабо-

тяги из пригородов, а вечером они разъезжаются по домам, и так день за днем. Но всем нужно носить с собой пропуска и документы, а иногда защитные маски от черного дыма и револьверы — смотря что за учения сегодня проходят…

Послышался глухой стук, от которого, казалось, мост задрожал у нас под ногами, и реку накрыло крупной тенью. Я посмотрела вверх — в небе, словно огромный летающий кит, парил цеппелин. На боку у него был ясно виден немецкий имперский орел.

Перейдя через реку, мы прогулялись по Стрэнд и прошли через Ковент-Гарден. Повсюду развевались флаги, висели плакаты с изображением королей и главных представителей новой военной власти: самого Марвина, Черчилля, Ллойда Джорджа. Но на улицах было грязно, с домов сходила краска, и на глаза постоянно попадались попрошайки. Их ладони, протянутые за мелочью, напоминали запачканные цветы.

Меня удивило количество людей в форме — не только бобби и солдат. Возле каждого административного здания стояла стража, и даже швейцары и официанты сверкали эполетами и медными пуговицами. Я подумала, что Лондон превращается в Берлин. К тому же на улице, как

мне показалось, повсюду был слышен немецкий акцент.

Оказавшись на Трафальгарской площади, я ощутила смутную радость при виде того, что Нельсона, которого даже марсиане обошли стороной, пока не заменили на ухмыляющегося Брайана Марвина, героя Уэйбриджа. Мы прошли по Чаринг-Кросс-роуд. Из всех мест, которые я успела увидеть в Лондоне, это изменилось меньше всего: все тот же лабиринт книжных магазинчиков и передвижных прилавков, заваленных потрепанными томами. В юности я любила приезжать в Лондон не ради нарядов, кафе или представлений, а исключительно ради книг. Мне показалось, будто я споткнулась о кусочек своего прошлого, и воспоминания накрыли меня с головой. Филип — куда более чуткий, чем казался, — взял меня под руку, и дальше мы шли молча. Но дух времени все-таки просочился сюда, и в глаза мне бросилась новинка, гордо выставленная на витрину: «Генерал Марвин. Зачем нам сражаться на бесконечной войне», Артур Конан Дойл.

Мы прошлись по Оксфорд-стрит и Портленд-плейс. На Мэрилебон-роуд миновали людей с плакатами, зазывавших в Музей мадам Тюс-

со, — там как раз была выставка, посвященная «поистине ужасным» пищевым пристрастиям марсиан. Филип сказал, что она пользовалась большой популярностью.

Когда впереди зазеленел Риджентс-парк, это стало облегчением — по крайней мере, для меня, пусть солнце и клонилось к закату. Но даже здесь многое изменилось. Просторные газоны уступили место огородам, которые были призваны побудить горожан выращивать овощи на собственных лужайках. А дети, которые раньше запускали здесь воздушных змеев и катались на велосипедах, теперь маршировали строем, копались в земле и временами даже разыгрывали между собой шуточные сражения.

Позже я узнала, как Марвин изменил образовательную систему. Девизом нового подхода стала фраза Веллингтона, которую он как-то произнес, наблюдая в Итоне за игрой в крикет: «Вот где растут те, кто победил при Ватерлоо». Теперь Итон и другие школы выпускали только офицеров, а младших ребят призывали вступать в ряды «Юных саперов» — движения, организованного лордом Баден-Пауэллом, где мальчики и девочки пяти-шести лет рыли траншеи или перевязывали воображаемые раны. Все это было частью общего

плана, призванного очистить национальный дух, как выражались сторонники Марвина. Я глядела на все это непредвзятым взором человека, только что прибывшего из-за океана, и ужасалась. Дети-солдаты — вот будущее Британии?

Мы миновали Зоологический сад. Теперь он был закрыт, и в нем больше не было животных. Затем мы пересекли Альберт-роуд и поднялись на Примроуз-хилл. Перед нами, как и всегда, открылся впечатляющий вид. Холм, казалось, вырастал из зелени Риджентс-парка, за которым пестрым коралловым рифом раскинулся город: пострадавший купол собора Святого Павла, новые здания Вестминстера и Уайтхолла — бетонные наросты на теле Лондона, неземное сияние Хрустального дворца и холмы Суррея на горизонте.

Именно здесь приземлился седьмой марсианский цилиндр, и это место стало сердцем самой крупной марсианской постройки, сооруженной во время войны. Ее отгородили забором, как и ямы в Суррее. Но из трех недвижных боевых машин, которые заметил Уолтер, поднявшись сюда жарким летним днем на исходе войны, одна так и осталась стоять — застывший треножник, который сбоку было почти не узнать. Вокруг него выросла ярмарка — карусель с лошадь-

ми и машинками, паровой органчик, гонки на воздушных шарах, соревнования по сшибанию кокосовых орехов. У подножия устрашающего памятника войне играли дети. Я посмотрела на медный колпак треножника, так похожий на голову.

И именно в этот момент со мной случилось то, что Филип позже описывал как припадок.

Какое-то время я просидела на скамейке, пока Филип суетился рядом. Когда я пришла в себя, мы взяли такси и поехали в полицейское управление в Барбикане, где ко мне подошли с холодным профессионализмом, хотя отпустили только после девяти вечера.

Я разрешила Филипу проводить меня в отель, где тут же отправилась в номер, заказав холодные закуски. Я мало спала и старалась не думать о том, что так сильно встревожило меня на холме.

Следующий день у нас был свободен. Я чувствовала, что хочу увидеть настоящий Лондон, вдали от Филипа с его искренней, но удушающей заботой и вдали от военного цинизма всех остальных. В городе у меня до сих пор оставались старые друзья, и я спешно позвонила паре из них, договорившись о встрече.

Я вышла из отеля рано утром, чтобы избежать

общества Филипа и других попутчиков.

Ланч я провела в Ламбете — ела устрицы со школьным другом, который руководил бесплатной столовой для бездомных. Какие бы грандиозные планы ни вынашивал Марвин, какой бы вклад он ни сделал в национальную безопасность, экономика при нем стала, мягко говоря, шаткой. Приятель рассказал мне, что, хотя профсоюзы и подобные объединения давно запретили, среди рабочих нарастало недовольство — в шахтах, на железных дорогах, даже в Вулиджском арсенале, где производилась немалая часть боевой техники. Все волнения жестоко подавлялись. И в довершение всего начали снова открываться работные дома. У моего приятеля было полно клиентов. Он сказал, что мне повезло приехать в марте: летом Ламбет кишел насекомыми.

Вечером я для контраста увиделась с другой старой знакомой — женой банкира. Мы встретились в чайной — я сидела и смаковала запах кофе, чая, сигаретного дыма и стук костяшек домино. Хильда одолжила мне вечернее платье, и мы отправились на Стрэнд, в «Савой», который — как я шутливо сообщила подруге — был почти так же роскошен, как и «Лузитания». Мы заказали икру,

крабов, грибной салат и бутылку рейнвейна. В «Савое» собрался обычный контингент — всевозможные прохвосты, развратники, девушки сомнительной морали и студенты с розовыми от выпивки щеками. Мы танцевали под музыку оркестра «Савой-Гавана» и разрешили себе поддаться очарованию симпатичных немецких офицеров.

Мне показалось, что в «Савое» довольно мало народу, но Хильда напомнила, что сейчас еще не сезон. Пока высший класс страдает от сквозняков в своих загородных особняках, но скоро начнется лето, и они наводнят Лондон. «Как насекомые наводнят Ламбет», — подумала я. В Британии, о чьей морали так пекся Марвин, осталось не так уж много развлечений. У нового правительства не хватило духу запретить алкоголь, но цены на него резко выросли за счет повышения налогов. Были запрещены занятия почти всеми видами спорта (хотя я и так спортом не увлекалась), кроме крикета, который Марвин считал «мужским», и футбола, в который теперь играли только военные в свободное от службы время. Но в Лондоне по-прежнему хватало мест, чтобы потратить деньги. Состоятельным людям, по словам Хильды, новый режим не принес особых хлопот — они

могли жаловаться разве что на то, что в Англии снова развели диких кабанов, чтобы немцы могли охотиться на «швайне».

Между танцевальными номерами в зал пускали механического официанта. Перемещался он, конечно, не сам, зато у него были ловкие металлические щупальца, которыми он разливал напитки и даже смешивал коктейли. Конечно, это была марсианская технология — и довольно передовой способ ее применения. Возможно, за такими машинами было будущее — но мне все это казалось нелепым. Нарядные люди аплодировали и смеялись…

Мы забрались дальше в дебри Лондона. Пошли в танцевальный зал в Сохо, где американский ансамбль играл джаз — и танцы были не менее буйными, чем музыка…

Все это казалось ненастоящим, и чем сильнее я отдавалась этим глупым приключениям, тем менее реальными они ощущались. Все это напоминало театр кукол на склоне вулкана. Я продолжала думать о тех пронзительных словах, которыми Уолтер в своей Летописи передал настроение последних дней перед падением цилиндра, которые он провел в Уокинге вместе с Кэролайн: «Все казалось таким спокойным и

безмятежным».

Я не стала рассказывать друзьям о том, что именно вызвало мой припадок на Примроуз-хилле. В мартовских сумерках, пока лондонские ребятишки играли у подножия колоссального механизма, мне показалось, что марсианин повернул голову.

8. Встреча в Оттершоу

На следующее утро, хотя я чувствовала себя не лучшим образом, я была готова ехать в Суррей вместе с Филипом, Эриком и Куком. Было 25 марта, четверг.

Ближе к обеду мы наконец собрались в Оттершоу — примерно в трех милях к северу от Уокинга, где когда-то жили Уолтер и Кэролайн. Хотя это место было всего в двух часах ходьбы от первой марсианской воронки, оно не относилось к Суррейскому коридору.

Марина Оджилви, которая принимала нас у себя, была давней подругой Кэролайн, хотя их мужья дружили между собой теснее. Бенджамин Оджилви был известным астрономом-любителем и владел небольшой обсерваторией в Оттершоу. В то роковое лето 1907 года они с Уолтером наблюдали в телескоп красноватые вспышки на поверхности Марса, те облака газа, которые, как выяснилось позже, знаменовали собой выстрелы из гигантской пушки. Что за волнение, должно быть, испытали Уолтер и Бенджамин, увидев их собственными глазами! А первое приземление марсиан в Хорселле, так близко от его дома, веро-

ятно, казалось Бенджамину благим знамением — наряду с ответом от королевского астронома, который откликнулся на его призыв и приехал в Хорселл. Быть может, для Бенджамина это была вершина всего жизненного пути. И вскоре за ней последовала смерть — в первые часы после встречи человечества с марсианами.

Невзирая на этот ужасный исход — или, возможно, как раз по его причине, — Марина не стала продавать дом и поддерживала в должном состоянии обсерваторию покойного супруга. Ни одно из этих зданий во время войны не пострадало. Марина даже сдавала обсерваторию группе местных астрономов-любителей, которые в изобилии появились по всей стране, с тех пор как ночное небо стало для всех нас источником угрозы. Позже, конечно, Марвин запретил астрономам-любителям наблюдать в телескопы за Марсом, согласно Закону о защите королевства от 1916 года, — и огромный телескоп Бенджамина остался без линз и зеркал.

Как бы то ни было, Марина гостеприимно предоставила нам свой дом, чтобы мы могли по телефону связаться с Уолтером. Ее номер у Уолтера остался, хотя с Кэролайн, своей бывшей женой, он потерял связь. После развода Кэролайн

быстро продала дом на Мэйбэри-роуд. Полагаю, если вы читали Летопись, причины этого развода должны быть для вас очевидны. Но было что-то правильное в том, что мы оказались рядом с тем местом, где все началось.

Пришли мы с Филипом. Пришли Эрик с Куком — можно сказать, они последовали за мной, встревоженные и заинтригованные теми новостями, которые обещал сообщить Уолтер.

И, конечно, на встречу позвали моего бывшего мужа — Фрэнка Дженкинса, брата Уолтера. Марсиане, эти инопланетные сводники, вновь устроили нам встречу — ведь с Фрэнком мы познакомились во время всеобщего бегства из Лондона. Тогда он был студентом-медиком, а мне было девятнадцать (на несколько лет меньше, чем ему), и я хотела стать журналистом. И какое-то время все шло неплохо. Фрэнк закончил учебу и занялся тем, чем, очевидно, всегда и хотел — стал врачом общей практики, и мы купили дом в Хайгейте.

Но Фрэнку всегда было присуще чувство избранности, желание следовать высшему долгу, которое роднило его с братом. Несмотря на искреннюю преданность своему делу, он часто отлучался к беднякам в Ист-Энд и занимался тем,

что я называла «миссионерской работой». А в шестнадцатом году, когда вышел Закон о защите королевства, Фрэнк удивил меня, поступив на военную службу по одной из только что созданных программ Марвина. Он записался в добровольческий резерв Территориальной армии, которую Марвин, отлично владеющий искусством пускать пыль в глаза, назвал Фирдом [3] — эдакий уважительный кивок в сторону исторических корней.

— Да боже ты мой! — протестовала я. — Я еще могу понять школьника, которому нравится маршировать туда-сюда. Но ведь твое дело — лечить!

— Я лечу людей, — отвечал он. — Марсиан я бы уничтожил. И, как ты помнишь, Джули, у Хай-Барнета именно револьвер твоего брата спас нас от негодяев, которые хотели отнять у вас коляску. Револьвер и навыки бокса, которые я еще не растерял со школьных времен, а не мои врожденные способности к медицине и даже не твоя сила духа. Бывают времена, когда человек должен сражаться…

---

[3] Примечания: 3

Фирд — национальное ополчение в англосаксонской Британии (V–XI вв.). В него входили свободные землевладельцы, которых король созывал для защиты страны.

Что ж, если моя роль сводилась к тому, чтобы быть свидетельницей этого мнимого величия, меня это не устраивало. И к тому же — как ни трудно писать об этом напрямую — между нами было важное различие: я никогда не хотела детей. Только не после ужасов Марсианской войны. О каких бы душевных муках Уолтера вы ни читали в его Летописи, знайте: на мое сознание те ужасные события возымели такой же эффект. На многих выживших война повлияла похожим образом — Эрик Иден, например, так и не женился. Впрочем, это затронуло далеко не всех — напротив, после войны в Британии резко повысилась рождаемость.

Думаю, Фрэнк всё понимал, но не разделял мое нежелание иметь детей. После нашего развода он вновь женился, у него появился ребенок, и в целом я была за него рада. Но его присутствие все же не способствовало моему душевному покою, особенно здесь, среди осколков нашего злосчастного прошлого, — и рискну предположить, что Фрэнк чувствовал то же самое.

Итак, мы собрались у Марины, которая щедро обеспечила нас чаем и канапе. Нас было шестеро: я, Кэролайн, Филип Паррис, Фрэнк, Эрик Иден и Берт Кук. Это была яркая сцена: наши лица

сияли словно луны в лучах приглушенного света единственной электрической лампочки — в обсерватории яркого света не бывает. Я помню запах масла, мебельного лака и металлических шестеренок; наши тихие голоса эхом отражались от купола. Само здание представляло собой приземистую башню с полукруглой крышей. Телескоп стоял на каменном столпе, рядом с механизмом, который позволял ему двигаться вслед за объектами; сквозь крышу был виден синий лоскут неба. В угловатой тени телескопа было что-то зловеще-марсианское — к нему не хотелось поворачиваться спиной. В обсерватории было довольно холодно. Я чувствовала, как внутри меня растет напряжение, которое ни на миг не отпускало меня с тех самых пор, как Уолтер достучался до меня в Нью-Йорке.

Мы все вздрогнули от неожиданности, когда наконец раздался звонок.

9. Звонок из Германии

У Берта Кука были кое-какие технические навыки, и из подручных материалов — всевозможных инструментов, найденных в обсерватории, и остатков сломанного «мегафона Марвина» — он наспех соорудил небольшой репродуктор, так что мы все слышали слабый голос Уолтера, дошедший до нас по проводам из Германии. Хотя Уолтер хотел в первую очередь поговорить с Филипом, тот, в очередной раз проявив благородство, решительно передал трубку его бывшей жене.

— Уолтер, это я, Кэролайн, — сказала она уверенным голосом. — Я здесь в полной безопасности — как и все мы.

— Кэролайн? Я…

— Что происходит, Уолтер? И где ты, ради всего святого?

— Я в Берлине — когда я звонил Джули в Нью-Йорк, я был в Вене, но теперь уже не там. Ввиду чрезвычайной ситуации они выпустили меня из психушки и переправили сюда.

Я спросила, стараясь говорить погромче:

— Какой чрезвычайной ситуации? И что за «они»?

— Джули! Спасибо, что ты приехала. «Они» — это весь цвет Академии наук, ученые со всей Германии, а может, и со всей Европы. Сейчас они находятся в хорошо оборудованном бункере под теннисным кортом, и могу тебя заверить, что многие из сильных мира сего сейчас находятся в похожих бункерах, разбросанных по всей планете: кайзер, императоры Китая и Японии; конечно, американский президент, а наш король Георг со своей семьей, думаю, сейчас где-то глубоко под Балморалом. Что касается тех, кто собрался здесь, — можете называть всё это «мозговым трестом». Меня же втянули в это благодаря Летописи, и мне кажется, что для них я своего рода комик. Бастер Китон марсианских исследований! Здесь Эйнштейн, Шварцшильд и Резерфорд — специалисты в тех или иных областях, связанных с атомом и его энергией. Гофман и Циолковский — они изучают и предсказывают траектории небесных тел. Тут даже есть тот тип — забыл, как его зовут, — который однажды написал шутливую, но провокационную статью о будущем человечества и случайно угадал, какими окажутся марсиане. «Человек тысячного года» — как-то так она называлась. Возможно, я рассказывал о нем раньше. Он уже не молод

— примерно моего возраста. Чудной малый, чересчур темпераментный, зато так и фонтанирует идеями. А астрономы по своим каналам связи вовсю обмениваются данными наблюдений из Хейла в Висконсине и Ликской обсерватории в Калифорнии, и обсерватории Ниццы во Франции — хотя она сейчас подконтрольна немцам. Все эти данные собирает и упорядочивает команда Лоуэлла во Флагстаффе; как жаль, что он сам этого не застал! Даже Ватиканская обсерватория в Кастель-Гандольфо присоединилась…

Филип взял трубку и резко сказал:

— Давай к делу, Уолтер. Какие данные? О чем ты говоришь? За чем они все наблюдают?

У меня еще сильнее засосало под ложечкой — и по лицам остальных я поняла, что они чувствуют то же самое.

Но Уолтер назвал планету, имя которой никто из нас не ожидал услышать: Юпитер.

Мы в смятении переглянулись. Юпитер!

— Уолтер, черт побери! — рявкнул Филип. — Что не так с Юпитером?

— На его облачной поверхности заметили некий знак.

— Знак?

— Светящуюся причудливую метку. Она це-

ликом умещается в той области, которую мы называем Большим красным пятном, и ее даже можно легко разглядеть с Земли. Дайсон из Англии заявляет, что видел такие же знаки на крупных лунах Юпитера, но другие астрономы ставят это под сомнение.

— Знак? — спросил Эрик Иден. — Вроде тех меток, которые через несколько лет после войны можно было наблюдать на Марсе и Венере?

— Именно так, — подтвердил Уолтер. — Лессинг провел наблюдения, результаты которых были признаны неоспоримыми, и сказал мне…

— Насколько я помню, знаки на Марсе и Венере были идентичны и различались только размерами.

— Да, конечно. Их оставили одни и те же существа.

— Марсиане?

— Ну само собой, марсиане! А вот оставить на Земле такой знак, указывающий на то, что планета им принадлежит, они не успели — хотя начало было положено.

— Знак? На Земле? Никогда о таком не слышал, — сказал обескураженный Эрик. (Я тоже была сбита с толку — речь тем временем шла о расположении воронок, оставленных марсиан-

скими цилиндрами; об этом я, как уже говорила, узнала позже.)

— А знак на Юпитере? — продолжил Эрик.

— Он выглядит совсем иначе — на Юпитере мы обнаружили почти идеальный круг…

— Да бога ради, Уолтер, — вмешался Фрэнк, — ты когда-нибудь перейдешь к делу? Какое отношение все это имеет к нам и к твоему берлинскому «мозговому тресту»?

— Самое непосредственное, — сказал Берт Кук. — Он старается дать нам полную картину. Так ведь, Уолтер?

— Берт Кук? — спросил Уолтер. — Так странно вновь слышать ваш голос!

— Как ваши успехи в покере?

— А ваши в шахматах? Впрочем, вы правы. Я действительно хочу дать вам полную картину происходящего. Контекст, в котором мы проживаем свои жалкие жизни. Потому что, видите ли, если небулярная гипотеза верна, то миграция между мирами — необходимое условие для выживания…

Как наверняка известно большинству читателей, небулярная гипотеза Канта, Лапласа и Максвелла показывает, что чем дальше мир от солнца, тем он старше, и, соответственно, тем

древнее населяющие его живые существа. Но каждая зародившаяся жизнь сталкивается со множеством испытаний. Наши лучшие физики утверждают, что солнце остывает из года в год. Именно поэтому марсиан влекла Земля: на их планете начинался бесконечный ледниковый период. Однажды наш мир постигнет та же участь: океаны замерзнут, дожди прекратятся, высшие формы жизни вымрут, а низшие съежатся до состояния покоящихся спор. Куда же податься человечеству? Зрелая, но обреченная цивилизация обязана стремиться в более молодые миры в поисках места обитания. Так диктует космология, таковы законы Вселенной.

— Именно поэтому, — сказал Уолтер, — марсиане должны вернуться на нашу планету, более юную, чем их родина. Они замахнулись и на Венеру — в далеком будущем она станет желанным призом в том числе и для нас. Кроме Венеры, остается только Меркурий — он моложе, но, по сути, это безжизненная горстка углей. Да, Венера — конечная цель.

— Но…

— Но на дальних рубежах находится Юпитер. Это самая крупная планета из всех, и она в семь раз старше Марса. И юпитериане наблюдают за

нами. Их знак это подтверждает! Он явно был изображен в Красном пятне в ответ на марсианские вторжения на Землю и Венеру. Эта древняя колоссальная планета может быть домом…

Фрэнк выхватил трубку.

— К дьяволу Юпитер, Хаббла и все остальное! Ты бы не собрал нас всех, не заставил плыть сюда через чертов океан, просто чтобы поговорить про Юпитер! И король Англии не залез бы из-за него под землю. Что ты на самом деле хочешь нам сказать? Отвечай!

Но Уолтер в своей обычной манере все колебался, словно собираясь с мыслями.

В конце концов он тихо сказал:

— Мы видели выстрелы. Выстрелы на Марсе.

И наконец все стало ясно.

Так уж был устроен Уолтер. Если вы читали его Летопись, вы знаете, что он не ищет легких путей. Во время Первой войны он покинул руины Уокинга и отправился в Лезерхэд на поиски жены — а оказался на Примроуз-хилл, там, где была самая высокая концентрация марсиан во всей Англии. Так и на этот раз: все это масштабное предприятие с передачей сообщений через вторые руки и трансатлантическими плаваниями свелось к тому, что нам снова грозили марсиане.

Узел у меня в груди развязался — как если бы мне наконец объявили мрачный, но ожидаемый диагноз. Я снова вспомнила, как мне показалось, будто одинокая боевая машина на Примроуз-хилле шевельнула колпаком, словно в предвкушении. Меня это обеспокоило — я думала, что у меня начались галлюцинации. Но, может быть, машина обо всем узнала — с помощью какой-нибудь механической телепатии…

Филип был в ярости — и неудивительно.

— Уолтер, у тебя такие новости, а ты разглагольствовал про Юпитер! Когда? Когда начались выстрелы? 27 февраля? Потому что, если они следуют тому же графику, что и в прошлый раз, им стоило бы выстрелить именно тогда — противостояние случится 21 апреля…

— И если это так, значит, правительство это замалчивает, — зло проворчал Кук.

— Нет, — мягко сказал Уолтер. — Раньше. В этот раз у них явно другая стратегия, хотя мы ее пока не разгадали. Из пушек начали стрелять на девять дней раньше, 18 февраля.

Фрэнк к этому моменту разъярился так же, как его кузен.

— Теперь ты говоришь, что они начали стрелять в феврале! Тогда получается, что высадка

уже совсем скоро — осталось всего несколько дней, так? И ты предупреждаешь нас только сейчас да еще устраиваешь этот фарс с трансатлантическими переговорами?

— Я прошу прощения, — еще тише сказал Уолтер. — Вы должны понимать, что у меня обрывочные сведения, собранные по крупицам. Здесь очень пекутся о безопасности, и мне было трудно с вами связаться, — а потом потребовалось время, чтобы вы собрались вместе. Да, возможно, мой план не выдерживает никакой критики. Но я старался как мог, Фрэнк, чтобы предупредить вас. Старался как мог.

Как ни странно, я ему поверила.

И тут Кук — артиллерист — обратил внимание на ключевую деталь.

— Дженкинс, вы сказали «из пушек». Начали стрелять из пушек. Не «из пушки».

— Именно так. На этот раз их больше, Берт. На Марсе несколько пушек.

Мы, ветераны Первой войны, в ужасе переглянулись.

Уолтер продолжил — слабым и дрожащим, но решительным голосом:

— Думаю, мы видели, как отливают новые пушки, — так же как в прошлый раз мы, как

выяснилось позже, видели отливку пушки в 1894 году, когда астрономы в Ницце и Ликской обсерватории заметили аномальное свечение на поверхности Марса. В тот раз у них была одна пушка. Сейчас их десять. По крайней мере столько палило на наших глазах. Они расположены вдоль всего экватора. Дым, образовавшийся в результате выстрелов, — огромный синяк, расплывшийся по лицу планеты, — затруднил дальнейшее наблюдение. Тем не менее нам удалось нанести расположение пушек на схему каналов, созданную Скиапарелли. Возможно, вы знаете, что каналы — колоссальные сооружения, некоторые из них тянутся на тысячи миль. И они сходятся по три, четыре или пять, с геометрической точностью, в «узлы», как их называет Лоуэлл, или «оазисы». Самый крупный из них — Solis Lacus, озеро Солнца, что-то вроде нервного центра всей планеты, откуда, я полагаю, можно добраться в любую точку. Но есть и другие — перекресток Харона, Кераунский залив, Кианейский родник…

Филип как промышленник заметил:

— Эти пересечения транспортных артерий могут быть населенными пунктами или центрами производства. А если вам нужно построить межпланетную пушку…

Кук кивнул:

— Вы сделаете это именно там. Верно. Десять пушек вместо одной. В последний раз выстрелов было десять…

— На этот раз их было сто, Берт. По десять из каждой пушки. В тот раз — флотилия, теперь — настоящий флот. Или, скорее, два флота; кажется, они разделяются в космосе на две группы по пятьдесят или около того…

— Погодите, — сказала я. — А что насчет противостояния? Зачем лететь сейчас, за четыре года до следующего сближения?

Признаю — в моем голосе звучала обида. Как и все люди в те дни, я всматривалась в небо во время каждого противостояния с Марсом, даже если он отстоял далеко от Земли. Но я знала, что до следующей возможной атаки еще несколько лет. Только не сейчас! Это нечестно! Такой была моя реакция — не самая разумная.

Зато Уолтер был само благоразумие — в своем роде.

— В прошлый раз они прилетали в 1907 году, за два года до максимального сближения. Возможно, они задумывали еще одну попытку в 1909-м и даже после, но отказались от этой идеи. Нельзя точно сказать, что они не усовершенствовали

свои технологии, чтобы совершать высадки и в менее привлекательных условиях, — почему нет?

— Я бы сказал, что, с военной точки зрения, новое вторжение не очень осмысленно, — заметил Эрик. — В конце концов, первая попытка окончилась провалом. Марсиане не смогли выдержать непривычное атмосферное давление, непривычную гравитацию, наши бактерии уничтожили их — вместе с их красной травой. Это с самого начала было безнадежное предприятие.

— Но это была всего лишь разведывательная миссия, — прошептал Уолтер. — Надо же с чего-то начинать. Когда Колумб приплыл в Америку, он думал, что это Азия! Представьте, как трудно наблюдать за Землей. По отношению к Марсу это внутренняя планета, как и Венера для Земли, — то есть расположенная ближе к Солнцу. Перед тем как запускать первый цилиндр, они наверняка почти ничего не знали о нашей планете. Но что-то все-таки знали. Помните, с какой частотой палила та огромная пушка? Всего было десять выстрелов, каждый сделан в полночь по Гринвичскому времени, и каждый цилиндр тоже приземлился в полночь. Но сутки на Марсе длиннее, чем на Земле — они продолжаются при-

мерно двадцать четыре с половиной часа, — и по местному времени цилиндры запускались не в полночь. Так что расписание — из символических или каких-то других соображений — было тщательно рассчитано не с учетом марсианского времени…

— …а с учетом земного, — подхватил Иден. — Даже расписание запусков! Никогда об этом не задумывался.

— Никто не задумывался — до меня. Что до всего остального — подумайте, насколько сильно отличается наша Земля от их мира, как много они должны были узнать — и как быстро! Их моря очень мелкие и покрывают едва ли треть планеты; наши глубокие океаны занимают в два раза больше места. Поэтому наши основные транспортные пути пролегают по морям, а на Марсе — наверняка проходят по суше.

— Тогда неудивительно, что их повергли в смятение наши корабли, — сказал Фрэнк. — Близ Тиллингхема я видел, как они дивились таранному миноносцу. А что до наших бактерий и вирусов? Очевидно, они тоже были им в новинку.

— Еще один пробел в их знаниях, да. Я предполагаю, что в далеком прошлом они уничтожили

целые микроскопические континенты таких созданий — возможно, пока перестраивали собственные тела. Так что они попросту забыли о подобной опасности — так, например, образованный римлянин удивился бы, если бы на городской улице в Италии второго века на него накинулся волк. Но они на собственном горьком опыте усвоили урок — и в следующий раз подготовятся.

Кук подался вперед.

— Но ведь тут встает вопрос информирования. Вопрос связи и коммуникации. Любой солдат об этом знает. Все марсиане, которые прилетели сюда, мертвы. Как они в таком случае могли передать обратно на Марс сведения о боевых кораблях и микробах?

— Я пояснял это в своих мемуарах, — напряженно ответил Уолтер. — Я наблюдал за жизнью марсиан ближе, чем кто-либо, — да, я по-прежнему настаиваю на этом, майор Иден! И я до сих пор убежден: их способность действовать совместно, не обмениваясь ни единым словом — а я видел это своими глазами, — свидетельствует о своего рода телепатии. О прямой связи между сознаниями. Разве это не логично? Марсиане отказались от своих тел, оставив чистый разум. И если один

марсианин мог мысленно переговариваться с другим через яму в Англии…

Кук потер подбородок.

— …то почему бы им не переговариваться через космическое пространство?

Филип, который по праву считался самым здравомыслящим среди нас, расхохотался.

— Бросьте, это все выдумки.

— Мысль о воинах с Марса тоже когда-то казалась выдумкой, — с сожалением сказал Уолтер.

— Но если это так, — поинтересовался Эрик, — зачем тогда нужны знаки, метки на поверхности планет?

— Не вижу никаких противоречий, — сказал Кук. — Военные суда по-прежнему ходят под флагами, хотя моряки теперь переговариваются по радио, а не машут флажками, как во времена Нельсона.

— Или, может быть, — сказал Эрик с неуверенной усмешкой, — это знак для юпитериан. Который сообщает им: держитесь подальше!

— Или наоборот, — прошептал Уолтер. — О чем я и пытаюсь сказать…

Во время рассуждений о марсианской телепатии и прочих экзотических вещах я то и дело поглядывала на Кэролайн, бывшую жену Уолте-

ра, к которой так никто и не обратился с самого начала разговора. Она сидела ссутулившись, и на лице ее застыла безжизненная маска — выражающая скорее не горечь, а смирение.

— Что ж, — сказал Кук, — по крайней мере, на этот раз мы будем готовы — если успеем вооружиться до того, как они вылезут из своих цилиндров, и сможем предсказать место их падения.

— Но не факт, что они будут приземляться в какой-то четкой последовательности, — сказал Уолтер. — Хотя их будут сдерживать требования геометрии.

Это его замечание, касающееся знаков, тогда меня озадачило — но в итоге выяснилось, что оно и есть ключ ко всему, о чем я напишу позднее.

— Однако мы знаем, — продолжил Уолтер, — что даже в прошлый раз цилиндры не просто так падали с неба. Они должны были замедлить ход, чтобы не разбиться о землю, как происходит с многими метеоритами. Многие очевидцы говорят, что падение сопровождалось зелеными вспышками, — я сам это видел. Циолковский и прочие полагают, что в цилиндры был встроен некий двигатель, возможно реактивный, который снижал их скорость и задавал нужную

траекторию.

— Скверно, если так, — тихо сказал Кук. — Значит, даже зная даты запуска, мы все равно ничего не можем предсказать. Они могут приземлиться где угодно и когда угодно.

— Именно так, — подтвердил Уолтер. — И хотя они выпускали по десять цилиндров за ночь, ничто не мешает им объединиться по пути. Нам остается только ждать. Сейчас существует сеть телескопов, наблюдающих за небом — в обстановке строжайшей секретности. В лучшем случае мы узнаем обо всем за несколько часов. — Он вздохнул. — Но для меня их цель очевидна, и я изложил свою идею властям максимально убедительно. Марсиане должны вернуться в Англию.

Мы встретили эту мрачную, но до странности правдоподобную весть в гробовой тишине. Я думала, что была к этому готова, — я ведь видела марсианина на Примроуз-хилл! Но даже я была в шоке.

Эрик сказал:

— Уолтер, я не подвергаю сомнению ваши рассуждения, но все равно вас не понимаю. Как я понял из ваших объяснений, в прошлый раз они прилетели в Британию, потому что Лондон — крупнейший город, видимый с Марса. И, как

вы предположили, если марсиане считали нас единой цивилизацией — каковой, возможно, являются они сами, — для них было логично явиться в столицу мира и таким образом обезглавить все человечество. Ладно. Они ведь могут приземлиться где угодно. Но почему опять в Англии?

— Из-за того, что я видел в Шеппертоне. Я думал, Берт, вы тоже это видели. Когда пушки Марвина сбили боевую машину и сражение было окончено, остальные марсиане вернулись за ней и унесли ее обратно в Хорселл, в яму. Знаете, очень просто рассуждать о марсианах как о злобных существах, лишенных всяких представлений о морали. Но мы не должны оценивать их мораль по тому, как они ведут себя с нами, потому что для них мы просто вредители — или в лучшем случае скот. Но мы должны оценивать их по тому, как они ведут себя друг с другом. Они общаются, они сотрудничают — и возвращаются друг за другом. Вот поэтому они и вернутся в Англию. За своими павшими.

Я с содроганием подумала о заспиртованном марсианине, который был выставлен в холле Музея естественной истории в Кенсингтоне.

Наконец Филип сказал:

— Так вот зачем ты нам позвонил.

— Я осознаю, что некоторые из вас — например, Джули — приехали сюда из мест, где они были бы в относительной безопасности.

— Ничего страшного. Вы правильно поступили, Уолтер, — сказала я так твердо, как только могла. В голове у меня уже складывался план. Я собиралась позвонить своей невестке, с которой я в прошлый раз бежала от марсиан…

Эрик взглянул на Кука.

— Думаю, я отправлюсь в свой старый полк, в Инкерманские казармы. А вы, Берт?

Кук сощурился.

— Знаете, если марсиане снова явятся, я-то в курсе, где я буду.

— А я переправлю жену и сына в безопасное место — спасибо за предупреждение, Уолтер, — сказал Фрэнк. — Но что до меня — если марсиане все-таки прилетят, меня призовет долг. Как врача и как солдата Фирда.

— Ну конечно, призовет, — сухо отозвалась я.

Уолтер прошептал:

— И… Кэролайн?

Она подняла голову.

— Что, ты обо мне вспомнил?

— Я всегда о тебе помню. Ты ведь знаешь… то-

гда, раньше, я думал, что ты пропала…

— Послушай, Уолтер…

— Филип?

— Я здесь, — отозвался тот.

— Я прошу тебя позаботиться о ней, как и в тот раз…

— Какой же ты идиот, Уолтер! — Кэролайн перехватила телефон и крикнула в него: — Чертов идиот!

И с размаху бросила трубку.

Марина Оджилви взяла ее за руку.

Филип покачал головой.

— Ты права, он идиот. И вечно говорит обиняками. И таким он был всегда. Но вот что мне интересно: быть может, на самом деле он сказал все это — не считая невнятицы про Юпитер — затем, чтобы помочь тебе?

Я осторожно добавила:

— Он любит тебя. И всегда любил.

— Я знаю, — холодно сказала Кэролайн. — Я читала об этом в его книге.

10. В Стэнмуре и Лондоне

Ночевать мы все остались в Оттершоу.

Рано утром, перед рассветом, Марине еще раз позвонил Уолтер, и она нас разбудила. Уолтер смог назвать предполагаемую дату приземления. Оно должно было случиться в полночь по Гринвичу, в ночь на понедельник, 29 марта. Интервал между запуском и посадкой был таким же, как в 1907 году. Однако официально о нашествии до сих пор не объявляли.

Значит, в понедельник. Встреча в Оттершоу произошла в четверг. Времени оставалось в обрез. Утром пятницы, позавтракав и спешно попрощавшись друг с другом, мы разъехались кто куда.

Этим утром я в первую очередь хотела заехать в Стэнмур, где жила моя невестка. После того как ее муж, мой брат Джордж, на которого она во всем полагалась, погиб в 1907 году, Элис, и так не особенно сильная духом, стала отрешенной и рассеянной; она полностью зависела от друзей и родственников, с которыми заводила дурацкие разговоры, то и дело вставляя фразы в духе «если бы мой милый Джордж был здесь…»

Может, в этом и нет ничего хорошего, но мое бегство в Америку было отчасти обусловлено тем, что я хотела избавиться от ее навязчивого общества. Элис была всего на пять лет старше меня, но о ней приходилось заботиться словно о полоумной тетушке. Однако я несколько раз возвращалась, чтобы помочь Элис справиться с настоящими трудностями вроде болезней. И — надо признать — были времена, когда и она поддерживала меня.

Фрэнк одобрил мой план: он не раз видел, как тяжело Элис переживает удары судьбы — начиная со дня нашей встречи, когда мы бежали из Лондона во время Первой войны. Однако он был рад, что именно я возьму на себя эту ношу.

Сам Фрэнк до сих пор жил в нашем бывшем доме в Хайгейте, к северу от Лондона. Теперь он стал домом для его второй жены и сына, и там же Фрэнк вел прием, выкупив мою долю. Сейчас он собирался поехать домой и предложил подвезти меня до Стэнмура — для него это был не слишком большой крюк. Я согласилась, хотя мы долго пререкались, прежде чем я убедила его принять половину платы за бензин. Это был шутливый спор, но в нем сквозило легкое раздражение; думаю, впрочем, после развода — даже самого

мирного — это лучшее, на что можно рассчитывать.

Итак, мы попрощались с Оттершоу и друзьями. Филип, кузен Фрэнка, поехал к семье, которая, после того как их дом в Лезерхэде был разрушен во время войны, обосновалась на южном берегу. Берт Кук и Эрик Иден попросили, чтобы их подвезли на вокзал, — они собирались уехать на поезде в Лондон и поискать их полки. Хотя они оба уже не состояли на службе, но были уверены, что в свете чрезвычайного положения их примут обратно. А Лондон, как выразился Кук, вскоре должен был стать «одним большим распределительным пунктом» оружия и солдат — готовых к отправке туда, куда марсиане в конечном счете решат приземлиться.

Что до Марины Оджилви, она решила остаться в Оттершоу, в нескольких милях от Хорселлской ямы, куда в прошлый раз приземлился первый цилиндр захватчиков. Она объяснила это тем, что «молния не бьет дважды в одно место». Позже, встретившись с ней снова, я убедилась, что она была права.

Итак, мы с Фрэнком сели в машину и поехали на север.

Мы решили не ехать напрямую, поскольку

эта дорога пролегала через Коридор и сулила сложности, и отправились кружным путем. Мы поехали на запад к Бэгшоту и пересекли реку в Виндзоре. Я помню, как мы ехали через городки и села и люди спешили по своим обычным делам. За окном проносились привычные картины, пусть даже на глаза попадалось больше флагов и солдат в форме, чем в былые времена. Виндзор с его королевским замком прямо-таки ощетинился стражей.

Мы наскоро перекусили в трактире под Слау. Мы сидели рядом со стайкой молодых мамочек и с группой работяг, которые обсуждали грядущий четвертьфинал Кубка Англии между командами морпехов и саперов. Рядом несколько одиночек потягивали пиво и листали «Дейли мейл». День был светлым и купался в солнечных лучах, льющихся с чистого безоблачного неба. Фрэнк сказал, что солнце давно не пригревало и нам повезло.

— Повезло!

Фрэнк выдавил улыбку:

— Жутковато быть одним из немногих во всей Англии, кто знает правду.

Мне показалось, он вздрогнул.

Я накрыла его руку своей.

— Однажды мы уже прошли через это. Пройдем

и еще раз.

Он кивнул и неловко высвободил руку.

Прежде чем мы ушли из трактира, Фрэнк еще раз позвонил домой — утром он говорил с женой и передал ей загадочное предупреждение. На этот раз ответила служанка: она сказала, что жена с сыном уже уехали на втором автомобиле.

— Отправились в наш прибрежный коттедж в Корнуолле, — передал мне Фрэнк. — Мы приобрели его в первую очередь как возможное убежище на случай… на такой случай, как сейчас. Он достаточно близко к Фалмуту — это будет кстати, если понадобится бежать из страны морем, как в прошлый раз.

— Ты должен быть с ними, — твердо сказала я.

Он покачал головой.

— У меня есть долг. Когда я подвезу тебя в Стэнмур, я поеду в Хайгейт и запру дом. У служанки есть сестра в Уэльсе; я посажу ее на поезд, прежде чем начнется массовый исход из Лондона — а мы оба понимаем, что он начнется, когда Марвин сделает объявление. После этого вечером я отправлюсь в Блумсбери, — он имел в виду квартиру на Гоуэр-стрит, которую снимал, когда был студентом. Потом он купил из ностальгических соображений, чтобы она служила пристанищем,

когда нужно будет остановиться в городе. Это была всего лишь мансарда. — Оттуда я дойду до казарм на Олбэни-стрит.

— И мне никак не удастся воззвать к твоему разуму, верно?

Он усмехнулся.

— Ты журналист. Разве я поверю, что, пристроив невестку, ты спрячешься в укрытие, в то время как вокруг тебя будет разворачиваться главное событие века?

— Похоже, мы оба дураки. Или наоборот.

— Так выпьем за это, — сказал он и поднял кружку с пивом.

Мы добрались до Стэнмура без приключений, и Фрэнк меня высадил.

У меня был ключ от дома. Невестки не было на месте: по словам соседей, она отправилась «на воды» в Бакстон вместе с какой-то пожилой единомышленницей, так что я надеялась, что она в безопасности, — коль скоро все полагали, что события развернутся в Лондоне. Впрочем, она собиралась вернуться домой «через каких-нибудь несколько дней». Что ж, сейчас я ничего не могла для нее сделать.

Вечер пятницы я провела в доме невестки в Стэнмуре, лихорадочно размышляя, что де-

лать дальше. Я могла отправиться в Лондон, в эпицентр минувшей войны. А могла спастись бегством — возможно, у меня даже получилось бы вернуться в Америку.

И пока я сомневалась, на следующий день, в районе обеда, нация наконец узнала — благодаря экстренным выпускам газет, плакатам и объявлениям, фургонам с громкоговорителями и самому Марвину, чей голос доносился из беспроводных приемников конструкции Маркони, — о том, что были замечены новые марсианские летательные аппараты и они направляются в центральную Англию. В стране немедленно ввели чрезвычайное положение; была объявлена мобилизация регулярной армии, резерва, Фирда и так далее.

Новость сопровождалась ревущей музыкой Элгара. Даже для привилегированного меньшинства, к которому относилась и я, — для тех, кто заранее был предупрежден о новом вторжении, — это сухо высказанное подтверждение стало тяжелым ударом.

Теперь мне было ясно, что делать. Раз я журналист, мне надо быть в центре событий — в Лондоне. Я спешно собрала вещи, надеясь, что успею сесть на поезд.

Перед уходом мне позвонил Фрэнк. Я хорошо

помню его слова — потому что, хотя позже я узнала, что с ним приключилось, из его собственного рассказа и из подробного дневника, который он ухитрялся вести, в следующие два года мне не суждено было с ним поговорить.

— О боже! — сказал он. — Мой брат был прав!

11. В Лондоне

Как я узнала позже, Фрэнк большую часть субботы провел в квартире на Гоуэр-стрит. К нему заходил только почтальон, который, как Фрэнк и предполагал, принес повестку, предписывающую на следующий день, в воскресенье, явиться на службу.

Утром Фрэнк сделал все необходимое — до того, как люди услышали новости и началось столпотворение. Он купил всевозможные мелочи, нужные любому солдату, даже медику вроде него: печенье, сухофрукты и фляжку для воды, носки, бинты, мазь от мозолей — и так далее. Фрэнк не курил, полагая эту привычку, вопреки расхожему мнению, губительной для здоровья, но позже жалел, что не купил сигареты: солдатам они служили валютой. Поскольку банки были еще открыты, он снял со счетов внушительную сумму. Также он приобрел толстую тетрадь, ручки, чернила и карандаши. Именно в этой тетради, купленной между делом за несколько пенни, он в последующие годы вел хронику событий, стараясь писать так мелко, как только возможно.

Когда он снова вышел на улицу, уже после

объявления, он с удивлением обнаружил, что в магазинах успели ввести карточную систему.

В субботу днем невозможно было найти свободное такси или омнибус, и Фрэнк пешком прошелся по городу, который готовился к войне. На крупных вокзалах Чаринг-Кросс и Ватерлоо уже возвели баррикады с колючей проволокой, а к входам приставили солдат и полицию. Похоже, к поездам допускали лишь некоторых гражданских, и возле вокзалов то и дело случались сердитые перебранки и слезные сцены. Но за проволокой Фрэнк увидел огромные толпы солдат, которые ехали из одной части страны в другую. А на вокзале Виктория он заметил, как к станции подъезжает поезд, груженный гигантскими пушками. Лондон, как обычно, стал средоточием всего, распределительным пунктом для всей страны, как и предсказывал Альберт Кук.

Солдаты были повсюду.

Лондонские парки превратились во временные лагеря, автобазы и пастбища для лошадей. По улицам маршировали жизнерадостные солдаты; мальчишки свистели им вслед, девушки посылали воздушные поцелуи. Мимо Фрэнка прошло подразделение добровольческого резерва Королевского флота — они направлялись к океану,

чтобы в его водах принять бой. А на ступенях собора Святого Павла, под куполом, на котором до сих пор был виден след от теплового луча, играл военный оркестр — и старший офицер, кажется полковник, выступал перед толпой с пламенной речью, обращая особое внимание на мужчин в штатском: «А вы к нам присоединитесь? А вы?»

В ту субботу Фрэнк не чувствовал ни подлинного страха, ни беспокойства. Скорее, им овладело возбуждение. В каком-то смысле, как он говорил позже, казалось, будто все ждали этого момента с самого 1907 года. По мнению Фрэнка, Марвин и его правительство могли считать это своим триумфом. Какими бы циничными ни были причины всеобщего оживления — годы милитаристских речей явно не прошли даром, — каким бы кратким и необоснованным оно ни оказалось, в такой момент лучше быть оптимистом и чувствовать решимость, а не страх.

Одна из первых записей в дневнике Фрэнка гласит, что он восхитился при виде открытых полицейских участков — в субботу! «Должно быть, ввели чрезвычайное положение», — заметил он.

К вечеру он достал свою форму. Фрэнк хоть и был обычным добровольцем Фирда, имел почетное звание капитана Медицинской службы

сухопутных войск, но особенно этим не хвалился, даже я мало об этом знала. Но я знала, с какой гордостью он носит на своем темно-синем берете отполированную кокарду с посохом Асклепия.

По словам Фрэнка, он хорошо спал в ту ночь, несмотря на гомон снаружи. Вопреки официальным указаниям, уже начались стихийные незапланированные эвакуации. К тому же по городу разносился шум буйных празднеств — люди веселились в последнюю мирную ночь.

У меня нет причин не верить ему, хотя мне в лесной тиши Стэнмура не спалось.

12. Мобилизация

В шесть часов утра Фрэнка, как и других людей по всей стране в то воскресенье, разбудил оглушительный перезвон церковных колоколов. В Лондоне за этим последовали крики, свист и пронзительные сигналы громкоговорителей, установленных на фургонах.

Фрэнк приготовил завтрак еще накануне вечером, рассчитывая на ранний подъем. Радио он включать не стал, хотя и подозревал, что тем самым нарушает какой-то второстепенный указ. Он умылся, побрился, натянул форму, сапоги, шинель и синий берет, запихнул в рюкзак туалетные принадлежности, сунул в кобуру служебный револьвер, выключил газ и электричество, положил в карман документы и покинул квартиру.

Гоуэр-стрит переменилась.

Полицейские и военные были повсюду. Новые плакаты на стенах, фонарных столбах и патрульных фургонах объявляли о введении чрезвычайных мер: военного положения, комендантского часа, карточной системы, всевозможных ограничений на передвижение. Возле дома Фрэнка мальчик продавал газеты — очередной экстрен-

ный выпуск «Дейли мейл» с портретом Черчилля, военного министра, который закатывал рукава. Текст на первой полосе гласил:

ОНИ ОСМЕЛИЛИСЬ ВЕРНУТЬСЯ
МЫ ГОТОВЫ
У НАС ЕСТЬ ПЛАН
ИМ НЕ ПОБЕДИТЬ
ДАВАЙТЕ ВОЗЬМЕМСЯ ЗА ДЕЛО!

Фрэнк не стал покупать газету. Он не обращал особого внимания на пламенные призывы властей, которые, вероятно, сами уже обратились в бегство. Черчилль, возможно, был похвальным исключением — все-таки он был ветераном Первой войны.

Хотя повсюду сновали люди, гражданских автомобилей на дорогах было очень мало. Причина этого стала очевидна, когда Фрэнк подошел к собственной машине: на ее лобовом стекле он увидел уведомление о реквизиции и квитанцию, по которой автомобиль впоследствии можно было забрать. Фрэнк рассмеялся и положил квитанцию в карман. Эта бумажка прошла всю войну и уцелела — но Фрэнк никогда больше не видел своей машины и не получил ни пенни в качестве компенсации.

Впрочем, у него еще было время, а до Олбэни-стрит, где находился пункт сбора, можно было быстро дойти пешком. На этот раз город не был охвачен паникой, как во время Первой войны, когда марсиане двинулись на столицу. В целом складывалось впечатление, что все люди, как и сам Фрэнк, знают, куда идти и что делать: у каждого была конкретная цель и Лондон не погрузился в хаос. Пока не погрузился.

Как и в начале Первой войны, Фрэнк сперва направился на Грейт-Ормонд-стрит, чтобы ненадолго зайти в церковь при приютской больнице — в конце концов, было воскресенье. Там оркестр мальчиков играл военные песни. Фрэнк знал, что многие из ребят, выросших в этом приюте, отправляются в армию, меняя одну казенную жизнь на другую, и задумался, сколько повзрослевших мальчиков этим утром готовятся дать отпор марсианам. В просторной церкви вовсю шла служба; объявление гласило, что она будет продолжаться весь день.

Оттуда Фрэнк без дальнейших проволочек зашагал прямо на Олбэни-стрит.

На этой широкой жилой улице с большими, наспех заколоченными домами он оказался в гуще растущей толпы. По словам Фрэнка, толчея была

как на футбольном матче — разве что вокруг были сплошь люди в форме либо прильнувшие к ним матери, дети и возлюбленные. В основном здесь собрались солдаты регулярной армии, но были и люди вроде Фрэнка — из резерва или из Фирда. Некоторые носили килт — это были солдаты полков «Горцы Аргайла» и «Лондонские шотландцы». Фрэнк увидел и отряд гвардейцев, и даже роту морпехов в синих мундирах.

Но это была организованная толпа. Военные полицейские, вооруженные планшетами и карандашами, быстро заглядывали в повестку каждого вновь прибывшего и направляли его в нужный пункт. Или ее: в толпе было немало женщин в форме. Безрадостная моральная победа суфражисток!

В конце концов Фрэнка отправили к толпе медиков, которые собрались на перекрестке Олбэни-стрит и Альберт-роуд. Мужчины-офицеры носили такие же синие береты, как и он; женщины из Имперской службы военно-медицинских сестер были облачены в форменные накидки. Они присоединились к колонне, которая формировалась внутри Риджентс-парка. Необходимо было проследовать через парк на Бейкер-стрит, откуда их должны были отвезти «на место пред-

полагаемого фронта», как выразился военный полицейский. Из этого Фрэнк заключил, что к настоящему моменту место падения цилиндров было рассчитано довольно точно.

Какая-то молодая женщина в накидке решительно подошла к Фрэнку:

— Вы, должно быть, капитан Дженкинс?

Тот приосанился.

— Я просто доброволец Фирда, а в этой роли чувствую себя самозванцем — но да, это я.

— Меня зовут Верити Блисс. Меня поставили ими руководить, — она указала на смущенных женщин, столпившихся позади нее. Верити было лет двадцать пять; у нее было умное лицо и коротко подстриженные каштановые волосы. — А тот парень, — она указала на полицейского, — говорит, что вы наш командир — по крайней мере, до тех пор, пока мы не сойдем с поезда, — она замялась. — Сэр, а вы знаете, куда едет этот поезд?

Фрэнк улыбнулся.

— Я даже не знал, что мы куда-то едем на поезде. Вы из ДМО, верно?

В состав ДМО — Добровольческого медицинского отряда — входили медсестры, которым не платили за работу; их набрали через военное министерство и Красный Крест.

— Именно так, сэр. Мы работали на военном заводе в Вулвиче. Мы записались добровольцами.

— Вы молодцы. Но знаете что… Я не привык к обращению «сэр». Как насчет того, чтобы называть друг друга Фрэнк и Верити, пока мы не сойдем с поезда?

Женщина улыбнулась в ответ, но сказала:

— Только не на глазах у полицейского, сэр.

Их колонна, собравшаяся за оградой парка, почти окончательно выстроилась. Старший офицер, возможно бригадный генерал — Фрэнк был слишком далеко, чтобы разглядеть его звание, но, судя по возрасту, он успел повоевать в Крыму и тем более на Первой марсианской войне, — взобрался на ящик и зычно провозгласил:

— Пришло ваше время, парни — и девушки! Я знаю, что в основном здесь солдаты из резерва и Фирда, но среди вас есть и гвардейцы, и это большая честь — сражаться бок о бок с такими людьми. А теперь поприветствуйте друг друга, как настоящие британцы — и счастливого пути!

И все, конечно, начали кричать и аплодировать.

А потом Фрэнк, Верити и остальные врачи и медсестры промаршировали через парк вместе с прочими солдатами. Теперь и вслед Фрэнку

школьники махали флагами, а девушки посылали воздушные поцелуи. Фрэнку было тридцать восемь лет. То, что он своими глазами видел на войне, ужаснуло его. Как и большинство образованных британцев, теперь он со здоровым цинизмом относился к Марвину, бряцающему оружием, и к милитаризации общества. Но сейчас он чувствовал, что этот момент будет с гордостью вспоминать всю жизнь.

На станции «Бейкер-стрит» они включились в запутанную игру: надо было протиснуться сквозь выходы и турникеты, предназначенные для сравнительно небольшого потока клерков. В метро царил шум и гам — лязгали маневровые локомотивы, визжали свистки, тысячи взволнованных голосов галдели, словно чайки на птичьем базаре, но над всем этим царил дух порядка. Фрэнк говорил, что в какой-то мере четкое, эффективное устройство железных дорог, включая и метро, было лучшим проявлением нашей цивилизации. Во время первой атаки марсиан железные дороги продолжали работать даже после того, когда правительства как такового не стало, — и теперь они снова были важной частью национальной обороны.

Время шло, и Фрэнк уже успел порядком

утомиться, когда они наконец погрузились в дополнительный пригородный метропоезд — тот не тронулся, пока не оказался набит битком.

Фрэнк и медсестры-добровольцы, которые сели одними из последних, оказались у самой двери и видели, как мимо проносились станции. Рядом с Фрэнком какой-то солдат распевал похабные песенки и аккомпанировал себе на губной гармошке, а из соседнего вагона временами доносились резкие звуки волынки. Общий настрой был весьма жизнерадостным, хотя в каждом отсеке стоял на страже полицейский.

Вскоре они миновали Хампстед и оказались за городом. Они ехали через Уэмбли и Харроу; поезд не останавливался на промежуточных станциях, но замедлял ход, и местные жители махали солдатам флагами, протягивали им еду, яблоки и даже открытки. Фрэнк смотрел, как из окон высовываются бойцы и стараются схватить бутылки с пивом. А еще дальше, за городом, он увидел марширующие колонны, гаубицы и полевые пушки, которые тянули за собой машины и лошади. Интересно, стали ли реквизировать лошадей у фермеров и трактирщиков, подумал он, — на прошлой войне потребовалось очень много лошадей.

Основной поток стремился к северо-востоку из Лондона, в направлении Мидлсекса и Бакингемшира. Это не осталось без внимания опытных солдат. В поезде звучали самые разнообразные говоры, преимущественно лондонские.

— Я так себе кумекаю: кто-то знает, где они приземлятся на этот раз.

— Ага, какой-то астро… астро… астролог.

— В тот раз они шмякнулись в Суррее, так? Зуб даю, в этот раз попробуют что-то другое, — сказал пожилой мужчина со шрамом.

— Ну и что с того? Были бы тогда большие пушки — сбили бы их на раз-два, а в этот раз уж точно собьем, ежели подберемся.

— Все будет по-другому, вот увидишь. Раз спускаются в другом месте — значит, и все остальное сделают иначе. Разумно звучит, правда же? В тот раз они проиграли — и это послужило им уроком.

— Ха! Даже для наших такое не всегда становится уроком.

За этим последовал смех и непристойные шутки о промахах разных офицеров.

Но человек со шрамом не стал смеяться.

— Если они умные — значит, кой-чему научились. Вот на немцев посмотрите. В семидесятом

году они размазали французов, в четырнадцатом наподдали им еще сильнее — и вот снова победили.

На это ни у кого ответа не нашлось.

13. На подходе к Аксбриджу

Поезд остановился в городке Икенхем, не доезжая конечной станции — Аксбриджа, и солдаты вышли.

Фрэнк и Верити во главе своего маленького отряда медиков и медсестер, как пастухи во главе стада, промаршировали по улицам Икенхема и вскоре вышли за его пределы. Вокруг звучали названия частей, прибывших со всех концов страны: четвертый батальон Королевского фузилерного полка, второй батальон Королевского Ливерпульского полка, первый Королевский Шропширский легкий пехотный полк. Там были и дивизионные части, специальные войска со своим снаряжением, артиллерийские батареи; были и саперы — Корпус королевских инженеров. Были также радиокомплекты и кабели для полевого телеграфа, бытовые приспособления вроде армейской хлебопекарни и более необычные предметы — например, секции для понтонных мостов и баллоны разведывательных аэростатов, которые тащили по дорогам лошади или грузовые машины, двигаясь в основном на юго-запад, по направлению к городу.

Верити коснулась руки Фрэнка и указала на солдат на мотоциклах, которые направлялись на запад.

— Разведчики, — сказала она.

— Едут туда, где, по их расчетам, разразится битва.

— Да, понимаю.

Она поежилась, и Фрэнк подумал: она размышляет о том, что эти ребята, вероятно, падут первыми в любом бою — хотя перспектива боя до сих пор казалась нереальной.

Вскоре марширующая колонна распалась, и отряд Фрэнка отвели к полевым госпиталям — палаткам, разбитым в поле. Военный полицейский, который привел их туда, вкратце зачитал с листа распоряжения:

— Располагайтесь. Вам предоставили воду и масляные радиаторы — должны были предоставить. Палатки здесь, койки здесь, инструменты и все такое — вон там. Бинты и запас крови, карболка и хирургические пилы…

Как Фрэнк мог заметить, не все медики в отряде были опытными, и некоторые побледнели при этих словах, которые полицейский смаковал с каким-то извращенным удовольствием.

— Достаточно, капрал, мы поняли.

— Тогда приступайте к делу, — полицейский в последний момент вспомнил, что надо отсалютовать старшему офицеру, и хотел было развернуться и уйти.

— Погодите, — сказал Фрэнк. — И это все?

— О чем вы?

— Мы весь день на ногах.

— А я весь день хожу тут и ору на людей, сэр, и что-то не жалуюсь.

— Мы ели всего раз…

— Полевые кухни там, — он указал в нужную сторону. — Сами определите, кто и когда будет дежурить. Уборная вон там.

Фрэнк снова огляделся: у него было противное чувство, будто он упускает что-то очевидное и сейчас выставит себя дураком.

— Да, но… где нам спать, капрал?

Полицейский взглянул на него и ухмыльнулся.

— Сегодня вам поспать не удастся, капитан. Гром грянет в полночь. Вернее сказать, в полночь с Марса упадет нечто огромное и тяжеленное. После этого у нас будет окно в девятнадцать часов — а вот потом, думаю, мы все будем заслуживать мягкой койки.

В полночь, подумал Фрэнк. Значит, они прилетят в полночь, как и в прошлый раз, — как и

предсказывал Фрэнк. Оглядывая юные встревоженные лица, которые его окружали — многие из этих людей тогда были еще детьми, — он старался сдержать собственное внезапное беспокойство. «Окно в девятнадцать часов». Что бы это могло значить?

День уже клонился к вечеру. Поняв, что из капрала больше ничего не вытянешь, Фрэнк быстро отправил Верити, юных медсестер и всех остальных устраивать госпиталь и разбирать инструменты — от всей души надеясь, что производит впечатление человека, знающего, о чем говорит. Затем он пошел искать «кого-нибудь, кто здесь главный», как позже написал в дневнике.

Он набрел на штаб или что-то вроде того: несколько старших офицеров, разложенные на столах карты, телефоны, радиоприемники и телеграфы — и кофеварка. Молодой офицер по фамилии Фэрфилд, подполковник, в конце концов сжалился над ним.

— Простите, доктор… капитан. Дело в том, что мы из кожи вон лезем, чтобы все организовать, а ваши медики-добровольцы не очень-то вписываются в командную структуру.

Подполковнику было под тридцать, лет на десять меньше, чем Фрэнку; у него было безупреч-

ное произношение, выдающее в нем выпускника частной школы, и казалось, что все происходящее доставляет ему какое-то мрачное удовольствие.

— Хотите кофе?

— Нет, спасибо, сэр.

— Я знаю, о чем вы думаете.

— Правда?

— Хорошо, что с неба не льет, раз уж мы торчим посреди поля, верно? Правда, скоро оттуда посыплются марсиане.

— Но где именно приземлится цилиндр, сэр? Я знаю, что их отслеживали в телескопы.

Фэрфилд приподнял бровь.

— Скорее уж не цилиндр, а цилиндры. Но тот, что нас интересует, судя по всему, грохнется посреди Аксбриджа, так что этому дрянному городишке не повезло. Жителей, к слову, уже эвакуировали, так что о них можете не беспокоиться. — Он взглянул вверх. — Ближе к посадке мы поднимем в воздух самолеты. Я слышал, будет даже цеппелин — кайзер оказал нам такую любезность. Возможно, так мы лучше поймем, что происходит. — Он пристально посмотрел на Фрэнка. — Честно говоря, я не знаю, насколько подробно вас проинструктировали.

— Считайте, вообще никак. Капрал…

— Что ж, обычное дело. Все, что вам необходимо знать, — это то, что уход за ранеными будет осуществляться по обычной схеме, и об этом уже позаботились. У нас будут медпункты на поле боя — то есть в том месте, где, предположительно, опустится цилиндр. Будут эвакуационные пункты, куда санитары смогут добежать с передовой, и санитарные машины, которые будут отвозить раненых в полевой госпиталь — то есть к вам. Как видите, вы вытянули счастливый билет, доктор: те, кто приехал раньше, медсестры-добровольцы и все остальные, уже на передовой.

Фрэнк кивнул.

— Спасибо. С этим все ясно. Капрал сказал еще кое-что. Про окно в девятнадцать часов…

— Он разговорчивый, наш капрал, правда? Мне говорили, что, когда упал самый первый цилиндр, рядом с Уокингом…

— На Хорселлской пустоши.

— …именно столько времени ушло на то, чтобы марсиане развинтили свою посудину и высунули оттуда генераторы тепловых лучей и прочую пакость, и чтобы наружу вылезли эти боевые машины, расправили ноги и принялись за работу. Так что на этот раз у нас должна быть фора по времени — и тогда мы сможем обстрелять эту

штуковину, пока марсиане еще беспомощны.

Его уверенный тон показался Фрэнку подозрительным.

— Если все пойдет так, как в прошлый раз…

— Конечно, я надеюсь, что мы покончим с этой штукой за два часа, а не за два десятка часов. Что еще вы хотели бы узнать, доктор? — вежливо спросил он.

— Вы говорите «цилиндры». Но раньше они падали по одному.

— А. Ну кое-что изменилось. Астрономы пришли к единому мнению на сей счет, пусть и довольно поздно. Что ж, не могу их в этом винить, — он повернулся к Фрэнку. — Их больше полусотни, и все летят в эту часть страны.

Больше полусотни. Фрэнк вспомнил, как брат говорил о пушках, разбросанных по Марсу, что стреляли ночь за ночью, и о целом флоте цилиндров, которые маневрировали в космосе. А теперь этот смертоносный рой преодолел межпланетное пространство и готовится приземлиться — прямо здесь. Все пятьдесят! И, со слов Уолтера, следом должны были прилететь еще пятьдесят…

Подполковник похлопал его по плечу.

— Как бы то ни было, нам стоит беспокоиться только об одном из них. — Он взглянул на ча-

сы. — А теперь, если у вас больше нет срочных вопросов…

— Спасибо, сэр.

— Возвращайтесь к работе, капитан Дженкинс.

После захода солнца началось томительное ожидание полуночи.

Отряд постарался обустроить полевой госпиталь наилучшим возможным образом, и Фрэнк с облегчением узнал, что с инструментами и лекарствами все в относительном порядке. Но как следует все проверить и перепроверить возможности не было.

Около семи часов он с благодарностью поддержал идею Верити немного потренироваться. Одни его подопечные изображали раненых, другие их принимали. Медсестры-добровольцы особенно охотно включились в процесс, хотя и действовали не слишком умело. Фрэнк знал, что на военных заводах случаются трагические происшествия, но, по его впечатлениям, большинство медсестер в реальности не сталкивались с тем, что им предстояло делать.

В девять он предложил всем, кто желает, вздремнуть на больничных койках. Некоторые легли, но не всем удалось заснуть.

В десять он велел своим людям поужинать,

выпить кофе или воды. Одного из юных медиков он поймал с фляжкой спиртного, конфисковал ее и запер в сундук, обещая, что вернет «после боя», как выражались в лагере, — если только у кого-то из раненых не возникнет более сильной необходимости в недурном бренди.

В одиннадцать он велел всем по очереди сходить в уборную. И прошептал Верити:

— Все равно до утра кто-нибудь да намочит штаны, я уверен.

Когда приблизилась полночь, они укрылись за баррикадой из мешков с песком и стали смотреть на юго-запад, где горели огни опустевшего Аксбриджа. Они были в уставных стальных касках; на боку у обоих висели санитарные сумки. Небо было чище, чем в ночь на воскресенье, — лишь легкая дымка заслоняла звезды.

Им было не до обстоятельных разговоров. Верити, казалось, была слишком встревожена, чтобы говорить о себе. Фрэнк узнал, что у нее нет мужа и что она едва успела переехать из родительского дома в квартиру возле Вулвича, которую делила с несколькими другими девушками, когда пришла повестка. Он постарался отвлечь ее рассказами о себе. Верити, конечно, слышала об Уолтере.

— Мне тогда было всего двенадцать, — сказала

она. — Мы гостили у родственников в Центральной Англии, когда из Лондона начали поступать новости. Отцу удалось раздобыть места на корабле, и мы уплыли из Ливерпуля в Ирландию. Так что я пропустила все действо. Но в книге, которую написал ваш брат, все предстает как живое. Я его однажды видела. Тогда как раз вышло иллюстрированное издание. Он пришел в «Фойлс» на Чаринг-Кросс-роуд побеседовать с читателями. Помню, ему не понравились иллюстрации. Он дал мне автограф.

— Ну еще бы, — проговорил Фрэнк, стиснув зубы.

— Капитан, вы ведь тоже видели, как он падает, правда? Цилиндр. В прошлый раз.

— Да. Шестой, который упал возле Уимблдона. Это тоже было в полночь.

Он взглянул на часы: было без пяти минут двенадцать.

— Как он выглядел?

— Цилиндр? Как падающая звезда, которая катится по небу. С зелеными огнями.

— С зелеными? Тогда, видимо, нам надо их высматривать, — она подняла маленький бинокль и уставилась в небо.

Некоторое время они сидели молча. Фрэнк

очертил воображаемый круг вокруг Аксбриджа — маленького, покинутого людьми городка, где бессмысленно сияли электрические огни. По периметру этого круга сидели солдаты вроде них со всеми этими пушками, биноклями, полевыми госпиталями — и ждали, ждали. Невдалеке какой-то кокни пропел на мотив рождественского гимна: «Почему, почему-у-у же мы ждем?» Последовали смешки, затем кто-то тихо скомандовал замолчать.

— Капитан, полночь уже наступила. У моих часов светящийся циферблат… Прошло десять секунд. Уже пятнадцать. Я не вижу никаких зеленых огней…

Высоко в небе прямо над ними послышался треск, словно что-то взорвалось. Затем сверху упал какой-то предмет, прочертив в воздухе ослепительно сияющую полосу — не зеленую, а белую. Предмет вонзился в темную землю.

— Ложись!

Действуя на уровне инстинкта, Фрэнк упал ничком, схватил Верити за шею и пригнул ее голову к земле.

Затем их накрыло взрывной волной.

14. Прибытие первой волны

Позже я узнала, что астрономам все же удалось кое-что вычислить — по крайней мере, количество снарядов и приблизительное место их падения. Однако никто не предвидел, каким именно будет это падение.

Все пятьдесят два цилиндра приземлились этой ночью в Центральной Англии. Циолковский и его коллеги позже высчитали, сопоставив это с нашествием 1907 года, что марсиане должны были запустить пять флотилий, по десять или больше снарядов в каждой: первый запуск был произведен 18 февраля, следующие — 20, 22, 24 и 26 февраля.

(Что касается цилиндров, которые упали в следующую ночь и в тот момент еще летели к Земле, — их запускали в промежутках между этими залпами, с 19 по 27 февраля.)

По предположению Циолковского, марсиане во время своего межпланетного полета корректировали траекторию при помощи двигателей. Это позволило первым снарядам замедлить ход и дождаться отстающих, так что в конце все цилиндры первой волны упали одновременно — по

крайней мере, с точки зрения военных, которые наблюдали за их падением. Это случилось в полночь на понедельник, 29 марта. А последний цилиндр, который был выпущен 26 февраля и, в отличие от остальных, не был вынужден никого дожидаться, приземлился через четыре недели и четыре дня после залпа — как и цилиндры, выпущенные в 1907 году.

(А тем временем цилиндры второй волны еще готовились к вторжению где-то в космосе…)

Эти первые пятьдесят два цилиндра образовали огромное кольцо диаметром в двадцать миль, с центром в графстве Бакингемшир, в городке Амершеме. На юго-западе это кольцо доходило до Хай-Уикома, на северо-западе — до Уэндовера, на северо-востоке — до Хемел-Хемпстеда, а юго-восточный край пришелся как раз на Аксбридж, где располагалась часть Фрэнка. Расстояние между цилиндрами было чуть больше мили. На этот раз не было никаких зеленых огней, не было попыток замедлить ход космических кораблей — если, конечно, это были космические корабли, а не снаряды.

У первой волны явно не было цели доставить марсиан и их приборы на Землю нетронутыми, как у хорселлского цилиндра и его братьев-близ-

нецов во время Первой войны. Их единственной целью было разрушение.

Анализируя события 1907 года, Деннинг и прочие эксперты по метеоритам отметили, что марсиане, совершив относительно мягкую посадку, фактически отказались от стратегического преимущества — преимущества неба над землей. При этом свидетельство Уолтера, который наблюдал развалины Шина, пострадавшего при падении цилиндра во время Первой войны, дает весьма яркое представление о том, сколь разрушительной была даже такая относительно мягкая посадка. Барринджер тем временем изучил кратер «Каньон Дьявола» в Аризоне и предположил, что он мог появиться не вследствие парового взрыва или извержения вулкана, как считали прочие, а из-за того, что с неба упал железный метеорит диаметром в несколько десятков ярдов — то есть примерно такого же размера, что и марсианский цилиндр. От удара образовалась дыра в земле шириной в полмили и глубиной в двести ярдов. Исходя из этого, можно представить себе масштабы разрушений от такого падения. (К слову, один писатель — тот самый автор «Человека тысячного года», которого Уолтер видел в Берлине, — легкомысленно

предположил, что кратер Барринджера как раз и был создан марсианским цилиндром, приземлившимся на нашей планете в далеком прошлом.)

При второй атаке на Землю марсиане взяли на вооружение простую, но жестокую тактику: использовать кинетическую энергию снарядов, чтобы сровнять с землей всех, кто готов сопротивляться, не оставив им шанса на бегство и тем более на ответную атаку. Именно такая судьба постигла британские войска той мартовской ночью.

Представьте себе ударную силу одного цилиндра. В последние секунды своего существования Аксбриджский цилиндр приближался к Земле под углом — траектория его полета пролегала над Атлантикой. За долю секунды он прорезал земную атмосферу, оставив за собой вакуумный туннель. А когда он врезался в землю, вся энергия его полета мгновенно преобразовалась в тепло. По словам Деннинга, сам цилиндр при этом был полностью уничтожен. Вверх устремился поток раскаленных камней, затягиваемый в лишенный воздуха туннель. Тем, кто наблюдал за падением издалека, показалось, что они видели мощный луч прожектора. Вокруг этой сверкающей колонны со дна кратера поднялось облако каменного

крошева, в сотни раз более тяжелое, чем сам цилиндр. За этим последовали ударные волны, яростный порыв ветра, иссушающий жар. Сама земля прогнулась и застонала, когда ее плоть вздыбилась кратером в милю шириной.

В каждой точке, выбранной мишенью, произошло ровно то же самое: с воздуха (как доказали фотографии, сделанные на следующий день) это выглядело как кольцо огненных провалов, более впечатляющих, чем аризонский кратер. Каждый из них глубоко впечатался в английскую землю.

И все военные части в радиусе мили были уничтожены.

Многие верили, что Англия не станет мишенью для второй марсианской атаки, но достаточно было и тех, кто допускал такую возможность, а еще больше — тех, кто ее боялся, — и это вынудило правительство заблаговременно принять меры. Последовала перестройка не только армии и экономики, но и отношений между людьми — сама ткань общества загрубела. Однако в результате у нас появилась куда более боеспособная армия, и, когда после долгих лет планирования и подготовки наконец настало время для мобилизации, она прошла быстро и эффективно.

Но итогом этой мобилизации стало то, что

половина новой британской армии была уничтожена в первые минуты после атаки. Сгинули и солдаты, и военная техника; от большинства погибших не осталось и следа. И даже те, кто, как Фрэнк, находились на периферии, понесли серьезные потери.

Жестокость происшедшего потрясала, обескураживала. Фрэнк лежал ничком, вжавшись лицом в землю, закрыв голову руками. Казалось, что мир рушился на части: земля ходила ходуном, фонтаны песка взлетали в воздух, самого Фрэнка трясло и ломало. Траншею обдало жаром. А потом начался град — сверху посыпались раскаленные обломки камней, обжигая кожу.

Контраст был ошеломительным. Сюда его привела цепочка отлаженных, размеренных действий — и все это в мгновение ока было стерто в пыль, разбито вдребезги. Фрэнк ощутил себя жалкой пылинкой в новом, незнакомом, первобытном мире.

Только когда земля перестала сотрясаться, когда схлынули жаркие волны и прекратился град из обломков камней — только тогда он осмелился поднять голову и выглянуть из-за бруствера. Но его фонарик осветил только клубящуюся пыль, словно от мира ничего не осталось.

Лицо Верити, смятенное, ошарашенное, сверкнуло во мраке, как начищенная монета. Когда она заговорила, голос ее звучал сдавленно, будто ей не хватало воздуха.

— Что это было? Тепловой луч?

— Нет. Не знаю. — Фрэнк выпрямился и огляделся. — Это катастрофа.

Тьма вокруг сгустилась: огни Аксбриджа больше не освещали мрак. В свете нескольких уцелевших фонарей Фрэнк увидел разоренный лагерь: палатки опрокинуло взрывной волной, даже огромная пушка завалилась набок. Полевые госпитали были разрушены, койки и медицинские принадлежности валялись на земле.

— Тут будет непросто навести порядок.

Собственные слова показались ему донельзя глупыми. Разве вообще в человеческих силах с этим справиться?

Послышался стрекот мотоцикла.

— Смотрите, — Верити показала туда, откуда доносился шум.

Сверкнула фара, и разведчик в противогазе и защитных очках въехал в клубы дыма — он направлялся в зону разрушений. Затем за ним последовало еще несколько человек. Огни мотоциклов скрыла завеса тьмы, за которой Фрэнк

различил красноватое пламя — оно постепенно разгоралось там, где раньше стоял Аксбридж.

— Нам нужно туда, — сказал Фрэнк. — К раненым — если, конечно, кто-то вообще выжил. Берите сумку и пойдем.

— Но госпитали…

— Тут полно сильных ребят, которые отстроят все заново. А теперь наша главная задача — найти пациентов.

Держа в руке фонарь, он шагнул за бруствер. Оба натянули противогазы: подразумевалось, что они должны спасать от черного дыма, но теперь фильтры и защитные маски оберегали легкие и глаза от пыли, которая стояла над развороченной землей. Оглядываясь назад, Фрэнк видел, что за ними следом идет еще несколько медсестер и санитаров с фонарями и лампами. Искры во тьме.

По земле словно прокатилась огромная волна. Продвигаясь вперед, Фрэнк видел искореженные остатки машин и пушек — и человеческих тел. Вот чья-то оторванная конечность, вот раскрытая ладонь, вот расколотый череп; тела, оставшиеся более или менее целыми, свисали с брустверов. «Расчлененные» — всплыл в сознании у Фрэнка медицинский термин. Большинство даже не были обожжены — их просто разорвало на куски.

Его отряд разбрелся, чтобы поискать в этих жутких завалах признаки жизни.

Верити стояла рядом с Фрэнком, зажав рот рукой в перчатке.

— Наверное, если смотреть с Марса, все это кажется очень незначительным.

Впереди они заметили какое-то движение. В клубах пыли показалось двое солдат: один из них тащил на себе второго, у которого была сломана нога и сильно обожжено лицо. Фрэнк и Верити побежали к солдатам и помогли аккуратно уложить раненого на землю.

— Ничего страшного, — проговорил тот, с трудом шевеля обожженными губами. — Так, пустяк. Ерунда…

— Молчите, — сказала Верити. Она быстро обследовала раненого. — Он истекает кровью. Нужен жгут на ногу. И холодная вода для ожогов. Надо наложить шину… — Она посмотрела на Фрэнка, и даже маска не могла скрыть ее неуверенность. — Так ведь, доктор?

— Конечно. Приступайте.

Пока она занималась раненым, Фрэнк еще раз огляделся. Пыль к этому времени уже слегка улеглась. Оттуда, куда упал цилиндр, до сих пор тянуло невыносимым жаром, и над бывшим

городом до сих пор виднелось красное зарево — что бы ни осталось от Аксбриджа, это сейчас полыхало вовсю, как и окрестные поля и леса.

Из лагеря потянулись люди — не только медики, но и солдаты, сержанты и даже офицеры. Из развалин выбирались немногие уцелевшие. Пожилой мужчина, опытный военный врач, согнулся пополам, и его стошнило. Когда он выпрямился и вытер рот, то сказал:

— Что нам здесь делать? Это же бойня. Что нам делать? Что делать?

— Лечить, — сказал Фрэнк так твердо, как только мог. — Всех, кого мы можем вылечить. Вперед. Давайте прочешем местность. Вон там кто-то шевелился…

Они ходили среди мертвых и искали тех, кого еще можно было спасти. Большая часть коек в полевом госпитале осталась пустой. Но этой ночью Фрэнк и его отряд снова и снова возвращались к развороченной земле. Лучи фонарей то и дело выхватывали из темноты человеческие тела, бледно мерцающие в воздухе, полном копоти и дыма.

15. Понедельник в Лондоне

Я всегда недолюбливала утро понедельника. Особенно если нужно включаться в повседневную рутину — работа, транспорт, — а перед этим был ленивый воскресный вечер, в конце которого человеку кажется, что он снова стал собой, и который оборачивается обманкой. В понедельник утром только и остается, что второпях проглотить завтрак и, ощущая в желудке его тяжесть, отправиться вместе с копошащимся роем в огромные ульи деловых кварталов. Но вряд ли можно вообразить более ужасное утро понедельника, чем то утро 29 марта: у лондонцев, пожалуй, не было такого горького пробуждения со времен Первой марсианской войны, а у парижан — с 1914 года, когда в город вошли немцы. Впрочем, думаю, что многие из нас и не спали — с самой полуночи, когда приземлились цилиндры, я почти не смыкала глаз.

Я не без труда добралась из Стэнмура в центр Лондона и остановилась в отеле на Стрэнд. Номер стоил заоблачных денег — в эти последние дни и часы все героически задирали цены, — но я, журналистка, не обремененная заботой о невестке,

твердо решила попасть в самую гущу событий. Историю о Лондоне времен Второй войны, независимо от того, доберутся ли до города марсиане, будут пересказывать еще долгие годы. Сказать по правде, я рассчитывала, что «Сатердей ивнинг пост» задним числом оформит мне командировку, и я к тому же умножу свои сбережения.

Необходимые наблюдения были произведены до вечера воскресенья. Правительство и военное руководство предупредили людей посредством газет, радио и громкоговорителей о том, что марсиане приближаются к Земле и на этот раз они нацелились на Миддлсекс и Бакс — графства на приличном расстоянии от Лондона, а также о том, что армия уже в пути и готова расправиться с захватчиками. Они возвращались! Это пугало и будоражило: неужели мы и вправду готовы к их прибытию?

Так что в полночь я, не раздеваясь, стояла и ждала представления. Что я ожидала увидеть той ночью? Может быть, одну-другую падающую звезду — вроде тех, что заметил Уолтер в ту короткую июньскую ночь 1907 года, когда возле Уимблдона упал шестой цилиндр, пока мы с невесткой дремали. Я ждала зеленую вспышку, звезду над холмами, бесшумно скользящую

вниз, — а вслед за этим должен был раздаться отдаленный грохот пушек: наши ребята отомстили бы за прошлый раз.

Ничего подобного. Как позднее выразился Черчилль, подлые марсиане вернулись на поле, но отказались играть по правилам.

Я смотрела из окна шестого этажа на северо-запад (я позаботилась о том, чтобы окна моего номера выходили именно туда), и мне показалось, что внезапно грянула гроза: я увидела ослепительные вспышки, белые, без каких-либо примесей зеленого цвета, похожие на молнии от земли до неба, — и все это в зловещей тишине.

Потом, спустя целую минуту, послышался грохот — словно колоссальный раскат грома сотряс город. Я услышала звон бьющегося стекла. Отель содрогнулся, и я почувствовала, что земля подо мной пульсирует — как и воздух вокруг. (Позже я узнала, что находилась милях в тринадцати от ближайшего места падения снаряда.) Прошла секунда, и все кончилось — только на горизонте постепенно разгоралось зарево пожара.

В наступившей тишине заголосил сигнал пожарной тревоги. В коридорах послышался топот; кто-то кричал, что надо эвакуироваться — и ни в коем случае не пользоваться лифтами. Я подо-

зревала, что это лишнее, но была готова идти. Я подхватила свой рюкзак, куда, по обыкновению, заранее уложила вещи, вышла из комнаты, положила ключ в карман и присоединилась к толпе постояльцев, которые пробирались к лестнице.

На улицах были пробки — в основном из автомобилей, но были и гужевые повозки. Почти все направлялись на восток, к улице Олдвич, подальше от «бури», и многие ехали по встречной полосе, несмотря на усилия пары констеблей по специальным поручениям — полицейских-добровольцев, которые тщетно пытались поддерживать порядок. Значит, люди уже бегут из города. Толпа постояльцев вылилась на улицу из отеля; большинство были в пальто поверх ночных рубашек — ночь была прохладная. Люди были встревожены и слегка смущены — поскольку грандиозное световое представление, зловещий грохот и дрожь земли уже закончились. Не было видно ничего необычного, разве что небо на западе подозрительно покраснело. Люди рассуждали о том, что случилось: может быть, марсиан сбили еще до приземления? Ходили дикие слухи о титанических пушках, которых доставили на немецких цеппелинах и так далее.

Но какой-то пожилой мужчина с пышными уса-

ми, как у лорда Китченера, с этим не соглашался:

— Знаете, чего мы не слышали? Пушечных выстрелов! Во время битвы за Париж в четырнадцатом году я был в Рае, в Суссексе, и даже с такого расстояния мы слышали лай немецких гаубиц. А Миддлсекс куда ближе. Что бы это ни был за исполинский шторм — наши парни не стреляли в ответ. Верно ведь? Так что происходит? Может, у нас уже кончился порох?..

Жена потянула его за рукав, призывая замолчать, — и это сказало многое о том, как в ту ночь были настроены перепуганные лондонцы. Прохожие с подозрением косились на мужчину или выискивали глазами констеблей, чтобы те положили конец упаднических речам.

Поскольку представление, по всей видимости, закончилось, а отель не разваливался на части и не полыхал огнем, постояльцам предложили вернуться внутрь. Многие из них, однако, были слишком взбудоражены и не хотели обратно в номера. Администратор, проявив смекалку, открыл рестораны и бары; там можно было заказать напитки, а вскоре принесли закуски, кофе и чай. Я слышала, как ворчат официанты, которых подняли среди ночи: «Надо же было этим проклятущим марсианам явиться в самом конце

моей смены!»

Я какое-то время провела внизу — пила крепкий кофе и пыталась разузнать какие-нибудь новости. В каждой комнате, в каждом холле был «мегафон Марвина», но оттуда в промежутках между бравурными патриотическими песнями лились только шаблонные заверения, что враг приземлился ровно там, где предсказывали астрономы, и что наши войска отважно вступили с ним в противоборство, — никаких деталей. Я пыталась дозвониться нескольким знакомым в Миддлсексе, но, похоже, телефонная связь с тем районом оборвалась. Я даже позвонила в «Обсервер» — эта газета опубликовала в разделе «Культура» несколько моих статей, которые я присылала из Нью-Йорка, — но дежурный редактор сказал, что телеграф тоже не работает и даже по радио не поступало никаких вестей.

В конце концов я запихала в сумку несколько сэндвичей, поймав на себе косые взгляды официантов, и вернулась в номер. Я решила, что стоит остаться там до рассвета и попробовать поспать. Я легла в постель прямо в одежде — сняла только пальто и ботинки. По крайней мере я согрелась. С поля боя, если таковое вообще было, ничего не доносилось — ни грохота взрывов, ни треска

выстрелов.

Все это было загадочно, тревожно и совершенно неожиданно. Как будто не марсиане спустились на Землю, а какой-то грозный таинственный бог.

Кусочек неба в моем открытом окне уже начал светлеть, когда меня разбудил запах гари.

Ночь была позади. Я спешно умылась, схватила пальто и сумку, отхлебнула холодного кофе из чашки, которую принесла из ресторана, выбежала из комнаты и снова понеслась вниз по лестнице.

На востоке занимался рассвет. Но на западе темное небо до сих пор светилось красным. Оттуда дул слабый ветерок — именно он принес запах гари. Я представила себе полыхающий Миддлсекс — и, как оказалось впоследствии, была недалека от истины.

С полуночи улица преобразилась. Вдоль всей Стрэнд стояли временные заграждения, которые охраняли констебли, — многие из них были добровольцами, одетыми в гражданское, и отличить их можно было только по нарукавным повязкам и стальным шлемам. На улице больше не было машин, а на те немногие, что были здесь припаркованы, налепили уведомления о реквизиции. В дело вступали новые правила — очевидно, кто-то

поспешно воплощал в жизнь очередной этап хорошо отработанного плана.

И все же люди по-прежнему сновали туда-сюда. Некоторые показались мне обычными служащими — ранними пташками, которые спешили навстречу очередному, ничем не примечательному дню в своей конторе, пока на окраинах полыхали пожары. Но другие явно готовились к исходу: с ними были дети и старики, в том числе с ходунками и в инвалидных колясках; люди тащили чемоданы и сумки, нагруженные всевозможным скарбом. При виде этого у меня в памяти вновь всплыло злополучное лето 1907 года.

Но сейчас все было иначе, чем тогда. По крайней мере пока мне так казалось. Правительство еще не сдалось. Констебли и офицеры, ответственные за пожарную безопасность, не покидали посты и даже призывали жителей возвращаться домой и выполнять свой долг. Некоторых отдельно выдергивали из толпы.

— Смотри, это повязка пожарного. Бери свисток, ведро с песком и отправляйся в церковь Святого Мартина — тебе надо быть там, а не бежать, поджав хвост!

Кое-кто спорил — например, пожарный, который порывался сбежать.

— Кончай выделываться, Тед. Ты же швейцар в «Риальто», а не чертов Уинстон Черчилль! Большие шишки забрали мой автомобиль, забрали двуколку, если бы они сообразили, они бы и тещину коляску прихватили — нет-нет, мама, не надо вставать, ее никто не отнимет, — но мои ноги они пока не могут рек-ви-зи-ро-вать, и, если в тебе осталась хоть капля здравого смысла, ты последуешь за мной.

Даже я привлекла внимание констеблей — потому что у меня не было с собой противогаза (на самом деле был, просто не на виду, — он лежал в рюкзаке).

— Вы, миссис, пожалеете, что он у вас не под рукой, когда придет черный дым.

Если уж в Вест-Энде такое происходило, легко было представить, что подобные сцены разыгрывались по всему городу и в окрестностях: власти пытались удержать город на плаву своими правилами, указами и воззваниями к чувству долга, и все дорожное движение замерло — по дорогам ездили только военные автомобили. И все же по улицам и переулкам текла тонкая струйка людей — они шли пешком, нагруженные тюками, и неуклюже пробирались все дальше и дальше. Жители Лондона кучковались, сбивались вме-

сте, в единый рой, — и заполоняли магистрали, ведущие на юг и восток, в направлениях, противоположных тем, откуда на этот раз наверняка должны были прийти марсиане.

И все же даже на Стрэнд, даже в этот ранний час, в толпе жителей, уходящих из города, я различала людей, которые явно проделали куда более долгий путь — и шли в Лондон, а не из него. Некоторые из них с трудом переставляли ноги; их одежда была подпалена, лица почернели от копоти. Они шли целыми семьями, с детьми и стариками, шли пешком — и вещей у них было куда меньше, чем у лондонцев, которые свой путь только начинали. В отеле был пункт первой помощи, и на улицу выпархивали медсестры, чтобы позаботиться о тех беднягах, кому пришлось особенно несладко. Официанты и коридорные выносили наружу стаканы с водой. Я хотела поговорить с этими беглецами, услышать их рассказ, но констебли, которые неизменно пеклись о морали, не подпускали меня к ним.

Потеряв терпение, я махнула рукой на отель и пошла по Стрэнд на запад, против движения толпы. Я направлялась на Трафальгарскую площадь.

Вокзал Чаринг-Кросс был закрыт и щетинился

колючей проволокой: железные дороги, как и автомобильные, перешли в ведение военных. Было еще рано, но некоторые магазины уже открылись — я видела дерущихся людей в бакалейной лавке. Возле запертых дверей банка собралась очередь. Позже я узнала, что Банк Англии приостановил платежи, и все остальные вынуждены были закрыться. Это был первый намек на то, что новая атака марсиан повлечет за собой масштабные последствия: закрытие лондонских инвестиционных рынков, через которые в те дни проходила изрядная доля мировых финансов, должно было немедленно привести к кризису.

Оказавшись на площади, я встала на крыльце Национальной галереи, и мы вместе с Нельсоном стали наблюдать за тем, что происходит в месте слияния городских улиц. На дорогах постепенно становилось все больше пешеходов, и лишь несколько автомобилей, полицейских и военных, пробирались вперед, минуя толпу и заграждения. Даже здесь по мере того, как разгоралось утро, я отчетливо видела, что люди движутся на восток, — они инстинктивно бежали от загадочных отблесков на западе.

Около восьми утра появились газетчики с первыми экстренными выпусками, и их обступили

со всех сторон. В то утро можно было запросто сколотить состояние, собрав его по пенни. Я не стала присоединяться к общей свалке — вместо этого я подождала несколько минут и подняла выброшенный, но практически нетронутый экземпляр «Мейл». Этот листок, отпечатанный в спешке, без картинок, зато с крупными заголовками, похоже, содержал подлинные новости, и я молча возблагодарила издателей, отказавшихся соблюдать спущенный сверху запрет на правду, когда она была так нужна. Из кричащих заголовков можно было составить впечатление о том, что происходит на фронте:

СТРАШНАЯ КАТАСТРОФА
В МИДДЛСЕКСЕ И БАКСЕ
ПОЛОВИНА АРМИИ УНИЧТОЖЕНА В ОДИН МИГ

Несколько слов, пригоршня фактов — можно было бы счесть заголовок паникерским, но, как я убедилась позже, в этой дюжине слов была точно схвачена суть дела.

Тем временем главный комиссар полиции призывал нас соблюдать общественный порядок. Парламент, Тайный совет и Кабинет министров, как нам сказали, проводили срочные заседания,

а с военными командирами на фронте поддерживалась связь. Королевской семьи в Лондоне не было: еще на прошлой неделе военный корабль увез короля в Дели, где он был в безопасности. Я слышала, как читатели одобрительно бормочут при виде этих новостей: «Благослови их Господь, они целы». Для меня король был просто тупицей со страстью к филателии, но в те дни меня не раз поражала искренняя преданность, которую питали к Саксен-Кобург-Готской династии самые нищие и обделенные подданные короны — даже те, кто презирал правительство Марвина.

В газете сообщали, что большая колонна солдат и техники выдвинулась из Олдершота, где располагался штаб армии и были размещены три дивизии, и из Колчестера к северу от Темзы, а особые поезда везли запас оружия и снарядов из Вулвичского арсенала. Продуктовые магазины уже опустели, потому что жители в панике начали скупать провизию, и правительство направило продовольственные потоки на особые склады, где еду должны были раздавать по карточкам.

Я дважды перечитала газету и отдала ее мужчине, который с нетерпением ждал своей очереди.

Я двинулась дальше — без конкретной цели, доверившись инстинктам. Спустилась к реке, прошла по набережной — вернее, по узкой полоске тротуара, которая еще не была перекрыта, — и пересекла Вестминстерский мост. Оттуда я увидела, как вверх по течению идут военные корабли. Там были баржи, перевозившие солдат, и мне показалось, что я узнаю низкие борта миноносцев — похожих на «Сына грома», который столько сделал для моего спасения тринадцать лет назад. Такие суда, как я поняла, смогут пройти под мостами и подняться по реке выше, чем большинство боевых кораблей. Я также увидела тяжелые орудия, погруженные на небольшие корабли и баржи.

От реки я прошла по Бридж-Роуд и оказалась к югу от Ватерлоо. На узких улицах Ламберта, несмотря на стены и фонари, сплошь увешанные, как и везде, правительственными плакатами, не было той паники, которая охватила Вест-Энд. Видимо, когда у тебя почти ничего нет, тем более не хочется бросать то, что есть. Но на улице Кат продуктовые магазины были закрыты, а в одном хозяйничали мародеры. Его разбитое окно зияло, как дырка на месте зуба.

На ступенях перед непритязательным, но вели-

чественным зданием театра «Олд Вик» я увидела стайку босых ребятишек, которые просили подаяние. Я дала им несколько пенни — впрочем, какой толк от денег, когда магазины все равно закрыты! Интересно, как скоро Марвин сможет наладить свою карточную систему? Я надеялась, что скоро: в местах вроде этого людей отделяет от мук голода всего один обед. Во время Первой войны, даже когда марсиане свирепствовали в Суррее, полиция пыталась подавлять голодные бунты в подобных районах. Это имело долгоиграющие последствия: Фрэнк был в одном из первых медицинских отрядов, после войны отправившихся в Ист-Энд, и он так и не отказался от своей миссии — а полицейские, закаленные в боях, так и не смягчились. Уолтер Дженкинс никогда об этом не говорил и никак не комментировал заявления властей, которые утверждали, что подобные несчастья больше никогда не постигнут обездоленных людей, вверенных их заботам. У меня не было оснований сомневаться в искренности этих заявлений, но теперь правительству настало время претворить их в жизнь.

Я вспомнила Фрэнка и задумалась о том, что случилось с моим бывшим мужем там, в Миддлсексе. Жив ли он? Я не знала.

16. За Кордон

Как Фрэнк позднее записал в своем новоиспеченном дневнике, через семь часов после приземления первых цилиндров — вскоре после рассвета — ему и прочим медикам сказали, что войску нужно передислоцироваться.

Фрэнк ожидал, что уцелевшие части отзовут в Лондон, — раненых туда уже отправили: одних везли на санитарных машинах, другие шли пешком. Эвакуировали всех, кроме умирающих, которые ждали своего часа в палатках, разбитых посреди фермерского поля. Однако вместо этого подполковник Фэрфилд лично явился к Фрэнку и Верити, чтобы сообщить, что часть выживших военных отправят за Кордон.

— Так мы прозвали тот огромный земляной вал, который в один миг воздвигли марсиане. А местность внутри можно назвать «Марсовым полем» — Фэрфилд ухмыльнулся собственной вымученной шутке.

Вокруг было жарко и дымно. Окрестные леса и поля горели всю ночь, и кое-кто даже пытался спать в противогазе. До сих пор приходилось часто моргать, чтобы в глаза не забивалась пыль.

Над головой, словно мухи, жужжали аэропланы. Фрэнку в конечном счете удалось помыться и сменить окровавленную одежду, хотя поспать он так и не успел, и все же его преследовало странное чувство нереальности всего происходящего, словно даже дневной свет был бутафорским. Ему пришлось сосредоточиться, чтобы понять, о чем говорит Фэрфилд.

Тот показал сделанный с воздуха снимок, где было запечатлено кольцо из пятидесяти двух кратеров.

— Раны, нанесенные с хирургической точностью, — сказал Фрэнк.

— Думаю, это уместное сравнение, — заметил Фэрфилд. — Но по этим фотографиям трудно понять масштаб. Тут ведь совмещено несколько снимков. Ребята трудились всю ночь, чтобы отпечатать эти фото и составить новую карту местности, — я уж не говорю о том, какой опасности подвергались пилоты, которые это снимали. Каждый из этих кратеров почти в милю шириной. Вот эта клякса, — он показал на размытое пятно в самом центре кольца, — это Амершем, довольно крупный городок. В этом кольце его почти не видно — теперь представляете размеры? А ведь впереди еще вторая волна. Это была всего

лишь подготовка.

— Вторая волна, — Фрэнк вспомнил слова Уолтера о том, что с Марса летят сто цилиндров, пока что успело приземлиться только около пятидесяти. — Следом наверняка прилетят военные корабли вроде тех цилиндров, что упали в прошлый раз. Но где они приземлятся? Можем ли мы сейчас это сказать?

— С определенной долей уверенности: им осталось лететь всего-то часов восемнадцать. Некоторые упадут внутри Кордона. Но другие, которые летят первыми, приземлятся… — Фэрфилд ткнул пальцем в некоторые кратеры. — Вот здесь, здесь, здесь… В уже существующие ямы. Как видите, они метят не в каждый кратер, но большая часть примет новых гостей.

— Но зачем приземляться туда, где они уже все разворотили? — озадаченно спросила Верити.

— Потому что там они уже успели уничтожить всех противников, не открыв ни единого цилиндра, — ответил Фрэнк. — Теперь они думают, что смогут спокойно совершить посадку.

— В точности, — подтвердил Фэрфилд. — Но в их планах есть изъян. Им не удалось уничтожить всех, и у нас есть время подготовиться — перебросить туда солдат и пушки из тыла и из резервных

дивизий. И окружить их еще до приземления.

— Окружить их, — повторила Верити. — Вот почему мы идем внутрь.

— Именно так. Мы бросаем силы за Кордон, располагаем солдат между кратерами и на сравнительно нетронутой земле внутри кольца, так что, когда цилиндры опустятся, каждый из них ожидает радушный прием. А тем временем подтянутся новые солдаты, которые заткнут бреши в обороне. И вы отправитесь с нами. Боюсь, вам сегодня придется много ходить, ходить и копать. До Кордона отсюда недалеко, но местность там неровная, сами понимаете. Разведчики и саперы уже там, — он посмотрел на Верити. — Мисс, это не приказ. Ваш отряд — добровольцы. Если вы хотите уйти…

— И пропустить все веселье? — откликнулась она. — Ну уж нет, ни за что.

Фэрфилд улыбнулся.

— Ну что ж, тогда вперед.

Он коротко отсалютовал и ушел.

— Смелый поступок, — пробормотал Фрэнк.

Верити хмыкнула:

— У меня нет особого выбора: если я спасую, мне придется вернуться и предстать перед матерью, которая постоянно хвалится тем, что когда-то

встречала Флоренс Найтингейл. Лучше уж орда марсиан, чем это. Пойдемте, доктор Фрэнк, надо собрать вещи.

Фрэнк всегда старался держать себя в форме. После той стычки у Хай-Барнета во время Первой войны он снова начал заниматься боксом, которым увлекался в школе, раз уж этот навык оказался таким полезным. Позднее он с не меньшим энтузиазмом выполнял распоряжения Фирда: тамошние инструкторы требовали, чтобы рекруты были здоровыми и крепкими. Но, несмотря на это, он порядком утомился, когда они разобрали полевые госпитали, свернули палатки и погрузили их в автомобили и повозки.

Конечно, медицинское оборудование было куда легче, чем оружие, обмундирование и прочие вещи, с которыми приходилось иметь дело солдатам. «Я никогда не встречал менее спортивных с виду людей, чем рядовые британской армии, — рассказывал мне Фрэнк. — Но дай им задание — и они его выполнят. В процессе они будут курить, жаловаться, чертыхаться, но на самом деле каждый из них — маленький Геракл».

Впрочем, он говорил, что в тот момент тяжелый физический труд воспринимался как облегчение. Хотелось чем-то себя занять, чтобы лишний раз

не думать.

Они сделали небольшой перерыв на обед — подкрепились холодным мясом и хлебом. А потом, вскоре после полудня, направились на северо-запад, мимо руин Аксбриджа. Фэрфилд и прочие офицеры шли или ехали вдоль колонны, а разведчики сновали туда-сюда на мотоциклах, подскакивая на изрытой земле. Фрэнк представил, как все это выглядит сверху, словно на сборном снимке Фэрфилда. Быть может, в эту самую минуту какой-нибудь марсианин в своем цилиндре наблюдал именно такую картину: огромный круглый шрам на теле планеты — и люди, машины и лошади, которые осторожно перебираются через земляную гряду.

Как понял Фрэнк, они преодолевали Кордон в том месте, где два кратера вплотную примыкали друг к другу. Повсюду курился дым. У границ кратеров разрушено было не все. Они прошли мимо остова какого-то дома: одна его стена уцелела, и из нее беспомощно торчали перекрытия, из поврежденных труб сочилась вода, затопляя руины.

Земля под ногами была относительно целой — но лишь относительно: где-то ее усыпали поваленные деревья, где-то она была взрыта, и

обнажилась твердая порода — камень цвета кости. В самых разбитых местах саперы положили настил, но он был предназначен скорее для машин, чем для людей, так что Фрэнку и членам его отряда, каждый из которых тащил на себе груз, приходилось ступать очень осторожно.

Они миновали Аксбридж, а вернее — место, где он раньше находился, и, подобравшись к указателю на Денем, увидели, что путь затоплен. Канал Гранд Юнион, чье русло пострадало при падении цилиндра, вышел из берегов. Саперы соорудили понтонный мост, по которому могли пройти машины, но пешим солдатам пришлось пробираться по размокшей глине. Ноги тут же промокли — но хуже было то, что Фрэнк на каждом шагу застревал в густой грязи: та липла к подошвам и вытягивала остатки сил. Вскоре вокруг не осталось офицеров и солдат, добровольцев и призывников, мужчин и женщин — были только одинаковые перепачканные фигуры, которые с трудом пробирались вперед.

Фрэнк и отряд медиков поравнялись с группой солдат, таких же грязных и неузнаваемых, как и все остальные. Они возились с опрокинувшейся повозкой. Рядом со скучающим видом стояла лошадь. Один из солдат обратился к Фрэнку — с

немецким акцентом, чем немало того удивил:

— Можете нам помочь?..

Фэрфилд кивнул, и Фрэнк с парой юных врачей и санитаров-добровольцев подошел к солдатам. Они закурили, отхлебнули воды из фляжек и, стоя в грязи, оценили масштабы бедствия. Сама повозка не пострадала, но опрокинулась в яму, скрытую коричневой жижей, и груз — впечатляющих размеров пулемет — упал в воду.

— Даже когда мы его достанем, — сказал немец, который позвал их на помощь, — придется целый день его чистить. Но деваться некуда — у нас назначено свидание с марсианами, — он протянул Фрэнку руку. — Швезиг. Хайко Швезиг, фельдфебель-лейтенант. Я в ответе за эту пушку и этих ребят — нас откомандировали сюда из имперской армии, и эта красавица оттуда же.

Воинскую часть Швезига отправили охранять немецкое консульство: в те времена посольство такой могущественной страны, расположенное в дружественном городе вроде Лондона, должно было иметь внушительный арсенал. Когда объявили о марсианской угрозе, воинская часть среди прочих вызвалась на фронт.

— Марсиане, в конце концов, грозят не Британии, — сказал Швезиг, тщательно выговаривая

слова, — а всему человечеству. Конечно, мы должны быть здесь.

Верити подозрительно глядела на застрявший пулемет.

— Тут придется попотеть. Весь день об этом мечтали!

— Помощь нужна? — раздался бодрый женский голос.

Фрэнк обернулся и увидел женщину лет пятидесяти, крепкую, мускулистую, с широким обветренным лицом. Ее темные седеющие волосы были перевязаны шарфом. На ней были рыбацкие сапоги и кожаная куртка, облегающая плотный торс. Позади женщины тарахтел мотором внушительный трактор, который остался незамеченным в общей суете.

Швезиг усмехнулся.

— Мадам, я сегодня еще не встречал более чистого человека.

— Надеюсь, вы не врете, иначе муж мне не простит, что я одолжила его болотные сапоги. Но с тех пор как его призвали в резерв, а я осталась следить за фермой, у него больше нет времени на его драгоценную рыбалку, — она указала куда-то пальцем. — Наша ферма в нескольких милях отсюда, возле местечка Эбботсдейл, если знаете

такое. И старушку Бесси я сюда пригнала ровно потому, что вы, ребята, попали в передрягу.

— И мы вам за это очень признательны, — сказал Швезиг и пожал ей руку. Фермерша представилась: ее звали Милдред Триттон.

Трактор Бесси, управляемый уверенной рукой Милдред, мигом вытащил пулемет из грязи и погрузил на повозку; можно было двигаться дальше. Фэрфилд, увидев, что к солдатам пришла неожиданная подмога, не преминул воспользоваться любезностью Милдред: для ее трактора тут же нашлось применение.

Верити проводила ее взглядом и вздохнула.

— А я-то надеялась, что нас подвезут. Ладно, забудем. Вперед, капитан Фрэнк…

Пункт назначения был совсем близко, судя по заляпанной, от руки нарисованной карте, с которой сверялся Фэрфилд. И медики были не первыми, кто прибыл на это поле: солдаты уже рыли там траншеи и отхожие ямы и возводили укрепления из мешков, наскоро набитых песком, перегораживая дорогу, по которой пришли.

Теперь они были далеко за Кордоном и оказались в нетронутой сельской местности среди зеленых холмов, оврагов и деревушек. Невдалеке низко над водой скользила цапля. Стадо коров

сгоняли с поля, чтобы дать солдатам пройти, и слышалось недовольное мычание.

День был еще в разгаре — они прошли всего несколько миль. И все же страшно утомились. Вряд ли хоть кому-то удалось выспаться прошлой ночью.

Однако им пришлось сразу же взяться за работу. Время поджимало, и это чувствовали все. «Они прилетят в полночь», — шептали повсюду: и в траншеях, и возле наспех развернутых полевых кухонь. Об этом тихо говорили доктора, медсестры, санитары. «В полночь снова прилетят марсиане. Надо подготовиться…» Все они прошлой ночью убедились, как велика, как слепа в своей жестокости разрушительная сила марсиан и с какой легкостью они ее применяют. Их-то всех инструктировали насчет черного дыма и тепловых лучей. И вот они стояли здесь, на переднем рубеже обороны, готовые защищать Англию и все человечество. Фрэнк слышал, как Фэрфилд, прочие офицеры и сержанты, расхаживая между рядами, подбадривали солдат и побуждали их трудиться не покладая рук, но думал, что в этом нет необходимости. Все и так все понимали.

В шесть часов они поужинали, не отрываясь от работы. Хотя после первого приземления ожида-

лось окно в девятнадцать часов, все готовились к схватке, и медикам велели вырыть окопы, чтобы в них укрываться. Полевые госпитали находились довольно далеко от передовой, от того места, где, предположительно, должен был приземлиться «их» цилиндр, на карте Фэрфилда помеченный номером двенадцать, — но со времен Первой войны было известно, что тепловой луч может разить на несколько миль. Так что окопы были не лишними. Есть приходилось на ходу, прерываясь лишь на несколько минут и снова принимаясь рыть.

К половине восьмого солнце село. Фрэнк и Верити в последний раз оглядели вверенный им лагерь.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — сказал Фрэнк, пытаясь придать голосу уверенность, которой на самом деле не чувствовал.

Она рассмеялась.

— Вот это я понимаю — слова настоящего доктора! Ободряющие и бессмысленные. Вы слишком давно на этой работе, капитан…

Вокруг стемнело, и часы отсчитывали минуты до полуночи.

Фэрфилд, в последний раз инспектируя лагерь, не проникся особым сочувствием к медикам,

которые ощущали нарастающую тревогу.

— Я пережил пару операций, — сказал он. — Пуля угодила в плечо, пришлось вынимать. Дело было в Судане. Помню, каково это — ждать своей очереди на операционном столе. Теперь, доктор, ваш черед дрожать в ожидании скальпеля!

В десять часов Фрэнк сходил в уборную, в одиннадцать снова туда наведался — там было уже больше народу. Эта привычная рутина вызвала у него неуютные воспоминания о прошлой ночи — как будто он застрял в какой-то запутанной пьесе, которую обречен репетировать вновь и вновь.

Он взял в окоп чашку кофе, выпил ее, спустился по короткой деревянной лестнице и уселся за бруствером из мешков с песком, гадая, поднимется ли он по ней снова. Как Фрэнк ни старался, он не мог вообразить себе мир, в котором окажется, когда пробьет полночь. В земле под ногами он увидел осколок камня, блестящий в свете одной из масляных ламп, развешанных вдоль окопа, — нежно-белый снаружи, густо-черный внутри.

— Известняковые холмы, док, — послышался знакомый голос. — Саперы знают местность. Такая уж у них работа. Прирожденные геологи — вот кто они такие.

Фрэнк вздрогнул и обернулся:

— Берт Кук!

Кук был одет в форму резервиста, такую же грязную, как и у всех остальных. На голове у него была стальная каска; лицо он зачернил жженой пробкой. Это предложили офицеры, но большинство солдат не стали себя утруждать: у марсиан не было снайперов.

— Приветствую, док, — сказал Кук. — Слышал, что вы тут, в этой части. Обошел все окопы, чтобы встретить приятеля, — он взглянул на часы. — Успел как раз к началу представления, да?

— По-хорошему, мне нечему удивляться, Берт. Не сомневался, что вы вернетесь.

— «Как воробей около человека» — так выразился ваш брат, цитируя меня, — Кук говорил это горячо, взволнованно, и все же было видно, что он все рассчитал. — И вот я тут сижу — жду, пока они свалятся мне на голову. Вот чего я ждал с того самого момента, когда эти мерзавцы вымерли в седьмом году, — ждал, что они вернутся и завершат начатое.

— Вы как будто этому рады, Берт. Вы человек-загадка.

— Загадка, говорите? Я вам сейчас загадаю загадку. Что это такое — зеленое, светится и летит как птица?

Фрэнк непонимающе посмотрел на него. Кук усмехнулся и указал вверх.

17. Цилиндр № 12

С помощью других выживших Фрэнку в конце концов удалось составить ясную картину того, что произошло дальше, — но на это ушло время. Впрочем, как оказалось, времени у него было в достатке.

Цилиндр, отмеченный на карте Фэрфилда номером двенадцать, упал ровно в полночь: за яркой зеленой вспышкой последовал тяжелый удар.

Скорчившийся в окопе Фрэнк почувствовал, как земля под ногами содрогнулась и мощный порыв ветра выбил дыхание из груди. Затрещали доски на дне окопа, наспех сложенный из мешков бруствер обвалился в нескольких местах, люди заохали и съежились. Фрэнк сразу понял, что это падение было не таким разрушительным, как то, злосчастное, сутки назад, — зато оно случилось ближе.

Через несколько секунд Фрэнк услышал крики:

— Вперед! Вперед!

— Тащите сюда свои пушки, черт побери!

— Света! Дайте света!

Фрэнк встал на стрелковую ступень и выглянул из окопа. Он увидел яму, из которой исходило зеленое свечение; вокруг валялась развороченная земля, невдалеке пылал огонь — там горели деревья, трава и дома. В зловещем зеленоватом свете и в дрожащих отблесках фонарей вырисовывались силуэты людей и орудий — те уже приближались к новой воронке.

Где-то позади заговорила артиллерия: из-за окопов стреляли пушки, восемнадцати- и шестидесятифунтовые гиганты. Огромные снаряды должны были вдребезги разбить цилиндры еще до того, как к ним подберется пехота.

Новый приятель Фрэнка, фельдфебель-лейтенант Швезиг, и его безупречно вышколенный — как все немецкие солдаты — орудийный расчет одними из первых добрались до новой воронки. Позже Швезиг рассказал Фрэнку о том, что увидел. В яме стоймя стоял цилиндр — огромная стальная колонна диаметром около тридцати ярдов и длиной наверняка не меньше сотни: именно такими были марсианские снаряды, которые выкопали из земли после Первой войны. Швезиг и его солдаты приготовили пулемет — на тот маловероятный случай, если те, кто скрывался в цилиндре, выжили после удара орудий,

которые уже нашли цель. Спешки не было: до того как марсиане смогут выбраться из цилиндров, оставалось еще девятнадцать часов — так, по крайней мере, все полагали.

Но правила игры снова изменились.

Послышался треск, за ним последовала зеленая вспышка. Швезиг увидел под плоской крышкой цилиндра полоску света. Потом металлический диск весом в пять тысяч тонн или около того внезапно отлетел в сторону, как соломенная шляпка, и упал с краю ямы. На этот раз марсиане не стали медленно, в течение нескольких часов, скручивать крышку.

В следующее мгновение из цилиндра высунулось стальное щупальце, сжимая устройство, похожее на киноаппарат, — устройство, о котором Швезигу подробно рассказывали на инструктаже. Это был генератор теплового луча. Швезиг упал ничком в грязь. В каком-то футе от его распластанного тела прошел призрачно-бледный луч, и Швезигу показалось, что воздух рядом нагрелся до нестерпимой температуры.

Рядом с ним полыхали белым огнем люди, оказавшиеся не такими расторопными. Луч скользил вдоль воронки, словно струя воды из брандспойта. Все это произошло в считаные секунды после

того, как цилиндр открылся.

Девятнадцать часов! Марсиане не стали покорно ждать атаки — ни девятнадцать часов, ни даже девятнадцать минут.

Подполковник Фэрфилд наблюдал за этим, стоя на возвышении чуть поодаль. Оттуда он не мог заметить сам тепловой луч и щупальце, которое высунулось из внезапно открывшегося цилиндра, но видел, как вокруг ямы полыхают ярким пламенем люди, лошади и техника. Потом он увидел, как из глубины цилиндра вырвалось еще несколько лучей: они были нацелены в небо, бледные, едва различимые в густеющем дыму. Фэрфилд посмотрел вверх — и высоко над его головой прогремели взрывы, похожие на фейерверки. Это разорвались артиллерийские снаряды, которые разбили бы марсианские цилиндры еще до того, как те откроются, — если бы все пошло по плану. Но ни один снаряд не достиг земли, не говоря уже о цели. Несколько самолетов-корректировщиков вспыхнули в полуночном небе, как мотыльки в невидимых лучах.

Фэрфилд снова обратил взгляд на яму и увидел огромный колпак, похожий на бронзовый шлем, плавно встающий на трех ногах. Это была боевая машина. Огромный военный треножник,

вернувшийся на землю тринадцать лет спустя, поднимался в клубах дыма от сотен горящих тел.

Все это произошло менее чем за минуту сразу после приземления цилиндра. Фэрфилд тут же осознал: раз уж мы заключили, что в момент приземления марсиане уязвимее всего, то и они пришли к тем же выводам — и приняли меры.

Верити Блисс, которая сидела в окопе медиков вместе с Фрэнком, была слишком далеко, чтобы в деталях все разглядеть, но быстро поняла, что случилось, — так она мне потом говорила. Огромный колпак первой боевой машины поднимался все выше над ямой. Верити схватила Фрэнка за ворот и силой вытащила из окопа.

— Бежим! Потом будет поздно!

До Фрэнка доносились крики раненых; он уже представлял себе, как выберется из окопа и вместе с отрядом побежит на помощь тем, кого еще можно спасти. Но он видел, что выбора нет: еще немного — и окоп будет разрушен. Он вылез наружу, и они с Верити побежали собирать своих людей с криками:

— Тем, кого сожгли, врач ни к чему! Бегите спасайтесь!

Но в то время как он бежал прочь от ямы, уходя таким образом все дальше в глубь Кор-

дона, остальные спешили в противоположную сторону: артиллеристы вставали к орудиям, пехотинцы ныряли в окопы и палили в марсиан из винтовок.

Фрэнк оглянулся через плечо и увидел, что марсиане безбоязненно шли прямо навстречу огню. Боевые машины без колес двигались на трех ногах, и их походка была до жути знакомой. Это были треножники, похожие на перевернутые складные стулья, и они двигались с ужасающей скоростью. При их виде Фрэнка пронзили болезненные воспоминания тринадцатилетней давности. Даже в движении их металлический корпус оставался неподвижным, и огромная «голова» с капюшоном была отличной площадкой для ведения прицельного огня.

— Ложитесь, глупцы!

Чья-то твердая рука придавила Фрэнка к земле. Верити распласталась рядом. Он вывернул голову и увидел покрытое сажей, ухмыляющееся лицо Берта Кука. Его зубы белели в свете фонаря.

— Простите за столь грубое обращение, мисс.

Фрэнк запротестовал:

— Берт…

— Лежать, я сказал!

Кук продолжал придавливать их к земле, и

боевая машина прошагала прямо над ними.

Извернувшись, Фрэнк увидел в воздухе колоссальную металлическую ногу, длиной в добрую сотню футов, и капюшон, который поворачивался туда-сюда. В огне костров, вспыхнувших там, где прошел тепловой луч, он заметил позади машины стальную сетку, которая вызвала у него самые жуткие воспоминания. Марсианин то и дело стрелял в разные стороны тепловыми лучами, но их не задел ни один. Фрэнк и все остальные остались лежать, целые и невредимые, а марсиане пошли дальше.

— Видите, что происходит? — прокричал Кук ему в ухо. — Они уничтожают пушки и технику. Люди, которые им противостоят, тоже попадают под луч. Но если ты покоришься — может, конечно, тебя случайно и затопчут…

— Они оставляют нас в живых, — сказала Верити.

— Именно. Потому, думаю, они и не пускают черный дым. И мы все понимаем, зачем мы им, так ведь? — он облизнул губы. — Они пришли собрать урожай. Потому что мы уже проиграли. Уже. О, вторая машина идет — ложитесь!

Он снова вдавил их в землю, и в воздухе мелькнули многотонные суставчатые ноги. Следом

прошла третья машина, за ней четвертая.

— Вот это жизнь! — воскликнул Берт Кук, перекрикивая шум. — Вот это жизнь!

18. Летательные машины над Лондоном

В ночь на вторник мне не спалось.

Я вернулась в Вест-Энд перед полуночью, когда должна была прибыть следующая волна — об этом вовсю судачили на улицах, а слухи в последнее время имели под собой вполне реальные основания. Я прогуливалась по ночной Стрэнд. Движение по улицам было запрещено, и шум машин не заглушал голоса прохожих и лязганье поезда, отходящего с Чаринг-Кросса — возможно, с солдатами. С севера, со стороны Ковент-Гардена, доносился смех и даже пронзительные звуки джаза — а затем послышался тонкий полицейский свисток. Режим Марвина так и не смог вытянуть из города все веселье — и даже марсианам это не удалось.

Сегодня кажется странным то, как ярко сиял ночной Лондон в годы между двумя марсианскими войнами. Не только Таймс-сквер, но и Вест-Энд сверкал огнями, и даже более невзрачные районы к югу и востоку от реки ярко освещались электрическими лампами и старомодными газо-

выми фонарями — там, где они еще сохранились. Вся эта иллюминация не давала разглядеть небо, как будто британцы, которым некогда угрожали с воздуха, решили отгородиться от самой ночи и сделать вид, что ее не существует.

Но, несмотря на привычно засвеченные небеса, в полночь я увидела на северо-западе зеленые вспышки: марсианские снаряды снова спускались на Землю. Они падали не так уж далеко от Лондона — и прямо на голову моему бывшему мужу. Я услышала за горизонтом грохот, будто грянул гром, и, кажется, увидела белые вспышки, словно от мощных взрывов. Но все кончилось в считаные минуты. Могла ли битва отгреметь так быстро? Взволнованные прохожие тут же начали строить догадки, но я не стала вовлекаться в их беседу: они, как и я, ровным счетом ничего не знали. Однако остановилась и стала ждать и слушать.

Прошло около получаса, а может, и больше. Со стороны фронта не доносилось ни звука, и я вернулась в отель. Бары вновь были открыты, хотя посетителей на этот раз было заметно меньше, как и официантов. Я снова набрала с собой сэндвичей, взяла стакан горячего тодди и поднялась в номер. Конечно, по радио не передавали

никаких новостей — оттуда лилась только патриотическая музыка — то печальная, то бравурная. Я выключила его и попыталась уснуть.

На рассвете я снова вышла на улицу.

Стоял ясный день, довольно холодный — хотя март уже почти подошел к концу; небо было густо-синее, и на западе низко над землей висело облако. На спине у меня был рюкзак со всеми пожитками: я не знала, куда меня заведет сегодняшний день. Никто не знал. Но из отеля на Стрэнд я выписываться не стала и оставила ключ в кармане, полагая, что, быть может, еще вернусь. (Я так и не вернулась; ключ до сих пор у меня — сейчас, когда я это пишу, он лежит передо мной.)

Я пошла в сердце города, к реке. Хотя я не считаю себя настоящей жительницей Лондона, инстинкт привел меня именно туда. Темза на рассвете была необычным зрелищем даже в те дни, когда на Землю не прилетали марсиане. По обнажившейся во время отлива береговой грязи расхаживали люди и разыскивали сокровища, смытые в сточные трубы: монеты, зажигалки, ручки, сигареты и визитницы, а временами даже украшения. Появление этих «золотоискателей» было симптомом того, что при премьер-министре Марвине страна снова погрязла в глубочайшей

бедности — Диккенсу в нынешней Англии многое показалось бы знакомым.

Но тем утром сама река бурлила жизнью. Ревели гудки, звонили колокола, кричали люди. По Темзе шли военные корабли, которые я видела накануне, в том числе миноносцы и плавучие орудийные платформы. Рядом с ними толпились гражданские суда: паромы, яхты, крупные речные пароходы. Все они осторожно спускались вниз по течению, к морю, подальше от поля боя. Люди на борту с любопытством смотрели на «золотоискателей», на меня и на высокие лондонские здания. Я подумала о роскошных домах выше по течению, в Марлоу, Мейденхеде и Хенли, покинутых хозяевами. Некоторые из беженцев-богатеев щелкали фотокамерами.

А потом я увидела летательную машину.

Сперва я краем глаза заметила, как на западе что-то промелькнуло. Я обернулась и увидела над облаками диск, плоский и широкий, с плавными очертаниями. Он явно был очень большим и двигался с огромной скоростью. Это была марсианская машина вроде той, что я уже видела однажды, в небе над Эссексом, с трясущейся палубы колесного парохода, который во время Первой войны увез нас с Фрэнком и Элис во Францию. Я

напрягла зрение, силясь разглядеть какие-нибудь детали — что-то, что отличало этот летательный аппарат от машины тринадцатилетней давности. Он летел плавно и бесшумно, с изяществом, которое присуще облаку или радуге, а не грубым порождениям земли. Впрочем, уже давно было отмечено, что марсианские машины обладают особой грациозностью, в отличие от наших лязгающих неуклюжих механизмов.

Довольно примечательно, что среди всех произведений марсианской техники, которые попали в наши руки после Первой войны, именно летательные машины раньше всех удалось заставить работать. При полете они не разрезают воздух лезвиями пропеллеров, подобно нашим аэропланам, — нет, эти машины втягивают воздух, разогревают его до необычайно высокой температуры, а затем он со взрывом выходит из сопел, которые можно поворачивать в разные стороны. Что до теплоносителя, то генераторы энергии, установленные в летательных машинах, явно схожи по строению с теми, что используются в тепловых лучах. По словам Рейли, Лилиенталя и других специалистов, эти машины приспособлены к марсианскому воздуху, который намного разреженнее нашего и имеет другой состав.

Крылья, которыми снабжали все наши тяжелые летательные аппараты со времен опытов братьев Райт, в разреженном воздухе не помогут. В таких условиях машине нужно придавать обтекаемую форму, чтобы она скользила в воздухе, словно скат, — именно с этими рыбами сравнивали марсианские аппараты.

В 1907 году летательную машину заметили только через несколько дней после начала войны. Все предположили, что тот аппарат, который видели в Эссексе, собрали из деталей, доставленных в нескольких цилиндрах. Но эта новая машина появилась спустя каких-то несколько часов после приземления цилиндров в Миддлсексе. К тому же все летательные аппараты Первой войны производили впечатление экспериментальных, незавершенных. Этот же двигался куда более уверенно. Я с тревогой осознала, что Уолтер был прав: марсиане многому научились со времен первых столкновений с людьми и вернулись гораздо более подготовленными — и к нашему плотному воздуху, и к другим земным условиям.

Машина летела с запада, вдоль русла реки, то есть направлялась в мою сторону. Я вспомнила, что в Эссексе такой аппарат выпускал из себя черный дым, но сейчас не было видно никаких

его признаков. Диск пролетел прямо над моей головой; я пригнулась, но взгляд не опустила. Корпус аппарата был сделан из меди, как колпаки у боевых машин, в нижней части были проделаны бороздки — возможно, они помогали держаться в воздухе, а острый обод диска сзади был покрыт чем-то вроде оперения.

Теперь я видела, что машина летит не одна: под ее днищем, словно мухи под брюхом у бегемота, сновали два биплана. Мне показалось, что они не британские — может быть, немецкие, а то и русские. Но если даже представить, что Красный Барон, героически проявивший себя на русском фронте, подберется к марсианской машине достаточно близко, какой вред он сможет ей причинить? И все же было отрадно видеть, что захватчики не безраздельно властвуют в небе.

Я смотрела, как марсианин в сопровождении конвоя летит вдоль Темзы, пока свет восходящего солнца не начал слепить глаза. А потом услышала крики газетчиков: первые экстренные выпуски за этот день вышли из печати.

Я поспешила с набережной обратно в город. Хотя солнце едва поднялось, Лондон уже проснулся, и мне пришлось потолкаться, прежде чем я завладела свежей копией «Дейли миррор», которую

беззастенчиво продавали по шиллингу.

ВЗРЫВЫ В МИДДЛСЕКСЕ
ПРИЗЕМЛИЛИСЬ НОВЫЕ МАРСИАНЕ
РАЗВЕРНУЛОСЬ КОРОТКОЕ СРАЖЕНИЕ
ЛЮДИ БОЯТСЯ НОВОЙ КАТАСТРОФЫ

Пока газетчики сколачивали себе состояние, власть уже развернула бурную деятельность. По перекрытым улицам разъезжали фургоны с громкоговорителями, и расклейщики афиш лепили на фонарные столбы новые плакаты:

ЛОНДОНЕЦ!
СПАСИ СВОЙ ГОРОД!
ОТПРАВЛЯЙСЯ НА КОРОЛЕВСКУЮ ЛИНИЮ!

Это новое распоряжение было напечатано над портретом короля. Он выглядел слегка смущенным в тщательно подогнанной военной форме, но его фото явно задевало в народе больше патриотических струнок, чем изображение Марвина, — теперь я это знала точно.

Я прочитала, что «всех годных к службе мужчин в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет, еще не занятых на фронте», призывали взять кирку и лопату («инструменты не предоставляют, берите свои») и отправиться строить Коро-

левскую линию — комплекс оборонительных сооружений, которые должны были отгородить Лондон от марсиан. Прилагалась карта, где был показан ближайший к городу край марсианского Кордона, возле Пиннера. Линия обороны должна была пройти по дуге в пяти — десяти милях от него. Она повторяла очертания магистралей, но не перекрывала их — видимо, для того, чтобы облегчить сообщение. Линия начиналась в Эшфорде, уходила на северо-восток через Туикинем и Ричмонд, потом примерно на север через Брентфорд, Илинг и Уэмбли к Хендону, а затем на северо-запад к Эджуэру. Она заканчивалась в опасной близости от Стэнмура, куда, возможно, уже вернулась моя невестка. Тракторы и экскаваторы, как военные, так и гражданские, уже стягивались к Линии; королевские инженеры изучали местность, разведчики расставляли вешки, чтобы вдоль Линии появились траншеи, валы, доты и редуты. Оборону должна была держать пехота, которую спешно перебрасывали из Олдершота, и артиллерийские батареи, усиленные корабельными орудиями. Позднее к британским солдатам должны были присоединиться немецкие подразделения — Германия отправляла их на помощь из оккупированной

Франции в качестве дружеского жеста: они уже перебирались через канал.

Рядом со мной стояла суровая женщина средних лет, которая глядела на плакат сквозь пенсне.

— Знаете, мой муж сражался с бурами.

— Правда?

— Погиб на той войне. Они сопротивлялись ровно так же — рыли траншеи, вешали колючую проволоку, так что было не пройти. Похоже, мы теперь сражаемся против марсиан, как буры сражались против нас. Как повстанцы против превосходящих сил.

— Буры даже при таком раскладе могли за себя постоять.

— Это точно. Но эта оборонительная линия… — она хмыкнула. — «Мужчины, годные к службе», ну конечно.

Я улыбнулась:

— А женщин не берут — вы об этом, да?

— Они лучше позовут на помощь немца, чем британскую женщину, — она посмотрела на мой брючный костюм, рюкзак и короткую стрижку, и на ее лице не мелькнуло ни следа неодобрения. — Вы думаете, эта линия — она поможет?

— А вы как думаете?

— Если только марсиане будут так любезны

и разрешат нам ее построить, — она щелкнула ногтем по плакату и ушла.

Этим утром мне на глаза попадались сплошные карты. На внутренней странице «Миррор» я нашла подробный отчет о вчерашнем «побеге из Лондона». Широкие магистрали, ведущие на юг и восток, заполонили жители, которые направлялись в Саутгемптон, Портсмут, Брайтон, Гастингс, Дувр, даже в Эссекс, куда когда-то бежали мы с Фрэнком и Элис. Полиция и военные выделили на дорогах отдельные полосы, чтобы поток беглецов не смешивался со встречным потоком солдат и техники, который тек по направлению к Лондону. А Красный Крест с одобрения правительства поспешно разворачивал лагеря беженцев в Кентербери, Льюисе, Хоршеме и подобных местах. На этот раз исход из Лондона не вызвал всеобщего хаоса — по крайней мере, пока.

Что до меня, я хотела остаться в центре Лондона, в гуще событий. Джули Эльфинстон, военный корреспондент, — как это звучало! Но во мне говорил и голос долга. Я подумала об Элис, которая, возможно, уже вернулась в Стэнмур. В каком беспомощном состоянии она сейчас находится! А главное — Королевская линия обрывается прямо возле Стэнмура, значит, там будут особенно оже-

сточенные бои, если марсиане пойдут по стопам немцев и решат обойти нас с фланга. Наверное, стоило все-таки отправиться к невестке.

Пока я стояла в нерешительности, на улицу выбежала другая стайка газетчиков с новыми экстренными выпусками — хотя на первых еще не просохла краска. Пришли новости с самолетов, которые отважно бороздили небо над Миддлсексом. Марсианские боевые машины были уже в пути и перебирались через Кордон.

19. Первые часы за Кордоном

Прошло несколько часов после того, как марсиане в мгновение ока разметали противостоящую им армию. Фрэнк и Верити с горсткой своих людей, а также несколько солдат из разных частей укрывались в наскоро вырытых окопах и траншеях.

Они смотрели, как боевые машины расхаживают по развороченной земле внутри Кордона и изучают то, что осталось от оборонительных сооружений. Ночь была темная, но отблески огня от горящей техники и оружия, превратившегося в бесполезную груду металла, позволяли Фрэнку наблюдать за марсианами. На фоне алого пламени он видел ноги их машин, длинные, изящные, суставчатые. Пару раз вспыхивали лучи прожекторов, выхватывая марсиан из мрака во всем их великолепии, но источники света мгновенно обнаруживали и сжигали. Фрэнк почти не слышал выстрелов, не видел почти никаких признаков сопротивления.

Через несколько часов Верити прошептала:

— Они стреляют во все, что шевелится, — во все механическое. Даже если это не пушка. Думаю,

если бы у нас была санитарная машина, они бы и ее спалили. Но людей они не трогают, если только они достаточно умны, чтобы не палить по ним в упор. Все, как сказал ваш приятель Берт Кук, — и, будьте покойны, я понимаю, в чем дело: марсианам надо чем-то питаться. И нам, к слову, тоже рано или поздно нужно будет поесть. Кстати, где Кук?

— Давно ушел, — сказал Фрэнк. — Пошел поближе к марсианам. Кук всегда следовал собственным порывам, а не армейским приказам.

— Кажется, светает.

— Ох. Надеюсь, что только кажется.

Верити обвела взглядом подопечных — юных медиков и медсестер. Многие из них прижались друг к другу, чтобы согреться, и спали невинным сном младенцев.

— Вы только посмотрите на них. Завидую тем, кто может заснуть в такой час.

— Они переутомились. Нам ведь и прошлой ночью не удалось поспать.

— Да, верно, — согласилась она и вдруг, изогнувшись, выглянула из траншеи, словно что-то услышав.

Фрэнк осторожно приподнялся на локтях. В предрассветных сумерках он увидел еще одну

боевую машину, которая быстро, но осторожно шагала по искореженной земле. А возле ее ног бежал будто бы паук или краб с массивным корпусом и множеством ног, размером примерно с небольшой автомобиль.

— Это еще что? — выдохнула Верити.

— Многорукая машина. Странно видеть ее не в музее… Если в дело пошли эти машины, значит, марсиане прилетели не только разрушать, но и строить.

— Может, они строят крепость?

— Что-нибудь вроде того. Может быть, частокол вокруг захваченной территории.

Верити взглянула на него:

— Значит, эту насыпь не зря назвали Кордоном.

— Похоже на то.

— А мы остались внутри.

— Ну, не только вы!

За спиной раздался звучный женский голос, особенно громкий в сравнении с их шепотом, и Фрэнк вздрогнул. Он перевернулся на спину, потянулся за револьвером и неуклюже скатился на дно траншеи.

Рядом заржала лошадь, словно потешаясь над ним.

Фрэнк увидел перед собой Милдред Триттон. Она сидела в старой обшарпанной повозке, в которую были запряжены два крепких коня.

— Доброе утро! — жизнерадостно сказала она. — А поскольку уже утро, вам должно хватить света, чтобы убедиться, что я не слишком-то похожа на пришельца с Марса.

Фрэнк, чувствуя себя форменным дураком, встал на ноги — хотя внутренний голос вопил, что не надо вылезать из укрытия.

— Прошу прощения, — смущенно сказал он, убирая револьвер в кобуру. — У нас была тяжелая ночь. Чем могу быть полезен, миссис Триттон?

— Зовите меня Милдред. Сдается мне, сейчас более важный вопрос — чем *я* могу быть вам полезна. Я выбираюсь сюда уже в третий раз за ночь, ну или за утро, как угодно. Не так давно в результате отчаянного эксперимента я выяснила, что марсиане не стреляют по повозкам, запряженным лошадьми, конечно, если на них не перевозят гаубицы. Они охотятся на машины. Уничтожили мою старушку Бесси. Мой трактор, — она помрачнела. — Такое я простить не готова.

— Бедные марсиане! — сказала Верити. — Они нажили себе страшного врага.

— В третий раз, говорите? — спросил Фрэнк.

— Точно так. Подбираю заблудшие души вроде вас и везу домой.

— Домой?

— К себе в дом. У меня ферма возле Эбботсдейла, это деревушка в нескольких милях отсюда, вон там, — и она указала большим пальцем через плечо. — Первую поездку я совершила по доброте душевной. Во время второй — подобрала вашего подполковника Фэрфилда. Приятный малый; кроме него, выжило еще несколько старших офицеров — в этой части Кордона, по крайней мере. И он мне рассказал, что телефон и телеграф молчат, — марсиане, похоже, потрудились обрезать провода. В полевых частях есть беспроволочный телеграф; он еще работает, и выжившие о чем-то договариваются друг с другом. Тех, кто оказался внутри Кордона, увели с передовой в места поспокойнее — подальше от марсианских воронок, ведь цилиндры попадали внутри всего кольца, а не только по краям. Я отвезла Фэрфилда в Эбботсдейл, и он попросил, чтобы я вернулась за остальными его людьми. Кажется, особенно он печется о вас, доктор Дженкинс.

— Фрэнк, — веско сказал он. — И мы невероятно признательны вам за то, что вы нас нашли.

— Ну тогда залезайте, — живо откликнулась она. — В повозку влезет ровно дюжина человек. Все, кто чувствует в себе силы идти, пожалуйте следом. За остальными я вернусь, не бойтесь. Я привезла завтрак. Есть ветчина, хлеб, несколько ведер парного молока — пускай два каких-нибудь сильных парня помогут все это разгрузить. О, и еще чистая питьевая вода. Учитывая, что этот марсианский дым может сотворить с почвой, я бы вам пока не советовала пить из ручьев, прорванных труб и так далее.

— Еще не рассвело — а уже как будто выглянуло солнце, — заметил Фрэнк. — Спасибо, Милдред.

Но женщина, кажется, не слушала. Она тихо сказала:

— Что меня поражает, доктор, — так это то, какие тут все чертовски юные.

— Это правда. Просто тем, кто повзрослее, хватает ума не идти на войну.

20. Захваченная местность

После быстрого завтрака в повозку набилось достаточно народу, Милдред дернула поводья, и кони потащили свой груз через неровное поле, ступая тяжелым размеренным шагом. Фрэнк ехал рядом с фермершей; он поначалу не хотел лезть в повозку, видя, что не всем его людям хватает места, но его более опытные подчиненные настояли, что командир должен быть в авангарде.

Было очень странно выходить из укрытия, пусть даже марсиан нигде не было видно. По дороге попутчики тихо беседовали. Милдред расспрашивала Фрэнка о его прошлом. Она читала книгу Уолтера, и ей было любопытно узнать о его родстве с Фрэнком. Позже Фрэнк рассказывал, что в такие минуты чувствовал себя как типичный младший брат, который завидует старшему, и этот раз, несмотря на все обстоятельства, не стал исключением. В сотне ярдов от них уныло мычало стадо коров.

— Уверена, что Джимми Роджерс не забудет подоить своих коров, невзирая на всяких там марсиан, — строго сказала Милдред.

Повозка попала колесом в особенно глубокую

рытвину, и ее как следует тряхнуло.

— Что, Милдред, дороги вы не жалуете? — спросил Фрэнк, переводя дух.

В ответ та указала куда-то вперед — туда, где клубился туман. Теперь Фрэнк увидел марсиан: две боевые машины шагали в рассветной дымке, неправдоподобно высокие — как будто ожившие церковные шпили, подумал он.

— Теперь понимаете? — спросила Милдред. — Они повсюду: вылезают из ям — и на границе, и внутри Кордона, перегораживают дороги и рельсы, перерезают телефонные провода. Лучше не путаться у них под ногами, не находите? Так что мы будем держаться подальше от дорог и от деревень тоже. Поедем по горам да по долам…

В этом Милдред не соврала. Повозка то ползла вверх, то ухала вниз. Фрэнку показалось, что они едут по руслу огромной реки, заросшему травой. Будь здесь военный, наверняка он начал бы ворчать, что видимость в этом месте хуже некуда.

Милдред пристально поглядела на Фрэнка.

— Вы не бывали в Чилтерне, верно? Шестьдесят миль крутых холмов, от Горингской расселины на юго-западе, где течет Темза, до Хитчинской расселины на северо-востоке. Я уверена, что в эту самую минуту военные стратеги в Лондоне

и Олдершоте, или где там они заседают, обсуждают то же самое. Известняковые холмы, крутые склоны, узкие долины. Лично мне очевидно, что марсиане захватили это место, чтобы создать тут базу. Укрепленный периметр, откуда можно перебросить силы куда угодно — предполагаю, что в первую очередь на Лондон. Ну а мы все застряли внутри.

— Мы? А мы — это кто?

— А вот это один из тех вопросов, которые стоит обсудить. Вот краткий инструктаж, слушайте. Я высажу ваших солдат в Эбботсдейле, а вас отведу в усадьбу — это недалеко.

— В усадьбу?

— Там вы денек погостите у вдовствующей леди Бонневиль. Ваш подполковник Фэрфилд уже у Эмили, как и другие старшие офицеры из этой части Кордона. А еще она позвала других важных особ из Эбботсдейла и окрестных деревень: местного бобби, почтмейстера, управляющего банком — такого рода публику. Джимми Роджерс, самый крупный землевладелец в округе…

— Леди созывает к себе людей из окрестных земель. — Фрэнку стало смешно. — Отдает чем-то средневековым!

— Посмотрите вокруг. Вы едете по полю на

повозке, запряженной лошадьми! Пусть даже вокруг рыскают инопланетные механизмы, мы с вами как будто вернулись в Средние века. Ну а у леди Бонневиль, боюсь, будет больше трудностей с немцами-солдатами, чем с марсианами. Уж настолько она старомодна. А теперь давайте спустимся с небес на землю: надо придумать, как обеспечить ваших солдатиков. Их тут, наверное, сотни.

— Может, и тысячи, если они выжили.

— Вас тут прорва, и у каждого пустой живот. Я так полагаю, вы привезли с собой не слишком-то много провизии?

Фрэнк задумался.

— У нас были полевые кухни… Нет, запасы у нас вряд ли большие. Хватит, наверное, на день или на два.

Милдред вздохнула.

— Вы готовились к короткой кампании в щедрой сельской местности, а не к осаде. На первое время хватит наших запасов. Но вскоре… Эти ваши люди — они в основном молодые, так? Сильные, крепкие, дисциплинированные…

— Если им удастся сохранить эти качества.

— Еще как сохранят, когда будут вспахивать мои поля.

У Фрэнка голова шла кругом. Еще несколько часов назад он укрывался в наспех вырытой траншее от атаки существ из иного мира — а теперь рядом с ним сидела эта удивительная женщина и рассуждала о землепашестве.

— Вы уже все продумали, да?

— На тракторах, конечно, пахать нельзя: марсиане явно не дадут нам использовать технику. Работа предстоит тяжелая. И поля надо будет расчистить, по крайней мере некоторые.

Фрэнк огляделся вокруг. Позже он признался мне в том, что в тот момент чувствовал себя полным невеждой, как любой горожанин, оказавшийся в сельской местности.

— Вы сейчас здесь ничего не выращиваете?

Милдред улыбнулась.

— Уже тридцать — сорок лет, как нет. С тех пор как из Европы и Америки начали привозить дешевое зерно, а фермеры уехали на заработки. Тут стали сажать лес и разводить коров. Что ж, придется какое-то время обходиться без американского зерна. Хорошо, что тут еще полно народу, которые помнят старые деньки…

Они обсудили другие практические моменты. У солдат были кое-какие медицинские препараты, но мирные жители тоже получили ранения, а

запас лекарств был ограничен. Надо было собрать одну общую аптечку и все распределить. Электричества не было — впрочем, его и так успели провести далеко не во все поселения. В усадьбе были свои генераторы, но их требовалось заправлять, а запасы топлива пополнить было негде, так что существовал риск скоро остаться без света. Вода — вечная проблема, но в Эбботсдейле были старые колодцы, которые при определенных усилиях можно было откопать…

Путешествие затянулось, и Фрэнк почувствовал, что теряет силы. Он, в конце концов, провел две ночи без сна. Стараясь унять дрожь, он обхватил себя руками. Травмы, которых он до этого не замечал, вдруг заявили о себе: растянутая лодыжка, вывихнутое плечо. Вокруг него расстилались зеленые холмы, мир был таким же, как и всегда, и все же Фрэнка преследовало чувство, что все нереально, что все это лишь ширма, которая может упасть в любой момент, обнажив мир безумия и увечий, куда его затянуло прошлой ночью.

Милдред внимательно посмотрела на него.

— С вами все хорошо?

— Ничего такого, чего не мог бы вылечить крепкий виски… — услышал он собственный голос словно издалека.

К своему ужасу, Фрэнк обнаружил, что плачет.

Милдред Триттон остановила повозку, что-то тихо сказала Верити, и та перебралась поближе к Фрэнку и приобняла его. Через какое-то время слезы перестали течь у него из глаз, и он провалился в полудрему.

21. В Эбботсдейле

Наконец они добрались до деревни. Фрэнк отрешенно смотрел на церковь, построенную не больше полувека назад, на новую школу, на отгороженный участок общей земли. Эбботсдейлу все еще было далеко до того, чтобы называться городом, но социальный и технический прогресс девятнадцатого века принес большие перемены в местечки вроде этого.

Повозка замедлила ход возле красивого усадебного дома, старинного здания в стороне от дороги. Во дворе были свалены в кучу винтовки, револьверы и даже ракетницы: их накрыли брезентом — видимо, чтобы спрятать от марсианских глаз. Когда врачи, санитары и медсестры выбрались из повозки, ворота усадьбы открылись, и выехали двое разведчиков на велосипедах. Они, вихляя колесами, покатили к Амершему, и вслед им неслись насмешки врачей:

— Давайте, ребята, поднажмите!

— Что, скучаете по мотоциклам?

Милдред причмокнула губами и повернулась к Фрэнку:

— Ну что ж, вот мы и здесь — к худу, к добру

ли, не знаю. А теперь не пугайтесь, когда зайдете в дом: спаниели — совершенно безобидные псы, даже в таких количествах…

Фрэнк присоединился к Фэрфилду и прочим офицерам, которых Эмили, леди Бонневиль, собрала за кофе в просторной, но затхлой столовой. Фэрфилд на секунду оторвался от важного разговора, чтобы поприветствовать Фрэнка.

Офицеры и их адъютанты продумывали план действий. На столе они разложили карту местности, где были отмечены места высадки марсиан, о которых поступили сообщения. Воронки, оставленные второй волной цилиндров, располагались внутри Кордона; несколько ям появилось в Амершеме, в самом центре круга.

Первостепенной задачей было наладить связь. Обычный беспроводной приемник от «мегафона Марвина» мог ловить правительственные трансляции со станции Маркони возле Челмсфорда, пока не кончится энергия. По радио уже передавали сообщения специально для тех, кто застрял внутри марсианского Кордона, — они гласили: «Вы не одни». Фрэнка уверили, что позже удастся соорудить детекторные приемники, которые будут ловить сигналы, не нуждаясь ни в каком внешнем источнике энергии. Но была и другая

задача — передавать сообщения за Кордон. У небольших полевых радиоприемников был ограниченный радиус действия, и пока что попытки передать сигналы с их помощью не увенчались особым успехом. Лейтенант саперов предложил прорыть под Кордоном туннели и протянуть там кабели.

В конце утра пришли кое-какие новости. Новые захватчики с Марса уже в первый день после прибытия покинули свой обширный лагерь. Цилиндры приземлились в полночь, боевые машины вышли за периметр спустя всего каких-то шесть часов, на рассвете. Как вы узнаете из дальнейшего повествования, эта схема не раз повторялась по ходу войны.

Первыми движение заметили военные внутри Кордона, и, согласно сообщениям из внешнего мира, как только марсиане покинули периметр, они быстро разделились на группы и стали распространяться по местности, явно направляясь в какие-то заранее намеченные пункты. На Земле к этому моменту было много боевых машин, по расчетам — более двух сотен, если сорок восемь цилиндров из второй волны вмещали столько же марсиан, что и снаряды, прилетевшие в 1907-м. В ударных группах, которые вышли за пределы

Кордона, были дюжины треножников.

И эти ударные группы оправдали свое название. Они отправились прямо на базы в Колчестере и Олдершоте, в самое сердце армии. Они отправились на равнину Солсбери, где в тренировочном военном лагере собрались резервные войска, — резня была страшная. (После войны Фрэнк с изумлением разглядывал впечатляющие фото из «Миррор», где была запечатлена боевая машина над Стоунхенджем, — ведь, конечно, внутри Кордона не было никаких газет.) Военные порты в Чатеме и Портсмуте также разгромили, хотя многие крупные корабли успели уйти в море: спасибо сообразительности Черчилля, который надавил на Адмиралтейство. И везде, где проходили марсиане, оставались разрушенные дороги, рельсы и мосты, перерезанные провода, взорванные газометры и электростанции и сожженные кучи угля. Захватчикам пытались оказывать сопротивление, и пару боевых машин даже удалось сбить из пушек, но не более того: слишком быстрыми они были, слишком много разрушений несли. На этот раз, понял Фрэнк, марсиане усвоили урок. Южная Англия была обескровлена.

А когда утром в среду марсиане наконец двину-

лись на Лондон, Фрэнк, кажется, оказался первым из всей нашей злополучной семьи, кто об этом узнал.

22. Марсиане выходят из-за Кордона

Фрэнку, как и большинству старших офицеров, добравшихся до Эбботсдейла, предложили комнату в усадьбе. Но Фрэнк — человек невероятно совестливый, пусть временами это и делает его общество невыносимым. Так что эту ночь он провел на набитом соломой матрасе в деревенской ратуше вместе с молодыми врачами и медсестрами. Чтобы соблюсти приличия, мужчин и женщин разделили старой холщовой завесой, которая служила задником во время рождественских представлений. Фрэнк рассказывал, что на ней был грубо намалеван сказочный замок, и с учетом того, какими невероятными были последние несколько суток, это показалось ему весьма уместным. Поначалу ему не давали уснуть неловкие шутки, которыми перебрасывались такие же усталые и встревоженные люди, как он сам. Но он свернулся под одеялом, накрывшись сверху одеждой, и вскоре уже спал без задних ног.

Разбудил его гул авиамоторов.

Фрэнк резко выпрямился. Было темно, хоть глаз выколи, — только в щели между шторами пробивался дрожащий оранжевый свет. Вокруг

шевелились и что-то бормотали люди. Фрэнк проявил предусмотрительность, свойственную военному ветерану, которым он неожиданно для себя оказался, и не стал снимать на ночь штаны и носки, — сейчас, когда он нашаривал в темноте куртку, сапоги и револьвер, это было очень кстати. Шумели наверняка самолеты — Фрэнк узнал рокот пропеллеров. Наконец кто-то отдернул штору с окна, выходившего на север. В небе парили оранжевые искры: на землю медленно падали сигнальные ракеты. Все лица повернулись к окну, сияя в темноте словно медные монеты.

Гул нарастал. Фрэнку казалось, что он доносится с севера и востока.

— Боже мой! — сказал кто-то. — Как будто там пускают фейерверки.

— Кажется, это со стороны Амершема, — послышался другой голос. — И только посмотрите! Видите, там движется огромная тень, словно человек идет на ходулях? Это марсианин!

На плечо Фрэнку легла чья-то рука. Он оглянулся и увидел Верити Блисс. Она была в полной экипировке, с каской на голове.

— Начинается, — сказала она. — Подполковник Фэрфилд послал меня за вами.

Фрэнк натянул сапоги.

— Ну что ж, пошли, — откликнулся он.

Они протиснулись наружу. В воздухе стоял легкий запах гари. Мужчины и женщины высыпали на улицу и взволнованно показывали на небо. Там, над марсианскими ямами в центральном Амершеме, ярко сияли оранжевые сигнальные ракеты. Среди одетых в хаки солдат Фрэнк увидел и местных жителей, мальчишек и девчонок, перепуганных, но исполненных любопытства: они не привыкли выходить из дома посреди ночи.

И да, теперь и он видел боевые машины. Высокие, величественные, они отбрасывали длинные тени в свете ракет. Марсиане, выстроившись в ряд, уходили вдаль, на восток.

— Наверное, надо их сосчитать, — предложила Верити. — Раз, два, три… Из-за теней не разобрать.

— Не переживайте, — раздался голос. К ним подошел подполковник Фэрфилд. Фуражка с козырьком и пальто придавали ему щеголеватый вид, но на ногах у него Фрэнк заметил домашние туфли, которые явно были ему велики. — Мы отправили разведчиков и пытаемся послать сигнал командирам за Кордон.

Фрэнк показал туда, где вспыхивали тепловые лучи.

— Кажется, тем парням, которые посылают ракеты, сейчас туго.

— Да. Храбрые ребята, все как один добровольцы. Но мы решили, что надо как следует рассмотреть, что происходит, чего бы нам это ни стоило. Потому что сейчас на марше не только наши марсиане. Похоже, что они стекаются со всего Кордона: их видели и на юге, в Слау, и на севере, в Хемел-Хемпстеде. Их целые толпы, и все они стягиваются туда, к Аксбриджу, — он указал на восток. — Боюсь, нет особых сомнений в том, какую цель они хотят поразить этим утром.

— Лондон, — задохнулась Верити.

Звук пропеллеров перерос в гулкий рев, и приходилось кричать, чтобы слышать друг друга.

— А вон там, наверху, — еще одна причина, по которой мы подсвечиваем марсианские воронки, — сказал Фэрфилд.

Фрэнк улыбнулся, почувствовав неожиданный прилив радости:

— Чтобы навести на них бомбардировщики!

Они летели с севера, низко над землей, подсвеченные снизу оранжевым сиянием ракет. Фрэнк предположил, что они вылетели из Норхолта, где находилась база Королевского летного корпуса. Это были огромные, тяжелые, массивные

бипланы. У британских военных не было таких самолетов — это были немецкие бомбардировщики, «готы» и «гиганты», закаленные в жестоких боях на русском фронте. У некоторых на широких крыльях было сразу по несколько двигателей. Еще десять — двадцать лет назад о таком зрелище нельзя было и мечтать.

Они начали сбрасывать бомбы — в воздухе заскользили крупные тяжелые капли. Бам! Бам! Даже здесь, в Эбботсдейле, явственно чувствовались удары, и Фрэнк живо представил себе разгром, который творится сейчас в марсианских ямах, представил, как в воздух взлетают обломки искореженных механизмов. Он ведь своими глазами видел, как из добротных корабельных орудий сбивали боевую машину, и знал, что это возможно.

Но марсиане не остались в долгу. Фрэнк увидел, как вверх выстрелили бледные тепловые лучи, а боевые машины повернули свои бронированные головы — даже те, что направлялись сейчас за Кордон. Тяжелые, неповоротливые немецкие бомбардировщики один за другим вспыхивали, пораженные тепловым лучом; некоторые зрелищно взрывались, когда их бомбы детонировали прямо в воздухе.

— Словно летучие мыши в струе огнемета, — пробормотал Фэрфилд.

— И все-таки они летят! — сказала Верити. — Немцы летят! Подумать только: если бы я не вступила в добровольческий отряд, я бы все это пропустила!

Фэрфилд кивнул.

— Что ж, у вас будет полно работы, учитывая, как рьяно марсиане палят тепловыми лучами. Приготовьтесь, капитан Дженкинс. И разузнайте, не говорит ли кто-нибудь из ваших людей по-немецки: может быть, нам попадутся сбитые летчики.

Он взглянул на восток, где уже светало.

— Лондону мы уже никак не поможем.

23. Наше бегство из Стэнмура

В среду на рассвете марсиане выстроились перед атакой.

Во время Первой войны, двигаясь из Суррея на Лондон, они, согласно свидетельствам очевидцев, шли полукругом, стальной аркой, которую было практически невозможно обойти с флангов, как впоследствии заключили военные эксперты. Похожим образом прусские солдаты наступали на Париж в 1870 году.

Теперь, выйдя из-за Кордона, они вновь встали полукругом. Те, кто занял место в середине, шли по развалинам Аксбриджа, вдоль бывшей Вестерн-авеню; фланги на юге заходили за Вест-Дрейтон, а на севере приближались к Буши. И на сей раз это была не маленькая горстка машин — наблюдатели насчитали их как минимум пятьдесят, что, вероятно, составляло пятую часть армады, приземлившейся в сердце Англии.

Они продвигались вперед. В западных пригородах Лондона завыли сигналы тревоги; техника и бойцы заняли позиции.

А мы с невесткой в это время были в Стэнмуре, к западу от наскоро возведенных баррикад, ко-

торые именовались Королевской линией. Пока все было спокойно, но мое воображение живо рисовало неутешительные картины: на западе — марсиане, на востоке — британская линия обороны, а между ними — мы двое, запертые в ловушке.

Элис действительно вернулась из Бакстона. Если бы она осталась там, то сейчас была бы в безопасности, но внутренний голос побудил ее отправиться домой. Я приехала к ней во вторник и сделала все возможные приготовления для эвакуации. Я твердо решила, что нужно поехать на велосипеде — так будет быстрее всего, — но это накладывало ограничения на количество вещей, которые мы могли взять с собой. У меня уже был собран рюкзак, и, применив все средства убеждения, за вычетом разве что физического насилия, я все-таки уговорила Элис упаковать все необходимое в единственный чемодан: фамильные драгоценности и фотографии Джорджа заняли в нем больше места, чем белье, что красноречиво обозначило ее приоритеты. И она без конца болтала о своем отдыхе на курорте — о том, кто кому что сказал. Сборы заняли у нас весь вечер, так что уехать во вторник мы уже не успели, и я со смесью зависти и стыда наблюдала, как

соседи один за другим покидают дома: некоторые в автомобилях, не попавших под реквизицию, но большинство пешком.

И в течение всего дня я по мере возможности следила за новостями о марсианских атаках: быстрых, точных, спланированных с холодной безжалостностью.

В среду наш беспокойный сон был прерван колокольным звоном и воем сирен. По улицам разъезжали полицейские фургоны с громкоговорителями — оставшихся жителей призывали бежать либо укрываться в подвалах. Когда я узнала, что сегодня марсиане двинулись на Лондон, я ощутила глубокое сожаление из-за того, что не смогла убедить невестку выехать пораньше, — и растущий страх при мысли, что сейчас уже поздно что-либо предпринимать.

И все же я вытащила Элис из постели.

— Джордж не хотел бы, чтобы мы бежали вот так, сломя голову, — заметила она, когда я попыталась донести до нее, что сейчас необязательно расчесывать волосы.

— Надо отправиться на север, — сказала я, лихорадочно соображая. — Если мы доберемся до городов в центральных графствах, там могут ходить поезда — в Озерный край, даже в Шот-

ландию…

— Это наш с Джорджем дом. Тут его библиотека, его хирургические инструменты…

— Джордж умер тринадцать лет назад! Остались только мы, Элис. Нам надо спастись, раз Джордж не сумел.

— Во Францию.

— Что?

— Не в Шотландию. Во Францию. У Джорджа был там пациент — он приехал лечиться в Англию из Нанта. Он писал мне после той войны и сказал, что, если марсиане вернутся в Англию, нам надо снова бежать во Францию — к нему.

— Опять во Францию… — уже тогда я подумала, что нет никаких причин рассчитывать, будто марсиане оставят Францию в покое. Не в этот раз. Где же искать укрытие? Даже для того, чтобы попасть во Францию, надо было добраться до южного побережья. И пересечь Лондон! — Элис, город сегодня превратится в кипящий муравейник. Мы не можем…

Но я не могла ее переубедить, как ни билась. Да, мы готовы были бежать — но бежать в город, охваченный хаосом.

Когда мы наконец покинули дом, вставало солнце. День, как назло, был ясный и теплый

— последний день марта. Наш дом находился недалеко от станции, и я помню, как мы проезжали мимо прекрасных вилл, давно брошенных хозяевами, помню слепые прямоугольники их завешенных окон, в которых отражалось утреннее солнце. Элис рассказала, что некоторые местные жители хвалились, будто зарыли неподалеку целые клады с монетами и украшениями, как саксы перед приходом викингов.

Так начался наш путь. По моему настоянию, мы сперва свернули на север: я знала, что конечный участок Королевской линии пролегает к северу от Эджуэра, и надеялась, что нас пропустят и мы сможем повернуть на юг.

А тем временем к юго-западу от нас к Королевской линии шли марсиане.

24. На Королевской линии

Когда в Миддлсексе и Бакингемшире был воздвигнут марсианский Кордон, Эрик Иден, ввиду обстоятельств временно восстановленный в чине майора, оказался снаружи, и их с товарищами немедленно отозвали назад.

Но теперь Эрик снова был на линии фронта в марсианской войне.

На сей раз он укрывался в траншее, наскоро прорытой поперек Вестерн-авеню, недалеко от перекрестка с Хэнгер-лейн, к северу от Илинга, — траншея была частью Королевской линии. Он стоял на стрелковой ступени и, выглядывая из-за бруствера, сложенного из мешков с песком, смотрел на запад, туда, откуда должны были прийти марсиане. На нем был тяжелый противогаз, мешающий обзору; в руках Эрик сжимал винтовку со штыком. Глаза ему закрывали защитные очки, где-то за спиной уже открыли огонь пушки, и поэтому Эрик почти ничего не видел и не слышал.

И все же он чувствовал уверенность: он знал, что здесь, на этом рубеже, который с самой высадки марсиан был обречен встретить их натиск, сопротивление было организовано лучше всего.

Сам Уинстон Черчилль, военный министр, накануне провел смотр войск, пока на линии вовсю кипела работа. Говорили, что он самое высокопоставленное лицо из всех, кто остался в городе, и что он многое сделал для организации обороны. Для такого человека, как Черчилль, война была родной стихией. Я всегда гадала, что было бы, если бы он остался в тот день в Лондоне и отважился поставить все на карту, как и поступал всю свою жизнь. Если бы Черчилль выжил, то вне зависимости от того, пал бы город или уцелел, он бы остался в веках как герой. Этот мужчина сорока пяти лет, высокий, мощный, больше похожий на вояку, чем на министра, стоял на бруствере в грязных сапогах, упершись руками в бока, и призывал:

— Разбейте их здесь, на этой линии, проломите их тонкую броню, и тогда мы будем бить их везде, где только увидим. Ведь их не так много. А если кому-то из вас суждено уйти в мир иной — прихватите с собой одного из них. Их сотни — но нас миллионы: нам ничего не остается, кроме как победить!

Наградой ему стали бурные аплодисменты. Черчилль был человеком, способным вести за собой — к триумфу ли, к катастрофе, — но вести.

И Эрик знал, что эти воодушевляющие речи кое-чем подкреплены. Его уникальный опыт обеспечил ему доступ к сведениям, которые оставались достоянием избранного меньшинства. Он знал, что, если линию прорвут, марсиан встретят не только пулеметчики, артиллеристы и пехота, но и особое оружие, которое пока держалось в секрете.

Наконец пришло время претворить в жизнь все поспешно составленные планы.

Было еще раннее утро, когда послышались первые выстрелы.

Все началось с артиллерийского огня. Палили пушки, которые стояли далеко за линией обороны. Самые тяжелые орудия находились в нескольких милях оттуда — в том числе корабельные, доставленные из портов на машинах и в грузовых вагонах. Снаряды летели над Королевской линией, над траншеями, где укрывались солдаты, и с глухими ударами обрушивались где-то впереди, на западе, словно великан тяжело ступал по земле.

Эрик осторожно высунул голову за бруствер и увидел, как падают снаряды, поднимая фонтаны грязи, как брошенные дома охватывает огонь, как над лесами, полями и парками взмывают языки

пламени. Ему был известен план — создать огневой вал: пушки методично зачищали местность, посылая снаряды все ближе к линии обороны. Марсиане, как было хорошо известно со времен Первой войны, не могли выстоять перед артиллерийским огнем. По задумке, именно обстрел должен был нанести противнику наибольший урон: огромные боевые машины пали бы под градом снарядов, и тогда настал бы черед пехоты — солдаты атаковали бы марсиан, разя их из винтовок, пока те выбирались из своих вдребезги разбитых механизмов.

Пока падали снаряды, Эрик огляделся. Траншеи шли зигзагами, и край линии был скрыт; такая форма была выбрана намеренно, чтобы случайный пожар, вызванный взрывом, не поразил всю линию обороны — этот урок британцы усвоили, сражаясь с бурскими повстанцами в Южной Африке. Солдаты выстроились на стрелковых ступенях и на дощатых настилах за ними, готовые перейти через бруствер. Наблюдатели смотрели в бинокли, силясь что-то разглядеть сквозь стену из огня и дыма. Это была настоящая военная машина, единая система, которая объединяла людей, технику и укрепления и подчинялась одной цели — система, продуманная и налаженная

за каких-нибудь несколько дней.

И вот наконец послышались крики.

— Там!

— И вон там!

— Да, да, вижу — наступают по всему фронту!

Люди вдоль всей линии зашевелились, взволнованно показывая пальцами за бруствер. Эрик протер очки и вгляделся в клубы дыма.

Они наступали: тонкие стальные ноги изгибались при ходьбе, массивные ступни тяжело опускались на землю, и в каждой машине сверху, под колпаком, за свисающими металлическими щупальцами, скрывался живой марсианин. Казалось, они вырастают из дыма, словно явились прямиком из чьих-то безумных грез. Они шли длинными рядами — за передней шеренгой угадывались следующие. Едва выйдя из мглы, эти гиганты грозно нависли над жалкими человеческими укреплениями. Они наступали бесшумно — Эрик различал только грохот пушек, которые продолжали палить.

А боевые машины стреляли в ответ — прямо на ходу. Эрик видел, как они шли, причудливо выгибая ноги, и поворачивали свои медные колпаки, а ловкие щупальца стремительно двигались, направляя генераторы тепловых лучей то

в одну сторону, то в другую. И снаряды, пролетевшие несколько миль, чтобы поразить мишени, разрывались в воздухе над ними, рассыпаясь безобидной шрапнелью.

Но даже марсиане промахивались, даже они были смертны. Один крупный снаряд врезался прямо в строй марсиан. Траншеи взорвались криками; солдаты потрясали кулаками. Боевая машина пошатнулась. Ее колпак превратился в комок смятого металла, окрашенный чем-то багряным — возможно, марсианской кровью. Лишившись управления, треножник потерял равновесие, накренился, зацепил соседа — и обе боевые машины начали падать наземь, словно вековые деревья.

— Двое! — крикнул юный солдат недалеко от Эрика. Его лицо было скрыто противогазом. — Двое!

Он подскочил и потряс кулаком, затянутым в перчатку.

— Вниз, дуралей! — Эрик схватил солдатика за шиворот и вернул за бруствер.

Когда треножники рухнули на землю, грянул взрыв такой силы, словно в нескольких ярдах от них приземлился пятидесятифунтовый снаряд, и съежившегося Эрика окатило горячей волной.

Послышались крики: мощный удар поразил людей, которые не успели укрыться.

Когда Эрик вновь осмелился выглянуть наружу, он стал свидетелем одного из тех примечательных проявлений марсианской взаимовыручки, которые во время Первой войны так поражали наблюдателей. Даже под артиллерийским огнем, даже когда люди начали стрелять из полевых пушек и гаубиц, увидев легкую цель, прочие марсиане прекратили наступление. Некоторые из них склонились над упавшими и растянули над ними что-то вроде палатки, не переставая при этом отстреливаться от прилетающих снарядов. Марсиане были так близко, что Эрик слышал треск шрапнели, которая отскакивала от их брони, не причиняя им никакого вреда. Сгрудившись вокруг упавших собратьев, марсиане вытянули свои длинные щупальца и начали оттаскивать поврежденные машины с линии огня. Эрик знал: если они не изменили своим привычкам, раненых марсиан вместе с машинами отнесут обратно в ямы, за Кордон.

Но в масштабах всего боя это было второстепенное событие. Орудия умолкли: вести огневой вал дальше было невозможно, иначе пришлось бы обстреливать собственные позиции. Большинство

марсиан, нетронутые, продолжали наступление.

Артиллерия оказалась бесполезной. Эрик слышал, как люди вокруг перешептываются в страхе и смятении, и ощутил собственное напряжение, которое росло по мере того, как враги подбирались все ближе к траншеям. Солдаты — по крайней мере, большинство — все еще удерживали позиции: слышался треск автоматов, но даже снайперские пули отскакивали от стальных ног гигантов, не причиняя им ни малейшего вреда.

Вскоре марсиане подобрались к траншеям вплотную. Они с холодной методичностью поливали их тепловыми лучами — так фермер промывает струей воды сточную канаву. Эрик вынужден был наблюдать, как в нескольких ярдах от него вспыхивают люди.

Сам Эрик не сходил с места — и ждал, пока луч полоснет по его собственной спине. Но когда наконец послышались свистки, прозвучала сигнальная труба и сержанты закричали: «Назад! Назад!» — он тут же повиновался приказу.

Тот восторженный солдатик, которого Эрик только что спас, выбрался из траншеи вместе с ним и бежал рядом.

— Следующий пункт назначения — Шепердс Буш, — сказал он. — Там мы их остановим.

Эрик, который знал больше прочих, проговорил сквозь противогаз:

— Может быть, Том. Может быть.

Армия отступала — и оставшиеся мирные жители волей-неволей последовали ее примеру.

25. Начало отступления

В то ужасное утро мы с невесткой ехали на велосипедах, пока это было возможно, — свой чемодан невестка обвязала веревкой и везла на плече. Потом, когда на дорогах стало не протолкнуться, мы бросили велосипеды и пешком направились на юго-восток, в центр Лондона.

Мы прошли по Эджуэр-роуд, миновали Колиндейл, Вест-Хендон и Криклвуд. Нам приходилось пробивать дорогу — порой в буквальном смысле — через толпу беженцев, которые в основном шли на восток, а не на юг, как мы. Нашлись люди, которые даже сейчас упорствовали в желании взять с собой ценные вещи: их везли на тележках, в тачках или на спинах слуг. Были и те, при взгляде на кого разрывалось сердце: так, одна женщина средних лет с трудом толкала перед собой инвалидное кресло, в котором сидела пожилая дама с трясущимся подбородком — должно быть, мать или тетя. Я бы остановилась, чтобы им помочь, но Элис торопила меня — и, возможно, к лучшему. За толпой гражданских следовали побежденные военные: санитарные машины, грузовики и омнибусы везли раненых, а рядом

шли солдаты, не пострадавшие в бою, но грязные и растрепанные; кто-то пытался идти строем, но большинство сбивалось на бег — им было уже не до дисциплины.

С учетом всего этого мы потратили немало времени и усилий, чтобы добраться до города.

Миновав Паддингтон, мы протискивались сквозь толпу на запруженных улицах к югу от Мэрилебон-роуд, пока не добрались до Мраморной арки. Там все еще сохранялась видимость общественного порядка, хотя с запада по Бейсуотер-роуд на Оксфорд-стрит тек густой поток беженцев. Возле Арки дежурили констебли по специальным поручениям и пара обычных полицейских, а в Гайд-парке лагеря, разбитые для солдат, принимали вновь прибывших: вывески обещали чай, воду, еду, отдых и медицинскую помощь.

На Элис это произвело чрезвычайно сильное впечатление.

— Дух Лондона, дух великого города еще жив! Джули, мы можем ненадолго остановиться? Мы ведь уже столько прошли! Чашечка чаю нам сейчас не повредит!

Но с запада доносились звуки выстрелов и, кажется, тянуло гарью.

— Возможно, у нас мало времени, — ответила я. — Давай придерживаться плана. Надо спешить.

Я убедила ее уйти из парка, и мое упорство принесло свои плоды.

Потому что, если я не ошибаюсь, к этому часу — было позднее утро — марсиане были уже в Уормвуд-Скрабсе.

26. Марсиане в Уормвуд-Скрабсе

Когда отступающая армия ушла уже далеко по Вестерн-авеню, поступил новый приказ: замедлить наступление марсиан, пока они не добрались до Скрабса. Эрик знал, что стоит на кону. Он передал приказ по рядам, а сам развернулся и пошел назад — крича, размахивая руками, командуя людям остановиться и обороняться.

Снова появились марсиане. Они наступали с запада, и небо над ними было свинцовым от дыма; они перешагивали через дома, мимоходом поворачивая свои колпаки то в одну сторону, то в другую, — и каждый луч заставлял дома, машины и людей вспыхивать словно факелы. Теперь они были так близко, что Эрик мог разглядеть устройство их машин во всех деталях. Он видел даже металлические кольца, из которых состояли гибкие щупальца, и его вновь пронзил ужас — эхо тех долгих часов, что он провел запертый внутри цилиндра в Хорселле.

И все же он пошел навстречу этой армии чудовищ, и люди вокруг него поступили так же. Они стреляли из винтовок, кидали гранаты. Кто-то сел за руль пустой санитарной машины и направил

ее прямо под ноги марсианину. Тот пошатнулся, но не упал, а затем пинком отшвырнул машину на другую сторону дороги, словно мальчишка жестянку, и продолжил путь. Треножник удалось задержать всего на несколько секунд, и за это смельчак поплатился жизнью.

Когда марсиане наконец ступили на улицы Скрабса, к югу от парка прозвучала труба, призывая к общему отступлению. Эрик замахал своим людям:

— Назад! Назад!

Но даже когда началось отступление, Эрик, взглянув направо, увидел стены тюрьмы — ее реквизировали по приказу Черчилля, когда началось строительство Королевской линии, — и огромные ворота, из которых выезжали грузовики с прицепами. Каждый вез на платформе какие-то приспособления, укрытые брезентом, и мужчин и женщин в защитных костюмах. Грузовики, не обращая внимания на солдат, разбегавшихся из-под колес, выстроились в ряд и перегородили марсианам дорогу. Водители выскочили из кабин и побежали назад, под защиту тюремных стен. Брезент откинули — и Эрик увидел, как люди вокруг него в изумлении вытаращили глаза.

На платформах стояли генераторы тепловых

лучей. Эти устройства, старые, побитые, с явными следами починки, извлекли из груд металла, оставшихся после первой марсианской экспедиции, и взяли на вооружение. Это был огромный риск, сопряженный с многими смертями, — Эрик, которого привлекли к работе как своего рода эксперта по марсианским технологиям, мог это подтвердить. Но в конце концов инженеры поняли, как с ними управляться.

Теперь смельчаки, которые стояли на платформах, поворачивали закрепленные на массивных лафетах генераторы. Эрику они напомнили прожекторы. Один за другим их направляли на наступающих марсиан.

В последний момент Эрик перемахнул через невысокую стену и ушел с линии огня.

Марсиане замедлили ход. Эрику показалось, что идущие в авангарде треножники — вернее, те, кто в них скрывался, — смотрели на людей, на их неуклюжие машины и на присвоенные ими генераторы с любопытством.

А потом…

А потом не случилось ничего. Эрик видел, как наводчики лихорадочно крутят ручки, приделанные к генераторам, — ручки, которые больше не справлялись со своим предназначением.

После краткой заминки марсиане продолжили свой путь как ни в чем не бывало.

Эрика вдруг озарило. Он понял, почему эта уловка не сработала, почему секретное оружие Черчилля оказалось бесполезным, и удивился, как он не предвидел этого раньше. Но даже поделись он своими опасениями с командирами, разве ему бы поверили?

Как бы ни хвалился Уолтер Дженкинс, с большой вероятностью именно он, Эрик, видел марсиан ближе, чем кто бы то ни был, поскольку несколько дней сидел взаперти в их цилиндре. Он видел, как марсиане взаимодействуют между собой — и со своими механизмами. Как и Дженкинс, он пришел к выводу, что марсиане пользуются чем-то вроде телепатии, хотя придерживался мнения, что они этого достигли с применением каких-то тонких технологий. Мы знаем, что марсиане в той или иной мере сумели достичь синтеза механики с биологией: их огромные машины все равно что костюмы, в которые они при необходимости облачаются. Почему бы не допустить, что внутри их тел происходят аналогичные процессы?

И если один марсианин может передать ментальный сигнал другому, почему бы не передать

его машине?

Похоже, генераторы отказывались стрелять, если у них в прицеле находился марсианин. Это была вполне очевидная мера предосторожности.

— Кто бы мог подумать, что все испортит обычный предохранитель? — пробормотал Эрик себе под нос, сидя за стеной.

Но не все было потеряно. Во время своих визитов в лаборатории, где изучали генераторы тепловых лучей, Эрик узнал, что их можно использовать и другим способом. Время еще было — марсиане пока не подошли к грузовикам вплотную.

Собравшись с духом, Эрик отбросил винтовку и перебрался через стену. План не сработал, и люди бежали, спасаясь от наступающих марсиан. Но Эрик не стал бежать. Он подскочил к ближайшему грузовику и залез на платформу.

Генераторы были тяжелыми, и несколько драгоценных секунд ушло на то, чтобы их сдвинуть, но наконец Эрику удалось направить два генератора друг на друга, отвернув их от марсиан. Пульт управления, который люди приделали к инопланетным устройствам, был довольно прост и, как с облегчением заметил Эрик, снабжен часовым механизмом. Позже Эрик говорил, что не сошел

бы с места и не изменил бы своему плану даже в том случае, если бы ему не выпала такая удача, и я ему верю, но, конечно, нанести марсианам урон и сохранить при этом жизнь было куда более предпочтительным вариантом. Когда марсиане приблизились, он установил часовой механизм на тридцать секунд.

Потом Эрик слез с платформы и, пригнувшись, перебежками и перекатами добрался до другой стены — низкой, но прочной — и укрылся за ней.

Оттуда он наблюдал за тем, что происходило дальше.

Не обращая внимания на Эрика, а может, и вовсе не заметив его, марсиане подошли к двум генераторам, которые он составил вместе. Как и всегда в подобных случаях, марсиан больше заботила судьба собственной техники, чем человеческие выходки. Две машины склонились над устройствами, и Эрик, глядя на секундную стрелку наручных часов, произнес:

— Четыре… три… два… один…

Его рассуждения были просты. Генератор не выстрелит в марсианина, но, возможно, выстрелит в другой генератор. На это Эрик и надеялся.

И его расчет оправдался. Один из генераторов направил всю мощь своего луча в другой, и под

действием огромной энергии корпус второго генератора обратился в газ. Его хитрые внутренние механизмы растворились, кристаллы и зеркала рассыпались в пыль — и наконец лопнула оболочка, покрывающая источник энергии, та самая неприметная сфера размером не больше крикетного мяча, которая, как считали эксперты вроде Эйнштейна и Содди, каким-то образом удерживала в себе энергию атома.

На лондонской улице высвободилась ядерная энергия. Грохот взрыва разнесся по всему городу, перекрыв шум боев. От двух треножников остались только взметнувшиеся в воздух осколки. Еще три были повреждены, два из них — критически.

Многое из того, что случилось в первые дни Второй войны, осталось засекреченным; лишь много лет спустя, когда мы с Эриком летели на дирижабле над арктическими пустошами (о чем я расскажу в свое время), я узнала, что он тогда сделал. Многие люди назвали бы это чистым самоубийством, и все же Эрик нанес марсианам больше вреда, чем кто угодно другой в тот день. Сам он получил серьезные ожоги, но выжил.

Правда, марсиан он не остановил.

Когда останки павших унесли с поля боя и от-

правили в ямы в Миддлсексе, оставшиеся боевые машины — а их было больше сорока — продолжили наступление на Лондон. Теперь, когда Королевская линия была прорвана, а попытка неожиданно атаковать марсиан их собственным оружием провалилась, ничто больше не стояло у них на пути.

27. Бегство по центру Лондона

Мы с невесткой продолжали бегство.

От Мраморной арки наш путь пролегал по Оксфорд-стрит и Риджент-стрит к цирку Пикадилли и к Стрэнд, а затем на набережную. Я подгоняла невестку, а порой и она тянула меня за собой: это был долгий день, и мы обе натерпелись страха. Я уже не помню в подробностях, что происходило. К тому моменту на улицах было полно людей, которые суетились и метались туда-сюда, но все как один старались убраться подальше от марсиан. Словно волна, захлестнувшая галечный берег, откатывалась обратно — мелкие камешки кружились в беспорядочных водоворотах, но направление общего потока было очевидно. Людей было много, очень много: хотя за минувшие несколько дней миллионы жителей успели покинуть город, в нем оставались еще миллионы. На реке теснились корабли, яхты и даже баржи: все уверенно шли вниз по течению, хотя несколько военных судов, лавируя между ними, двигались в обратном направлении.

А марсиане тем временем подступали. Небо на западе, ярко-красное с самого восхода, пятнали

клочья дыма, и зловещие отблески становились все ближе. В той стороне уже виднелись марсиане: их жуткие машины шагали над домами, конторами и магазинами, словно люди, пробирающиеся через коралловый риф.

Мы по-прежнему придерживались своей основной цели: держали путь на юго-восток, чтобы добраться до побережья и уплыть на континент — как в прошлый раз, когда явились марсиане. Но как нам пересечь реку? На мостах толпились люди, и я подумала, что нам в буквальном смысле придется пробивать себе дорогу.

И тут невестка вдруг взяла себя в руки. Она потащила меня за собой вдоль реки, к востоку, мимо районов Темпл и Блэкфрайер, мимо средневековой громады Тауэра, на котором до сих пор видны были шрамы, оставшиеся от тепловых лучей в седьмом году, а затем мимо верфей и складов Уоппинга.

И в конце концов я, ошеломленная, оказалась возле автомобильного туннеля в Ротерхит.

Путь нам преграждало несколько дюжих мужчин, рабочих из доков, заваливших вход в туннель всевозможным хламом и перекрывших винтовые лестницы, предназначенные для пешеходов. Один из рабочих встал перед нами,

сложив руки.

— Туннель закрыт.

— Правда? — спросила Элис. Она тяжело дышала, вспотела, волосы у нее растрепались, чемодан оттягивал руку, но она была полна решимости.

— Не слышали, что ль? Марсиане в городе.

— Но мы всего лишь хотим пройти. Если вы будете так добры и отойдете…

— Проход только для местных. Всяких мамзелей не пускаем.

Я закрыла глаза. Не ожидала, что погибну в классовой войне.

Но Элис была невозмутима.

— Фрэд Сэмпсон здесь?

— Кто-кто?

— Уверена, вы его знаете. Глава местного профсоюза. Фрэд, его жена Поппи, их дети…

— Кто его спрашивает?

— Если вы будете так любезны и передадите ему, что здесь мисс Эльфинстон — Элис Эльфинстон, — он, возможно, вспомнит меня как «фабианку».

Когда Фрэду Сэмпсону это передали, он, к моему изумлению, действительно вспомнил свою «фабианку».

Как я выяснила, Элис и другие члены женского

общества фабианцев [4] уже несколько лет, с тех пор как под властью Марвина страна погрузилась в нищету, приходили в Лаймхаус, Уоппинг и другие районы возле доков, чтобы облегчить участь местной рабочей бедноты. У Элис со времен замужества остались связи в медицинских кругах, и она помогала младшему сынишке Фреда, астматику, чьим легким не шел на пользу влажный, загазованный воздух здешних мест.

Пока мы ждали у ограждения, я во все глаза глядела на Элис словно на незнакомку.

— Фабианки? Я думала, их запретили.

— Не запретили. Скорее скомпрометировали. Но я все равно вступила. Сначала одно, потом другое — и вот мы здесь, — она холодно посмотрела на меня. — Знаю, ты считаешь меня слабой и глупой. Именно такой твой деверь показал меня в своей Летописи, такой карикатурный образ он нарисовал. А после смерти Джорджа и после войны — оба этих события, не буду скрывать, сильно меня подкосили — люди стали воспринимать меня именно так.

---

[4] Примечания: 4

Фабианское общество — реформистская социалистическая организация, основанная в Лондоне в 1884 году. Ее члены выступали за постепенное преобразование капиталистического общества в социалистическое. Герберт Уэллс состоял в этом обществе с 1903 по 1909 год.

— Но ты ведь так и ведешь себя!

— А что, разве весь человек сводится к одной его черте? Да, в дни бегства я была перепугана до смерти, но это не значит, что в этом вся моя сущность. И я не желаю оправдываться перед людьми вроде тебя, Джули, как бы вы надо мной ни издевались — да, издевались, именно так, хотя в последующие годы мне и было за что сказать тебе спасибо. Давай больше не будем об этом, договорились?

Вот так в тот невероятный день я сделала невероятное открытие. Иногда я думаю: хоть кто-то из тех, кого Уолтер упомянул в своей проклятой Летописи, не остался на него смертельно обижен?

Так или иначе, нас со всей возможной учтивостью проводили в дорожный туннель, который после высадки марсиан превратился в убежище: настоящий город под городом, с запасом еды и воды, с уборными и даже с небольшим электрогенератором. Мы хотели было двинуться дальше, но старая поговорка «Без осторожности нет и доблести» пришлась как нельзя кстати. Изможденные, перепачканные, мы решили остановиться в туннеле, туннеле, где можно было почувствовать себя в комфорте и безопасности хотя бы на какое-то время.

Только потом я узнала, что еще сделали марсиане в тот ужасный день.

28. Падение Лондона

Марсианский авангард, который вынудил подразделение Эрика отступить, проследовал по Вестерн-авеню, прошел через Уайт-Сити и Бейсуотер, пересек Риджентс-парк и вышел на Примроуз-хилл.

Как всем известно, именно там марсиане в 1907 году начали рыть огромную яму: многорукие машины работали днем и ночью, пока болезни не сгубили всех инопланетян. И именно там осталась стоять одинокая и недвижная боевая машина — как символ их поражения; по крайней мере мы считали ее недвижной. Мне казалось, в последние дни перед возвращением марсиан я видела, как она шевельнулась, — а теперь новые свидетели наблюдали, как она вращала головой, лишенная камеры теплового луча, и старалась поднять ноги, вмурованные в бетонный постамент. Поистине, марсианские машины в каком-то смысле были живыми — и верными своим хозяевам.

А теперь, в последний день марта 1920 года, около двадцати машин у всех на глазах возвышались над городом — и, конечно, поскольку тепловые

лучи разили на много миль, любое место, откуда были видны марсиане, становилось уязвимым для их оружия. Тем временем остальные два десятка треножников, разделившись на пары или тройки, направились к вполне определенным мишеням.

Стрельба по этим мишеням шла до конца дня и продолжилась ночью. Подавив человеческое сопротивление, машины обрушились на величайший город мира. И на этот раз ущерб, который они наносили, не был случайным и бессистемным, как в 1907 году, когда предыдущее их войско вторглось в город со стороны Суррея. Теперь в их распоряжении были сведения, полученные во время той атаки; теперь они отправили на разведку летательную машину. На этот раз все разрушения были тщательно спланированы.

Одни марсиане стреляли прямо с холма, другие рассыпались по городу. Они направили тепловые лучи на важнейшие транспортные узлы, начиная с вокзалов: были разрушены Юстон, Кингс-Кросс, Чаринг-Кросс, Лондон-Бридж, Ватерлоо, Виктория и Паддингтон. Военные объекты также были уничтожены: порт в Чатеме и Вулвичский арсенал обратились в руины еще накануне, а теперь завод по производству боеприпасов в Сильвер-

тауне вспыхнул ярче солнца — грохот от взрыва был слышен даже во Франции. Марсиане разрушили до основания многие дома и выставочные центры, в том числе Олимпию, Уайт-Сити и даже Хрустальный дворец.

Не осталось камня на камне и от символов нашей мощи: казарм Конной гвардии, где размещался штаб армии, и Уайтхолла. Уродливое здание парламента в Вестминстере оказалось не более стойким, чем его изящный предшественник. Банк тоже не устоял — сердце мировой финансовой системы не выдержало удара. До сих пор не утихают споры о том, насколько хорошо марсиане понимали назначение этих зданий. Что они могли знать об акциях и облигациях? Лично я полагаю, что марсиане — если речь не шла об объектах с очевидным предназначением вроде Вулвичского оружейного завода — ориентировались на то, насколько крупными и величественными были здания и сколько людей суетилось возле них. Зачем они нужны, было не важно — достаточно того, что они представляют для нас ценность.

Это продолжалось весь день. Когда приличную часть Лондона охватило огнем, марсиане переключились на менее заметные цели. Они

взорвали газометры, уничтожили соборы (собор Святого Павла наконец рухнул), разнесли Альберт-холл, а шпили церквей, восстановленных Кристофером Реном, словно бы использовали для упражнений в меткости. Даже госпиталь Святого Варфоломея не уцелел. Наносили они и сопутствующий урон: лодки на Темзе охватывало пламенем, толпы на мостах сгорали заживо, а следом рушились и сами мосты, один за другим.

Марсиане достигли не всего, чего хотели. В городе по-прежнему остались огневые позиции — некоторые из них, как я впоследствии узнала, появились много лет назад, когда власти опасались воздушной войны с Германией. А линкоры дошли по реке до самого Гринвича — еще немного, и они рисковали бы сесть на мель — и обстреливали остов города из своих огромных орудий, пытаясь задеть марсиан. Один-два выстрела попали в цель: машины на холме были наиболее уязвимы, и одна из них упала. Но в конце концов тепловые лучи заставили все пушки замолчать. И, кроме того, беспорядочно падающие снаряды причинили еще больший ущерб городу — и, без сомнения, его жителям; надо было обладать изрядным хладнокровием, чтобы приказать артиллеристам открыть огонь

по центру Лондона.

Еще существеннее был урон, нанесенный с воздуха. К вечеру в темнеющем небе над Лондоном появились немецкие цеппелины. Ровно такую картину в красках рисовали авторы бесчисленных сочинений, пронизанных предчувствием войны, — но немцы прибыли не как враги, а как союзники. Эту величественную флотилию привел из оккупированной Франции на своем громадном цеппелине L-31 Генрих Мати — герой Германии, который совершал дерзкие налеты на Париж, когда там кипели самые жестокие бои. Цеппелины, зависшие высоко в небе, сбросили бомбы; еще две машины на холме опрокинулись, словно кегли, а одной в капюшон угодил трехсотфунтовый снаряд, и она выбыла из игры. Прибыла и британская авиация: бипланы B.E.2, произведенные на Королевском авиационном заводе, жужжали, как мухи, и вились вокруг исполинских туш цеппелинов.

Но марсиане вскоре нанесли ответный удар. Их машины с вращающимися колпаками и ловкими щупальцами были лучше подготовлены к противовоздушной обороне, чем любое оружие, изобретенное человеком. Они сбивали самолеты с такой же легкостью, с какой перехватывали

в воздухе артиллерийские снаряды. Один из лучей задел цеппелин Мати, пока тот пытался развернуться. Летательный аппарат вспыхнул и, к ужасу лондонцев, которые следили за боем, начал медленно опускаться на землю — у него ушло на это три или четыре минуты. У всех, кто наблюдал за этим зрелищем, в голове наверняка была одна мысль — о Мати и экипаже цеппелина, которые заживо поджариваются там, в небе.

Я припоминаю еще одно проявление героизма. Один из самолетов, хрупкий биплан, лавировал между невидимыми тепловыми лучами — вокруг горели и падали его товарищи, а он летел все вперед и вперед, к чудовищам, угнездившимся на Примроуз-хилл. Он нацелился на одного трехногого монстра, словно намереваясь протаранить его броню, и успел выпустить целую обойму зажигательных пуль, перед тем как тепловые лучи расщепили на атомы самолет вместе с пилотом. Пули попали в цель: одна из них явно пробила колпак марсианина, и голова машины ярко вспыхнула. Это видел весь Лондон. Позже я узнала — и считаю нужным сообщить об этом здесь, — что тем пилотом был двадцатипятилетний лейтенант Уильям Лиф Робинсон из Королевского летного корпуса.

Как бы то ни было, это был последний акт сопротивления с воздуха — и вообще какого бы то ни было сопротивления. Но разрушения и кровопролитие продолжались еще долгие часы.

После Первой войны я вернулась на Стрэнд, где прошла всего одна боевая машина, и в деталях увидела, какие это имело последствия. Сначала марсианин пальнул по Эксетер-стрит, задев театр «Гейети». Второй выстрел был нацелен на Кэтрин-стрит и прошел рядом с театром «Стрэнд». Третий и четвертый пришлись на улицу Олдвич. Затем марсианин повернул на север и ударил по домам между Олдвич и отелем «Нью Инн», а потом — по Королевскому судному двору и Кэри-стрит. Четырехсотлетняя часовня Линкольнс Инн была разрушена до основания. Если вы посетите это место, вы и сегодня, десятилетия спустя, заметите последствия тех нескольких минут, когда по улице шел марсианин. И все эти разрушения учинила единственная машина. Представьте, что все это происходило в троекратном масштабе по всему городу! Но даже тогда вы не сможете вообразить весь ужас той ночи — кричащих и бегущих людей, горящие газопроводы, фонтаны воды из пробитых водопроводных труб, весь этот свет, шум и хаос.

Людей…

Когда я пишу или рассказываю о тех временах, я словно превращаюсь в Уолтера Дженкинса. Уолтера, который видел перед собой толпу, а не отдельных перепуганных горожан; Уолтера, которому была ближе сама идея человечества, нежели отдельные люди. В каком-то смысле можно сказать, что даже его жене приходилось соперничать за место в мыслях Уолтера с идеей самой себя. Он был человечным, безусловно, — но, думаю, с трудом представлял себе, что такое человек. Но иногда я его понимаю: когда я пишу о целенаправленном массовом уничтожении, проще перечислять разрушенные здания, чем глядеть людским страданиям прямо в лицо.

Что происходило с жителями Лондона в тот день и в ту ночь, когда архитектурные памятники их города взрывались и рушились у них на глазах? Надо сказать, что правительство Марвина при всех своих недостатках постаралось усвоить уроки Первой войны и довольно ответственно подошло к воплощению своих планов. Так что, когда эвакуация стала неизбежной, уже были разработаны стратегии исхода и подготовлены убежища. В бедных кварталах устроили укрытия — в подвалах, на станциях метро и даже в кана-

лизации. Лондонцы уходили из города в той или иной степени в соответствии с планом, и, хотя нашествие унесло немало жизней, потери не были сокрушительными. Большинство лондонцев пережили эту ночь — и встретились лицом к лицу с неизвестностью.

Но тогда я всего этого не знала — оставалось только сидеть в убежище и ждать.

Как я потом выяснила, последний аккорд атаки был весьма впечатляющим: боевая машина пришла в музейный квартал. Она аккуратно срезала тепловым лучом крышу Музея естественной истории, и заспиртованный марсианин, который стоял в фойе как жуткое напоминание о войне, был извлечен и переправлен в ямы Миддлсекса. Собратья вернули ему старый долг.

И, когда на землю спустилась ночь, марсиане на холме завыли:

— Улла! Улла!

Их вой разносился по всему Лондону — даже мы слышали его в своем туннеле. И если какой-нибудь самопровозглашенный эксперт начнет рассказывать, что марсиане — существа, лишенные всяких эмоций, дайте ему послушать записи этого воя, победного и ликующего.

— Улла! Улла!

Мы слышали его в туннеле глубоко под Темзой — я, Элис и семьи местных рабочих — и молились, чтобы он прекратился.

— Улла! Улла!

Книга II. Англия под властью марсиан

1. Письмо в Париж

Меня позвали в Берлин — встретиться с Уолтером Дженкинсом. Было начало мая 1922 года. Марсиане уже больше двух лет крепко держали Англию за горло, а все образованные люди, думаю, с опаской глядели на небо, где Марс неспешно плыл навстречу следующему противостоянию — оно должно было случиться в июне.

Впрочем, не думаю, что «позвали» — подходящее слово. Скорее уж убедили поехать — и сделал это майор Эрик Иден. Но началось все с Уолтера, который написал мне из Берлина и попросил помочь ему с планом, призванным «покончить с марсианской заразой, охватившей Англию». Все письма Уолтера обычно внимательно изучали его доктора, а также немецкие и английские военные — так эта записка попалась на глаза Эрику Идену. И он — возможно, к собственному удивлению — увидел нечто ценное в задумке Уолтера, которую от меня пока что держали в секрете.

Увидеться с Уолтером — мой долг! Так мне сказала Элис, которая почти не покидала квартиру в Баньоле с тех самых пор, как мы приехали в Париж.

Если вы все это время следили за моим рассказом, то знаете, что я не из тех, кто охотно поддается на уговоры властных мужчин — которых в моей жизни было в избытке. Я не стала торопиться с ответом. Утро вечера мудренее, решила я; но когда кончилась тихая, необычайно теплая парижская ночь и я проснулась в своей комнате с видом на руины Эйфелевой башни, разрушенной восемь лет назад немецким цеппелином, я все еще пребывала в сомнениях.

В конце концов я снова взяла письмо Уолтера и сосредоточилась на словах, обращенных лично ко мне.

«Пожалуйста, приезжай… Как и два года назад, ты, Джули, — единственный человек из всей моей семьи, которому я смело могу написать. Конечно, выбор у меня невелик с учетом того, что мой брат, твой бывший муж, пропал за марсианским Кордоном…»

Это подействовало на меня отрезвляюще. Какие бы мотивы им ни двигали, в каком бы состоянии ни пребывала его психика после длительного общения с Фрейдом и его коллегами, в трудную минуту он все еще искал поддержки именно у меня.

У меня были силы ему ответить, и на тот мо-

мент меня ничто не отягощало. Элис довольно легко влилась в мрачную жизнь побежденного Парижа и даже нашла достойное занятие — она помогала беднякам оккупированного города. Если марсиане не вздумают пересечь канал, решила я, она сможет какое-то время пожить без меня. Сама я — при активном посредничестве Гарри Кейна — писала для нью-йоркских изданий, что обеспечивало неплохой, пусть и нестабильный уровень жизни. Хоть я и не была военным корреспондентом, Гарри сказал, что у моих сводок о жизни в оккупированном городе во всех ее проявлениях, от неуклюжих попыток немцев поддерживать порядок до отчаянных попыток парижан развивать моду и искусство, была своя аудитория на Манхэттене, в Квинсе и в Нью-Джерси, читающая мои тексты с мрачным восхищением. Но я не была привязана к месту, и — как знать? — новое приключение могло бы лечь в основу неплохого материала.

Вы, думаю, уже догадались: мне не слишком верилось в то, что я стану частью некой хитроумной стратегии, которая позволит нам прогнать марсиан.

Я решила откликнуться на призыв Уолтера. Вскоре после завтрака я уже паковала рюкзак,

искала путеводитель и звонила в железнодорожные компании, чтобы купить билет в Берлин. Затем я позвонила по номеру, который мне дал Уолтер, — его доверенному лицу в Берлине: он, как меня уверили, подыщет номер в отеле.

Когда позвонил таксист, Элис только проснулась: она была еще в халате, со спутанными волосами. Но прежде чем такси тронулось с места, мы весьма сердечно попрощались — она одобряла мое решение.

Конечно, если бы я знала истинную подоплеку своей поездки — или, вернее, Большую Ложь, которая за ней стояла, — я бы, наверное, осталась в постели.

2. Встреча в Берлине

Новая железная дорога, построенная немцами — из Парижа в Берлин, из столицы завоеванного государства в столицу завоевателя, — была прямым, но не слишком быстрым путем в пункт моего назначения. Так что путешествие завершилось лишь ранним утром следующего дня — преодолев около шести сотен миль, я вышла из поезда на новом просторном вокзале имени Альфреда фон Шлиффена на западе Берлина, вызывающе названном в честь вдохновителя недавней войны в Европе.

Я взяла такси до отеля. В салоне царила безупречная чистота, равно как и на улицах, по которым мы проезжали. И если мой парижский таксист был неопрятным малым в мятой шляпе и поношенном пиджаке, разве что слишком обходительным, когда я садилась в машину и выходила из нее, то в Берлине за рулем сидела женщина — молодая, элегантная, с ловко забранными под форменную фуражку волосами. Она поговорила со мной о погоде и спросила, впервые ли я в Берлине, — на четком, ровном английском. Я почти ожидала, что сейчас она повернется и

предложит мне сыграть в шахматы, как знаменитый механический турок.

Стоило мне ступить на мостовую возле отеля, как меня взял в оборот другой человек в униформе: он оживленно меня поприветствовал и едва ли не вырвал из рук рюкзак. Я быстро поняла, что британский консул, хлопотавший о моем размещении, не пожалел денег: мне заказали номер в отеле «Адлон», который располагался в очень престижном месте — в доме номер один по Унтер-ден-Линден.

На месте не сиделось, к тому же в поезде удалось как следует выспаться, так что я быстро заселилась, приняла душ, переоделась и вышла на улицу, навстречу берлинскому утру. Я знала, что Уолтер ждет меня, но не могла отказаться от небольшой прогулки.

Я прогулялась по Унтер-ден-Линден, постояла в толпе на Потсдамской площади, свернула на Лейпцигскую улицу и ненадолго заглянула в Вертхайм, огромный магазин, где, как мне показалось, уместилась бы вся Оксфорд-стрит, если бы ее уложили в два-три уровня. Был будний день, однако в магазине царило весеннее оживление: толпы людей суетились, шумели и сорили деньгами. И повсюду мелькали униформы: в них

были облачены и лифтеры Вертхайма, и военные из разных уголков мира — среди прочего, я заметила британского офицера в фуражке и темном кителе цвета хаки, который выделялся на фоне остроконечных шлемов и ярких мундиров солдат с континента.

И даже здесь, в сердце Берлина, богатого, современного, сияющего электричеством города, я видела раненых — в основном мужчин, но не только — в щегольских мундирах и с перевязанными руками и лицами. Кто-то сидел в инвалидных колясках, у кого-то недоставало конечностей. Они выглядели храбрецами — как любые ветераны. Война, развязанная немцами в 1914 году, продолжалась до сих пор, невзирая на то, что в нескольких сотнях миль отсюда по земле бродили марсиане. На восток посылали все новое и новое пушечное мясо, по мере того как немцы все глубже вгрызались в ослабевшее тело Российской империи. По крайней мере так говорили: с фронта приходило мало новостей. Выбитые глаза и оторванные конечности этих берлинских ветеранов были свидетельствами далеких боев.

Утро еще не закончилось, когда я оторвалась от этого зрелища и снова вызвала такси, чтобы

отправиться на встречу с Уолтером.

Мы ехали на восток. Вскоре мы оставили позади исторический центр — вернее, то, что в Берлине называется этим словом, — и вокруг нас раскинулись пригороды, усеянные глыбами заводов. Я смотрела на строгие линии железнодорожных путей и каналов — почти марсианских. Неудивительно, что Уолтера так влекло сюда!

По адресу, который дал мне Уолтер, находилась, вопреки моим ожиданиям, не квартира, а перекресток напротив завода. По сравнению с этим исполинским сооружением под изогнутой крышей, с широкими окнами на фасаде и с кирпичными колоннами, все казалось крошечным — и несколько деревьев, высаженных напротив него, и люди, которые входили в двери завода и выходили наружу.

Крошечным казался и человек, сидевший на скамейке через дорогу, закутанный в огромное пальто явно не по размеру и что-то торопливо чертивший в блокноте. Это, конечно, был Уолтер.

Я расплатилась с таксистом и нерешительно приблизилась к деверю. Когда я присела рядом с ним на скамейку, он слегка склонился ко мне, но ничем более никак не показал, что узнал меня

и рад видеть. Он продолжал что-то судорожно рисовать куском угля, но я не могла разобрать, что именно.

Наконец он закрыл блокнот и повернулся ко мне.

Уолтеру было уже сорок шесть. Кое в чем он не изменился: все та же растрепанная шевелюра, которая когда-то, по словам моего мужа, брата Уолтера, была рыжей — наследие уэльских предков, — но стала совсем седой после Первой войны. Все та же необычайно крупная голова с широким лбом, из-под которого смотрели синие глаза. На нем были белые перчатки, которые защищали обожженные руки. Лицо, покрытое густым слоем какой-то мази, ничего не выражало. Он посмотрел на меня, и глаза его странно блеснули: в них плескался испуг, как у загнанного зверя.

— Джули. Спасибо, что проделала ради меня такой путь.

С тех пор как Уолтер надышался дыма, его голос остался сиплым.

Я осторожно коснулась его израненной руки.

— Я тоже рада тебя видеть, Уолтер. Но я до сих пор не знаю…

И тогда он сказал:

— Мне нужно, чтобы ты поехала в Англию. И

исполнила мой план. За Кордон, к марсианам.

У меня перехватило дыхание. В этом весь Уолтер: то нагоняет туману, то рубит сплеча.

— Об этом, конечно, все знают. И Эрик тоже. Все, вплоть до самого Черчилля — так мне сказали. И считают, что это неплохая идея, — чего я, признаться, не ожидал, — он внимательно на меня посмотрел. — Тебя это шокирует?

— Я… я не знаю. Возможно, на каком-то уровне я это предчувствовала — на подсознательном, как, возможно, сказал бы твой приятель Фрейд. Военное министерство не стало бы просто так селить меня в отель на Унтер-ден-Линден, правда же?

Уолтер рассмеялся.

— Не думаю. Но у нас по-прежнему есть выбор. Я, например, выбрал для нас это место встречи.

— Под открытым небом, напротив завода? Хорошо, хоть дождя нет, — язвительно проговорила я.

Он поглядел на меня.

— Я об этом даже не подумал. Знаешь, марсиане, до того как прилететь сюда в 1907 году, и не слышали о дожде — они выращивали посевы на своей благословенной сухой планете. Если ты никогда не видел дождя, наверное, трудно предугадать его заранее. Если бы в то лето им

не повезло с погодой, дождь мог бы прибить их черный дым, не дав ему унести ни одной жизни. Иногда мне кажется, что я и сам наполовину марсианин.

— Чушь, — твердо сказала я. — Ты просто слишком много времени провел в одиночестве. Или в компании венских умалишенных — что немногим лучше.

Он попытался выдавить улыбку.

— Что до этого дворца промышленности — это турбинный завод, и он принадлежит Всеобщей электрической компании.

— Да, я слышала о них. Их акции пользуются в Нью-Йорке большим спросом, особенно со времен войны в Европе.

— И все-таки зрелище впечатляет, правда? Все эти постройки на северо-востоке, весь этот промышленный район. И вот его жемчужина. Здание называют модернистским — что бы это ни значило.

Я встала и прошлась по улице, чтобы лучше рассмотреть громаду завода.

— Он мог бы служить ангаром для цеппелина, такой гигант. Но где здесь модернизм? Мне этот завод не кажется современным. В нем есть что-то римское. Напоминает огромные светские здания

— термы, например.

Уолтер кивнул:

— Удачное сравнение. Светское здание, не религиозное, не собор вроде тех, что возводили наши предки, — вот в чем выражается дух нашей эпохи. Конечно, это современное здание. Новое, как и весь Берлин. Всего пятьдесят лет, всего пару поколений назад здесь была просто столица Пруссии; теперь это столица Срединной Европы [5]. Кстати, о столицах: как там Париж?

Я пожала плечами:

— Так себе. Ходят слухи о забастовках, о новом поколении харизматичных лидеров, которые изгонят немцев и восстановят национальную гордость, — возможно, речь о коммунистах.

Он кивнул.

— Иногда я удивляюсь, почему современные немцы, которые построили это, — он указал на завод, — не взбунтуются и не свергнут своего напыщенного князька и его распутного пройдоху сына, которые правят ими, словно вокруг нас до сих пор средневековая Пруссия. Но вот что инте-

---

[5] Примечания: 5

Срединная Европа (нем. Mitteleuropa) — геополитическая концепция, выдвинутая в годы Первой мировой войны. Согласно ей, страны Центральной Европы должны были сплотиться вокруг Германии и перейти под ее влияние.

ресно: считают ли марсиане хоть кого-то из нас цивилизованными? Да, они признают наше мастерство в создании техники, и та представляет для них опасность — даже во время Первой войны они громили пороховые склады и так далее. Но, возможно, наши машины и города кажутся им порождениями слепого инстинкта. Человек ведь может разорить муравейник невзирая на то, насколько сложно он устроен. Не исключено, что они и вовсе не считают эту войну войной. Быть может, само значение этого слова им неизвестно. Наши звездочеты в высокогорных обсерваториях изучили Марс как никогда подробно, хотя работали в условиях строгой секретности. Мы своими глазами увидели планету, где организация пронизывает все, где единая цивилизация с блеском распорядилась скудными ресурсами; все это идеально воплощено в безупречной геометрии каналов. Как замечает Уоллес, недостаток воды обычно не способствует всеобщему единению, а служит причиной для раздора, — он ссылается на опыт британцев в Индии, где контроль над водой оказался в руках элиты, что еще сильнее укрепило социальное расслоение. Быть может, он и прав, но я готов поспорить, что любая подобная война на Марсе, если она и происходила, проис-

ходила в далеком прошлом — в геологическом. Я полагаю, что те, кто прилетел с первой волной, в 1907 году, вообще не были солдатами. Это были исследователи, возможно, даже фермеры. Наш мир казался им диким, населенным неразумными животными, и на самом деле у них не было оружия — только обычные фермерские инструменты. Кто-то уже отмечал, что со времен Первой войны марсиане не продвинулись в технологиях, в отличие от нас с нашими аэропланами. Но это совершенно естественно: марсианскому обществу миллионы лет, и устройства вроде тепловых лучей они давно довели до совершенства. Да, они приспособили их к земным условиям, как и летательные машины… Но что действительно эволюционировало, так это их стратегия, — и нам следовало бы это предвидеть. Однако самодовольные павлины, которые нами правят, не смогли этого учесть. Ну что за чушь про девятнадцать часов? Подумать только, скольких жизней стоила эта благоглупость! — он бросил взгляд на ясное небо. — А теперь планеты опять выстраиваются в одну линию. И это дает марсианам новый шанс переплыть тот темный космический океан, что нас разделяет.

— Угу, — сказала я. — Так в чем же состоит твой

гениальный план, Уолтер? Зачем мне ехать в Англию?

— Все просто. Чтобы поговорить с марсианами. Нам надо вступить в переговоры. Это наша единственная надежда.

Я была ошарашена.

— Как? И с чего марсианам к нам прислушиваться?

— Как? С помощью символов, конечно.

Прежде чем я успела расспросить его подробнее, он понесся дальше:

— Что до второго вопроса — что ж, есть, по крайней мере, надежда на то, что они расположены к диалогу. Почему марсиане вообще находятся на Земле? Тот разгром, который они устроили в Англии, каким бы ужасающим он нам ни казался, не был их целью. Марсиане просто хотели обеспечить себе безопасность. И за два года они разобрались в том, как устроена жизнь на Земле — и как устроены мы. Уверен, что они прилетели именно за этим. Стоит только посмотреть на их летательные машины, на этих соглядатаев, которые парят над городами и полями…

— Это разведчики, — сказала я, вспомнив машину над Лондоном.

— Именно так. Собирают сведения, кото-

рые пригодятся будущим захватчикам. Но те пришельцы, которых отправили сюда для наблюдения и, возможно, даже специально к этому подготовили, могут выслушать наши аргументы — или, по крайней мере, признать за нами способность к общению.

Во время своего монолога Уолтер вновь открыл блокнот и принялся что-то в нем чертить — рефлекторно, словно бы позабыв о моем присутствии. Я думала, что он рисует завод, однако он покрывал страницу за страницей абстрактными символами: тщательно выписанными кругами и хаотичными спиральными узорами.

— Так что, ты предлагаешь переговоры? — спросила я. — Но ведь той ночью, когда они впервые высадились на Землю, в седьмом году, в Хорселле, — ты же там был, Уолтер, и помнишь королевского астронома с белым флагом…

— Да, с ним был бедняга Оджилви, и оба получили тепловой луч. Но это не значит, что не стоит предпринимать новую попытку. Да, признаю: идея межпланетного сообщения греет мою душу утописта. Я разделяю взгляды того парня по имени Вендиджи, который предлагает отправить на Марс радиосигналы и начать мирные переговоры. Черчилль, кстати, поддерживает мои идеи:

ему передавали копии моих писем. Но он видит здесь и дополнительные возможности. В конце концов, по его мнению, мы можем выиграть время. Представь, что хитроумные инки втянули бы конкистадоров в долгие переговоры, а потом перерезали им горло, завладели их конями, ружьями и кораблями — и обрушились войной на испанских монархов.

Я потерла лицо.

— Учитывая, как все обернулось для инков, вероятно, им стоило рискнуть. Но почему я, Уолтер? Какое я имею к этому отношение?

— В этом есть своя логика. Давай раскрутим цепочку с другого конца. Нам нужно так или иначе завязать диалог с марсианами — примем это за аксиому. Далее: по словам Эрика и всех остальных, есть лишь один человек, лишь один житель Земли, находящийся глубоко внутри Кордона, который сейчас пытается установить мирный контакт с марсианами — или, по крайней мере, такой контакт, который не закончится его смертью.

Я нахмурилась.

— Удивительно, что такой человек вообще существует. Кто же это?

— Кук. Альберт Кук.

— Твой артиллерист! Но он же… — я помахала рукой, — просто клоун, разве нет?

— Сам он придерживается иного мнения, — серьезно сказал Уолтер. — И надо отдать ему должное: судя по имеющимся данным, он все-таки смог установить некую связь с марсианскими захватчиками. Примечательно, не так ли? Как именно он поддерживает эту связь и с какой целью, Эрик Иден мне не сообщает — а может, и сам не знает. Но Кук не будет слушать военных, поскольку они — как он сам считает — не стали слушать его, когда после войны он излагал свои взгляды на подготовку к новому вторжению. Нет, для разговора с ним нужен другой человек — независимый, самостоятельный, которому, как и Куку, удалось пережить войну. Видите ли, мисс Эльфинстон, вы одна из немногих людей, чье имя я упомянул в своем свидетельстве — том самом, которое сделало Кука известным, можно даже сказать, печально известным.

— И поэтому он согласится со мной поговорить? Звучит довольно надуманно. И к тому же, Уолтер, почему бы тебе самому этим не заняться?

— Я могу вызвать у него подозрения. Он считает, что я поднял его на смех, поиздевался над ним самим и над его идеями. У меня такого и в

мыслях не было. И кроме того… — Уолтер поднял израненную руку, и я увидела, как она дрожит.

— Ладно. И если при помощи Кука я подберусь к марсианам…

Он поднял свои каракули.

— Покажи им это.

Это слегка отдавало безумием. Я осторожно уточнила:

— Эти абстрактные рисунки…

— Не абстрактные. Ты их не узнаешь? Другие образы мне, боюсь, трудно припомнить. Вот круг — идеальная фигура, которую, как мы знаем, юпитериане сделали своим символом: она красуется в их густых облаках, она отпечатана на поверхности их лун. Конечно же, юпитериане выбрали круг — безукоризненную, совершенную фигуру, с бесконечным множеством осей симметрии…

Юпитериане меня не слишком интересовали. Я указала на другой рисунок.

— Я вспомнила вот этот, — сказала я. Это была спираль — размашистая, на всю страницу, завивающаяся по часовой стрелке, словно растянутая пружина. — Это знак, который марсиане оставили на поверхности собственной планеты и на Венере…

— Не на Венере, — педантично поправил он, —

а в облаках Венеры, тех самых, что скрывают от наших взоров эту юную планету. Но это не венерианский знак. Я пытался изобразить метку, которую марсиане начали рисовать в Суррее.

— Какую метку? В 1907 году? Ты уже об этом говорил, но я не помню такого знака.

— Тогда нам было некогда его разглядывать, — сказал Уолтер с кривой усмешкой. — Мы были слишком заняты криками и беготней. Когда все закончилось, узор проступил более четко, а поле боя удалось точнее нанести на карты. У меня есть схема…

Он выудил из блокнота сложенную артиллерийскую карту. На ней были отмечены Лондон, Суррей, Миддлсекс, Кент — та местность, где оставили свой разрушительный след марсиане.

— Видишь? Эти оранжевые метки указывают на места, где приземлились марсиане. Можно провести линию от Хорселла на юго-западе через Суррейский коридор, мимо Кингстона и Уимблдона, и сквозь Лондон к Примроуз-хилл, а затем к Хаунслоу, Хэмптон-Корту и Мерроу…

Он взял карандаш и провел тонкую извилистую линию, спираль, соединяющую все эти точки.

— Теперь видишь? Мы всегда дивились тому, как близко друг к другу приземлились цилиндры,

хотя позади у них было путешествие длиной в сорок миллионов миль. Теперь я готов утверждать, что марсиане рассчитали все точнее, чем нам казалось. Ямы, где упали цилиндры, — это опорные точки…

— …для метки! Вроде той, что на Венере.

— Именно. Думаю, будь у них время, они дорисовали бы фигуру, — быть может, с помощью каналов, или земляных валов, или зарослей красной травы. А потом, покорив всю Землю, создали бы еще более масштабный знак — в песках Сахары или во льдах Антарктики. Символ своей победы, видный из далекого космоса!

Я откинулась назад.

— Так вот о какой геометрии ты говорил, когда звонил нам в Оттершоу, да?

— Совершенно верно. И, если задуматься, этот межпланетный символизм объединяет всех нас: землян, марсиан, быть может, обитателей Венеры и даже юпитериан! Никогда, никогда не забывай о юпитерианах, Джули: по сравнению с ними мы все равно что детишки, которые возятся у ног вооруженного солдата…

Но все мои мысли были о марсианах, я не стала задумываться о юпитерианах и не прислушалась к тому, что он пытался до меня донести (увы,

увы).

— Что именно мне нужно сделать, Уолтер?

Мы перешли к деталям плана. Уолтер приготовил для меня пачку рисунков — межпланетных символов и других геометрических фигур. Он даже принес кожаную папку, куда я могла их сложить! От меня требовалось только показать эти рисунки марсианам, а потом… Дальше план становился весьма туманным.

Уолтеру было трудно отказать, настолько уязвимым он выглядел. И к тому же я нехотя признала про себя, что этот план был не безнадежен. (Конечно, мне стоило задуматься об истинных мотивах Эрика и тех, перед кем он отчитывался. Но на это глаза у меня открылись много позже.)

Обсуждение плана, похоже, утомило Уолтера.

— Знаешь, мне всего этого не хватает, — сказал он.

Это неожиданное признание выбило меня из колеи.

— Чего не хватает, Уолтер?

— Прежней жизни. Иногда я просматриваю свои старые работы. Все это, конечно, были беспочвенные домыслы, но они, подобно запаху засохшего цветка, пробуждают воспоминания, возвращают назад в прошлое… Я вспоминаю

тогдашнюю жизнь, писателей и мыслителей, с которыми я общался, вспоминаю редакторов «Пэлл-Мэлл газет», «Нэшнл обсервер», «Сатердей ревью»… Всего этого больше нет, и даже архивы, наверное, сгорели. Пресса теперь уже не та, что раньше, да? Когда газеты и журналы выбивались из сил, чтобы обставить друг друга… Власти утверждают, что в стране не хватает бумаги, но привычка к секретности мне кажется более вероятной причиной того, что пресса умолкла. Да, я не самый сильный человек, знаю. Я помню, помню… ах да, Кэролайн! Ты ее видела? Я по ней скучаю…

Он еще какое-то время продолжал свой отрывистый монолог, словно разговаривал сам с собой и забыл, что я рядом. Трясущейся рукой он сжимал карандаш и снова и снова чертил в блокноте круги и спирали, стремясь к совершенству, которое было недоступно его израненному телу. Я не стала уходить, но наш разговор, по сути, подошел к концу.

3. Путь на побережье

Вернувшись в отель, я позвонила Эрику Идену — который, как мне сообщили, был в Париже по каким-то своим делам. Я сказала ему, что согласна принять участие в его затее. Эрик ждал моего ответа. Приготовления начались незамедлительно.

Согласно инструкциям Эрика, который был вежлив, но ясно дал понять, нужно неукоснительно следовать его указаниям, я на следующий день отправилась из Берлина в Бремен. Ночь я провела в небольшой гостинице невдалеке от вокзала. Там меня застал еще один телефонный звонок от Эрика, который предупредил, что нужно будет встать пораньше: начнется операция по переправке Джули через канал.

Час действительно был ранний: еще не пробило три, когда меня разбудил быстрый стук. За дверью стоял молодей офицер в форме цвета хаки и улыбался.

— Мисс Эльфинстон?

— Есть такой грех.

Он сказал, что меня доставят на борт корабля, который уже давно готовится отплыть в Англию в

составе конвоя. Погода благоприятствовала нам, так что пора было идти. Хотя стояла ночь, я была полностью одета — чему немало обрадовалась, глядя на его нарядную, тщательно выглаженную форму.

— Я соберусь, а вы пока проходите, — пригласила я. Я надела ботинки и пальто, положила оставшиеся вещи в рюкзак и еще раз удостоверилась, что бумаги в кожаной папке, которые передал мне Уолтер, надежно спрятаны: с этого момента и до самой встречи с марсианами я не должна была с ними расставаться.

Офицер ждал меня в дверях, сложив руки на груди, стараясь не глядеть на всякие дамские мелочи, которых в номере было немало.

— Кстати, меня зовут Бен Грей — божьей милостью второй лейтенант. — Он усмехнулся.

Выговор выдавал в нем, как и в Эрике, выпускника школы Хэрроу. Он был стройный, темноволосый, ухоженный и миловидный, с буйно разросшимися усами; на вид ему было лет двадцать пять.

— Мой полк…

— Не стоит пересказывать мне детали биографии, лейтенант, — я не отличаю один полк от другого.

Сказав это, я тут же пожалела, что задела его: это было все равно что обидеть щенка.

На сборы ушла минута. Я посмотрела на свое отражение в высоком зеркале. Мои волосы по-прежнему были коротко подстрижены, и их достаточно было пригладить руками. В последний раз окинув взглядом номер, я вышла вместе с офицером, закрыла дверь и заперла ее за собой.

— Оставьте ключ в замке, — сказал Грей. — Управляющий со всем разберется.

— А счет?

— Уже оплачен.

Он проводил меня к лифту.

— Я вижу, вы все предусмотрели. Послушайте, лейтенант Грей, я в состоянии сама сесть на поезд. И даже на корабль.

Он рассмеялся.

— Майор Иден предвидел, что вы это скажете, мисс Эльфинстон, — почти слово в слово. «Приказ есть приказ» — вот что он велел мне ответить.

— Вы хорошо его знаете, да?

— Более-менее, учитывая, что он выше меня по званию и намного старше. Когда наш полк стоял в Инкермане, Иден делился с нами тем, что пережил на Первой войне. Когда он не на службе, то не прочь побыть в центре внимания, — впрочем,

мисс, вы это и так знаете.

— Выпускники Хэрроу всегда друг друга найдут, верно?

Он смущенно улыбнулся.

— Как вы выражаетесь, мисс, есть такой грех.

Мы спустились на первый этаж, миновали пустой холл, вышли на холодную улицу, где уже занимался рассвет, и свернули к вокзалу.

— Что касается того, мисс, почему меня приставили вас сопровождать… Майор Иден тоже плывет в Англию, но из Бреста, это…

— Французский военный порт. Я знаю.

— Он поплывет на боевом корабле, мы — на рыболовецком корыте. Но дело в том, что пересечение канала перестало быть увеселительной прогулкой — с тех пор как повсюду рыщут марсиане.

Повсюду рыщут?.. Я не была посвящена в данные разведки, но эта фраза меня насторожила. Впрочем, я не намеревалась отступаться от своего решения.

Мы прибыли на главный вокзал Бремена, и я с удивлением увидела, что там собралась целая толпа. Люди говорили вполголоса, учитывая ранний час, и большинство явно составляли британцы и французы — хотя мы были в Германии.

Было много людей в форме цвета хаки, мелькали и синие мундиры моряков; преобладали мужчины, но встречались и женщины. Были тут и гражданские — мужчины в штатском, женщины, дети, сонные и растерянные. Мой журналистский взгляд подмечал детали: вот мужчина прижимает к груди маленькую девочку, и оба плачут; вот девушка лет шестнадцати крепит цветок к кокарде столь же юного моряка; вот мальчик одиннадцати-двенадцати лет стоит навытяжку перед отцом, который явно наставляет его: «Будь мужчиной, чтобы мать тобой гордилась», и все в таком духе. Говорили тут в основном по-английски, но слышалась и немецкая, и даже французская речь — порой с сильным акцентом, который выдавал выходцев с берегов Мерси, Темзы и Тайна. Похоже, за два года, прошедших с высадки марсиан, многие успели побрататься. Вокзал был невелик, и гомон толпы, пусть и сдержанный, казалось, заполнял все пространство до самого свода.

— Я все пропустила, пока мы с сестрой прятались в Париже. Даже не подозревала, что здесь столько солдат.

Грей озирался, явно выискивая место сбора.

— Они перемещаются туда-сюда, мисс. Людей и

ресурсы перебрасывают через канал и обратно. У нас есть базы в северной Германии, Нидерландах, Бельгии и во французских провинциях, откуда есть выход к Северному морю и к каналу. В конце концов, Южная Англия — зона военных действий, и союзники великодушно предоставляют нам место под склады, тренировочные лагеря, госпитали и даже оружейные заводы. А вот, кажется, и наш поезд, — он достал из кармана кителя документы. — Следуйте за мной, пожалуйста…

Итак, мое путешествие продолжилось. Поездка из Бремена на побережье Северного моря была короткой, но приятной я бы ее не назвала: вагон был набит битком, так что всю дорогу пришлось стоять. Окна были плотно закрыты, чтобы внутрь не проникал дым, и еще до того как солнце успело подняться, поезд превратился в душный загон, пропахший потом и табаком. Но раз уж второй лейтенант Бен Грей, человек, с детства явно сильнее привыкший к комфорту, мог это вынести, то и мне это было под силу. В конце концов, во время Первой войны бывало и хуже.

Я задумалась, как переносит путешествие Эрик Иден — такой же сухопутный житель, как и я.

4. На борту «Неуязвимого»

Как выяснилось впоследствии, Эрик провел то утро самым приятным образом — о чем он позднее не без удовольствия мне рассказал.

Когда Эрик успешно завершил миссию с участием наших немецких союзников (хотя я бы поостереглась называть их союзниками), о которой я также узнала, когда пришло время, — его наряду с несколькими другими старшими офицерами подвезли в Британию на борту «Неуязвимого», судна Королевского флота, которое, со слов Грея, отчалило из Бреста, а на самом деле вышло в море днем ранее. «Неуязвимый» в сопровождении подобных ему судов должен был поплыть на север через канал и присоединиться к другим боевым кораблям, которые шли из гавани Скапа-Флоу, чтобы оградить наш конвой от внимания марсиан, пока мы на всех парах идем в Англию по Северному морю.

«Неуязвимый» называли линейным крейсером. Такие корабли были мощно вооружены, но их броня была легче, чем у громадных дредноутов: прочностью жертвовали ради скорости и маневренности. «Неуязвимый», сошедший со стапелей

шестнадцать лет назад, был головным кораблем своего класса и, возможно, самым старым и медленным из них — не лучшая перспектива, если вдуматься.

Но Эрик, по своему обыкновению, не стал вслед за соратниками предаваться тягостным раздумьям в офицерской каюте. В ночь перед плаванием он обошел столовые, одарив экипаж спонтанной лекцией о своей краткой, но незабываемой встрече с марсианами на Хорселлской пустоши. Такие лекции, полные самоуничижительного юмора, он не раз читал во время своих книжных туров: рассказывал, как вокруг гибли солдаты, а он, этакий недотепа, свалился вверх тормашками прямо в цилиндр. Подлинным английским героям не свойственна напыщенность — по моему мнению, именно с этим просчитался Берт Кук. Новобранцев на борту «Неуязвимого» — что неудивительно — живо заинтересовали тепловые лучи, их свойства и применение. Более опытные солдаты угрюмо посоветовали им подождать и все увидеть своими глазами.

«Неуязвимый» отчалил ночью. Эрик крепко спал и пропустил отплытие. Еще затемно его разбудили склянки и чей-то хриплый голос, который созывал всех на завтрак.

Накануне вечером Эрик беседовал с несколькими кочегарами и другими рабочими в машинном отсеке, и его заворожило их занятие. Теперь он завтракал бок о бок с ними в столовой, теснясь на скамейке за длинным столом. На таких судах люди самых разных профессий работают, спят и едят вместе в специально отведенных помещениях, и, когда корабль в пути, завтрак, обед и ужин сами по себе превращаются в очередной отлаженный рабочий процесс, цель которого — накормить сотни членов экипажа. Бекон, яичница, тосты и картофельное пюре были на удивление хороши. Эрик слышал, что люди из низших слоев общества записывались во флот только потому, что там можно было прилично питаться, и теперь был готов этому поверить.

Его приятели-кочегары только что пришли с ночной смены. «Неуязвимый» до сих пор работал на угле, и кочегары, одетые в просторные рубахи, были все в поту, черные от сажи и угольной пыли и тяжело дышали. Они пили сладкий чай из суповых мисок, опрокидывая в себя одну за другой.

После завтрака Эрик, вдохновившись их примером, вызвался поработать в машинном отделении и покидать в топку уголь.

— Я, конечно, в этом не эксперт — но неужели

это настолько сложно? — спросил он.

Офицер, к которому он обратился, сперва колебался, но в конце концов решил, что, если герой Марсианской войны поработает бок о бок с простыми кочегарами, это поднимет их боевой дух, и дал согласие. Так что спустя полчаса Эрик спустился в недра корабля, разделся до пояса, взял лопату и встал возле черной горы угля перед разверстыми створками печи высотой в человеческий рост.

Его добродушно поддразнили:

— Что, сэр, в кои-то веки захотелось настоящей работы?

— В армии ее хватает, знаете ли. Когда-нибудь я вам покажу, как рыть траншеи…

Набирать полную лопату угля и кидать его через широкое отверстие в огонь было тяжело, но несложно — при условии, что это была работа на один раз. Но Эрик вскоре почувствовал, что начинает уставать. Он быстро поймал ритм: важно было не выпустить из печей слишком много жара, пока внутрь закидывали уголь. Возле каждого проема стояло двое человек: один ритмично набирал уголь на лопату и бросал в пламя, другой в нужный момент открывал створки и снова их захлопывал, чтобы удержать тепло внутри. Два

опытных кочегара, хорошо сработавшись, могли закидывать в печь по лопате угля в секунду.

Эрик трудился, и перед его мысленным взором начали возникать странные картины. Он чувствовал ход корабля, ощущая, как под ногами гудит настил палубы. Конечно, он понимал, что судно влекут вперед огромные паровые турбины Парсонса, которым уголь, сгорая, отдавал энергию. Но здесь, внизу, казалось, что именно усилия кочегаров, которые двигались в заданном ритме, словно сами были частями механизма, влекли тяжелый корпус корабля сквозь воды канала.

Здесь, внизу, не было видно, как в разгорающемся утреннем свете вдоль побережья, протянувшегося на сотни миль, идут большие корабли Флота Канала и Гранд Флита, вышедшие из портов Бреста и Скапа-Флоу — британской базы, которую марсиане почти не тронули, и как по соседству с ними разрезают волны корабли немецкого Флота открытого моря. Все они были частью единой масштабнейшей операции. Конвой был сформирован по принципу «чем больше, тем безопаснее», и флотилия, к которой я готова была присоединиться, была одной из крупнейших, что когда-либо выходили в море.

Все это, конечно, не защитило нас от марсиан.

5. На немецком берегу

Фризское побережье северной Германии между устьем Эльбы и датской границей и побережьем-то трудно назвать. Земля здесь как будто распадается на отдельные острова и песчаные отмели, навигация между которыми возможна далеко не всегда и сильно зависит от погоды и приливов. В то воскресное утро, пока где-то в морских далях Эрик кидал уголь в топку, я стояла на том самом побережье вместе с сотнями солдат и множеством других пассажиров, ожидая, когда нас переправят через Северное море.

С железнодорожной ветки, ведущей из Бремена, мы пересели на ту, что пролегает вдоль побережья. А потом рассыпались кто куда, по рыбацким деревушкам и небольшим гаваням. Попутчики, которые едва успели познакомиться, разошлись, едва успев попрощаться. Сойдя с поезда, я глубоко вдохнула: воздух пропах солью и вонял водорослями, и все же после духоты поезда это был глоток свежести.

Потом меня с Греем и еще дюжину слегка растерянных человек отвели на волнорез в крошечной гавани, где готовилось к отплытию небольшое

рыболовное судно. Стояло ясное утро: на небе не было ни облачка, солнце уже поднялось из-за горизонта. Я окинула взглядом побережье, где еще мерцали ночные огни и висел легкий туман. Все предвещало приятный весенний день.

А в море, за песчаными отмелями, которые лоснились в набегающих волнах, как спины спящих китов, я увидела настоящий флот из мелких судов. Там были рыболовецкие суденышки, шаланды, буксиры, небольшие пароходы и прогулочные лодки. За ними в тумане виднелись серые тени крупных судов: угольщиков, грузовых пароходов, паромов, танкеров. На них развевались флаги, без сомнения принадлежащие самым разным странам, но с такого расстояния я не могла их разглядеть.

Наконец наша команда, все члены которой говорили только на неразборчивом ломаном немецком с сильнейшим акцентом, жестами призвала нас на борт. Бен Грей подал мне руку, но я проигнорировала его жест и вместо этого сама помогла ему взойти на судно. На этой лодке я была единственной женщиной.

Судно пропахло рыбой даже сильнее, чем гавань. На членах команды были надеты свитеры, толстые кожаные куртки и бесформенные шля-

пы; у всех до единого были густые бороды. Мы, пассажиры, закутавшись в пальто и шинели и прижимая к себе сумки, мешки и свернутые пледы, уселись кто куда — на ящики, перевернутые корзины и даже на грязную мокрую палубу. Те, кто болтался под ногами и мешал, быстро это понимали по ворчанью экипажа. Какой-то солдатик примостился на большом куске дерева причудливой формы и ухитрился уронить его за борт, за чем последовал гневный окрик капитана. На лодке была небольшая каюта с двумя койками и крошечной кухней, и пара человек ушли туда, чтобы не занимать место на палубе. Я услышала треск помех: в каюте находилось радиооборудование вроде того, которым пользовались военные.

Когда все разместились, мы отчалили из гавани и двинулись вперед, осторожно лавируя между отмелями — сперва на веслах, а затем под парусом.

— Это все равно что плыть через лабиринт, — сказала я Грею.

— Да, похоже на то. И схема этого лабиринта меняется с каждым приливом, с каждым штормом. Нужно мастерство, чтобы провести сквозь него лодку и не посадить ее на мель — по крайней

мере, случайно. К слову, Коллинз, не сердись на капитана за то, что он сорвался на тебя из-за той деревяшки. Это что-то вроде отрывного киля. Здесь, среди отмелей, мы идем без киля, но, когда выйдем на глубину, капитан приделает его к лодке — уж не знаю как, — возможно, протащит через отверстие в полу, — и судно наберет ход.

— Да, сэр. А как он меня назвал, сэр?

— Лучше тебе не знать, Коллинз. Ей-богу, лучше не знать.

Теперь я видела, что море вдоль всего побережья усеяно небольшими лодками вроде нашей — они направлялись туда же, куда и мы, готовые присоединиться к ожидающему в отдалении флоту. В утреннем свете вырисовывались многочисленные силуэты — все лодки были забиты пассажирами.

— Похоже на эвакуацию из Эссекса во время Первой войны, — пробормотала я.

— Да, она упоминалась в наших инструкциях, — сказал Грей. — По крайней мере сейчас все идет по плану.

— Надо же, какое облегчение! — заметила я. — А есть ли объяснение тому, почему я плыву на маленьком суденышке, а не в каюте пассажирского лайнера, который следует из Гамбурга?

Он рассмеялся.

— На самом деле в этом есть резон. Мы извлекли урок из того, что узнали в Англии. Марсиане обращаются с землянами как фермеры с муравьями. Когда муравейник становится слишком большим, его разоряют и затапливают, насекомых давят и травят. Но даже в этом случае отдельный муравей может улизнуть и спастись. Понимаете?

Я понимала. Мне вспомнилось, как Уолтер проводил похожие параллели между людьми и колониями муравьев.

— На суше мы уже научились перемещаться так, чтобы не привлекать лишнего внимания марсиан. Их интересуют масштабные события, а не мелкие.

— А на море все как на суше.

— Именно. Тысяча маленьких лодок может пройти мимо марсиан, нимало их не потревожив, даже если на одной из них будет сам Черчилль, но если из Гамбурга выйдет «Лузитания», пусть даже на борту не будет никого, кроме Коллинза…

Солдатик ухмыльнулся:

— И нескольких красоток из высшего света. А что, неплохой расклад, сэр!

Солдат постарше, который сидел рядом, хмык-

нул.

— Осторожнее со своими желаниями. К слову, о марсианах… — он посмотрел наверх, в безоблачное небо. — Я пока не видел летательных машин. Но более подходящий день для разведки с воздуха найти трудно. Я хочу сказать, что Северное море не славится ясной погодой — так ведь, лейтенант?

У него был северный акцент — возможно, ливерпульский. На рукаве его формы я увидела нашивки, а на щеке — шрам от ожога, похожий на шрамы Уолтера, но не такой глубокий. Теперь, когда я разглядела солдата получше, он показался мне моложе — лет тридцати, быть может.

— Не имею чести вас знать, сержант, — сказал Грей.

— Лейн, сэр. Из Корпуса королевских инженеров.

— Похоже, вам случалось сражаться — но не против марсиан.

— На русском фронте, сэр.

Признаюсь: после этого честного признания я так и впилась в него глазами — как и остальные, кто был в лодке. Сержант Лейн был слухом, воплотившимся в реальность — грубую, покрытую шрамами. Так, значит, британские солдаты даже

сейчас сражались бок о бок с немцами где-то в Сибири.

— Там с воздушной разведкой все хорошо, — сказал Лейн. — Есть цеппелины, самолеты — хотя русские стараются их сбивать. Но с цеппелина сквозь облака и туман ничего не разглядишь.

— В этом разница между нами и марсианами, Лейн. Они видят сквозь облака, сквозь туман даже в полной темноте. Я говорю «видят» — но это не значит, что они таращат глаза, как мы. Наши умники до сих пор не разобрались, как у марсиан устроено зрение, хотя догадки есть. Вы светитесь в темноте — да, Лейн, представьте себе: тепло вашего тела — это излучение вроде света, пускай и недоступное нашим глазам. Возможно, марсиане способны его отслеживать. А беспроводным сигналам Маркони никакой туман не помеха. Так или иначе, двигаясь в тумане или в полной темноте, мы не усложняем жизнь марсианам — разве что себе. Поэтому лучше перемещаться в ясную погоду, как сегодня: по крайней мере, если марсиане нас заметят, мы и сами сможем их видеть.

Лейн хмыкнул:

— Все это как-то не по-человечески, сэр.

— Да, сержант, безусловно. Но ведь и марсиане

не люди, вы согласны?

Мы медленно лавировали между отмелями и наконец вышли в открытое море, где экипаж смог установить злополучный отрывной киль. Из паза, куда он вставлялся, начала сочиться вода и залила днище, и люди начали жаловаться, что у них промокли ноги, но наконец мы плавно и уверенно пошли вперед.

Берег, ровный и однообразный, терялся вдали, превращался в темную полосу на горизонте. Я глядела на то, как он удаляется, с легкой тревогой. Германия была для меня чужой страной и никогда не стала бы домом, как и Франция, но это были куда более безопасные места, чем то, куда я сейчас направлялась.

Мы пересели на более крупные суда без особых происшествий. В открытом море пассажиры нашей лодки — к некоторому моему облегчению — перебрались на борт небольшого корабля «Леди Вейн». Он хранил следы былой роскоши, но поверх ровной белой краски кое-как наложили серую, как у военных судов, а отполированные доски палубы были исчерканы следами солдатских сапог. Однако в составе конвоя также были угольщики и суда для ловли сельди — так что мне могло повезти куда меньше. На нашем корабле

были мягкие сиденья и ряд иллюминаторов, из которых открывался прекрасный вид на Северное море. Мы уверенно шли на запад.

Нас с Греем пустили в салон в носовой части, под капитанским мостиком. В салоне было относительно уютно — даже несмотря на то что там яблоку было негде упасть: на полу сидели и лежали солдаты. Когда все разместились на борту, появился стюард и стал разносить на подносе воду и фруктовый сок. Он поприветствовал моего спутника:

— Доброе утро, мистер Грей.

— Боюсь, Перкинс, меня стоит называть лейтенантом — до поры до времени.

Когда стюард отошел, я спросила:

— Так что, лейтенант до поры до времени, стюард вас знает?

— Да, через типа, что владеет лодкой: он хозяин одной из тех больших вилл в Марлоу — вы понимаете, о чем я, — и приятель моего отца. Мы с ним ездили в Хенли играть в теннис.

— Не сомневаюсь.

Грей подмигнул мне и поднял бокал с безалкогольным фруктовым пуншем.

— В Англии нас ждет достаточно тягот. Я решил дернуть за одну из немногих ниточек, которые

есть в моем распоряжении, чтобы сделать наше путешествие чуть более приятным.

Я чокнулась с ним.

— Я рада, что вы это сделали, — и, думаю, буду этому радоваться еще часов десять — двенадцать.

Именно столько, по расчетам, должен был продлиться наш путь через Северное море от фризского побережья. Мы должны были пройти к югу от Доггер-банки до Уоша, а там снова рассесться по маленьким лодкам и причалить к берегу. Если бы все прошло хорошо, я оказалась бы в Англии еще до захода солнца, не замочив ноги.

Но ближе к обеду поползли слухи, что кто-то заметил марсиан.

Вскоре после этого раздался грохот.

Лицо Грея и всех остальных исказил ужас, и его причина была ясна. Мы все еще были на полпути между Германией и Британскими островами. А звуки пальбы доносились не с запада, не с английского побережья, где можно было бы ожидать марсиан, а с севера, из открытого моря. Для меня стало неприятным открытием, что ни один из моих спутников, даже самых опытных и закаленных в боях, не имел понятия, что происходит.

6. Битва в Северном море

На борту «Непобедимого» майора Эрика Идена быстро сморил сон. Он принял душ, как следует подкрепился, надел чистую форму — и прикорнул на груде одеял, постеленных на ковер в офицерской каюте, которую даже в разгар межпланетной войны украшали кожаные кресла и портреты Нельсона на стене. Был полдень, но Эрик совершенно вымотался, бросая уголь в утробу печи, хотя отработал всего полсмены. Позже он рассказывал, что не проснулся даже тогда, когда зазвонили колокола, созывая людей к капеллану на воскресную службу.

Именно тогда прозвучала команда: «По местам!» — и раздался резкий звук сигнального горна.

Эрик мигом вскочил. Он никогда раньше не слышал такого сигнала, но сразу понял, что дело плохо, и побежал бы наверх, даже если бы другие офицеры не оказались столь же расторопными. У Эрика не было конкретного места по боевому расчету. Он подумал было снова спуститься в угольную яму — может быть, там пригодилась бы его помощь, — но не устоял перед соблазном

выяснить, что происходит. Так что он протиснулся на открытую палубу.

Он успел как раз к тому моменту, когда на мачте подняли военно-морской флаг. Вокруг царил хаос: матросы бежали к своим позициям, орудия вращались на лафетах, струи черного дыма перечеркивали ясное небо. Эрик подумал о кочегарах, которые сейчас рвали жилы, остервенело закидывая в топку уголь.

Выглянув за борт, он увидел, что «Неуязвимый» был одним из многих кораблей, выстроившихся в линию: на мачтах развевались флаги, из труб валил черный дым. На фоне неба вырисовывались узнаваемые очертания дредноутов — с двумя огромными трубами, с четырьмя орудийными башнями на носу и корме. Эрик был впечатлен и вдохновлен этим грандиозным зрелищем.

И весь этот строй кораблей разворачивался в огромную арку, раскинувшуюся по серым морским волнам. Солнце высоко стояло в пустом синем небе. Эрик был сбит с толку. Боевая группа меняла курс, но куда она направлялась? И, главное, зачем?

Потом на кораблях, которые шли впереди «Неуязвимого», зарокотали орудия. Эрику показалось, что он увидел, как в воздухе мелькнули

снаряды, но цели он до сих пор не мог разглядеть.

— Ну, повеселимся, — сказал человек, который стоял у лееров рядом с ним. Это был матрос, но с другого судна — судя по надписи на его бескозырке, с «Минотавра». У него был северный акцент, возможно, нортумберлендский.

— О чем вы? — спросил ошарашенный Эрик.

Матрос впервые удостоил его взглядом.

— Вы тот марсианский тип. Слышал ваши рассказы.

— Марсианский тип? — усмехнулся Эрик. — Наверное, можно и так сказать. Но здесь я чувствую себя не менее растерянным, чем в том проклятом цилиндре, — он взглянул на солнце. — Сколько сейчас времени?

— Недавно был полдень.

Эрик попробовал вспомнить маршрут.

— Значит, мы застряли где-то в открытом море. Встречи с марсианами мы не ожидаем раньше, чем пристанем к берегу, — разве нет? И куда мы разворачиваемся? Солнце слишком высоко, я даже не могу понять, где юг.

Матрос указал направо.

— Юг там, откуда мы приплыли. Мы вышли из Бреста — это вы должны помнить…

— Да, конечно.

— Мы прошли по каналу на север. Мы собирались встретиться с кораблями Гранд Флита, которые шли из Скапа-Флоу, а затем сопровождать пассажирские суда до побережья Англии.

— Но до побережья еще далеко. И мы разворачиваемся — куда, на восток? Явно не на запад, в сторону Англии.

— Потому что там марсиане, сэр. Мы их не видим, но знаем, что они там, на севере. До меня, правда, доходили только слухи. Их засекли с цеппелина — несколько боевых машин прямо посреди Северного моря. Там, где их быть, прямо скажем, не должно. Цеппелину не повезло там оказаться — он возвращался домой из Англии, где наблюдал за большим скоплением марсиан. Зато нам повезло: с цеппелина успели передать сообщение, прежде чем его сбили…

— Тепловым лучом?

— Так точно.

— Но марсиане же не умеют плавать! Что за черт? И кораблей у них нет. Они просто не могли выйти в море!

— Даже тот, кто не умеет плавать, — негромко сказал матрос, — может стоять на мелководье и сражаться.

И тут Эрик понял:

— Доггер-банка [6]. Ну конечно.

Матрос угрюмо кивнул:

— В самом мелком месте там всего сотня футов до дна или около того, а до берега — многие мили. Неплохой плацдарм, да? Если ты сидишь в стофутовой боевой машине — а мы знаем, что ноги они могут вытягивать и того больше…

Они какое-то время рассуждали о том, как марсиане узнали о существовании этой отмели. Примерно такую же беседу я слышала на своем корабле. Если марсиане могли «видеть» сквозь дымку и туман, а также в темноте, почему бы им не «видеть» сквозь стофутовую толщу воды? Возможно, для их летательных машин нанести морское дно на карту было не сложнее чем поверхность земли. А что до вопроса, как боевые машины добрались до отмели…

— У них нет кораблей, — задумчиво сказал Эрик. — Но, как вы и говорите, они могли просто прийти сюда пешком. Под водой. Для жителей планеты, где все моря мелкие, такая глубина, наверное, была весьма неожиданной.

---

[6] Примечания: 6

Доггер-банка — самая крупная песчаная отмель в Северном море. Расположена в 100 км от берега Англии. В 1915 году возле Доггер-банки произошло сражение британского и германского флотов.

— Зато теперь понятно, почему немцы решили нам помочь. Даже канал не так уж глубок. Если марсиане могут взять и пешком пройти в Европу…

— Но что сегодня будет? Как считаете, к какой тактике прибегнут наши войска?

Матрос, явно умный и опытный человек, несмотря на низкий чин, был заметно польщен тем, что ему выпало прочитать лекцию офицеру.

— Знаете, что бы я сделал, если бы адмирал Джеллико спросил у меня совета? — Он начертил пальцем на ладони невидимую карту. — Вот, предположим, Доггер-банка и марсиане. Вот пассажирский флот, который запросто попадет под тепловые лучи. Я бы дал конвою сигнал взять южнее, а наш флот направил бы на восток — вот так.

— Чтобы пройти между марсианами и пассажирским флотом. Ясно.

— Именно. Это заставит марсиан призадуматься. А тем временем Гранд Флит, который идет с севера, тоже отклонится на восток и пройдет к северу от банки.

Эрик нахмурился.

— Единым строем? Вместо того, чтобы поплыть прямо на марсиан?

— В этом и заключается тактика. Корабли поплывут тесным строем, и будут прикрывать друг друга, и развернутся к марсианам бортом, чтобы можно было обрушить на них всю мощь пушек. Мы начнем палить из орудий сразу, как только противник окажется в радиусе стрельбы, даже если он будет за горизонтом, — вдруг повезет? В конце концов, наше оружие дальнобойнее, чем у марсиан, — их тепловые лучи могут поражать цель только в зоне видимости, тогда как мы можем запустить снаряд, и он пролетит многие мили.

— Гм. Но ведь у них есть возможность сбивать наши снаряды на подлете.

— Вот поэтому их надо задавить количеством. Нельзя сбить каждую градину во время бури, так ведь?

— И то верно.

— Так или иначе, стоит попробовать. Нельзя же допустить, чтобы они установили блокаду Англии.

С этим Эрик не мог поспорить.

А потом заговорили пушки на самом «Неуязвимом».

Эрику показалось, будто его неожиданно забросили в зону боевых действий. «Неуязвимый» был

оснащен четырьмя двенадцатидюймовыми пушками и шестнадцатью четырехдюймовыми; когда все они открыли огонь, корабль содрогнулся. Звук был оглушительный, и кордит, смешавшись с черным угольным дымом из труб, окутал судно удушливыми клубами. И все же Эрик с матросом продолжали цепляться за леера. Эрик видел, как все корабли, растянувшиеся длинным строем с запада на восток, выпускали залпы из орудий.

Матрос выпрямился, указал куда-то и закричал:

— Вон, смотрите! Там видно, как падают снаряды! Банка уже близко!

Эрик пригляделся и увидел, как из моря взмывают столбы воды — мощные колонны высотой в пару сотен футов, если не больше.

Но увидел он и другие взрывы — в воде возле бортов закручивались воронки от выстрелов. Конечно, это были тепловые лучи — невидимые, пока не попадали в цель. Под их воздействием морская вода мгновенно обращалась в пар.

— Ближе, чем мы думали, — пробормотал матрос. — Они нас видят.

А затем марсиане на Доггер-банке наконец пристрелялись.

Тепловой луч ударил в судно, которое отделяла

от «Неуязвимого» всего пара кораблей, и лизнул его почти любовно. Луч прошел по корпусу и судовым надстройкам, и все, чего он коснулся, вспыхнуло, расплавилось или взорвалось. Вскоре корабль окутали дым и пар, его бронированная обшивка треснула и искорежилась, рассеченные трубы упали, плюясь дымом. Не прошло и минуты после первого выстрела, как корабль начал крениться, и люди от отчаяния стали бросаться в кипящую воду и вариться в ней заживо, словно в котле, жижу в котором мешали тепловым лучом. Эрик слышал их жуткие крики. На палубе соседнего корабля суетились люди, пытаясь с помощью веревок и ремней вытянуть тех, кто оказался в воде. Битва тем временем продолжалась.

По сравнению с марсианскими машинами человеческие суда выглядели безнадежно примитивными, медлительными и неуклюжими; из труб валил дым, подчеркивая их нелепость. И все же в каждой такой лохани было больше тысячи человек экипажа. Эрик почувствовал себя нагим и беззащитным. Тяжелая броня злосчастного судна оказалась почти бесполезной. А «Неуязвимый», как помнил Эрик, был линейным крейсером, и толщиной его брони намеренно

пожертвовали ради скорости и маневренности.

Но корабли, вступив в бой, продолжали сражаться. На марсианские позиции по-прежнему сыпались снаряды. Матрос достал бинокль и заявил, что видит медные колпаки марсиан.

— Их там целая толпа! — воскликнул он. — Вот один упал! И еще один!

Но пока марсиане отбивались от града снарядов; их колпаки вращались туда-сюда, и корабли в строю один за другим кренились, искалеченные тепловыми лучами. Прогремел мощный взрыв, и одно судно разлетелось на части — мощные турбины, по инерции продолжая вращаться, разметали в стороны огромные обломки. Выжить в таком взрыве не удалось бы никому.

— Плохи дела, — мрачно сказал матрос. — Если марсиане поймут, что бить надо в боезапас, корабль вроде нашего взлетит на воздух, как фейерверк в ночь Гая Фокса…

Тепловой луч скользнул по «Неуязвимому». Эрик посмотрел вниз и увидел, что обшивка корабля, как по волшебству, сминается, будто бумага под ударом невидимого кулака, и ее раскаленные добела осколки падают в кипящую воду. Он услышал крики и увидел, как с борта вниз летят люди словно игрушечные. Эрик сжался в

ожидании взрыва, который оборвет его жизнь, — но корабль, дрожа всем корпусом, продолжал движение.

— Ха! Мы все еще на ходу! — матрос с «Минотавра» хлопнул Эрика по плечу. — Вы случайно не доктор, сэр?

— Скорее уж медбрат.

— Тогда пойдемте со мной.

Эрик поспешил вслед за ним по трапу во внутреннюю каюту, которая, как он быстро понял, во время боя использовалась как сортировочный пункт. Сюда приносили раненых, наскоро разбивали их на группы в зависимости от тяжести повреждений, а затем препоручали заботам военных врачей в белых халатах, после чего раненые отправлялись в место для отдыха, расположенное в глубине корабля.

Эрик оказался кстати. Он помогал чем мог — таскал раненых, подносил инструменты, даже бинтовал сломанные обожженные руки. Раненые поступали сплошным потоком, и это был нескончаемый ужас. Позже Эрик говорил мне, что после того случая по-настоящему зауважал полевых медиков — например, Фрэнка. Люди, которые в таких условиях продолжают действовать, думать и принимать одно судьбоносное решение за дру-

гим, стали казаться ему героями.

Но невозможность следить за ходом битвы стала для Эрика адской мукой. Иллюминаторов в каюте не было, так что нельзя было увидеть, что происходит снаружи, но Эрик слышал грохот взрывов, рокот орудий, рев воды, когда в нее врезались тепловые лучи, — и дребезжание, расходившееся по всему кораблю, который начал зловеще крениться.

Позже Эрик не мог вспомнить, сколько времени провел, помогая раненым, истерзанный предчувствием неумолимого рока, — может быть, прошли минуты, может, полчаса. Привыкший к пыльному хаосу боев на суше, он считал, что морские сражения устроены совсем иначе, и не ожидал того, что сейчас происходило.

Потом сквозь звуки битвы он услышал возгласы на верхней палубе. Эрик был занят ранеными, но любопытство так и сжигало его — скорее даже не любопытство, а желание узнать, суждено ему выжить или умереть. Чувствуя угрызения совести, он отошел в сторону, обещая себе, что отлучится ненадолго, и вскарабкался по трапу на палубу.

Там, наверху, в воздухе до сих пор свистели снаряды, а в воде плавали обломки разбитых

судов. Эрику удалось снова найти матроса из Нортумберленда. Тот простер руку над океаном, над которым до сих пор сыпался град снарядов.

— Глядите! Вон там! — восклицал он, пытаясь перекричать несмолкающий грохот пушек «Неуязвимого».

И Эрик увидел: там, на севере, двигались серые тени, устремлялись в небо трубы и сверкали вспышки выстрелов. Весь горизонт был в огне — поистине грандиозное зрелище.

— Это Гран Флит из Скапы! Дредноуты! Ну теперь эти марсиане пожалеют, что с нами связались, вот увидите!

Но тут еще один линейный крейсер в их строю зацепило тепловым лучом. Последовал оглушительный хлопок; корабль сложился — с ним было покончено.

С нашего судна был слышен грохот на севере и видны вспышки. Но ни гибнущих кораблей, ни бьющихся марсиан мы не видели.

Позже я узнала, что погибла где-то треть флота, который нас сопровождал, но из пассажирских судов пострадало всего пять процентов. Потери марсиан были неизвестны. Такой ущерб уже стал обычным делом, но, несмотря на это, пассажирские и грузовые перевозки продолжались. Как

заметил матрос — и как сказал мне Тед Лейн — все были согласны, что нельзя допустить блокады Англии марсианами.

Что касается нашего судна, оно прошло к югу от битвы и без происшествий продолжило путь в сторону Англии.

7. Высадка в Уоше

Когда мы оказались вдали от опасностей открытого моря, наш конвой рассредоточился: крупные грузовые суда направились в порты на южном и восточном побережье, а военные корабли — в свои порты приписки.

Мы же в конце концов прибыли в Уош, где неподалеку от берега поджидала флотилия рыбацких лодок, готовых принять нас на борт, — зеркальное отражение того, что происходило на фризском побережье. Меня с моим рюкзаком, а также лейтенанта Грея, сержанта Лейна и горстку других пассажиров погрузили в рыбацкое судно. Мы расселись на грязном днище, и лодка снова начала петлять между отмелями, которых в этом крупном заливе было видимо-невидимо. Уже наступил вечер, и для меня осталось загадкой, как наш шкипер — просоленный моряк, чья борода была похожа на марсианский снег, — ухитрился вывести нас из этого лабиринта туда, где сияли береговые огни. Из темноты то и дело доносились удары корабельных колоколов и чья-то ругань, когда очередное судно садилось на мель. Но мы благополучно преодолели этот отрезок пути, и я

с облегчением снова ступила на твердую землю.

Как я выяснила, мы оказались в устье Грейт-Уз, недалеко от Кингс-Линна. Нас уже ждали машины, выкрашенные в унылый болотный цвет. Грей поспешил к ним, чтобы нам выделили одну и мы продолжили путь. Сержанту Лейну надо было отыскать свою часть, но из вежливости он остался со мной, пока Грей договаривался насчет машины.

Шофер настояла на том, чтобы проверить мои документы. Оказалось, паспорта уже недостаточно, чтобы дать право подданному Его Величества ступить на британскую почву, и по этому поводу между шофером и Греем возникли разногласия.

— Проклятье! — сказал он. — Я такого и представить не мог.

За рулем была женщина лет сорока в аккуратной форме; она явно чувствовала себя неловко. Оглядев меня, она улыбнулась:

— Ну что, мадам, вы не выглядите опасной преступницей. Мне дозволено перевезти одного заключенного под стражей. Правда, ваш рюкзак придется досмотреть. И нужна еще одна живая душа, чтобы вас сопровождать, — помимо лейтенанта.

Грей вздохнул.

— Ладно. Сержант Лейн!

— Сэр?

— Считайте себя добровольцем. А теперь забирайтесь в тарантас, и поедем в Кингс-Линн.

— Лучше туда, чем в казармы, — с улыбкой ответил Лейн. — Я угощаю, мисс, — прошептал он мне, садясь в машину.

Мы переночевали в городе, который я так и не успела толком разглядеть.

Грей и Лейн, как я узнала, провели вечер в кино, где они смотрели «Любовницу кайзера» — голливудскую драму, снятую в начале войны Шлиффена, где сцены с участием звезд перемежались кадрами хроники. И, судя по тому, как наутро выглядели мои спутники, они еще долго оставались на ногах после того, как сеанс закончился.

Когда мы садились в поезд, я их поддразнила:

— Вы наверняка оценили фильм по достоинству, да, джентльмены?

Грей хмыкнул.

— Это кино — сущая галиматья. Не припомню, чтобы какие-то янки единолично спасали Париж.

Поезд резко дернулся, и Грей скривился.

Лейн рассмеялся.

— Что, сэр, нахлынули воспоминания о войне? Или не в них дело?

— Ох, лучше молчите — и наслаждайтесь выходным.

— И то верно, сэр.

Мы направились на юго-запад через Питерборо и Нортгемптон к Оксфорду, где должны были сделать пересадку. Наш путь лежал к северо-западу от марсианского Кордона. Из окна я видела грубые лоскуты камуфляжа, наброшенного на здания, на железнодорожные рельсы. Даже телефонные линии попытались спрятать. Машин было совсем мало, поскольку они легко могли стать мишенями для марсиан. Хотя те редко делали вылазки за Кордон, время от времени это все-таки случалось, и ни один уголок Британии не был застрахован от атаки. Конечно, жалкий камуфляж не спас бы от марсианина — тот, например, мог почуять тепло, исходящее от спрятанного двигателя, — но боевых машин было мало, и они не могли обшарить все вокруг, так что подобные предосторожности были осмысленными.

Места, где поезд делал остановки, я не узнавала — Англия сильно изменилась. Мне особенно запомнилась россыпь бараков, наскоро сложенных из досок, бетонных панелей и даже из рифленого

железа, — страшно было представить, каково в них летом. Бараки были расположены строгими рядами. Повсюду реяли флаги, по периметру были вкопаны артиллерийские установки, и все это вызывало ассоциации с военным лагерем. В то же время на лугу возле маленькой железнодорожной станции возились дети, и я вспомнила деревню Кейстер в Норфолке, где мы с Джорджем и Элис провели вместе короткий отпуск за год до Первой войны. Станция была безымянной.

— Что это за место?

Грей очнулся от полудремы.

— А? Сколько времени? — он взглянул на карманные часы. — Лагерь А-1–43, полагаю. Если мы не выбились из расписания.

— Лагерь? Но там играют дети.

— Вас давно тут не было, да? — спросил Лейн. — Это один из Уинстонвиллей — так их называют кокни.

— Лагерь для беженцев. Ясно.

— Не просто лагерь, — заметил Грей. — Это настоящий городок, с магазинами, медпунктами, школами и церквями, и все это здесь возвели в мгновение ока. Таких в Англии несколько дюжин, если не больше, — им, как видите, присваивают номера, как и дорогам.

Идея таких поселений была мне знакома. Все это было следствием непрекращающейся марсианской угрозы, нависшей над Лондоном. В столице по-прежнему оставались миллионы людей, и значительная часть национальных ресурсов уходила на то, чтобы снабжать провизией лондонцев, пытаясь обеспечить им побег, и поставлять продукты беженцам, которых было огромное количество.

Лондон, впрочем, всегда был чем-то большим, чем скопление людей. Это было сердце британской экономики: порт, средоточие финансов, даже центр производства, взять хотя бы Вулвичский арсенал, ныне разгромленный и сожженный, но когда-то бывший нашим главным оружейным заводом. После атаки марсиан нужно было перестроить всю внутреннюю организацию страны, и мы получили то, что получили. Теперь другие порты, от Гуля до Гарвича, от Саутгемптона до Ливерпуля, принимали грузы, которые ранее поступали в Лондон. Вместе с тем прокладывались новые транспортные пути, скрытые камуфляжем от марсиан. По всей Британии строились заводы — Германия, Америка и другие страны давали на них ссуды. Обширные земли на севере Англии были вскопаны и превращены в

огромные шахты, где велась открытая разработка месторождений, — алюминий теперь производили по марсианской методике. Но люди, как и прежде, ворчали и жаловались на спекулянтов: даже бок о бок с марсианами богатые делались все богаче, а бедные — все беднее.

Государственное устройство также претерпело изменения. Местные власти получили куда больше полномочий, чем у них было ранее. Во главе правительства в изгнании, которое обосновалось в Бамбурге, встал премьер-министр Ллойд Джордж. (Генерала Марвина давно не стало: он погиб в 1921 году во время безрассудного наступления, когда, вдохновившись примером Черчилля, настоял на том, чтобы лично возглавить атаку против марсианского отряда.) Королевская семья все еще укрывалась в Дели, и, насколько я могла судить, все как один были рады, что хотя бы их король в безопасности.

— Уинстонвилли, значит?

Грей взглянул на меня.

— Полагаю, вы знаете, что Черчилль — правитель Лондона. У него то и дело рождаются грандиозные идеи, и эти лагеря для беженцев — одна из них.

— Он парень не промах, наш старый добрый

Уинстон, — с улыбкой сказал Лейн.

В Оксфорде мы пересели на другой поезд — на новеньком вокзале, расположенном в промышленной зоне, которая, по-видимому, теперь опоясывала исторический центр этого университетского города. День был в разгаре, но воздух меня насторожил — в нем был электрический привкус, словно на побережье, когда с моря тянет озоном — а его зеленоватый оттенок пробуждал неприятные воспоминания. Я задумалась, что же производят на этих огромных новых заводах, где явно взяли на вооружение марсианские технологии.

Я почувствовала облегчение, когда села в поезд и он повез нас на юг, через Саутгемптон в Портсмут. Когда мы проезжали Абингдон, Грей сказал, что мы приблизились к Чилтерну — и к марсианскому Кордону — на минимальное расстояние. Дорога резко повернула, и стало видно, как вдоль всего поезда люди припадают к окнам и с трепетом глядят на восток. Но в тот день встретить марсиан мне было не суждено.

8. В Портсмуте

Когда мы наконец оказались в Портсмуте, на вокзале нас встретил посыльный с депешей, из которой следовало, что распоряжения изменились. Чтобы заявить о своем прибытии, мне нужно было отправиться не на военно-морскую базу, как предполагалось, а в военный госпиталь за городом. Грей воспринял эту новость с некоторым злорадством: то, что он в очередной раз стал свидетелем капризов командования, похоже, доставило ему некое удовольствие.

Когда для меня подыскали машину, я неловко попрощалась с сержантом Лейном; напоследок он соблаговолил сообщить мне, что его зовут Тед.

— Приятно было с вами познакомиться, мисс. Я свяжусь со своей частью и выясню, нужно ли мне отправляться в Гарвич. Возможно, предстоит еще одна поездка на поезде, притом за свой счет. А я ведь Ветеран восточного фронта!

— Это просто злодейство, — сказала я.

— Форменное!

Грей задумчиво глядел на него.

— Вот что, сержант. Вы знаете, что моя задача

— сопроводить мисс Эльфинстон за марсианский Кордон. А о Кордоне вы знаете почти столько же, сколько и я. Почему бы вам не задержаться? Я сделаю пару звонков и распоряжусь, чтобы вас временно перевели в мое подчинение. Если, конечно, в вас не нуждаются где-то в другом месте.

Лейн потер подбородок и посмотрел на север, туда, где обосновались марсиане.

— Хммм. Ветеран Восточного фронта отважился забраться прямо в марсианское логово… Такое мало кто может о себе сказать, верно, сэр?

— Действительно, мало кто.

— И сегодня вы угощаете.

— Пусть сначала мисс Эльфинстон обустроится…

Госпиталь имени королевы Александры — скопление построек из красного кирпича, возведенных еще до Первой марсианской войны, — располагался неподалеку от города. Туда можно было доехать на трамвае, но меня отвезли на военной машине. К моему удивлению, в регистратуре ожидала Марина Оджилви, жена астронома из Оттершоу. Встретились мы несколько неловко: как ни странно, я далеко не сразу ее узнала.

Появилась расторопная медсестра и отвела

меня в отдельную комнату. Марина последовала за мной. По пути я мельком заглянула в палату: у одних людей, обмотанных бинтами, явно были сильные ожоги, у других — проблемы с дыханием. Таковы были последствия контакта с марсианами — если, конечно, после этого контакта человек вообще выживал. А ведь мы были довольно далеко от передовой. Это были первые жертвы войны, увиденные мной с тех пор, как я два года назад покинула Англию. Первые, но не последние.

В комнате медсестра сказала, что мне нужно сделать серию уколов. «Ваша подруга может остаться», — добавила она. Мне объяснили, что внутри Кордона введен карантин. Хотя предпринимались попытки снабжать тех, кто оказался внутри, всем необходимым, из-за Кордона приходили известия о таких ужасах войны, как холера и тиф, и мне нужно было сделать все возможные прививки.

— Вам также введут другие вакцины, экспериментальные, — туманно добавила медсестра. — Это обычная процедура.

Так я впервые столкнулась с Большой Ложью — но это выяснилось позже. Тогда же я не почувствовала беспокойства. С чего бы мне не доверять

медсестре?

После уколов я, лежа с закатанными рукавами на кровати, воспользовалась возможностью поговорить с Мариной наедине.

— Простите, что не сразу вас узнала.

Она устало улыбнулась. В моих воспоминаниях Марина всегда представала усталой.

— Не волнуйтесь. В конце концов, это мой муж был знаменитостью, а не я.

— Кажется, я понимаю, почему они с вами связались. Во время прошлой войны ваш муж был одним из первых, кто попытался наладить мирный контакт с марсианами…

— И одним из первых, кто на этой войне лишился жизни, — наряду с профессором Стентом и другими проклятыми глупцами.

— Возможно. Но ими двигали благие побуждения, согласны? И вот мы опять пытаемся установить контакт.

— Безусловно, вы правы. Я здесь, чтобы формально оправдать все это предприятие. Я символ своего мужа. Проклятого глупца, — зло повторила она. — Я слышала, что леди Стент, вдова королевского астронома, не пожелала иметь к этому никакого отношения. Но, возможно, это просто слухи. Мало кто сейчас отказывается выполнять

свой долг.

Вернулась медсестра и бодро сообщила, что я могу идти, хотя сегодня у меня могут возникнуть симптомы вроде легкой тошноты и надо «быть поосторожнее». Пока в долгое путешествие отправляться было нельзя.

В остальном мне предоставили свободу. Проведя столько дней в преимущественно мужском и исключительно военном обществе, я не смогла придумать ничего лучше, как сбежать: стоял приятный майский день, даром что был понедельник, и мне страсть как хотелось прогуляться. Марина согласилась составить компанию. Но, чтобы обеспечить себе свободный вечер, пришлось переговорить по телефону с лейтенантом Греем: у меня до сих пор не было нужных документов. Мы с ним пришли к своего рода соглашению.

Вскоре после этого рядом с больницей остановилось такси с единственным пассажиром — Тедом Лейном. Грей дал ему задание ненавязчиво присматривать за нами этим вечером. «Все что угодно, лишь бы не платить за выпивку», — ворчал Лейн. Но его компания была достаточно приятной, а в его надежности я не сомневалась.

Такси было уже оплачено, и мы прокатились на нем по городу — в том числе заехали в доки

и в гавань. В прошлый раз, когда я смотрела на нее вместе с Филипом Паррисом, в ней сновали военные суда. Теперь они стояли на якоре вдали от берега, там, куда не смогли бы дотянуться марсиане.

Мы вышли на Коммершиал-роуд и прошлись по ней; Лейн следовал за нами на приличном расстоянии. Ему не составило труда затеряться в толпе: вокруг было полно людей в хаки, как и в синих флотских мундирах. Третьим преобладающим цветом был черный. Марина рассказала мне, что черный цвет в последнее время вошел в моду. «Словно мы вернулись во времена Виктории», — угрюмо добавила она.

Помимо нарядов, бросалось в глаза и другое отличие Портсмута от Парижа или Берлина: на улицах почти не было автомобилей. Несколько омнибусов и карет скорой помощи, полицейские и военные машины, несколько такси и частных авто — вот и все. При этом вокруг было полно гужевых повозок — а с ними на улицы вернулись солома, навоз и затхлый запах, от которых Британия избавилась еще до Первой марсианской войны. Как объяснила Марина, все упиралось в нехватку топлива и во всеобщие опасения, что машины привлекают марсиан.

В самом городе я увидела немного оборонительных сооружений. Я заметила прожекторы и орудийные площадки, узнала, что в пяти и в десяти милях от центра кольцом выставлены пушки, а другие стоят вокруг доков — наряду с системами противовоздушной обороны. Увидела я и следы присутствия марсиан: груду кирпичей, стекла и бетона там, где прошел тепловой луч.

Были и менее заметные признаки войны. Самая оживленная торговая улица Портсмута казалась пустырем по сравнению с самым жалким берлинским закоулком. Возле каждого продуктового магазина стояла толпа: мужчины, женщины и несколько детей, выстроившись в ряд, смиренно ждали своей очереди. Их одежда выцвела и износилась, и все они сжимали в руках корзины и розовые квиточки — талоны на еду. В очередях стояли и солдаты — их можно было отличить по изношенным шинелям или потрепанным фуражкам. Война наложила на них свой отпечаток — причем у некоторых, как у бедняги Уолтера, шрамы остались не на теле, а на душе. Я отличала таких людей от прочих по их постоянной тревожности, по тому, как они вздрагивали, как отводили взгляд.

В поисках более приятных впечатлений я

попыталась найти книжные магазины, но бумага была дефицитным товаром, как и другие предметы первой необходимости, и мне на глаза попадались только букинистические лавки или развалы со второсортными американскими триллерами. Сага Берроуза о том, как сыны Земли задают марсианам жару на их родной планете, судя по всему, неплохо продавалась. Забавно, но так же хорошо расходилось и новое дешевое издание Летописи Уолтера. Единственной широко доступной газетой был «Национальный бюллетень», бесполезный правительственный листок, который начали выпускать незадолго до гибели Марвина.

Мы зашли в небольшой ресторанчик, и я заказала омлет с грибами и свежеиспеченным хлебом, а также сладкий чай. Это была простая, но сытная пища. Но даже она, как мне показалось, стоила непомерно дорого.

Потом мы отправились на поиски развлечений — и это оказалось весьма непросто. Большинство плакатов, вместо того чтобы рекламировать новые фильмы или спектакли, служили другим целям — они были духоподъемные, менторские или угрожающие:

ЗАПИСЫВАЙСЯ ВОЛОНТЕРОМ

или:
ДЕНЬ БЕЗ МЯСА — ХОРОШИЙ ДЕНЬ
или:
ПРИХВАТИ ВРАГА НА ТОТ СВЕТ!

С последнего плаката сурово взирал Черчилль.

В театрах ставили душещипательные спектакли — например, новые версии «Томми Аткинса» [7] и «Во время войны». Зрители, которые толпились у входа, выглядели довольно заинтересованными, но нам показалось, что от всего этого веет безысходностью, и мы рука об руку пошли дальше.

Часов в девять на улицу повалила новая волна людей, и я пришла к выводу, что кончилась очередная рабочая смена. В толпе было много работниц с новых оружейных заводов; кожа и волосы этих женщин отливали желтым и блекло-оранжевым из-за токсичных материалов, с которыми им каждый день приходилось иметь дело. Целью этих «канареек», судя по всему, было как можно сильнее напиться за короткое время: несмотря на суровую мораль новой Англии, этим вечером в городе было полно дешевого алкоголя.

---

[7] Примечания: 7

Томми Аткинс, или просто *Томми,* — прозвище простых британских солдат. В ходу с XVIII века, но наиболее часто употребляется, когда речь идет о солдатах Первой мировой войны.

Марина глядела на них с любопытством.

— Смешно вспомнить, как Марвин в свое время боролся с суфражистками. Теперь его последователи призывают женщин сражаться на войне. Права голоса нам, правда, до сих пор не дали. Впрочем, сейчас это особой роли не играет — с 1911 года не было никаких выборов…

— А что насчет прав человека?

— Обязанности сейчас важнее прав. Так говорят, — она пожала плечами. — Кто я такая, чтобы спорить? В конце концов, здесь марсиане.

«Канарейки» упивались заслуженным отдыхом, но нам уже хватило. Мы подозвали Лейна, который все это время терпеливо следовал за нами тенью, и втроем отправились в гостиницу в карете, запряженной лошадьми.

Как ни странно, я была рада вернуться в Англию, пусть даже мрачную и истерзанную войной. Берлин, увязший в политических дрязгах, и Париж, зацикленный на собственных унижениях, теперь казались далекими и незначительными. Как верно заметила Марина, марсиане были именно здесь, в Англии. Здесь все было по-настоящему, творилась история человечества. И я тоже творила историю. Нехарактерный для меня всплеск идеализма — который, конечно, никак

не был вознагражден.

В ту ночь я плохо спала. Места уколов чесались и болели, а мои мысли крутились вокруг предстоящей миссии — туманной и неясной.

Как выяснилось, я зря ломала голову. Потому что, когда утром за мной приехала военная машина и увезла нас с Мариной Оджилви, Беном Греем и Тедом Лейном в тесную каморку на портсмутской военно-морской базе, Эрик Иден быстро развеял мои иллюзии насчет того, что моя миссия хоть как-то связана с налаживанием контакта.

9. Секретное задание

— В конце концов, — бодро сказал Эрик Иден, разливая довольно мерзкий кофе, — вдумайтесь, разве в этом был какой-то смысл? Разве мы перестали бы истреблять тасманийцев, если бы они донесли до нас свои представления об устройстве Вселенной?

Грей, Лейн, Марина и я сидели на неудобных стульях с высокой спинкой за столом, с другой стороны которого непринужденно восседал Эрик Иден. Это тесное помещение служило Королевскому флоту комнатой для совещаний, и на стенах висели карты морей и океанов, а также обязательный портрет лорда Нельсона. Где-то сбоку прикрепили карту Южной Англии, на которой ярко-красными чернилами отметили марсианские позиции вокруг Амершема. Стол был пуст, не считая сваленных в кучу канцелярских принадлежностей и моей папки.

На лице Эрика появились новые шрамы. Как я узнала впоследствии, это было напоминание о его героическом поступке в Уормвуд-Скрабсе.

— В школе у нас были дебаты на эту тему, — сказал Грей. — Об империи и морали.

Тед Лейн скорчил рожу:

— Ну еще бы.

Но Грей относился к тому благословенному типу людей, которые не замечали, когда над ними подтрунивают.

— Возвращаясь к теме, — сказала я с раздражением, — если речь идет не о налаживании контакта — то о чем? — я постучала по кожаной папке на столе, где лежали рисунки Уолтера. — Я везла это издалека, Эрик.

Он сложил руки домиком.

— Уолтер искренне верил во все, что вам сказал. И изначальная идея — про контакт — действительно принадлежала ему. Мы ее просто… доработали, — Эрик усмехнулся.

Я начала закипать.

— И в чем тогда правда?

— С 1907 года мы не сидели без дела. Говоря «мы», я подразумеваю военную разведку, к которой отчасти имею отношение, учитывая мой уникальный опыт. Мне всегда казалось, что марсиане совершили стратегическую ошибку, когда прилетели сюда в первый раз и потерпели поражение. Первый удар, как правило, оказывается самым успешным. Возможно, они прилетели изучить нас; что ж, мы не остались в долгу.

Всем известно, что нам удалось вооружиться некоторыми их изобретениями — например, технологией выплавки алюминия. Но мы изучали и другие аспекты.

Мои руки до сих пор зудели от уколов, и я начала догадываться о правде — или, вернее, о лжи.

— Например, биологические? — предположила я.

Эрик внимательно посмотрел на меня.

— Именно так. Все знают, что марсиан убили бактерии, — первым об этом догадался Карвер. Я отлично помню эти прелестные строчки из книги Дженкинса: «Пришельцы были истреблены ничтожнейшими тварями, которыми премудрый Господь населил Землю». Но какими именно ничтожнейшими тварями? Ведь слова Дженкинса о «болезнях» и «разложении», вырванные из статей Карвера, — это всего лишь домыслы.

— Вот оно как, — сказал Лейн с хитрой солдатской ухмылкой. — И вы, умники, решили выяснить, о каких бактериях речь? Снимаю шляпу, сэр.

Эрик кивнул.

— Этим, конечно, занимался не лично я… Мисс Эльфинстон, вы что-нибудь слышали о месте под названием Портон-Даун? Это сверхсекретная

военная лаборатория в Уилтшире.

— Знаю ее, — сказал Тед Лейн. — Вернее, знаю о ней. Принадлежала Королевским инженерам, верно? Я из них.

— Все так. Ее основали во время войны Шлиффена, чтобы исследовать возможности химического оружия — газа, например.

Лейн хмыкнул.

— Вонючие бомбы. В России оказались кстати.

Грей поглядел на него с любопытством.

Эрик продолжил:

— Когда марсиане вернулись, Портон переключился на изучение бактерий. Мы бросили все силы на то, чтобы выяснить, какой именно микроорганизм уничтожил марсиан. Все это предприятие было очередной светлой идеей Черчилля, пусть и пришедшей с запозданием. Надо признать, в чем-то этот человек — гений. Пусть и жестокий.

Лейн наклонился вперед.

— Но как вы проводили эксперименты? Все марсиане, которые прилетели в седьмом году, уже мертвы.

— Однако остались их тела — так что нам хватило тканей для опытов. Вы знали, что во время того вторжения один марсианин появился на

свет?! Он частично отпочковался от родителя. Но мы, конечно, нашли его уже мертвым, как и всех остальных. Мне сказали, что благодаря этому у нас появились особенно удачные образцы для исследований. И не надо так на меня смотреть, мисс Эльфинстон: я сомневаюсь, что марсиане за Кордоном проявляют милосердие по отношению к человеческим детям.

Пока он говорил, я чувствовала, как болят и зудят руки, и поняла, что со мной сделали.

— Они нашли ее, да? Ученые в Портон-Дауне нашли бактерию, которая убила марсиан.

— Да, им это удалось, и в этом помогли такие же передовые лаборатории в Германии, которые, кстати, были истинной целью моей краткой вылазки на континент. Не спрашивайте меня, как эта бактерия называется на латыни, это не мой конек. Но это очень древний микроб — его можно найти в каждой популяции. Если Дарвин и компания правы и мы все произошли из Африки, то этот микроб пришел оттуда вместе с нами — и наверняка выкашивал наших предков-обезьян, пока они не выработали иммунитет. Что ж, теперь можно с уверенностью утверждать, что марсиане научились противостоять ему. Так что мы нашли другой микроб — родственник перво-

го, еще более опасный, но достаточно далекий, чтобы любая защита, которую успели выработать марсиане, оказалась против него бесполезной. И наш план сработал: у нас достаточно свежих образцов марсианской ткани, чтобы в этом убедиться.

— А те прививки, которые мне сделали вчера вечером…

— Микроб успешно размножается в человеческой крови, но не причиняет вреда носителю.

— Он во мне. Древний убийца. Вы ввели его в мою кровь. И хотите, чтобы я под предлогом установления контакта принесла его марсианам.

Это была та самая Большая Ложь, впервые высказанная вслух. Я тут же почувствовала себя донельзя глупой: как я раньше об этом не подозревала?

И я увидела, как мои спутники — Тед Лейн, лейтенант Грей, даже Марина Оджилви — отшатнулись от меня.

Моя миссия была простой. Надо было проникнуть за Кордон и подобраться к марсианам как можно ближе — при содействии Кука или без него, хотя помощь артиллериста мне бы пригодилась.

— У нас всего одна попытка, — сказал Эрик. —

Так что нужно приложить все усилия. Расправиться со всеми марсианами разом. Помните, что близится новое противостояние. Не исключено, что на Землю прилетят новые цилиндры. У нас будет больше шансов с ними справиться, если марсиане в Англии, которые помогут воздушному флоту сориентироваться, будут уничтожены еще до того, как прибудет подкрепление — а может быть, и основные силы. Далее: благодаря марсианским технологиям мы научились хранить кровь. Им нужно было чем-то питаться во время межпланетного перелета, и они везли ее с собой. Мы сами теперь применяем эту технологию на поле боя — и у нас есть все основания полагать, что в центральной воронке в Амершеме у марсиан большие запасы крови. Именно их вам и предстоит отравить, Джули. Это единым махом выкосит большинство марсиан, а из образовавшихся открытых ран инфекция передастся всем остальным. Так что, как видите, надо войти к марсианам в доверие, чтобы они допустили вас в самое сердце Кордона. Там Кук обеспечит вам необходимое прикрытие.

— Но почему вы не рассказали мне все это раньше — до того, как впрыснуть в вены яд?

— Скажу откровенно: потому что мы реши-

ли, что вы с большой вероятностью ответите отказом.

— Мне нужно совершить массовое убийство, майор Иден?

— Вы хотите спасти нацию, мисс Эльфинстон?

В этот момент мне показалось, будто я читаю собственную эпитафию.

10. Ночь в Гэмпшире

На следующем этапе моего путешествия в Бакингемшир, где находился Кордон, мне нужно было проехать через Лондон. Несмотря на то что там по-прежнему оставались взаперти миллионы человек — а может, и благодаря этому, — военным было относительно легко проникать в столицу, не привлекая внимания марсиан. Я должна была присоединиться к следующей экспедиции.

Вечером Бен Грей и Тед Лейн вывезли меня из Портсмута, и я провела ночь в довольно приятном доме за городом, в лугах возле Истли. Что это был за дом, я так и не узнала. То ли владельцы покинули его, когда марсиане вернулись в Англию, то ли его реквизировали для военных нужд, но теперь в нем останавливались офицеры, а на участке возле дома размещались солдаты, приехавшие на побывку. За годы без хозяев дом заметно растерял шарм: в коридорах виднелись следы грязных сапог, в гардеробной висели шинели цвета хаки, а место слуг заняли раненые солдаты, которые в силу временной негодности к военной службе явно были приставлены к выполнению мелких поручений. У бедолаги,

который принес нам ужин, половина лица была покрыта шрамами.

Да, несмотря на общий упадок дома, нам накрыли на стол. На ужин подали суп и жилистую говядину. Ужинали мы по старинке, в столовой, стены которой были увешаны портретами предыдущих хозяев — людей с маленькими безвольными подбородками. Из подвала принесли вино и портвейн и разлили по бокалам, а в конце появились сигары, доставленные с Кубы по баснословной цене. Мы вели непринужденную светскую беседу и говорили в основном о скандальных эскападах разных кинозвезд. Возможно, остальные поддерживали беседу ради меня, одной из трех женщин и единственной гражданской. Грей травил байки об эксцентричных выходках Черчилля в бункере в Доллис-хилле, где, по слухам, правитель Лондона проводил встречи в пижаме и халате, с бокалом бренди и с волнистым попугайчиком на лысеющей макушке.

Большинство офицеров происходили из привилегированного сословия, и для них все это было не в диковинку. Для меня же этот странный вечер стал щемящим напоминанием об Англии, которую мы потеряли. О той Англии, которая всегда

была недоступна большинству англичан, — подумала я, глядя, как бедняга Тед Лейн пытается понять, какой из столовых приборов ему нужно использовать на этот раз.

В ту ночь мне толком не спалось: комната казалась слишком душной, матрас — слишком мягким, на кровати было слишком много одеял. Возможно, все дело было в тревоге, которая не отпускала меня с того самого момента, как в Портсмуте мне сделали уколы. Я думала о смертоносном организме, который поселился в моем теле, превратив его в поле битвы. А может, я просто слишком привыкла к весьма аскетичной жизни в Париже.

Меня разбудили рано поутру звуки с улицы: кто-то отдавал команды, кто-то смеялся, где-то шумела вода; кажется, я почуяла запах жареного бекона. Я накинула халат и подошла к открытому окну.

Как я уже говорила, на участке возле дома отдыхали и восстанавливали силы те, кто прибыл с фронта. Теперь, в лучах утреннего майского солнца, я наконец их увидела: они выстроились в очередь к столам, где был разложен завтрак. Каждому полагались сардины, бекон, картошка, хлеб и кружка чая. Для того чтобы всех накормить,

сюда привезли что-то вроде большой кухонной плиты на колесиках. Остальные собрались возле общих душевых, чтобы помыться, — там то и дело бесстыдно мелькали чьи-то бледные тела. Те же, кто только что явился с фронта, должны были пройти дезинсекцию в специальных вагонах.

Некоторые этим утром занимались боевой подготовкой. Я увидела группу солдат, которые деловито вскапывали бывшую площадку для крокета, зарываясь в туннели, словно человекообразные кроты. Другие в полном обмундировании выстроились возле крупных кожаных мешков, подвешенных на веревке. По команде солдаты всей толпой с криками кинулись к мешкам; они не палили из винтовок, а пронзали мешки штыками, как охотники, которые загнали медведя. Мешки служили, чтобы изображать марсиан, — им приделали клювы и болтающиеся щупальца, а сверху намалевали большие глаза. Позже я узнала, что, хотя у солдат вряд ли были шансы увидеть марсианина вне боевой машины, само пронзание такого чучела штыком, как считалось, оказывало положительное влияние на их боевой дух. Надо было повторять это много раз, до изнеможения, пока не почувствуешь жажду крови, не ощутишь готовность убивать, — именно такого

настроя ждали от солдат.

Когда я наблюдала за этим, вдруг послышался грохот и лязг и кто-то закричал: «Дым! Черный дым!» Все, кто это слышал, побросали оружие, натянули противогазы с защитными капюшонами, прикрыли запястья и лодыжки рукавами и штанинами. Но это была всего лишь учебная тревога.

А потом в мою дверь кто-то тихонько постучал. Пора было отправляться в Лондон.

Мы, не затягивая, собрали вещи и поехали на вокзал, где сели в поезд, полный взволнованных солдат, направлявшихся на фронт — как новичков, так и ветеранов. Так что мы с Лейном и Греем оказались в одном отсеке с дюжиной мужчин: те заняли все сиденья, разместились на полу, а один парень даже растянулся на хлипкой с виду багажной полке. В клубах сигаретного дыма мы покатили на север, в Лондон.

Мы замедлили ход, пропуская встречный поезд, из Лондона, и я с любопытством его оглядела. Поезд был покрыт пятнами черной, бурой и зеленой краски — в целях маскировки. Внутри ехали солдаты, изможденные и грязные; многие спали. Впереди их ждала передышка. Вагоны, помеченные красным крестом, служили пере-

движными госпиталями. Были и вагоны, набитые гражданскими, которые эвакуировались из города, — мужчинами, женщинами и детьми. Многие из них были не менее чумазыми, чем солдаты. Беженцы моргали на свету, а дети таращились на зеленые луга, которых, возможно, не видели никогда в жизни.

Тед Лейн, стоя у окна, развлекался тем, что корчил рожи маленьким лондонцам, пытаясь вызвать у них улыбку.

Позже наше путешествие ненадолго прервалось. Поезд просто остановился среди поля, кажется, где-то возле Альтона. Машинист заглушил локомотив, и рабочие в хаки забегали вдоль вагонов, набрасывая на крыши брезент, который закрыл нам вид из окон.

Лейн коснулся моего плеча.

— Рядом марсианин — кто-то из наблюдателей его заметил и послал сигнал стрелочнику.

— Может быть, там летательная машина, — сказал Грей. — Они вылетают в странные рейды, будто проверяют нашу систему обороны. И разрушают железнодорожные пути, если те попадаются им на глаза. Поэтому мы красим рельсы в защитный цвет — правда, проезжающие составы стирают краску, и ее приходится обновлять.

Крыши поездов покрывают такой же краской, а брезент помогает скрыть очертания. Человека это бы не одурачило, но марсианина может провести. И надо стоять на месте. Движущийся поезд…

— А почему мы говорим шепотом? Марсиане могут нас увидеть, но не могут услышать.

Он улыбнулся.

— Естественная реакция. И потом, это вы начали.

Он, конечно, был прав.

Мы стояли еще несколько часов, прежде чем снова тронулись. Никто из нас за это время не заметил летательной машины.

11. Я возвращаюсь в Лондон

Поезд привез нас на юг Лондона, на станцию Клэпхем-Джанкшн.

Солдаты вышли из вагонов, и их место заняли те, кто ехал отдохнуть от службы, — перепачканные, в бесформенной потертой одежде, местами даже с пятнами плесени. Они выглядели изнуренными и замученными. И все же у этих бедолаг с ввалившимися глазами были наготове приветствия для тех, кто шел им на смену.

— Отличная прическа, приятель! Дорого заплатил? Марсиане тебя бесплатно подстригут тепловым лучом!

— Взгляни на этого парня, Фред. Румяный, что твоя малина, и такой же сочный. Уж марсиане тобой займутся, помяни мое слово, — высосут весь сок до последней капли!..

Думаю, солдаты поддевали друг друга еще во времена Цезаря — который, возможно, некогда привел свои легионы на это самое место. Но, пока они обменивались подколками, медсестры и санитары хлопотали возле мужчин и нескольких женщин, чье состояние было куда более плачевным. Я видела раненых на костылях, людей,

обмотанных бинтами, как новогодняя елка гирляндами, солдат, которые, по всей видимости, лишились зрения — они выстроились в ряд, и каждый опирался на плечо впереди стоящего. Все они были измученными и потерянными; те, кто мог видеть, щурились на свету. Вновь прибывшим это зрелище не обещало ничего хорошего. А ведь мы были довольно далеко от Кордона.

Под отрывистые команды, напоминавшие крики чаек на побережье, мы протискивались все дальше — в окружении сотен солдат.

Выбравшись со станции, мы присоединились к строю солдат в полном обмундировании и дальше пошли пешком — до Сент-Джонс-хилла, а потом направо, к реке.

Я не была в Лондоне с тех пор, как мы с Элис два года назад сбежали от марсиан, которые надвигались со стороны Аксбриджа. Во мне вновь пробудились журналистские инстинкты, и я старалась все подмечать и анализировать все свои ощущения. И впечатления у меня, как ни странно, были самые положительные.

Сверху я видела голубое небо. Где-то поблизости плескалась вода — это меня несколько удивило. Я также слышала пение птиц и тихие голоса людей, которые шагали со мной в одном

строю. Воздух был свежим, разве что иногда к нему примешивался затхлый запах, словно из водостоков. Грязные фасады многих домов были испещрены полосами: после пришествия марсиан трубы больше не дымили, и дождь местами смыл со стен черную копоть, обнажив светлую облицовку. Мне стало интересно, как обстоят дела в парках: должно быть, там сейчас раздолье для птиц и прочей живности. Была среда, самый разгар мая, и я почувствовала прилив абсурдного весеннего оптимизма.

А потом мы вышли к реке — я даже пожалела, что дорога заняла так мало времени. Но привычной набережной я не увидела.

Там, где раньше плескалась вода, — судя по указателям, пролегала Йорк-роуд. Справа от нас был небольшой затопленный парк, а слева — сама река, которая вышла из берегов и вплотную подступила к домам.

На дальнем берегу виднелись силуэты зданий — их фундаменты тоже были затоплены. Там, где булыжная мостовая ныряла под воду, наскоро смастерили причал. Нас ждало несколько весельных лодок; остальные были уже на воде. Офицеры отдали приказы, и мы поплелись к причалу.

Я устроилась на носу лодки, рядом с Греем.

Лейн отобрал солдат, которые сели на весла, а какой-то неприветливый тип в непромокаемой кожаной куртке уселся на корме, за руль, и хмуро воззрился на нас.

— Что это за лодка? — шепнула я Грею.

Он пожал плечами.

— Да какая разница? Может быть, даже спасательная шлюпка с одного из тех кораблей, что марсиане потопили за Лондонским мостом… — он замолчал, глядя, как лодка медленно ползет по затопленным улицам, там, где когда-то была набережная. — Здесь самый трудный участок пути, постоянно приходится быть начеку: как-то раз одна лодка напоролась на сломанный фонарь, острый, как осколок кости, и ничего хорошего из этого не вышло.

Мы поравнялись с другими лодками. Весла шлепали по воде, над головой с криками кружили чайки — должно быть, в поиске пищи. Было легко определить, где раньше проходило русло Темзы: я видела опоры мостов, каждый из которых словно разрезали ножницами. Мост Баттерси, мост Альберта, мост Челси… Противоположный берег был затоплен так же, если не сильнее: река, широкая и полноводная, раскинулась далеко на север и восток, захлестнув Челси и Вестминстер.

Вода в ней была грязная, пенистая, полная мусора: вокруг плавали деревяшки, обрывки одежды, мертвые птицы и животные. Течение несло искореженные куски корабельной обшивки — жалкие, проржавевшие. И даже на середине реки в нос бил отвратительный запах. Не верилось, что это главная река империи. Наш лоцман вел судно осторожно, глядя то налево, то направо и то и дело останавливая лодку, если подозревал, что мы рискуем на что-нибудь напороться.

Грей внимательно на меня смотрел, словно наблюдая за реакцией.

— Будет о каких диковинах написать в газете, да, мисс Эльфинстон?

— Какие уж тут диковины… Потоп тоже устроили марсиане?

— Не напрямую. Не думаю, впрочем, чтобы марсиане, выходцы из засушливого мира, обладали достаточными познаниями в гидрологии, чтобы намеренно устроить потоп. Нет, все это — следствие халатности: никто сейчас не заботится о стоках, шлюзах и насосных станциях. Так что Темза возвращается в прежние берега и затапливает пруды в Хаммерсмите, Вестминстере, Бермонсди, Гринвиче и на Собачьем острове, — он улыбнулся. — Возвращаются и старые речки

— вырываются на свободу из подземных тоннелей, куда мы их загнали. У меня есть приятель, который на спор проплыл по реке Флит, от Сент-Панкраса до Блэкфрайера. Конечно, под землей все так же пострадало, как и на поверхности.

Я задумалась:

— А что с тоннелями метро?

— Там укрывалось невероятно много людей — и невероятно долго. Была целая операция по их спасению.

Столько бед, столько горестей обрушилось на город! Мне стало стыдно, что я все это время была поглощена собой.

Мы осторожно гребли на северо-восток; думаю, мы плыли вдоль затопленной Кингс-роуд, через Челси по направлению к Белгрейвии. Справа между уцелевшими зданиями виднелась широкая спокойная река, слева я заметила бледные фасады музеев Южного Кенсингтона. А впереди возвышались руины нового здания Парламента, отстроенного Марвином, — они торчали из воды, словно скелет какого-то исполинского животного. Мы проплыли мимо Букингемского дворца с расплавленной крышей, обогнули мемориал Виктории, и лоцман уже более уверенно повел нас над затопленным Сент-Джеймс-парком.

Наконец мы добрались до Трафальгарской площади. Вслед за другими лодками мы причалили к ступеням Национальной галереи, поднимавшимся из воды. Специально для этих целей в них вбили железные столбики. Когда я выбралась на крыльцо и отвернулась от воды, меня, несмотря на то что вокруг стояли люди в хаки, на миг захлестнуло чувство, что все нормально, жизнь вошла в привычную колею. Но потом я взглянула на Нортумберленд-авеню — и увидела, как между домами плещется и блестит на солнце вода, на поверхности которой плавал всякий хлам.

Ко мне подошел Грей.

— Пора обедать.

— Как-то поздновато.

— Вы теперь в армии, мисс Эльфинстон, — мы здесь едим тогда, когда кормят. А потом, боюсь, нам придется пройтись.

— Куда?

Я знала, что мой пункт назначения, Кордон, находится на западе. Но Грей указал на восток, в направлении Стрэнд.

— Вон туда, вдоль нового берега. Там довольно сухо за исключением пары улиц. Слово «стрэнд» на древнеанглийском означало «побережье», и это не совпадение: когда-то здесь пролегал берег

реки.

— И далеко идти?

— До самого Стрэтфорда.

— До Стрэтфорда? Но он на востоке, а марсиане на западе. Надеюсь, за этим стоит какой-то план.

— В армии всегда есть план. Какой-то.

12. Из Олдвича в Стрэтфорд

Удивительный день продолжался.

Мы шли пешком, но мне было не привыкать, и я радовалась возможности размяться после долгого путешествия по воде и по железной дороге. Наш взвод прошел вдоль Стрэнд, где у меня была возможность увидеть, как война изменила хорошо знакомые места, миновал Олдвич, обогнул Лондонскую стену, дошел до Олдгейта, а затем направился по Уайтчепел-роуд к Степни и Боу. По мере движения разведчики то и дело отбегали в сторону — проверить, целы ли телефоны, установленные теми, кто прошел здесь до нас, и спешно передать донесения. Инженеры подозревали, что марсиане могут засечь наши радиосигналы и таким образом вычислить наше расположение, но отследить телефонные звонки они не могли.

По дороге мы видели мало сожженных зданий, зато нам попадались глубокие воронки, словно от гигантских бомб. Тепловые лучи способны заживо сжечь человека и уничтожить дом, но плотность их энергии настолько высока, что они не поджигают, а мгновенно испепеляют все, на

что воздействуют — по крайней мере, в городских условиях. Так что Лондон избежал великого пожара, которого многие опасались, узнав, что марсиане возвращаются в город.

Зато у вторжения было другое последствие, весьма неожиданное: расколов скорлупу современного Лондона, марсиане открыли спрятанные под ней древние пласты. У меня вызвало живой интерес известие, что, после того как марсиане разрушили Гилдхолл, под ним обнаружились развалины римского амфитеатра — сооружения, чье существование до последнего времени оставалось под вопросом, хотя о нем давно велись споры. Грей рассказал, что даже в сегодняшнем Лондоне, по которому расхаживают марсиане, археологи изучают то, что осталось от Лондона вчерашнего.

— Есть чем гордиться, правда? — спросил он. — Получается, у нас до сих пор есть виды на будущее — даже в такой час… Интересует ли марсиан отвлеченное знание? Если нет, это отличает нас от них.

Офицеры что-то негромко проговорили, и люди вокруг стали закрывать лица платками и шарфами. Грей вполголоса посоветовал мне последовать их примеру. Он указал на кладбище

невдалеке от дороги. Церковь, к которой оно прилегало, была разрушена, и сами могилы тоже разворотило взрывом.

— Это из-за кладбища?

— Рядом с некоторыми старыми церквями были чумные ямы. Осторожность не помешает.

Мы пошли дальше.

Вы можете поинтересоваться: а где же были все лондонцы, все те миллионы людей, которые оставались в городе? Отвечу одним словом: прятались. Мне рассказали, что уцелевшие жители научились держаться вдали от широких улиц, но в огромном лабиринте переулков по-прежнему кипела жизнь — особенно в трущобах Ист-Энда. Там ютились те, кто не смог укрыться под землей, в канализации или в тоннелях, которые пока еще не затопило. Таким образом жители скрывались от марсиан с их тепловыми лучами и охотничьими инстинктами. Все выживали как могли, не ограничиваясь теми запасами провизии, которые ухитрялось поставлять в город правительство. Люди опустошали заброшенные магазины, где до сих пор можно было найти консервы и другие продукты, выращивали овощи и даже держали кур и свиней в садах, на участках возле домов и в небольших парках.

Правительство приглядывало за населением. Карточная система была одним из способов гарантировать тот факт, что сведения обо всех мужчинах, женщинах и детях попадают в некую единую базу. Полиция при поддержке констеблей по специальным поручениям тоже с грехом пополам работала, так что уровень преступности был ниже, чем можно было бы предположить. Как говорили, карточная система позволяла многим обитателям Ист-Энда питаться лучше, чем до прихода марсиан. К тому же людям находили работу: кто-то, например, участвовал в спасательных операциях, а кто-то — как мне предстояло узнать — следил за состоянием канализации, служившей убежищем для многих.

Люди прятались, но по пути я время от времени замечала ребятишек, которые выглядывали из переулков или из дверей заброшенных магазинов: большеглазые, с грязными физиономиями, в которых проглядывало что-то крысиное. Солдаты бросали им шоколадки и даже сигареты: «Для мамы с папой!» — говорили они. Дети хватали сокровища и снова скрывались в тени.

— Бедные малютки, — заметил Грей. — До сих пор не знают, кого стоит больше опасаться — нас или марсиан.

— У меня тут жили родственники, — проворчал Тед Лейн. — Приехали, видите ли, в Лондон нажить состояние. Теперь все в эвакуации. В теплые деньки, вот как сегодня, тут не так уж плохо, но зимой настоящая беда. Никто не решается разжечь костер, чтобы марсиане не заметили дым. Чем скорее мы с этим покончим, тем лучше.

— Тут и спорить не о чем, — согласился Бен Грей.

Мы добрались до Стрэтфорда — района, который был плохо мне знаком. Казалось, эта часть города особенно сильно пострадала от тепловых лучей. Улицы представляли собой груды обломков. Кое-где торчали деревянные таблички, на которых от руки написали названия. Даже булыжники местами раскрошились — такие мощные удары наносили марсиане. Но жизнь, как и всегда, пробивала себе дорогу, и под сенью разрушенных стен пышно зеленела растительность. Мне особенно запомнился кипрей, который горделиво возвышался среди развалин кухонь и гостиных.

Мы остановились возле крышки канализационного люка.

От строя отделилось несколько человек. Им приказали поднять крышку.

— Если кому-то надо сходить по нужде, позаботьтесь об этом сейчас. Потом мы будем по одному спускаться в эту дыру, так что приготовьтесь.

Пара человек за несколько секунд управились с тем, чтобы смахнуть с крышки мусор и поднять ее. Моим глазам открылась ржавая лестница, уходящая в темноту.

Я повернулась к Лейну и Грею — оба глядели на меня с усмешкой.

— Это…

— Канализация, — сказал Грей. — Инженерное чудо Викторианской эпохи.

Лейн потянул носом.

— А пара зимних дождей отменно ее вычистили.

— Все так.

Я возмущенно на них смотрела.

— Почему вы мне не сказали?

Они неуверенно переглянулись.

— Ну, — неохотно протянул Лейн, — полагаю, мы решили, что если вы узнаете…

— То у меня случится истерический припадок? Вы прямо как майор Иден, который решил обманом втянуть меня в эту миссию. Господи боже мой… — Я протиснулась к открытому люку, взяла

электрический фонарик у удивленного капрала и посмотрела вниз. — Куда ведет эта лестница?

Лейн рассказал мне то, что знал. Туннель, куда нам предстояло спуститься, был частью канализационной системы, которую построил Базэлджет в годы правления королевы Виктории, чтобы очистить город. До этого содержимое всех сточных канав рано или поздно оказывалось в Темзе. Когда нечистоты уже покрыли реку до самого Вестминстера, а зловоние достигло внутренних помещений Парламента, было решено, что пора принимать меры.

— Так что, — сказал Лейн, чертя в грязи какую-то схему, — Базэлджет провел с запада на восток, по течению реки, поперечные канавы, которые пересекали все существующие крупные трубы, проложенные с севера на юг. Замысел был в том, чтобы направить потоки воды на восток и сделать так, чтобы отходы попадали в реку ниже по течению — и уж точно не близ Вестминстера. Один из таких поперечных каналов отходит на восток от Чизвика. Но другой, более крупный, идет от Хампстеда через Хакни в Стрэтфорд — вот сюда.

Я посмотрела на непримечательный люк, а затем перевела взгляд на запад.

— Значит, если, так сказать, отправиться вверх по течению…

— …то попадешь прямиком в Хампстед, причем ни один марсианин тебя не углядит. А оттуда всего несколько миль до Аксбриджа и Кордона. А потом… в общем, увидите, когда доберемся. Знаю, мы идем кружным путем — сначала на восток, потом снова на запад, — но этот путь самый безопасный.

— Так или иначе, это были хорошие новости, — с кривой усмешкой сказал Грей. — А плохие заключаются в том, что сегодня нам никак не добраться до Траншеи.

— До Траншеи?

— Сами увидите.

Я окинула взглядом руины.

— Тут едва ли найдется хоть одна целая крыша. Где мы проведем ночь?

Лейн и Грей посмотрели сперва друг на друга, а потом на люк.

Альберту Куку это бы понравилось, мрачно подумала я. Лондонцы, которые живут в собственной канализации, — ровно как он предвидел во время Первой войны. И все же, как бы я ни храбрилась перед этими самоуверенными мужланами, мысль о том, чтобы спуститься в

холодную, влажную темноту, вызывала у меня жгучий страх, и этот страх копился во мне день за днем, пока я все ближе подбиралась к сердцу зловещей марсианской империи.

13. В канализации

Под крышкой люка был тайник: там лежали высокие кожаные сапоги, как у рыболовов, перчатки и защитные головные уборы вроде летных шлемов. Тут же начались опасения, что экипировки на всех не хватит — как позже выяснилось, отнюдь не беспочвенные, — но, как только тайник открыли, Тед Лейн позаботился о том, чтобы меня обеспечили всем необходимым.

Подготовив снаряжение, люди по одному полезли в люк, и это заняло некоторое время, поскольку нас была не одна дюжина. Наконец подошла моя очередь. Я должна была спускаться между Лейном и Греем. Перила неожиданно оказались жирными — возможно, это помогало избежать ржавчины. Спускаясь, я смотрела вверх, на уменьшающийся круг света, который к тому времени уже начал меркнуть, и размышляла о том, что увижу вокруг себя, когда в следующий раз окажусь на поверхности.

А потом я спустилась в грязную воду.

Мы пошли вперед, освещая путь электрическими фонариками. У туннеля были овальные своды — видимо, такая форма придавала им

устойчивость. Влажные кирпичи блестели в свете фонарей. Даже сквозь подошвы сапог и ботинок я чувствовала под ногами слой гальки. Мы шли против течения, но оно было совсем слабым, к тому же оказалось неглубоко. И я испытала облегчение, осознав, что это просто вода. Не было никаких ужасов, которые рисовало мое воображение: ни мусора, ни мертвых крыс, ни, того хуже, живых.

Но даже такой путь был утомительным. Мы молча пробирались по темному туннелю, шаг за шагом, не видя ничего, кроме лучей фонариков тех, кто шел впереди; из-за игры теней они напоминали неуклюжих существ неизвестного происхождения. Мы почти не разговаривали, разве что несколько шумных ребят поначалу улюлюкали, чтобы послушать эхо. Кое-кто отпускал мрачные шутки: «Вы только представьте, ребята. Прольется ливень — и нас смоет в самое Северное море, как куски дерьма!» Но вскоре все умолкли.

Я не могла следить за временем: в одной руке я сжимала фонарик, другой опиралась на грязную стену, чтобы не упасть. Это было одно из таких испытаний, которые надо просто пройти, стиснув зубы, потому что секунды не будут идти быстрее,

если их считать. И лучше постараться забыть, где ты находишься, что делаешь и кто ты вообще такой, — если удастся.

Вот так я это и преодолела — впрочем, не только я, но и все мы.

Я почувствовала огромное облегчение, когда стены раздались в стороны и мы вышли в более просторное место. Это была круглая пещера, стены и плоский потолок которой были обработаны грубее, чем своды туннеля, и я предположила, что это место было построено недавно, уже после прихода марсиан. Стены располагались под таким углом, чтобы можно было найти сухое местечко и присесть, вынув ноги из воды, — а если повезет, даже прилечь. Потолок поддерживали глиняные колонны. Вскоре мы расселись по кирпичным выступам и стали похожи на игрушки на полках в магазине. Свечи освещали наши лица, а на потолке плясали отблески воды.

Тихо переговариваясь, мы достали из мешков воду, еду и одеяла. Меня чем-то заворожили детали солдатской униформы, которые я теперь могла рассмотреть вблизи: шерстяные штаны и куртки цвета хаки, обмотки, ботинки с металлическими носами и каблуками, фуражки. Привлекло мое внимание и содержимое вещмешков: у каждого

была зубная щетка, мыло, полотенце, запасные шнурки, котелок и вилка, бритва и даже швейный набор. А еще в мешках лежали книги для чтения, письма из дома, фотографии, детские локоны… Я заметила пару губных гармошек и, кажется, письма на французском языке, упрятанные подальше.

Туалет был в ответвлении туннеля, которое не просматривалось из комнаты. Он был более удобен мужчинам, чем женщинам, но я справилась — в конце концов, мы находились в канализации.

— Необычное место для ночевки, — сказала я своим спутникам, когда Грей разломал плитку шоколада и поделил между нами. — Но я видала условия и похуже.

— Попробовали бы вы поспать в окопе в Сибири, — пробормотал Тед Лейн. — В пятидесяти милях в округе не найдешь места безопаснее, чем здесь.

— Интересно, где мы все окажемся завтра в это же время.

— Я знаю, где мы должны оказаться, — сказал Грей. — Это уже кое-что, хотя и нет никаких гарантий.

Он свернулся на кирпичном полу и надвинул

на глаза фуражку.

Я тоже легла и постаралась устроиться поудобнее. Я не думала, что мне удастся заснуть в таких условиях — глубоко в канализации, под оккупированным Лондоном, под аккомпанемент мужского храпа, доносящегося со всех сторон. Но эхо, отражающееся от кирпичных стен, плеск воды и дыхание моих спутников сливались в монотонный шум, который изредка нарушали звуки капающей воды, в пещере не было ни жарко, ни холодно, и я постепенно задремала.

Я проснулась всего раз и услышала, как кто-то тихо плачет. Казалось, что где-то там, в свете свечей, хнычет ребенок. Потом послышалось хриплое ворчанье, шепот: «Да, сержант», и воцарилась тишина.

14. Снова на поверхности

На следующее утро наше путешествие по подземному Лондону завершилось, и мы, часто моргая на свету, вышли на поверхность среди руин Хампстеда.

На осмотр достопримечательностей времени не было. Нас поспешно усадили в несколько электрических омнибусов, которые стояли на школьном дворе, испещренном воронками от снарядов. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это просто лондонские автобусы: название компании, которой они принадлежали, было второпях закрашено зеленой, бурой и черной краской — самыми популярными цветами этого лета. Я была приятно удивлена, увидев, что нас ожидает транспорт: по крайней мере в этом отношении планы армии сработали как надо.

Еще больше я удивилась при виде Эрика Идена, который встретил меня в одном из автобусов — в чистой, даже щеголеватой форме. Он улыбнулся.

— Я вас обогнал — даже не спрашивайте как! Нам пришлось отправить вас по наиболее безопасному маршруту, хотя и сопряженному с немалыми неудобствами; я — менее ценный

груз.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Рад видеть вас целой и невредимой, мисс Эльфинстон, учитывая, что вам пришлось преодолеть. И полагаю, что вы… Наша особая корреспонденция вас не обременила?

Он, без сомнения, имел в виду отравленную кровь, которая текла по моим венам.

— Все путем, не беспокойтесь, — отрезала я.

Мы расселись, и автобусы покатили по пустой дороге. Судя по положению солнца, мы ехали на запад, туда, где находилось логово марсиан. Как мне было сказано, разведчики заверили офицеров, что поблизости нет марсианских патрулей, так что последний отрезок пути можно было преодолеть в открытую, не подвергаясь особому риску.

Эрик устроился рядом со мной на потертом кожаном сиденье. Грей и Лейн разместились сзади. Прочие наши спутники развалились на сиденьях, достали фляжки с водой и начали клянчить друг у друга сигареты.

Тед Лейн, сам из сержантского состава, наблюдал за солдатами с удивлением и неприязнью.

— Вы только посмотрите на них — ворчат и ворчат. Как будто это кто-то другой продрых

восемь часов в теплом местечке, а потом плотно позавтракал.

Эрик рассмеялся.

— Пока я не смотрю, они могут ворчать сколько угодно, главное — чтобы выполняли приказы. И делали все как надо. В Траншее пригодятся люди всех сортов. Ты хочешь видеть бойцов, но нам нужны и шахтеры, и землекопы, и железнодорожники — ребята, которые кое-что умеют. А хорошие саперы у нас вообще на вес золота.

Мы проехали не так много, когда солдаты забеспокоились и стали указывать куда-то вперед. Посмотрев в запятнанные краской окна, я увидела, что вдоль горизонта простирается то ли горный кряж, то ли полоса песчаных дюн. Это и была та самая Траншея?

— Эрик, что это за место?

— Место, подобного которому нет на всей Земле.

15. В Траншее

Сегодня карты Англии, на которых показано расположение марсиан в разные периоды Второй войны, всем доступны и хорошо знакомы — не то что тогда. Так что вы с легкостью можете представить, как эта территория выглядела с цеппелина — или, скажем, из летящего марсианского цилиндра. Думаю, она напоминала огромную мишень. В самом ее центре, где когда-то стоял Амершем, были сосредоточены основные марсианские ямы. Эту зону, которая постепенно разрасталась, прозвали Редутом. Начертите окружность радиусом около десяти миль с Редутом в центре: начните на юго-востоке от Аксбриджа и, двигаясь против часовой стрелки, захватите Уотфорд, Хемел-Хемпстед, Принцес-Рисборо, Марлоу, Мейденхед и Слау. Вам потребуется карандаш потолще: эта окружность — линия разрушений, причиненных падением цилиндров-пустышек 29 марта 1920 года. Линия, которую мы нарекли Кордоном.

Внутри этой окружности марсиане построили свое царство на Земле.

А снаружи два года спустя было возведено то, что стало самым заметным ответом землян на

марсианскую атаку. Это сооружение лаконично назвали Траншеей. Представьте еще одно кольцо мишени — огромное, полное людей, машин, дозорных вышек и оружия. Конечно, это была не идеальная защита, но лучшая, на какую мы были способны. Именно в эту Траншею меня сейчас везли.

Когда мы сошли с автобуса, нас встретила пара сержантов, и они наскоро выстроили нас в колонну. Шагая строем, мы преодолели последнюю сотню ярдов, отделявшую нас от исполинского земляного вала.

Потом мы стали карабкаться наверх. Зима была снежная, и земля, не успевшая покрыться травой, все еще была грязной и мокрой, но на склоне были дощатые настилы, а кое-где и ступеньки. Над головой назойливо гудели летательные аппараты: аэропланы жужжали, словно шершни, двигатели цеппелинов издавали низкий гул; за Кордоном непрерывно наблюдали, не теряя осторожности.

Эрик шел рядом со мной.

— Не обращайте внимания на грязь. Вы к ней привыкнете. А теперь, поскольку мы приближаемся к гребню, приготовьтесь: сейчас вы узрите чудо…

Оно открылось моим глазам постепенно.

Сверху вал переходил в плоский парапет, укрепленный досками. Я обнаружила, что стою на краю огромного рва. Внутренняя сторона насыпи представляла собой крутой склон, уходящий вниз под острым углом — куда меньше сорока пяти градусов. А ров, в который я смотрела, был глубиной футов пятьдесят и взрезал землю, точно зияющая рана. Вниз по склону вилась проволока и спускалась железная сетка — видимо, они были призваны укрепить стену в случае дождя. Спуститься с этого рукотворного утеса можно было с помощью веревочных лестниц и канатных систем. На дне Траншеи — которое, как я позже узнала, прозвали канавой, — я увидела людей в хаки, которые пробирались по узкой дорожке, огороженной мешками с песком и устланной досками.

За этой извилистой дорожкой, с противоположной стороны рва поднимался другой склон — такой же высоты, как наш, но с бесчисленными лестницами, мостками и навесами. Тот склон был менее крутым, и по всей его длине, насколько хватало глаз, тянулись террасы и уступы. В самой стене были вырыты пещеры — вполне пристойные жилища доисторического образца,

обшитые снаружи досками и гофрированным железом. В некоторых были даже такие изыски, как окна со стеклами. Там и тут виднелись яркие красные кресты. Мужчины и женщины суетились на склоне как муравьи. Слышался гул голосов, будто передо мной был причудливый амфитеатр, полный зрителей.

А венчал все это парапет, где были навалены мешки с песком, стояли сторожевые посты, прожекторы и, судя по всему, корабельные орудия. Оттуда солдаты на вахте, вперив взгляд в горизонт, смотрели на запад — туда, где начиналась марсианская территория.

Посмотрев налево и направо, я видела, как этот грандиозный, циклопический обитаемый ров уходит к горизонту, едва заметно изгибаясь на севере и юге, — а приехали мы с востока. Это намекало на то, что передо мной огромный замкнутый круг. Он напоминал доисторические сооружения вроде Саксонского вала, только увеличенные в несколько раз. Но эту насыпь воздвигли не в каменном и не в железном веке. Я видела на склонах отметины, похожие на следы огромных когтей, — это экскаваторы взрывали землю.

— Вот, — с улыбкой сказал Эрик. — Видите, в

чем логика? — он указал вперед. — Там, на западе, марсиане, и оттуда они придут, когда будут атаковать. Так что свои жилища и склады мы построили на восточной стороне стен, чтобы людям было где укрыться во время нападения. С западной стороны мы сделали стены настолько крутыми, что забраться на них очень трудно — даже для боевой машины. Траншея замыкается кольцом вокруг всего марсианского Кордона. Это единое оборонительное сооружение длиной больше шестидесяти миль — как расстояние от Лондона до Гастингса, например. На самом деле пришлось выкопать больше двухсот миль траншей — в общей сложности их три: одна внутри другой. Мы называем их рвами.

— Три?!

— Между собой их соединяют туннели — вы здесь быстро привыкнете к туннелям. Это задний ров: здесь хранятся запасы, солдаты проходят боевую подготовку, медики лечат раненых — видели на той стене красные кресты? В среднем рву располагаются резервные части, а третий, внутренний, — это передовая. Таков, по крайней мере, наш замысел; мы опирались на опыт, полученный в ходе войны с бурами, — на те знания, которые потом подхватили и развили немцы во

время войны Шлиффена.

Лейн улыбнулся.

— И, как мне говорили, этот замысел работает. Мы мало что можем сделать с их летательными машинами. Но боевые машины — другое дело. Даже стофутовый гигант может упасть в пятидесятифутовую траншею.

— В этом и состоит наш план, сержант. Пусть хотя бы призадумаются, верно?

Я до сих пор разглядывала противоположную стену, где роились военные, изучала навесы, ниши, лестницы и галереи.

— Похоже на гнездо термитов в разрезе.

Бен Грей покачал головой.

— Мне это напоминает побережье Амальфи: крутые скалы, которые спускаются к морю, город, примостившийся на утесе… Вы бывали в Италии, мисс Эльфинстон? Народ там куда приятнее, чем здесь, где вокруг одни грязные вояки вроде нас! Но нам пора идти: мы задерживаем движение.

Я уже слышала, как сержанты кричат вновь прибывшим:

— Ладно, ребята, полюбовались — и хватит! Пожилые леди и офицеры могут воспользоваться лебедками. Остальные спускаются по веревочным лестницам. Они тут крепкие, и главная

опасность, которая вам грозит, — что какой-нибудь увалень по пути отдавит вам пальцы. Ну а спортсмены могут скатиться прямо по склону.

Я услышала женский голос:

— Смотрите сюда, мальчики, я покажу вам, как это делается!

Это была медсестра из госпиталя имени королевы Александры, в юбке и накидке. Она схватила кусок мешковины, который явно лежал здесь именно на такой случай, села на него и заскользила вниз по склону, отполированному сотнями таких же ездоков. Медсестра с гиканьем скатилась вниз и в конце пути нелепо шлепнулась оземь — но со смехом встала и раскланялась, когда с вершины вала грянули аплодисменты.

Мне сказали, что мы проведем ночь в Траншее, а назавтра в семь утра снова двинемся в путь.

Поскольку меня сопровождал Эрик Иден — майор и своего рода народный герой для солдат, которые сегодня противостояли марсианам на передовой, — мне выпала привилегия поспать в укрытии на второй террасе снизу. Трое офицеров, которые часто здесь ночевали, называли это место «тамбу» [8]: в речи британских солдат полно

[8] Примечания: 8
На хинди «тамбу» значит «палатка».

индийских словечек.

Когда я подошла ближе, то обнаружила, что каркас этой постройки сделан из железнодорожных шпал, — видимо, чтобы придать ей устойчивости в случае взрыва или оползня. В укрытии была собственная печка и электричество, которое вырабатывал находившийся неподалеку генератор. Также были стол, стулья, двухъярусные кровати, картины на стенах, телефон и даже лоскут ковра на полу. Нехитрая уборная и умывальник были подсоединены к системе канализации, которая, похоже, сама по себе была чудом инженерной мысли.

Комната в укрытии была всего одна, однако размещенные здесь офицеры, трое спокойных молодых людей, по-видимому, привыкли, что к ним подселяют «приходящих учениц», как они выразились. Это жилище действительно чем-то напоминало общежитие в частной школе. С помощью занавесок мне была обеспечена приватность. Мои соседи то перешучивались, то пересказывали местные слухи, а всех офицеров называли «портачами». Эти трое были еще очень юными и довольно бестолковыми, несмотря на военный опыт. Нельзя сказать, что я оказалась в обществе истинных джентльменов. В тот вечер,

поужинав мясными консервами, картошкой и овощами, которые принес денщик, парни достали выпивку — приличный виски, — карты и сигары. В какой-то момент, забывшись, они завели непристойные разговоры про медсестер и так далее. Но я, благодаря разнице в возрасте, брюкам и короткой стрижке, явно не была объектом их интереса.

Здесь был старый беспроводной приемник, видавший виды, но в рабочем состоянии, и мы слушали новости, которые передавали с правительственной станции. Фактически это был зачитанный с выражением «Национальный бюллетень». Еще у офицеров был граммофон, на котором они проигрывали слезливые песенки из неизвестных мне музыкальных спектаклей.

По мере того как день клонился к ночи, во мне нарастало беспокойство, и, когда Эрик заглянул проверить, все ли в порядке, я, переступив через свою гордость, попросила у него разрешения пройтись. Эрик нахмурился: уверена, он предпочел бы, чтобы я осталась здесь, у него под носом. Но, к моему облегчению, он позвонил кому-то по телефону и спросил, свободен ли сержант Лейн.

Затем Эрик коротко попрощался со мной без всяких церемоний. Тогда я не подозревала, что

в следующий раз увижу его спустя несколько месяцев, и не знала, насколько сильно к тому времени изменится мир.

Тед Лейн прибыл к «тамбу» с электрическим фонарем меньше чем через пять минут.

— Мне жаль, что я отрываю вас от отдыха, Тед.

— Ничего страшного, мисс. А теперь осторожнее, здесь ступенька…

Мы спустились по приставной лестнице. Тед настоял, что пойдет первым — на случай, если я оступлюсь.

Не буду вас уверять, будто в поздних весенних сумерках этот ров казался волшебным местом. Вряд ли такое определение применимо к канаве, где две собаки, которых какой-то выдумщик окрестил Ллойдом и Джорджем [9], гоняли крыс, в то время как местные жители ставили пенни на их успех, а «санитарный работник», старый хромой солдат, ковылял по дощатому настилу, чтобы слить содержимое переполненных уборных в отхожие ямы, залить их креозотом и засыпать хлорной известью. И все же со стены, уступами уходившей вверх, красиво свешивались фонари,

---

[9] Примечания: 9

Намек на *Дэвида Ллойда Джорджа* — премьер-министра Великобритании и в подлинной истории, и в реальности этой книги.

напоминая об Амальфи, сходство с которым отметил Грей — куда более опытный путешественник, чем я. Когда свет дня померк, даже в лучах прожекторов, которые чертили темнеющее небо в поисках летательных машин над головой или боевых машин на марше, мне померещилось что-то праздничное.

В ящиках и коробках лежали припасы, ожидая сортировки. Некоторые доставили из Германии, некоторые — из Америки: заокеанские друзья всегда приходили на помощь в трудную минуту, пусть и не одобряли наше соглашение с кайзером. Была здесь и библиотека: стопки потрепанных, зачитанных томов. Среди них была классика и другие весьма пристойные книги — не только низкопробные романы вроде сочинений Уильяма ле Кве. Наибольшим успехом, как я заметила, пользовался Форд Мэдокс Форд. Было почтовое отделение, отмеченное белыми и красными флагами; письма разносили несколько раз в день — они считались дешевым, но действенным способом поддерживать в солдатах боевой дух. Мы прошли мимо медпунктов — «эвакуационных станций», как они здесь назывались. Тем вечером мы видели мало раненых: с момента прошлой стычки с марсианами уже прошло несколько

дней, и тех, кто нуждался в серьезном уходе, успели переправить в медпункты за линией обороны.

Мы набрели на несколько компаний, которые собрались на дне канавы. Они сидели возле укрытий, латали одежду или писали письма и тихо о чем-то беседовали. Один парень даже играл на губной гармошке, и, честное слово, эти звуки были куда мелодичнее, чем те, что издавал граммофон в моем «тамбу». Прогуливались в основном мужчины: женщины были заняты в медпунктах либо на второстепенных ролях. Они были делопроизводителями, поварихами, шоферами, даже занимались строительством — везде, кроме передовой. Поэтому мужчины в моем присутствии держались скованно. Но Тед Лейн располагал их к себе.

Конечно, все местное общество пронизывала военная иерархия. Один встречный мужчина выразился так:

— Есть рядовые — это мы, бедолаги, — и сержанты, которые вьют из нас веревки, уж простите, сэр, а выше — офицеры, которые верховодят уже ими, а еще выше — штабисты, а над ними над всеми — генералы. И каждый из нас вечно жалуется на вопиющую не-ком-пе-тентность всех, кто

стоит выше и ниже него, и я диву даюсь, как тут вообще хоть что-то работает.

— Да тут ничего и не работает, Сид! — выкрикнул кто-то.

И все же здесь были люди, знающие свое дело. Сама Траншея по большей части была построена рекрутами, которые до призыва успели потрудиться кто на полях, а кто на железной дороге. Среди солдат были и каменщики, и плотники, и строители — все они перешли под командование Королевских инженеров. Я узнала пару местных словечек — например, тех, кто поддерживал в рабочем состоянии примитивную канализацию, называли тошерами. У каждого здесь была небольшая лопата на случай, если польют дожди, угрожая затопить все сооружение, и только всеобщими усилиями можно будет спасти Траншею. Даже в эту тихую ночь рабочие суетились, очищая стоки на нижнем ярусе, укрепляя стены и приводя в порядок парапеты, сложенные из мешков с песком.

Что до всеобщего единения перед лицом беды, оно оказалось лишь видимостью. В Траншее служили солдаты из колониальных войск, преимущественно из Индии, и их надо было держать подальше от британцев, чтобы избежать подна-

чек в духе «твоя очередь, сахиб!». Тед деликатно увел меня подальше от не самых пристойных уголков этого огромного закольцованного города — к примеру, от места, прозванного «Плаг-стрит», где располагались полулегальные бордели.

Я постаралась найти образ, который бы наиболее емко описывал Траншею:

— Все это огромное сооружение похоже… похоже… на исполинского Уробороса, который кольцом свернулся вокруг язвы, нанесенной марсианами. А солдаты, что здесь суетятся, — они словно антитела в крови, старающиеся сохранить организм в целости и сохранности.

Тед Лейн скорчил гримасу.

— Это для меня слишком уж поэтично, мисс. Мы просто делаем, что можем, только и всего.

Я задумалась о том, насколько верна наша стратегия. Если марсиане прилетели на Землю, чтобы больше о нас узнать, то мы предоставили им идеальный учебный полигон. Мы сидели здесь, в Траншее, пытались поразить их лучшим своим оружием и таким образом давали им возможность научиться его отражать. Впрочем, что еще нам оставалось? Как выразился Лейн, нельзя же было просто пустить их шастать по Земле.

Возвращаясь в свой «тамбу», я заметила челове-

ка, который хлопотал возле грушевых деревьев, что росли под сенью отброшенных за ненадобностью старых досок. Здесь это называли «солдатскими садами». Если приглядеться, можно было заметить, что такие уютные зеленые островки рассыпаны по всей Траншее.

16. Туннель под Траншеей

Мне сказали, что на следующее утро меня разбудят звуки горна. Но вместо этого я проснулась оттого, что меня тряс за плечо Бен Грей. Было еще темно.

— Одевайтесь, — сказал он. — Я позабочусь о вашем рюкзаке.

Я поднялась с койки. Юные офицеры уже ушли; на столе стояла недопитая бутылка виски и были рассыпаны карты. За шторками, прикрывающими окна «тамбу», брезжил серый рассвет. Снаружи доносились крики и топот.

— Сколько времени?

Грей собирал мои вещи и как попало запихивал мне в рюкзак.

— Рано. Еще четырех нет.

— Но мы же должны были выйти не раньше семи.

Грей посмотрел мне в глаза.

— Марсиане подумали и решили не следовать нашему плану. Обувайтесь, идите в уборную и ждите меня снаружи. Это приказ.

— Где Эрик Иден?

— Сражается с марсианами. А теперь живее!

Я натянула ботинки и шляпу, закинула на спину рюкзак и вышла наружу, убедившись перед этим, что рисунки Уолтера при мне, — и встала, пораженная открывшейся картиной. Траншея так и бурлила.

Повсюду сияли фонари, и прожекторы на парапетах бросали длинные лучи на разверзшийся внизу улей. Стоял шум и гам — слышались свистки, звуки горна, крики, хотя в колоссальной Траншее даже голоса, кажется, звучали тише. Вдалеке, на крутом восточном склоне, я увидела людей, которые карабкались по лестницам и даже по сетке, укрепляющей стену; похоже, все стремились во что бы то ни стало добраться до укрытий. На подъемных тросах болтались брошенные грузы. На дне Траншеи и на уступах ближайшей ко мне западной стены носились люди — иные без положенной по уставу формы, иные даже босиком. По пути они хватали оружие и бежали на позиции.

Я услышала грохот орудий, тяжелый, сотрясающий землю. Люди вокруг меня остановились и стали указывать вверх, в светлеющее небо. Я тоже задрала голову: что там, наверху, над рядами уступов и палаток?

И увидела того, кто пришел со стороны Кордо-

на. Над парапетом западной стены навис медный колпак — мелькнули щупальцы, сжимающие тяжелую камеру.

— Ложись!

Кажется, это был мой собственный крик. Я помню, как потянула Грея вниз и прижала его голову к земле, а сама рухнула рядом. Во мне проснулся ветеран.

Ударил тепловой луч. Я увидела в воздухе его узнаваемый бледный след. Луч прошел по отвесному восточному склону, и там, где он касался поверхности, мужчины, женщины и подвешенные на тросах грузы вспыхивали и исчезали. Люди лопались, словно пузырьки газа.

Снова зарокотали орудия. Над головой полетели снаряды. В 1907 году марсиане явились в страну, где самым передовым оружием для наземного боя были пушки на конной тяге. Теперь у нас была самоходная артиллерия, и мы могли нанести ответный удар куда быстрее. Но ни один из снарядов не задел марсианина. Вместо этого они с ревом врезались в стену Траншеи, оставляя на ней причудливые воронки.

Потом марсианин, словно купальщик, который осторожно пробует воду, поджал свои длинные ноги, повернулся и шагнул в канаву. Встав на

ее дно всеми тремя ногами, он начал крутить колпаком — и теперь смертоносный луч бил по Траншее изнутри. Я видела, как взрываются и рушатся постройки и люди разбегаются, словно муравьи от кипящего чайника. Раздались вопли ужаса, и на меня нахлынули воспоминания о прошлой войне. Я застыла, не в силах с ними справиться.

Грей схватил меня за руку и потянул в сторону лестницы, ведущей вниз.

— Мисс Эльфинстон! Джули! Пора идти.

— Куда?

— В туннель, конечно!

Наш пункт назначения выглядел как люк в дощатом настиле. Конечно, там меня ждал Тед Лейн. При нем была небольшая группа солдат с пистолетами, винтовками и лопатами.

Я оглядела крышку люка.

— Он как будто закрывал канализационную трубу — вроде той, в которую мы спускались в Стрэтфорде.

— Возможно, так и было. Долой его!

Лейн и один из солдат отбросили крышку, и моему взгляду предстала шахта с торчащими из стены железными рукоятками — точно как в Стрэтфорде. Но на этом сходство заканчивалось, как

я вскоре обнаружила, последовав за Лейном. Туннель, в который мы попали, залегал даже глубже, чем канализация, и стены его были сделаны из бетона, а не аккуратно выложены из кирпича. Вдоль стен тянулись кабели и медные трубы, тут и там светили электрические лампы. В то время как канализация была наполовину затоплена, туннель оказался сухим, разве что кое-где скопилась жидкая грязь. Все это, конечно, было построено уже после высадки марсиан. Когда мы спустились, Лейн взял одну из припасенных внизу касок и нахлобучил мне на голову.

Затем мы, ни секунды не мешкая, побежали.

Туннель был прямым и, насколько мне хватало глаз, уходил строго на запад. Бежать здесь было не так-то просто: недавно доделанный потолок был слишком низким, и даже не самому рослому человеку вроде меня трудно было выпрямиться. И все же мы бежали — бежали по подземным туннелям, словно огромные крысы, как и предсказывал Берт Кук. А я со своей зараженной кровью чувствовала себя чумной крысой, удирающей с корабля в шумном средневековом порту.

— Мы сейчас под Траншеей, — бросил через плечо Лейн. — Этот туннель ведет прямо к месту высадки марсиан. Глубина у него везде примерно

одинаковая.

— Строить его — вот это была работенка! — отозвался солдат, что бежал впереди него. — Эти проклятые цилиндры врезались глубоко в землю. Попробуйте все это вскопать вручную, когда над головой топочут марсиане, — тут у всякого кровь застынет в жилах!

— Жаль, что ты не соорудил туннель нормальной высоты, приятель, — сказал Лейн. — Я то и дело бьюсь башкой.

— Ну, это ничего. Главное, потолок не повредите.

— Может, притормозим? — крикнул Грей, который бежал прямо за мной.

Офицер, возглавлявший отряд саперов, поднял руку и замедлил ход.

— Привал.

Мы подошли туда, где бетонные стены слегка расширялись. Там было где сесть и стоял бак с водой. Под ногами валялись раздавленные окурки и пустые консервные банки; дыра в полу, прикрытая крышкой, служила туалетом. Мои спутники остановились и вздохнули с облегчением.

— Переведем дух — и двигаем дальше, — сказал офицер. — Знаю, побег только начался, но собирались мы в ужасной спешке. Так что, если

вы надели ботинки не на ту ногу или слишком туго затянули корсет, сейчас самое время это исправить.

Мы с Лейном прошли вперед и отступили в туннель, чтобы остальным хватило места. Грей остановился посреди расширения. Все мы пригибались, чтобы не задевать головой потолок.

Я не случайно описываю это в таких подробностях. Наше расположение предопределило все, что произошло с нами секундой позже.

Тогда, когда стена туннеля рухнула.

Я увидела, как по правую сторону от меня бетонная стена задрожала и рассыпалась горой обломков. Они отлетели к дальней стене. Раздался оглушительный грохот. Электричество каким-то чудом продолжило работать, свет не погас, и, хотя мои глаза были полны пыли, я видела, что было дальше. Двое человек погибли сразу же, раздавленные градом обломков, оставив от себя лишь алые кляксы на уцелевшей стене. Хотя я пережила Первую войну, я никогда еще не видела вблизи такую смерть — мгновенную и жестокую.

Другие солдаты среагировали быстрее, чем я. Тед Лейн обхватил меня за талию и оттащил глубже в туннель. Саперы выстроились рядами

там, где туннель расширялся, с оружием на изготовку. Офицер отдавал приказы, а Лейн что-то кричал мне в ухо, пока тащил меня по туннелю, но я слышала только приглушенный рокот.

А потом я увидела марсианина. Сперва из дыры в стене вылезли его щупальца — гибкие конечности, которые, хоть и были сделаны из металла, казались совершенно живыми. Щупальцами марсианин расширил проем, и в отверстии показались его мощные ноги, суставчатые, словно у гигантского насекомого. А за ними последовало и все тело, похожее на перевернутую миску или на металлического краба. Потом показалась третья конечность, четвертая, *пятая*. И над ними я увидела нечто вроде кожаного мешка, мокрого и трепыхающегося, с цементной крошкой, прилипшей к влажной плоти. На похожих мишенях тренировались стрелки в Гэмпшире, только этот мешок явно был живым. Он дрожал и пульсировал, как огромное легкое.

Это была многорукая машина — вроде той, которая мирно производила алюминий в Суррейском коридоре. А восседал на ней марсианин. Позже я узнала, что в тот раз многорукую машину впервые использовали в бою. Но Уолтер Дженкинс это предвидел. Как он сказал мне в

Берлине, марсиане вряд ли станут переделывать свои машины, за миллионы лет достигшие совершенства, но наверняка найдут новые способы их применения.

Машина выбиралась из отверстия в стене, и я увидела, что в щупальцах она сжимает…

— Тепловой луч! — попыталась закричать я, но не услышала даже собственного голоса. — Тепловой луч!

Солдаты выстрелили. Я едва слышала звуки стрельбы. Пули отскакивали от металлической брони марсианина, не задевая живую плоть. Лейн потащил меня дальше, и я не сопротивлялась: оружия у меня не было, и в бою я была бесполезна.

Наконец марсианин выпустил тепловой луч. Тот сразил одного солдата, затем второго. Я слышала их жуткие предсмертные крики и ощущала, как меня обдает жаром.

Но пали не все солдаты. Грей схватил офицера за плечо и показал ему что-то, что держал в левой руке, — маленькое и темное. Я догадалась, что это граната. Офицер на миг взглянул на своего командира — и отступил в туннель, приказывая уцелевшим солдатам последовать за ним. Лейн обнял меня, закрывая собственным телом.

Грей подождал, пока монстр полностью не выберется из дыры. Машине едва хватало места в туннеле.

Посмотрел на нас — чтобы удостовериться, что мы достаточно далеко отошли.

Потом повернулся к марсианской твари.

И выдернул чеку.

Нас, словно кегли, отбросило по туннелю ударной волной. Трудно было сказать, оказался ли взрыв фатальным для машины, но потолок обвалился, и темный водопад земли и камней обрушился на человека, машину, марсианина и на все остальное.

Потолок у меня над головой тоже дал трещину.

— Прочь отсюда! Прочь! — закричали Лейн и саперы.

И мы побежали по туннелю — прочь от Траншеи, за Кордон, в логово марсиан. Стены рушились, и мы бежали сквозь клубы пыли; лампы погасли, и мы бежали в темноте, освещая себе путь фонариками.

Не помню, чем кончилось это ужасное путешествие. Возможно, на меня упал кусок потолка, и я потеряла сознание. Наверное, за спасение своей жизни мне стоило бы поблагодарить Лейна.

Я пришла в себя на зеленой траве под бледным

летним небом.

Англия, подумала я. Это Англия. Страна, где в глубинах земли таится ужас.

Рядом со мной сидел Тед Лейн. Его лицо было покрыто светлой цементной пылью, на подбородке виднелось багровое пятно. Увидев, что я открыла глаза, он помог мне подняться.

Мы были на лугу, где кивали головками беспечные маргаритки. Не я одна пострадала во время бегства: вокруг лежали солдаты, над которыми хлопотали их товарищи. Люди казались серыми кучами пыли, неуклюже наваленными в зеленой траве.

Слева я увидела выросший из земли вал, застывшую волну грязи и камней. Я с удивлением осознала, что это, должно быть, марсианский периметр. Где именно туннель выходил на поверхность, я не знала. Но было ясно, что мы оказались *внутри*.

А с другой стороны, вдалеке, я увидела марсиан — три огромные боевые машины. Они бродили туда-сюда по полям, похожие на бродяг, что ищут на побережье вещи, выброшенные прибоем. Их движения выглядели неожиданно слаженными, и я вспомнила о словах Уолтера насчет марсианской телепатии. Не похоже, чтобы кто-то

оказывал марсианам сопротивление и вообще хоть как-то на них реагировал; судя по всему, это зрелище здесь было едва ли не будничным.

И тут я услышала автомобильный гудок.

Обернувшись, я увидела ярко-желтый «роллс-ройс». Он резко повернул и затормозил. Шофер высунулся наружу, снял кожаную кепку и очки и улыбнулся мне. На его лице багровел свежий шрам.

За рулем сидел Фрэнк, мой бывший муж.

— Би-би! — сказал он. В ушах у меня звенело, и я едва могла его расслышать. — А впрочем, ты никогда не любила Кеннета Грэма [10], насколько я помню. Ну и ладно. Добро пожаловать в самый жуткий уголок Англии! Кого-нибудь подвезти?

[10] Примечания: 10

Герой знаменитой книги Кеннета Грэма «Ветер в ивах», жаба мистер Тоуд, помешан на автомобилях, и звук «би-би» для его ушей — настоящая музыка.

17. За Кордоном

Как рассказал Фрэнк, когда до него долетела весть, что я собираюсь за Кордон, он настоял на том, чтобы встретить меня лично, прежде чем это сделает отряд солдат. Он был готов отвезти меня в нужное место, но Тед Лейн сказал, что в таком случае будет меня сопровождать.

Мы оставили выживших саперов на лугу, пообещав как можно скорее прислать за ними, и уехали. У меня ныло сердце, когда мы ехали прочь, оставляя позади этих молодых израненных ребят, чьи товарищи погибли у них на глазах ради того, чтобы я выполнила свою миссию, о сути которой они не имели ни малейшего представления.

Мы с Лейном сидели рядом, покрытые грязью, пылью и кровью. В этом светлом зеленом мире я чувствовала себя чужой, неуместной. В ушах звенело, и это усугубляло ощущение нереальности всего происходящего. Фрэнк сказал, что на заднем сиденье есть аптечка. Мы нашли ее, открыли, отпили воды из фляжки, протерли руки и лицо и смазали порезы дезинфицирующим средством. Когда я тряхнула головой, из волос посыпалась

цементная крошка.

— Представляю, какой у меня вид.

— Отличный, мисс, — отозвался Лейн.

Все еще стояло раннее утро, яркое, свежее, невинное.

— Неужели это все было на самом деле, Тед? — спросила я. — Многорукая машина, погибшие солдаты… Бен Грей…

Он взял меня за руку.

— Мы все еще в опасности. Это территория марсиан. Отложите эти мысли на потом, когда будет время к ним вернуться.

— Значит, это ваш способ…

— Важно сохранять ясность мышления. Очень важно.

Я кивнула.

Фрэнк не оборачивался. Он прожил со мной достаточно долго и понимал: не стоит приставать с расспросами, пока я не буду к этому готова. К тому же ему нужно было следить за дорогой.

«Роллс-ройс» катился по рытвинам, увозя нас все дальше от бывшего поля боя, и открывшаяся моим глазам картина после всего, что я пережила, поражала своей обыденностью. Передо мной расстилалась английская сельская местность, залитая лучами майского солнца, и ее покрывала

влажная от росы зелень, такая густая и сочная, какой больше нигде в мире не найдешь. Я смотрела на живые изгороди, старинные каменные дома, красные головки мака и очного цвета и, кажется, заметила овсянку, которая с важным видом восседала на ветке.

По сравнению с Германией здесь все было куда древнее и хаотичнее. Полевые межи, возможно, проложили еще во времена кельтов, а то и раньше, а постройки, которые раньше служили амбарами или дровяными сараями, превратились в беседки и садовые павильоны для новых поколений местных жителей. Эти земли веками жили без войн, пребывая в мирной дремоте. Я вдруг почувствовала связь времен, ощутила цепочку, тянущуюся от Уота Тайлера к Шелли, а от него к Дарвину — эти трое были моими героями. Здесь чувствовалось дыхание истории Англии, к которой марсиане не имели ни малейшего отношения, и в тот момент я осознала, что твердо намерена спасти эту Англию.

Но, если приглядеться, в привычной картине можно было заметить неожиданные детали.

Для начала, на дороге, по которой мы ехали, больше не было ни одной машины. Тут и там на обочине ржавели брошенные автомобили, а на

железнодорожном переезде мы увидели рядом с рельсами опрокинутый поезд. Пассажирские вагоны разбились вдребезги, а грузовые лежали, задрав вверх ржавые колеса, точно упавшие кверху лапками огромные тараканы. Меня впечатлило не столько крушение поезда, сколько тот факт, что этот поезд так и не убрали с путей.

Чуть позже мы на скорости пронеслись мимо места, которое казалось пострадавшим от пожара: дорога, дома, поля — все было покрыто, словно сажей, слоем черной пыли. Фрэнк, помрачнев, рассказал, что это последствия атаки черным дымом. Во время Первой войны марсиане использовали его в Суррее, истребив на многих территориях всякую жизнь. Но та субстанция, произведенная на сухом Марсе, при соприкосновении с водой превращалась в безвредную пыль. Марсиане усовершенствовали состав дыма, и теперь яд не терял своего действия даже на влажной английской почве. На этой войне, сказал Фрэнк, марсиане применяли черный дым нечасто — только в виде карательной меры, когда сталкивались с сопротивлением. В конце концов, у них не было цели нас истребить.

Еще одной странностью этого дня стало то, что Фрэнк постоянно поглядывал на небо.

Я видела, как он изменился: заметила потрепанный воротник его рубашки, грубые кожаные заплатки на локтях. Это было не в духе Фрэнка, который всегда ценил аккуратность. И держался он по-новому: постоянные взгляды, которые он бросал вверх, говорили о не покидающем его внутреннем напряжении. Уже потом он в подробностях рассказал мне, что пережил во время высадки марсиан. Такие вещи неизбежно оставляют на душе шрамы. А после этого он два года провел на оккупированной территории. И все же, глядя бывшему мужу через плечо, я понимала, что он с удовольствием управляет машиной. И, возможно, он был рад видеть меня в безопасности.

— И давно у тебя этот «роллс-ройс»?

Уши у меня все еще были заложены, и собственный голос гулко отдавался в голове, но я решила не обращать на это внимания.

— Если бы он был мой! — ответил Фрэнк. — Это автомобиль вдовствующей леди Бонневиль — вы скоро встретитесь, она в этих местах важная птица. Он ей достался несколько лет назад после смерти супруга. Часть коллекции.

Мы въехали в довольно неказистую деревушку: ряд закрытых магазинов и мастерских в окру-

жении полей. Но здесь была железнодорожная станция и рядом с ней — несколько приземистых особняков. Рельсы терялись в зеленой траве.

— Вдова, так сказать, несколько месяцев держала эти автомобили под покровом тайны. Марсиане в первые часы и дни уничтожили все машины, какие им попадались, но эти красавцы были надежно спрятаны. Теперь они, само собой, оказались очень кстати — хотя, конечно, надо всегда быть начеку.

Мы затормозили перед обветшалым зданием вокзала. Фрэнк, снова взглянув на небо, вылез из машины.

Я последовала за ним. Тед — вспотевший, с запекшейся на лице кровью, в запыленной измятой форме — не отставал.

Заднюю стену вокзала снесли, заменив ее брезентовым пологом. Фрэнк потянул за веревку, и брезент начал подниматься, словно театральный занавес.

— Поможете?

Тед взялся за другой конец веревки, я тоже присоединилась, и вместе мы подняли брезент.

За ним обнаружилось то, что когда-то было вокзалом. Билетная касса осталась на месте, как и вокзальный туалет, дверь в который была откры-

та нараспашку, но остальное здание переделали под гараж. Половину его занимал небольшой трактор; вокруг лежали наборы инструментов, промасленные тряпки, канистры с маслом и бензином.

Фрэнк помахал нам, чтобы мы ушли с дороги, быстро загнал внутрь «роллс-ройс» и выскочил наружу, задернув за собой брезентовый полог.

— Видали фокус? — спросил он. — Вот была машина, а сейчас ее нет. Знаю, теперь здание не слишком-то похоже на вокзал, но я бы не рассчитывал, что марсиане обладают глубокими познаниями в области английской архитектуры конца XIX века, так что это надежное укрытие. До Эбботсдейла, боюсь, придется идти пешком, но здесь недалеко. Строго говоря, внутри Кордона до всего недалеко — как вы знаете, он не более двадцати миль в диаметре…

Мы направились на север. Дорога шла в горку, и я вскоре почувствовала усталость. Мы были в Чилтерне, среди меловых холмов, крутых подъемов и скрытых от глаз долин, в землях, где, куда ни пойдешь, обязательно наткнешься на какую-нибудь возвышенность — в последующие дни мои ноги в этом убедились. Но тишина и спокойствие этого места благотворно действовали на нас с

Тедом после пережитых потрясений.

Хотя, конечно, после всего ужаса, которому я стала свидетельницей, этот привычный пейзаж казался мне миражом.

Был он, впрочем, не такой уж и привычный. Это было заметно еще из машины и стало очевиднее, когда мы пошли пешком. Придорожные живые изгороди давно никто не подстригал. Повсюду пышно разрослись кусты куманики и остролиста. Некоторые дома, мимо которых мы проходили, явно были заброшены, иные — сгорели или были разорены. Кое-где на земле лежали оборванные провода. У меня кольнуло сердце при виде плаката на покосившемся телефонном столбе. Он зазывал на сельскохозяйственную выставку, которая должна была состояться осенью 1920 года, но осень прошла, и никакой выставки, конечно, не случилось, и только выцветший плакат остался висеть там же, куда его прибили.

Фрэнк достал из сумки фляжки с водой, и мы с Тедом жадно к ним прильнули.

Тед понемногу приходил в себя, и к нему возвращались наблюдательность и практичность.

— Где вы берете бензин? — спросил он.

— Из запасов, сделанных еще до вторжения, — ответил Фрэнк и указал на небо, где вдалеке осой

кружил аэроплан. — Еще нам сбрасывают грузы. Но, к сожалению, марсиане сбивают изрядную часть самолетов, так что на это надеяться нельзя. У нас все строго нормировано — вы увидите. В конце концов, конечно, запасы кончатся, — он взглянул на меня. — Но, может быть, до этого момента что-то изменится? Мне сказали, что ты приедешь, но не сказали зачем…

Я знала, что с теми, кто находится внутри Кордона, худо-бедно поддерживается связь, так что в том, что Фрэнк ожидал меня, не было ничего особенно удивительного. До этого мне казалось, что, увидев Фрэнка, я сразу же захочу все ему выложить — в том числе о своей миссии, о крови и о Большой Лжи — и положиться на его помощь, его здравомыслие и силу духа.

Но сейчас, когда я оказалась внутри Кордона, где расхаживали марсиане и валялись брошенные машины, я вдруг почувствовала тревогу. Я жила во Франции, на оккупированной территории, и видела, как это печальное обстоятельство влияет на решения и поступки людей, как само общество трещит по швам. Эти смутные мысли не давали мне покоя и заставляли чувствовать тревогу даже рядом с Фрэнком. В итоге я решила держать мою истинную миссию в секрете, пока

не изучу обстановку как следует.

Мы свернули за угол и наткнулись на перевернутую повозку со сломанным колесом. Рядом лежал скелет лошади. Кости были начисто обглоданы, запах выветрился, и уже трудно было представить, что когда-то это было живое существо.

Фрэнк указал на скелет.

— Она сломала ногу, видите? Вот место перелома, а вот дырка в черепе от пули — извозчик решил избавить животное от страданий.

Тед посмотрел на него.

— А человеческие останки тут тоже есть?

— Иногда попадаются, — ответил Фрэнк. — В канавах, в заброшенных домах, куда мы забираемся, чтобы пополнить запасы, — конечно же, с разрешения Комитета бдительности. Тех, кого мы находим, мы хороним по всем правилам. Викарий произносит над могилой несколько слов и записывает себе имена и даты жизни, если они известны. Обычно таких людей убивают голод и болезни — от тех, у кого отняли жизнь марсиане, как понимаете, ничего не остается. Пойдемте, уже недалеко. Скоро вы увидите наши посевы.

18. Картофельные поля

Дорогу пересекала речушка. Мы остановились на каменном мостике, заглядевшись на необычное зрелище: вода тонким ручейком текла по руслу, устланному пышной алой порослью.

— Я видела такое в седьмом году, — заметила я.

— Кто ж не видел, — отозвался Тед Лейн. — Красная трава… А я было думал, что она погибла вместе с марсианами.

— В прошлый раз так и было, — кивнул Фрэнк. — Похоже, марсиане умудрились привить ей иммунитет к земным бактериям — точь-в-точь как они укрепили собственную кровь. Вот теперь трава и заводится во всех водоемах, а то и на суше, если грунтовые воды залегают неглубоко…

Я спустилась с моста, чтобы присмотреться поближе. Под ногами хлюпала грязь, а все вокруг заросло пышной травой. В ручье тут и там виднелись перистые листья, круглые наросты, стебли и что-то похожее на стручки. Растения по форме напоминали кактусы: на глубоко уходящих в землю корнях гнездились пучки набухших шипастых лопастей. И все это в насыщенных

багряных тонах — краснее крови.

После поражения марсиан в 1907 году об этой ботанической диковинке ходило немало толков. Ланкастер из Музея естествознания, к примеру, полагал, что схожее с кактусами строение ничуть не удивительно для столь засушливой планеты, как Марс, где растениям перепадают лишь скудные капельки воды: им приходится закапываться корнями глубоко в землю, хранить драгоценную влагу в защищенных от испарения сосудах с плотной кожицей, а колючками отгонять страдающих от жажды марсианских животных — или же гуманоидов. Теперь я в который раз убедилась, что одно дело — успокаивать себя теориями, но совсем другое — столкнуться с чужеродной жизнью воочию, вблизи, поскольку разум пасует перед такой фантасмагорией.

Очевидно, удивительные свойства этой травы не сводились лишь к экономии воды. Она была упорнее любого сорняка. Присев на корточки, чтобы приглядеться получше, я рассмотрела, как она растет. В самом что ни на есть буквальном смысле: прямо на моих глазах листья тянулись ввысь и вширь; набухали пузырьки воздуха. Как описать эти жутковатые колыхания? Трава шевелилась быстрее, чем обычная зелень, что растет

незаметно для глаз, но медленнее, чем животные, чьи энергичные движения подпитываются кислородом. Нечто среднее. Словно смотришь ускоренную кинопленку.

— Неземное зрелище, — вслух проговорила я.

— Это уж точно, — подтвердил Фрэнк. Он протянул мне руку. — Не стоит там засиживаться.

Поднявшись на ноги, я почувствовала странное головокружение; у меня перехватило дыхание, и когда я снова ступила на мост, то с благодарностью оперлась на протянутую руку.

— Согласись, увидеть все своими глазами — совсем другое дело, — заметил Фрэнк. — Тот викарий, о котором я говорил, полагает себя в некотором роде натуралистом. Он мне рассказывал, что некогда коллекционировал жуков.

Я улыбнулась, хотя меня все еще немного мутило.

— Идет по стопам Дарвина?

— Сейчас он расширил область своих изысканий. Он говорит, что в местах, где заводятся марсианские растения — красные вьюнки и трава, — местная флора и фауна не может с ними тягаться. Зелень, что некогда устилала русло этого ручья, земляные черви на берегу, божьи коровки, мухи и пауки, а следом и птицы, ко-

торые ими питались, — все гибнет. Он говорит, что мы воочию наблюдаем вымирание видов. Ссылается на какого-то француза Кювье, хотя мне это имя ни о чем не говорит. Сколько бы они ни щеголяли боевыми машинами, как бы зловеще ни скользили тени их летательных аппаратов, а на самом-то деле вот какой удавкой марсиане нас душат. Вот она — арена войны миров. Природа против природы.

Я пыталась отдышаться.

— А что с воздухом? Почему у меня такое ощущение, будто я пробежала олимпийскую гонку с препятствиями?

— Я и сам задался этим вопросом, когда в мою операционную хлынули пациенты, которые после работы на речных полях жаловались на спертое дыхание.

— На каких речных полях?

Тед Лейн кивнул в сторону пологой речной долины:

— Вероятно, на таких же.

Проследив за его взглядом, примерно в четверти мили от нас я различила несколько силуэтов, копошившихся кто в грязи, кто на мелководье. Некоторые показались мне солдатами — по мешковатой одежде и неуловимой нотке военной

дисциплины в движениях; кроме того, один или двое не работали, а расхаживали туда-сюда, надзирая за другими, как заведено у сержантов и офицеров. Но были меж ними и другие, более загадочные силуэты. Я различила две разные группы: одни высокие и худощавые, а другие — коренастые и сгорбленные, причем их согнутые спины густо заросли шерстью. Но что самое странное, издалека казалось, будто на них вовсе нет одежды… Во мне пробудилось любопытство, и в то же время смутное ощущение нереальности происходящего только усилилось.

Впрочем, после кошмара в туннеле весь этот день казался сном.

Фрэнк тем временем продолжал довольно отрешенным тоном рассказывать об изменениях воздуха:

— Я хоть и не ученый, но все же провел пару нехитрых опытов. Школьная химия, не более того. Над этими зарослями — по крайней мере, там, где они гуще всего, — состав воздуха отличается от обычного. Я полагаю, что трава собирает из атмосферы азот с кислородом и удерживает их в каком-то подземном резервуаре посреди корневой системы, в точности как некоторые из наших растений захватывают азот. Таким образом мар-

сианские растения вытягивают из воздуха самые распространенные вещества, отчего прочие остаются в излишке: водный пар, углекислый газ и так далее. Кроме того, я подозреваю, что там повышенная концентрация аргона — Рэлей определил, что это следующий по значимости компонент. Но, чтобы в этом удостовериться, мне бы потребовались уже более серьезные приборы, которые на коленке не соберешь. Это планомерное наступление. Каким бы иным целям ни служила эта трава — а оба вида марсианского народца, в отличие от нас, могут ей питаться, — она на редкость быстро истощает воздух! А если представить этот процесс в масштабах целого поля, или пары акров, или даже квадратных миль…

Я уставилась на него:

— Марсианского народца? Оба вида? Какого еще народца?

Фрэнк указал на рабочих вдоль ручья.

— Пойдемте, я вам покажу.

Мы двинулись вниз по течению.

Само собой, Теду больше хотелось пообщаться с солдатами, а не любоваться на марсианскую экзотику. Пришлось сделать небольшой крюк и направиться к ним. И вот уж чего я никак не ожидала увидеть в этом оккупированном уголке

Англии, так это немецких солдат, окучивающих картошку.

Встретили нас весьма по-джентльменски. Один из тех, кто прохаживался вокруг, надзирая за работой, оказался старшим офицером, хотя одет он был так же, как и остальные: в бесформенной соломенной шляпе, без кителя и в штанах с подтяжками. Когда Фрэнк нас представил, офицер пожал нам с Тедом Лейном руки.

— Новенькие, что ли? Добро пожаловать в дурдом. Я Боб Фэрфилд. Подполковник, если это кому-то еще важно, — он оглядел меня с нескрываемым интересом, явно удивившись моему неряшливому виду, и я задумалась, много ли ему известно о моих целях — будь то легенда или настоящее мое задание. Как ни прискорбно, я начинала осознавать, что понятия не имею, кому здесь можно доверять.

Тед тем временем вытянулся в струнку и отдал честь:

— Виноват, сэр.

— Вольно, сержант, — Фэрфилд бросил взгляд на тружеников, которые окучивали картофельные грядки ржавыми лопатами и косились на нас с любопытством и неприязнью. — С тех пор как опустился Марсианский занавес и мы все

очутились в западне, прошло уже два года. Приходится поддерживать дисциплину. Я всегда был убежден, что без нее никуда, а здесь, как видите, полно работы. За два года мы уже подъели все запасы солонины и бобов. Расторопный сержант мне никогда не помешает, если надумаете.

Тед посмотрел на потных и измазанных грязью солдат, которые в ответ наградили его сердитыми взглядами. Лейн ухмыльнулся:

— Сочту за честь, сэр.

— Тем временем позвольте представить вам моего коллегу. Должно быть, во внешнем мире известно, что вместе с нами здесь застрял отряд немцев, который помогал отбиваться от марсиан. Чертовски хорошие были соратники, а в этой зеленой тюрьме оказались еще и славными товарищами. За старшего у них фельдфебель-лейтенант Швезиг. Попробую-ка его найти…

Они пошли обходить работяг. Чуть дальше прибрежного поля я разглядела тех *других*, которых уже замечала прежде, — худощавых великанов и шерстистых коротышек.

Фрэнка, впрочем, куда больше интересовала картошка:

— Кстати, это была моя идея. Вернее, придумала ее Милдред Триттон, а я донес до Фэрфилда и

остальных.

— Милдред?

— Местная фермерша. Она молодчина; вы с ней вскоре познакомитесь. Мы, понимаете ли, с самого начала старались как-то обустроиться. В первую же ночь мы остались без электричества и телефонов; уже к концу первой недели стало не хватать еды. Вот мы и раскопали в сараях лемехи да прочую утварь и принялись поднимать целину, которую не вспахивали уже лет двадцать — тридцать. Без машин это, конечно, каторжный труд, да и лошадей тоже не хватало, но мы справились. Тем более что воякам надо куда-то силу девать. Со временем пришлось вспоминать и другие позабытые навыки. Одежду штопали, потому что новую не купишь. Старики припомнили деревенские ремесла вроде плетения корзин, так что теперь британские солдаты расхаживают в соломенных шляпах, как у узкоглазых. Что же до медикаментов, то кое-что наскребли по сусекам — антибиотики с прочими лекарствами, шины с бинтами, всякое такое. В общем, так мы и протянули первый год — подъедали запасы, трудились не покладая рук и старались не падать духом.

— И марсиане вам все это позволяли? Разводить хозяйство под носом у боевых машин?

Он посмотрел на меня словно бы украдкой — впоследствии я не раз еще встречала у жителей Кордона такой взгляд.

— Если они уверены, что от нас не будет вреда, нас оставляют в покое. Мы просто пытаемся выжить, Джули. Мы не бойцы.

— Я тебя не осуждаю, Фрэнк.

— Да, но…

— Так что это за затея с картошкой в русле реки?

— С этим мы столкнулись на второй год. Стоило нам более-менее расчистить пашни, как стали пересыхать реки. Взгляните — вы же видите, как марсианская трава сушит русло, вытягивая всю воду из реки. Понятное дело, такое что для людей, что для скотины не к добру. Но посмотрите на обнажившуюся почву. Вот ее можно и к делу приспособить. Густой донный ил, когда немного подсохнет, — это идеальный грунт для картофеля. Приходилось осторожничать, конечно, — больно уж близко мы подходили к худышкам, которые в тех же речках возятся с красной травой.

— К худышкам?

Он уставился на меня.

— Я же говорил: это марсиане. Гуманоиды из марсианских цилиндров.

— Помнится, в седьмом году…

— Тогда мы нашли только иссохшие трупы. Зато на этот раз…

Невзирая на снедающую меня тревогу, это известие пробудило во мне любопытство:

— Живые люди с Марса?!

— Нет, не люди. Да и не только с Марса, судя по всему.

Я должна была на них взглянуть. Позабыв про страх, я зашагала вниз по течению мимо солдат — к другим рабочим.

К *другим*. Они рвали, выпалывали и собирали красную траву — листья, сумки, стручки и кактусовидные отростки, не трогая лишь корневища. Почти весь урожай труженики складывали на берегу реки, словно бы на просушку. Порой они запихивали в рот пучок-другой и монотонно жевали, не отрываясь от работы.

Пришлось сосредоточиться; я чувствовала какой-то смутный страх и нежелание слишком пристально присматриваться к чужакам. Но я заставила себя поднять на них взгляд.

Их было два разных вида, оба практически люди — или гуманоиды, если брать это странное слово, от которого веет отчуждением. Каждая группа держалась поближе к своим.

Одни были действительно очень худые и высокие — ростом больше шести футов. Их облик казался на удивление детским: круглые головы, маленькие большеглазые лица, крошечные рты… Они были обнажены и практически бесполы: мужчины с недоразвитыми органами, женщины с почти плоской грудью. На руках и ногах у многих виднелись наспех сделанные повязки. Обнаженные, бледные, безволосые — вид у чужаков был очень хрупкий, и казалось, что даже такая нетяжелая работа стоит им немалых усилий. При этом они не проявляли ни малейшего интереса ни к нам с Фрэнком, ни к солдатам, которые горбатились всего в нескольких ярдах от нас.

— Кажется, они все взрослые, — шепнула я Фрэнку. Отчего-то я робела перед этими созданиями, хотя и смотрела на них во все глаза.

— Да, но дети здесь рождались, — ответил он. — Уже после нашествия в двадцатом. Порой их видели. Конечно, человеческие дети у нас тоже рождались… Вот эта, — он указал на одну из женщин, — явно беременна. При столь хрупком телосложении это сразу становится заметно.

— Здесь многие ранены.

Он кивнул:

— У них ломкие кости, что неудивительно

— они ведь привыкли к более слабой гравитации. При этом у них есть какие-то медицинские навыки, но очень примитивные. Мне довелось за этим наблюдать. Такое впечатление, будто вправить перелом ноги — это столь застарелая привычка, что она уже превратилась в инстинкт, как у птицы, строящей гнездо: без знаний, без обучения. Понимаете? Хотел бы я знать, насколько их скелет похож на кремнистые кости, которые попадались в обломках капсул после седьмого года. Конечно, тот перелет они не пережили: ими питались по пути между планетами, так что мы нашли только обескровленные останки. Зато эта партия…

— Их здесь разводят.

— Да, Джули. Мы видим, как на Земле воцаряется марсианская экология. Растет красная трава, на ней пасутся гуманоиды, в точности как наш скот на лугах. И равно как мы затем забиваем скот на мясо…

Я поежилась:

— Они сами-то понимают, как их используют?

— Может быть. Но, как я уже сказал, многие их действия кажутся инстинктивными; возможно, они столь долго жили в рабстве…

— Что естественный отбор приспособил их к

этой участи.

— Не исключено, — мрачно сказал он.

Наблюдая за трудящимися марсианскими гуманоидами, я задумалась, не такая ли судьба ждет запертых внутри Кордона — да и все человечество. Неужели мы тоже начнем привыкать к рабству, пока вовсе не позабудем, что это рабство?

— А вот другие, — сказал Фрэнк, подойдя поближе, — так и не приспособились к этой кабале.

Он имел в виду вторую породу гуманоидов — их было около дюжины, примерно поровну с тощими. Они были ниже ростом — впрочем, далеко не карлики; в этом отношении они вполне уместно смотрелись бы в бедняцких кварталах Лондона. И если у высоких чужаков кожа была столь бледной, что едва ли не просвечивала, то эти имели коричневатый окрас и были покрыты густым слоем шерсти. Если у тех глаза казались слишком большими для дневного освещения, и они привычно отворачивались от солнца, то у этих глазки были маленькие и черные, и порой бедняги наталкивались друг на друга, словно бы яркого майского солнца им не хватало для зрения. По сравнению с людьми они были не столь крепко сбиты, и кости у них, похоже, были не

слишком плотными, но весили они все же явно больше, чем худощавые.

— Почти не адаптировались, — продолжал Фрэнк. — Словно бы их недавно завезли.

— Недавно? В каком это смысле?

— А вы к ним присмотритесь, — мягко ответил он. — Высокие явно с Марса; полагаю, с этим трудно поспорить. Поэтому они приспособлены к небольшой силе тяготения и тусклому свету далекого солнца.

— Крупные глаза и хрупкие кости.

— Именно. А вот эта новая порода, чьих останков мы в седьмом году не находили, явно приспособлена к более яркому свету, чем у нас, и лишь к слегка ослабленной гравитации — уж точно не к марсианской, где лишь треть от земной. А этот шерстяной покров…

— Почти как у водоплавающих.

— Я так и подумал, когда впервые их увидел, — кивнул он. — Как у водных млекопитающих — тюленей или выдр.

— Не так уж много на Марсе воды.

— Немного. Но я сомневаюсь, что они с Марса. Просто чудо, что им, как и худышкам, удается прокормиться красной травой — хотя, может, перед нами еще один пример марсианских мани-

пуляций с биологией.

Шерсть на ногах у гуманоидов слипалась под коркой грязи, а сами они озирались на нас словно бы со скрытым вызовом. Мне показалось, что я расслышала, как они что-то друг другу бормочут — тонкими, певучими и словно бы клокочущими голосами. Мне подумалось, что от высоких гуманоидов я не слышала ни слова — и даже не знала, способны ли они разговаривать. Может статься, в ходе селекции жестокие хозяева лишили их речи.

— Если они не с Марса, то откуда же, Фрэнк?

— Они с Венеры, — попросту ответил Фрэнк. — Марсиане побывали на той планете и привезли их на Землю. Я думаю, Джули, перед нами венерианцы. Прямо здесь, в Англии!

19. Званый ужин

Прибыв в Эбботсдейл — поселок, из которого, по сути, управлялась вся людская колония за Кордоном, — мы первым делом поспешили организовать спасательную экспедицию, чтобы отправить ее за нашими саперами. Немедля отрядили лошадей и повозки, и Тед Лейн отправился с ними.

Вскоре я подметила, что Эбботсдейл — довольно странная деревенька. Да и могло ли быть иначе?

Вся скудная история этой местности до марсианского вторжения была как на ладони: вот развалины древнего аббатства, которое наверняка и дало название деревне. Вот поместье, неподалеку — два фермерских дома, которые стояли здесь, судя по почтенному виду, с восемнадцатого века. Вот несколько улочек с коттеджами, построенными на земле, которая еще пару десятилетий назад была общинной, — как я выяснила, в них некогда жили работавшие на общину кирпичники, чье ремесло теперь изучали и возрождали с немалым рвением. Была здесь и россыпь домиков поновее — их построили для дельцов из окрестных городков, когда неподалеку проложили железно-

дорожную ветку. Сдобрите блюдо парочкой пабов и школой из неказистого лондонского кирпича, приправьте церквушками XIX века, облицованными кремнем по местной архитектурной традиции, и вы получите типичную английскую деревеньку той эпохи.

Вот только при всем при этом Эбботсдейл выглядел марсианской колонией. Стоило лишь взглянуть на красную траву, которая пробралась даже в самое сердце поселка и оплела все стены одной из старых церквушек кошмарным подобием плюща.

А еще это сразу было видно по лицам местных жителей.

Фрэнку разрешили поселиться в одном из старых коттеджей возле общинной земли. Средний из трех домиков, стоявших в ряд, так и назывался — «Коттедж кирпичника». Когда образовался Кордон, владельцы дома оказались в отлучке. Для нас с Тедом Лейном нашлись пустующие комнаты, и я принялась разбирать походную сумку со своими скромными пожитками. Фрэнк одолжил у кого-то из земляков вполне приличный брючный костюм, который оказался мне почти впору.

Водопровода здесь не было: давно заброшенные деревенские колодцы кропотливо расчистили, но

воду из них приходилось выкачивать вручную. Поэтому я заложила пропитавшуюся кровью одежду отмачиваться в раковину. Я и сама бы с огромным наслаждением понежилась подольше в полной до краев горячей ванне, избавилась от цементной пыли и следов кордита, от запаха крови и страха… Увы, столько горячей воды здесь бы не набралось. Бытовые хлопоты принесли мне странное умиротворение: после жуткой гибели Бена Грея, после ошеломительной встречи с марсианами и венерианцами и прочих потрясений, которые принес с собой этот необычайно длинный день, я была рада любым проблескам нормальной жизни.

Электрического освещения здесь, конечно, не водилось, но сумерки выдались не слишком густыми; причесаться к выходу в свет вполне можно было и при пламени свечи. Да-да, к выходу в свет! В тот вечер всех новоприбывших пригласили отужинать у Милдред Триттон.

Меня немного поводили по фермерскому домику Милдред. Здесь оказалось весьма уютно. Дому ничуть не мешало отсутствие электричества, газа и прочих новомодных удобств, которые по меркам его долгой истории появились совсем недавно. В кухонном очаге безмятежно потрес-

кивали дрова. Одна из комнат была отведена под местную библиотеку — жители приносили сюда книги, оказавшиеся у них при себе, когда возник Кордон. Библиотечный учет велся в старой бухгалтерской тетради. Возле книжного шкафа я обнаружила жестянку из-под печенья «Хантли и Палмер», в которой хранились письма; позже я выяснила, что самолеты довольно регулярно сбрасывают за Кордон почту — а порой и собственно печенье.

Вам может показаться странным, что я не сообщила Фрэнку никаких известий о жене и ребенке, с которыми он уже два года был в разлуке. Что поделать — прежде я с ними не виделась, а суматоха, поднявшаяся после встречи с Уолтером в Берлине, не оставила мне времени заняться этим вопросом. Но оказалось, что Фрэнк и так получал письма от жены — благодаря отваге летчиков, сбрасывавших с воздуха почту для отрезанных от мира колонистов. А благодаря радиосвязи и той самой сети туннелей, через которую я сюда пробралась, он даже ухитрялся сам передавать весточки наружу.

На ужин в фермерском доме собрался весьма представительный список гостей: здесь была пара мэров, члены городского совета, пожилой

полисмен в расстегнутом мундире, викарий в надтреснутых очках, замотанных клейкой лентой, и Фрэнк, устроившийся здесь врачом. Пришел и Боб Фэрфилд со своим приятелем — немецким фельдфебель-лейтенантом, чье имя я сразу позабыла, — в общем, все сливки местного общества. Не все приглашенные явились: прежде всего бросалось в глаза отсутствие владелицы поместья, вдовствующей леди Бонневиль (впрочем, она прислала мальчика с запиской передать, что у нее разыгралась подагра), и почтмейстера по имени Кэттермол. Записки он не прислал, но на его пустующее место за длинным столом отчего-то никто не обращал внимания.

Ужин скорее напоминал фуршет: в основном подавали холодное мясо — крольчатину — и картошку, а к ним выставили пару бутылок из остатка деревенских запасов вина. Зашел разговор о том, что недурно было бы попросить сбросить с дирижабля ящик-другой, чтобы пополнить погреба — только не тевтонского рейнвейна, вот уж спасибо! — на что наши любезные немцы вежливо посмеялись. Сошлись на том, что если с воздуха и будут сбрасывать предметы роскоши, то пусть уж лучше сигареты; за Кордоном нехватка табака всегда была излюбленной темой для

разговоров.

Тед Лейн, похоже, в этом обществе чувствовал себя вполне вольготно. Даже его ливерпульский акцент уже был для собравшихся любопытной диковиной. На меня же нахлынула необъяснимая растерянность, чувство какой-то неуместности — словно кругом было сплошное наваждение, а материальным оставался лишь подозрительно пустующий стул, где должен был сидеть почтмейстер.

За десертом миссис Триттон властной рукой пересадила половину гостей, чтобы разнообразить беседу, и, пока я пыталась подцепить вилкой фрукт из компота, возле меня уселась сама хозяйка.

Ранее уже заходила речь о хранилище донорской крови — его содержал Фрэнк с помощью своей подруги Верити Блисс, которая, оказывается, была медсестрой. Теперь миссис Триттон вновь подняла эту тему.

— Обязательно загляните с утра, дорогуша, — сказала она. — Все мы здесь вносим свою лепту; отрадно осознавать, что, быть может, спасаешь чью-то жизнь… Вам ведь, полагаю, тоже теперь никуда отсюда не деться? Но вот увидите, дела у нас не так уж и плохи. Поразительно, сколько

городских оказалось среди солдат — хотя чего я ожидала? Вот им-то сложно было прижиться. Некоторые, знаете ли, навидались, как убивают людей, но стоит зарезать при них овцу или корову… А марсиане-то эти, конечно, топчутся повсюду. Их, кажется, забавляет смотреть на солдат во время муштры. Мы для них как смышленые зверушки — этакие дрессированные мартышки… И все же здесь у нас старая добрая Англия. Отчасти даже приятно было отказаться от всяких новомодных веяний и вернуться к корням. Правительство не вмешивается — никаких налогов! А поскольку нет импорта, мы здесь ведем такую же жизнь, как наши деды. Чего доброго, вот-вот перейдем на старинные диалекты…

Милдред продолжала свой бессвязный монолог, а я вполуха прислушивалась к другим застольным беседам, ловя обрывки сведений о жизни внутри Кордона. Нередки были самоубийства — похоже, не все чувствовали себя столь же беззаботно, как публика на этом званом ужине. Случались здесь гости из внешнего мира, порой желанные — например, врачи, которые десантировались с воздуха или пробирались, как и я, через Траншею, — а порой незваные. Сюда захаживали даже авантюристы, в основном из-за

океана, которые хотели «поймать марсианина», как иные отправлялись ловить львов в Конго. Обычно их больше никто не видел. А вечный вопрос преступления и наказания за неимением привычной «вертикали власти» — полиции и судов — по словам Милдред, решали исходя из «здравого смысла». Чуть позже я услышала о попытке изнасилования, после которой виновника выставили на растерзание марсианам. Проверить эту историю я никак не могла, но звучала она весьма правдиво…

— Вы охотитесь?

Резкая смена темы сбила меня с толку; я не успела и слова вставить.

— Обязательно попробуйте, — сказала Милдред. — Особенно зимой. Ни с чем не сравнимое наслаждение. Просыпаетесь с утренним туманом, пускаетесь вскачь… По округе разносится лай гончих, седло ходит ходуном, под вами ретивый конь… Домой вы вернетесь разгоряченной и усталой, примете ванну, прикорнете немного, а вечер пролетит за светской беседой на званом ужине… — Она явно погрузилась в воспоминания. — Согласитесь, это куда лучше, чем прозябать клерком в какой-нибудь конторе.

При первой же возможности я вежливо откла-

нялась, сославшись на усталость, — что отчасти было правдой.

Однако на выходе меня перехватил Фрэнк:

— Что ж, вот ты и свела знакомство с Комитетом бдительности. Здесь были почти все.

— Вся самопровозглашенная местная элита. Вижу, демократия здесь не в чести.

— Кому-то приходится брать все на себя. К примеру, вводить пайки. После Первой войны, если ты не знала, бывали случаи людоедства. Вот уж чего не хватало. А! Вижу, как ты на меня смотришь. Знакомый скепсис. Вот всегда ты так, Джули! Что ж, надо признать, некоторые из нас и впрямь наслаждаются властью. Я же просто стараюсь делать свое дело. А вот тебе хорошо бы влиться в свет.

— «Влиться в свет»?

И тогда он посоветовал мне сходить утром к Верити и сдать кровь, как предлагала Милдред. Для этих целей Верити выделили в пользование один из пабов, поскольку в нем был холодный погреб.

— Банк крови? — мягко спросила я. — Странно, что в столь крохотном поселении это важная забота. Здесь нет войны — точнее, хотя бы не идут бои…

Он начал мямлить, что приходится как-то

справляться с редкими, но серьезными травмами, потом запнулся и замолк. Видно, сразу разгадал мои подозрения, которые пока еще не переросли в уверенность.

— Сходи, — голос его посуровел. — Такое здесь неписаное правило. Нам с ними жить, Джули. Выбирать не приходится.

— Мне надо увидеться с Альбертом Куком, — напрямик ответила я. — Фрэнк, это важно.

— Выжить тоже важно.

Он повернулся и пошел обратно к гостям.

Вот так завершился этот длинный день. Я наконец осталась одна в комнате, легла в постель и тотчас же забылась глубоким сном.

А потом проснулась в темноте, сотрясаясь от рыданий.

Тед Лейн каким-то образом меня услышал; он тихонько постучал в дверь и, кутаясь в просторный ночной халат, присел рядом.

— Бен Грей, — пробормотала я сквозь слезы. — Я целый день не могла осознать.

— Понимаю.

— Глупый мальчишка. Легкомысленный бонвиван, которого так и хотелось высмеять…

— И храбрый как лев. Поплачьте, вам станет легче.

— Тед, он отдал за нас жизнь.

— Знаю, мисс. Постараемся, чтобы это было не зря. Поплачьте.

Кажется, я так и заснула у него на руках — словно ребенок в объятиях отца.

20. Верити Блисс

На следующий день я с утра пораньше отправилась в паб «Белый олень», где находился пункт приема крови.

Верити Блисс была там — открывала двери, наскоро подметала крыльцо. Это была крепкая девушка лет двадцати с небольшим, с виду неглупая. На ней был серо-зеленый комбинезон, плотный и практичный — возможно, фермерский. Волосы у нее были подстрижены даже короче, чем у меня.

Я представилась, и мы пожали друг другу руки.

Верити сказала:

— Ваш бывший муж говорил, что вы приехали. Предупредил, что можете и ко мне зайти, — она улыбнулась, но в ее взгляде читалась настороженность. — Велел силой вытащить вас из постели, если вы сами не вызоветесь сдавать кровь.

— Я подумала, что это само собой разумеется. Тут ведь все так делают.

Она взглянула на меня повнимательнее, и я почувствовала, что между нами завязался некий немой диалог.

— Послушайте, что бы там ни говорил наш

замечательный Комитет бдительности, сдача крови — дело добровольное.

— Может быть, вы покажете мне хранилище?

Верити немного поразмыслила и кивнула.

В подвал паба мы спустились через люк, по узким деревянным ступеням. Верити зажгла масляную лампу, и та замерцала в темноте. Было прохладно, хотя стоял май, — стены оказались из кремня. Я предположила, что в этих краях подобное скорее говорит о древности здания, чем о претенциозности его хозяев. Большую часть подвала занимали стеллажи — судя по всему, раньше они были уставлены бутылками пива или чего покрепче. Теперь же на них стояли колбы: каждая примерно с бутылку вина высотой, только без горлышка и из серебристого металла.

Я взяла одну колбу с полки и повертела в руках.

— А она тяжелее, чем кажется.

— Алюминиевая. В каждой больше пинты крови.

Я огляделась.

— Их, наверное, здесь целые сотни.

— На других складах есть еще. Армейский запас для военных целей остался здесь, когда образовался Кордон. Колбы созданы с использованием

марсианской технологии. По сути, это сосуды Дьюара, только усовершенствованные на основе системы, с помощью которой марсиане хранили человеческую кровь у себя в цилиндрах. — Верити забрала у меня колбу и перевернула ее, показывая надпись на донышке: дату, сведения о доноре и группу его крови. — Мы стараемся хранить и использовать их со всей возможной осторожностью.

Я посмотрела на нее в тусклом свете.

— Мой бывший супруг сказал, эта кровь нужна на случай травм и ранений. Люди здесь часто их получают?

— А как вы думаете? — прямо ответила она.

— И как часто люди должны сдавать кровь, чтобы можно было собрать такой запас с небольшого сообщества? Раз в месяц? Чаще?

— Зависит от возраста донора, его здоровья…

— Что стало с мистером Кэттермолом?

— С кем? Ах, с почтмейстером? Я его и не знаю толком. А что с ним случилось?

— Он вчера вечером не пришел к ужину. Для него приготовили место; он никого не предупредил, не прислал записки. В следующий раз для него уже не будет места за столом, верно? Так у вас все устроено?

Наши взгляды встретились. Верити замялась, но в конце концов сказала:

— Вы оказались сообразительнее большинства.

— Марсианам нужно чем-то питаться, — мягко сказала я.

— Да.

— И как это происходит?

— Они приходят и… собирают людей. Как землянику в поле. Можно бежать, прятаться, но…

— Но от боевой машины не убежишь.

— Именно.

— А кровь?

— Это, собственно, придумал Фрэнк. В конечном счете, именно она им и нужна. Если мы завидим их издали, если оставим кровь, это может их отвлечь. Но не всегда…

— Полагаю, марсиане предпочитают свежую. Они ведь держали в цилиндрах живых гуманоидов, чтобы пополнять запасы.

— Да, — ответила она и отвернулась, будто устыдившись. — Мы приспособились так жить, понимаете… В этом есть разумное зерно. Ведь человек может отдавать по пинте крови в месяц всю жизнь, и я чувствую, что марсиане это понимают… Это не то чтобы взаимодействие…

— Вы с ними сотрудничаете, — я не сразу поняла, как резко это прозвучало, и коснулась ее руки. — Я не хотела вас обидеть. Каждый выживает как может.

— Да. И это хранилище крови спасло много жизней.

— Но эта деревня… — продолжала я. — Милдред Триттон вчера мне рассказывала про охоту на лис! Будто…

— Знаю.

— Да, им так чертовски удобно. Даже Фрэнк — и тот как минимум смирился.

Она в упор посмотрела на меня.

— Так вы сдадите кровь?

Я задумалась о том, что течет по моим венам. Возможно, одной сдачи хватит, чтобы выполнить миссию, — если, конечно, марсиане примут мою кровь в качестве страшной жертвы.

Но я поняла, что не готова совершить этот жуткий поступок. Пока не готова. И мне очень не хотелось помогать Фрэнку задабривать хозяев с Марса — даже преследуя свои цели.

У меня закружилась голова. Я снова вспомнила оккупированную Францию — мужчин, которые предали родных братьев, чтобы спастись самим, знакомых мне женщин, которые ушли

к немецким солдатам ради пайков. А здесь люди приносили захватчикам кровавую дань — в буквальном смысле, — чтобы и дальше жить под пятой марсиан. И придумал это Фрэнк. Что ж, в конце концов, он врач, а не солдат, исцелять ближнего — его работа. И все же я почувствовала, что не могу рассказать ему о своей миссии. И эта охота на лис!..

Я посмотрела на Верити.

— Мы только познакомились, но я уже доверяю вам больше, чем собственному бывшему мужу.

Она пожала плечами:

— Фрэнк хороший человек. Но брак — сложная штука.

— Вы не слышали о человеке по имени Альберт Кук?

Верити скорчила гримаску:

— Кто о нем не слышал!

— Не знаете, как его найти?

— Нет.

— Ладно. Тут есть франтиреры?

Она уставилась на меня.

— Участники сопротивления, которые…

— Я знаю, кто это, — перебила Верити. — Есть.

— Думаю, мне нужно их найти.

Верити поглядела на меня с подозрением. И у

нее были на то все основания — как у человека, который выживал в этом месте уже два года.

— Зачем?

— У меня есть задание.

И я рассказала Верити Блисс полуправду. Рассказала ей про миссию, которая служила мне прикрытием, про рисунки Уолтера, про замысел установить контакт с марсианами и поговорить с ними как одна разумная раса с другой — в общем, весь смелый, пусть и наивный план Уолтера, который Эрик и его начальство так безжалостно разрушили. Всей правды я так и не раскрыла, хотя меня кольнуло чувство вины при мысли, что мне наверняка придется просить эту женщину очень многим рискнуть ради меня.

— Вы мне поможете?

Прежде чем ответить, Верити долго размышляла. Наконец она сказала:

— Есть один человек, его зовут Мариотт. Посмотрим, что я смогу сделать.

К концу дня она договорилась о встрече с этим Мариоттом.

— Как вы это устроили?

— Вы мне поверите, если я скажу, что воспользовалась голубиной почтой? Марсиане про нее не догадываются.

Я не знала, верить или нет. Слишком много тайн скрывала эта деревушка.

21. Велосипедная прогулка

На следующий день мы отправились в путь.

Я понятия не имела, вернемся ли мы в Эбботсдейл. Я надела военные ботинки и удобную одежду, в которой приехала, рюкзак набила предметами первой необходимости, а кожаную папку Уолтера сунула под куртку. Верити взяла с собой небольшую поясную сумку с медицинскими принадлежностями, служебным револьвером и патронами. Мне было совестно, что я не рассказала Теду Лейну о своем отъезде — очень совестно, после прошлой-то ночи! — но это была моя миссия, а не его.

Фрэнку я тоже ничего не сказала, и на сей счет мои чувства были, скажем так, смешанными. Не то чтобы я совсем не уважала его здешнее положение, но положение это было не по мне. Мы, как помните, были в разводе, а это говорит о заметном несовпадении характеров. Совесть меня определенно не мучила.

Мы с Верити сели на велосипеды и поехали по проселочным дорогам. Стояло солнечное весеннее утро, и поездка пошла мне на пользу: после многих дней куда более тяжелого пути,

после ужасов подземелья, которые до сих пор меня терзали, я смогла хоть ненадолго вздохнуть свободно.

Было воскресенье, и я слышала вдалеке звон церковных колоколов. Судя по всему, церкви и прихожане марсианам не мешали. Но я вспомнила безрадостное предсказание Альберта Кука, записанное в Летописи Уолтера, — о том, что под властью марсиан мы будем жить в клетках и «набожно распевать псалмы и молитвы». Как же он был прав!

И даже в этот ясный весенний день, когда птицы вокруг щебетали так, как, наверное, щебетали многие тысячи лет назад, Верити была настороже, и я поняла, что мне стоит последовать ее примеру.

— Казалось бы, огромную боевую машину видно издалека, — сказала она. — Казалось бы, можно легко их заметить задолго до того, как они заметят тебя. Но это вовсе не так. Наш глаз привлекает движение, а когда марсиане не двигаются, они зловеще замирают. Краем глаза можно заметить тонкий силуэт и решить, что это шпиль, или флагшток, или радиомачта. Но нет!

— Говорят, на Марсе пыльно. И сумрачно, потому что он дальше от Солнца, — сказала я. —

Наверное, для марсиан сегодняшний день на такой планете, как наша, — истинный праздник ярких красок.

— Или же шок. Возможно, привычный нам свет слепит их, как нас белизна лыжной трассы. Может быть, они носят темные очки. Ха! Я бы на это посмотрела.

Верити сказала, что марсиане, как правило, велосипедистов не трогают, поскольку не считают этот вид транспорта, самый демократичный из всех, применимым в бою.

— Пушку на велосипеде точно не увезешь. Но скорость лучше не набирать: это может привлечь их внимание.

— Особо набрать и не выйдет, — пропыхтела я. Мы как раз въезжали на очередной холм.

— Марсианам выгоднее, чтобы мы оставались живы. По крайней мере большинство из нас. Конечно, мы платим ужасную цену. Но мнимая свобода, которую нам предоставляют, дает возможность жить дальше, заниматься делами, вести хозяйство, чтобы прокормиться, и так далее. И эту свободу передвижения мы можем использовать в собственных целях, — Верити постучала себя по лбу. — Как бы ни были остры глаза марсиан, сюда они заглянуть не сумеют,

верно?

Мариотта мы нашли к обеду.

Из трактира в Эбботсдейле мы приехали в другой, расположенный на вершине холма у дороги, ведущей к юго-западу от Амершема в сторону Уикома. Я предположила, что раньше это был постоялый двор, и, как многие старые здания в этой местности, трактиры и церкви, он был обнесен стенами из кремня. Я заметила скобы, на которых некогда крепилась вывеска.

Снаружи на скамейке отдыхали на солнце двое мужчин в темных спецовках и кепках. Рядом с ними стояли кружки. Когда мы въезжали на холм, они встретили нас приветственными окликами:

— Доберешься, красотка? Тоби, гляди, как ляжками крутит! Помочь, а?

Все это они сопровождали непристойными жестами.

Верити взглянула на меня:

— Не обращайте внимания.

Я пожала плечами. Но заметила, что жидкость в кружках прозрачная, как вода. Что бы они ни пили, это было не пиво.

Я огляделась. Мы были необычайно близко к поселению марсиан. С холма даже был виден край Редута — огромной ямы, выкопанной на ру-

инах Амершема, бурого шрама на зеленой земле. Это было к северо-востоку от нас, а на северо-западе, где к лагерю марсиан примыкала долина, земля была затоплена и над водой виднелись деревья, изгороди и дома. Я предположила, что своими бесцеремонными раскопками марсиане повредили местную дренажную систему, поэтому наводнения здесь наверняка были обычным делом.

Пока мы спешивались, мужчины, пошатываясь, встали и картинно помахали нам кепками. Лет им было примерно по тридцать, оба суровые и крепкие, с грубо подстриженными волосами и грязными шеями. И хотя держались они как пьяные, глаза у них были на удивление ясными. Что-то здесь было не так.

Один из них подошел ко мне.

— Добро пожаловать в «Летучую лисицу», дамочка. Я Джефф, а это Тоби.

Другой фыркнул.

— Да нет же, дурень, это я Джефф, а ты — Тоби.

— Давай-ка я тебе помогу с этим драндулетом, — сказал мужчина и левой рукой схватился за руль, а правой ущипнул меня пониже спины. — Ой-ой!

Едва он успел меня коснуться, как я схватила

его за указательный палец, выкрутила его и заломила мужчине руку за спину, вынудив его встать на одно колено.

— Ай! Тихо, тихо! Я ж ничего плохого не хотел!

— Думаю, можно его отпустить, Джули, — спокойно сказала Верити. Она поставила велосипед на подставку и чуть приподняла куртку, чтобы был виден револьвер на поясе.

Второй мужчина поднял руки.

— Ладно вам, давайте-ка успокоимся, — предложил он. В его голосе все еще слышался деревенский говор — а вот пьяная бессвязность куда-то делась.

Я в последний раз крутанула своему обидчику палец и отпустила его.

Мужчина вскочил, потряс рукой и спрятал ее под мышку.

— Я ж ничего такого, ну. Просто играл свою роль, только и всего.

— Играл роль? Оно и видно, — я взяла одну из кружек и вылила на землю прозрачную жидкость. — Вода из колодца? Даже болван вроде тебя от воды не опьянеет, Джефф. Или Тоби?

— Ни то ни другое, — огрызнулся он. — Незачем тебе знать мое имя.

Верити опустила куртку.

— Джули, это все прикрытие на случай, если марсиане увидят.

— Вот именно, — сказал мой обидчик. — Они привыкли видеть здесь пьянчуг, которые над ними потешаются, даже когда они приходят на нас посмотреть. Главное — держаться подальше от их щупалец и сетей… Вряд ли им хватит ума отличить настоящего пьяницу от притворщика.

— Ты, я смотрю, вжился в роль.

— Ну а что такого? И где ты научилась таким приемам?

— В Париже, если тебе так интересно. Во время Первой войны мы с невесткой бежали из Лондона, и нам пришлось пробиваться через мужланов вроде тебя. А после войны я научилась защищаться как следует.

— Да я не хотел…

— Так тебе и надо, — отрезала Верити. — Ладно, пойдем, Мариотт нас ждет. — Она оттолкнула мужчин и без дальнейших проволочек повела меня под прохладную сень трактира.

22. Мариотт

Человека, известного как Мариотт, мы нашли в подвале. Разумеется, марсиане не имели никакого представления о человеческих именах, но, видимо, секретность во время подобных операций входит в привычку.

Мариотт был смуглый и темноволосый, низкорослый, лет пятидесяти, с выраженным лондонским акцентом. Он угостил нас чаем, кипяток для которого налил из дьюаровского сосуда.

Подвал, где слегка пахло сыростью, освещали коптящие свечи — с виду самодельные. Большую часть пространства занимали привычные для таких мест вещи: стойки с пустыми пивными бочками, бочонками поменьше, картонными коробками и трубами, стеллажи с бутылками. Но были там и довольно неожиданные предметы: груда винтовок, ящики с боеприпасами и даже что-то вроде пулемета. На стенах были развешаны карты — точные и качественные, явно предназначенные для военных. На картах было много карандашных пометок, красных и белых, а некоторые участки были закрашены синим — должно быть, так отмечали затопленные об-

ласти. На столе у стены стояло что-то похожее на радиоприемник.

Мариотт сел в кресло за красивым широким столом, который смотрелся в этом подвале очень странно, а мы уселись на табуретки, видимо принесенные из бара. На столе под кремневым пресс-папье лежали бумаги.

— Простите моих ребят за эти выходки, — извинился Мариотт, когда Верити вкратце описала оказанный нам прием. — Все ради прикрытия, — он махнул рукой. — Понимаете, почему трактиры так полезны? Даже марсиане знают, что в таких местах постоянно околачиваются люди. А еще в трактирах есть подвалы вроде этого, где можно обстряпывать любые дела без ведома марсиан. Все, что вы видели наверху, — фальшивка, в том числе… как они назвались?

— Джефф и Тоби.

Верити не сиделось на месте. Она встала с табурета и принялась бродить по подвалу, разглядывая карты, читая ярлыки на коробках и ящиках.

— Сойдет, — сказал Мариотт. — Но пиво у нас кончилось на вторую или третью ночь. Ха! Быстро же мы осушили тут все до дна. И, конечно, электричества и даже водопровода у нас нет. Но

ничего, справляемся, — он улыбнулся, довольный своим подпольным королевством.

Во мне крепла уверенность, что этот человек мне не нравится, какой бы он ни был храбрец и какими бы благородными мотивами ни руководствовался. Чтобы слегка задеть Мариотта, я проигнорировала его слова и повернулась к Верити.

— Как вы вообще с ними связались?

— Скорее, они со мной, — пробормотала Верити. — Жаль, ярлыки неразборчивые… С тех пор, как жизнь в Эбботсдейле вошла в привычную колею, мне… не сиделось на месте.

— Дурное это дело, — Мариотт снова вклинился в разговор. — Жить бок о бок с марсианами, мириться с этим, идти на жертвы. Хотя, пожалуй, это лучше, чем когда марсиане просто заявляются, как чудища из книг Брэма Стокера, и забирают людей. Но все равно это отвратительное каждодневное унижение. Да, именно унижение.

— Затем и нужно то, что вы делаете, — сказала я.

Он просиял.

— Пока что мы особо не преуспели, хотя на завтра запланировано кое-что интересное. Но мы делаем, что можем. И да, мы постоянно ищем

добровольцев. Когда человек не желает быть покорным агнцем, это всегда чувствуется. Видно по глазам.

— Так вы и нашли Верити.

— Да.

Верити разглядывала пыльный револьвер.

— Я так понимаю, большая часть всего этого — старье, оставшееся с первых дней вторжения.

— Да, почти все это оружие принадлежало солдатам, оказавшимся в ловушке внутри Кордона. Есть, конечно, еще, и довольно много. На тайных складах. Оттуда же мы берем и боеприпасы. Нам пытались присылать их самолетами…

— Но марсиане их сбили, — закончила Верити. — Похоже, они умеют каким-то образом определять, есть ли в грузе оружие и боеприпасы. А вот передавать лекарства, одежду и еду они позволяют, по крайней мере, почти всегда. Видимо, предпочитают не рисковать. В ящиках динамит, верно?

— Не военный. Он был нужен для разработки карьеров, сноса зданий и всего в таком роде. Мне рассказывали, что даже фермеры использовали этот динамит, чтобы корчевать пни, — он улыбнулся. — Мы с самого вторжения тайно свозили его сюда.

Верити нахмурилась.

— Вторжение было два года назад, — она оглядела ящики, снова пытаясь разобрать надписи на ярлыках.

— У нас его еще много припрятано, даже прямо возле марсианских ям. В нашей команде есть каменотес, он показал, как нужно закладывать заряды. Говорил, что это как высекать скульптуру, только вместо мрамора — сама земная твердь, которой надо придать нужную форму.

Земная твердь, которой надо придать нужную форму. Эта фраза еще долго крутилась у меня в голове, хотя тогда я не понимала почему. Теперь, оглядываясь назад, я могу предположить, что уже тогда догадка начала созревать у меня в мыслях, как зерно, упавшее во влажную почву. Но об этом — в свое время.

Верити занимали более насущные вопросы.

— А ваш эксперт вас не учил, как нужно хранить динамит?

Он не обратил внимания на ее слова.

— Теперь мы ждем только команды.

— Похоже, вы быстро подготовились, — сказала я, рискуя ему польстить.

— Это верно. И все благодаря капитану Толчарду. Он из тех военных, что здесь застряли.

Ему уже за пятьдесят, довольно пожилой, но зато в свое время научился некоторым приемам франтиреров, когда они еще только готовились к возможному вторжению немцев в Англию. Тяжко вспоминать былые времена, правда? Мы столького боялись, а ничего так и не сбылось, не считая самого страшного. В общем, он быстро все подготовил для борьбы с марсианами. Удостоверился, что у нас есть запасы оружия и всего необходимого. И нашел много добровольцев — многие из нас раньше состояли в Фирде или служили.

— А теперь где он?

— Кто, Толчард? Представьте себе, его забрали марсиане. Просто не повезло. Я сам видел, как этот человек — а он ведь с бурами в свое время сражался, понимаете? — стремглав убегал, точно крыса, пока в конце концов не попал под щупальце.

— И теперь вы за главного.

— Да уж, сущее наказание. Я сам был в Фирде младшим лейтенантом. Но работал управляющим банка на Чипсайд, — он хлопнул по столу. — Приехал сюда, решил немного отдохнуть в деревне. До того я никогда здесь не был, да и вообще мало куда выезжал с тех пор, как овдовел.

Но все же надеялся развеяться и весело провести несколько дней. А потом нагрянули марсиане — и все, я здесь застрял. Повезло так повезло.

— Управляющий банка, значит.

— Да уж, здесь мало кому нужны такие навыки. Но вот этот стол мне достался из отделения в Грейт-Миссендене — он там зря простаивал. Рабочее место нужно обставлять как следует, — он постучал себя по голове. — Много всего приходится планировать, и кто-то должен этим заниматься.

— Эти ящики динамита… — протянула Верити. — Они прибыли из Сомерсет-Уэста, это фабрика в Южной Африке. Я, конечно, не эксперт, но последние два года я много общалась с военными. Даты найти не могу, но с виду коробки довольно старые — наверняка им куда больше двух лет. Вы их не переворачиваете?

Он только отмахнулся и сурово сказал:

— У меня в штате солдаты-профессионалы, и такие вопросы я доверяю им. И вам советую.

— Но…

— Может быть, вы подойдете сюда, сядете рядом с подругой и расскажете, что вам от меня нужно?

Было очевидно, что покровительственный тон

Мариотта привел Верити в ярость и она не хотела просто так отказываться от расспросов про динамит, однако она кивнула.

— Расскажите ему, Джули.

— Мне нужно найти Альберта Кука.

Мариотт нахмурился:

— Чертов предатель.

— Слушайте, мне не важно, какого вы о нем мнения. Жители Эбботсдейла предпочитают держаться тише воды ниже травы, но вы должны знать, где он. Вы явно знаете об этой местности куда больше остальных.

Я встала и подошла к картам, развешанным над столом. Даже в тусклом свете я смогла различить названия.

— Эти карты нам специально передают по воздуху, — с некоторой гордостью сказал Мариотт.

— Вот Амершем, вот Эбботсдейл, а мы здесь, — указала я. Кольцо Кордона было жирно очерчено карандашом. — А эти красные точки…

— Запасные ямы, как мы их называем. Места, куда упали цилиндры, в отдалении от Кордона и от Редута — большого скопления ям в Амершеме.

Мне не выпадало случая подробно изучить карты захваченной местности — я только кра-

ем глаза видела их в кабинете Эрика Идена в Гэмпшире. Но расположение точек напоминало схемы, которые показывал мне Уолтер, разве что отмеченные синим области не вписывались в эту картину. Как некогда Уолтер на старой карте Суррея и Лондона, я провела пальцем вдоль точек и обнаружила, что они образуют петлю, а затем еще одну и в конце концов складываются в спираль диаметром миль в двадцать. Вся она располагалась в пределах Кордона.

— А что за линии соединяют ямы?

— Мы шутки ради называем их каналами. Марсиане копают между ямами проходы, но воды там нет. Понятия не имею, зачем они нужны.

Но теперь, глядя на карту, я видела: марсиане соединяли свои кратеры линиями, образуя тот самый знак, незавершенную версию которого Уолтер углядел в расположении воронок, оставшихся после нашествия седьмого года. Уолтер предсказывал, что они попытаются его воссоздать. И оказался прав.

— Вы дождались команды, верно? — спросила Верити. — Вы упомянули, что задумали на завтра «нечто интересное».

Мариотт поднялся из кресла и встал рядом со мной. От него слегка пахло сигарами и потом. Он

указал на голубую область на карте.

— Вот это место показалось нам многообещающим. Марсиане ненароком возвели здесь дамбу, затопив территорию, и небольшой заряд, разорвавшись в этом месте, может нанести много разрушений. Нам дали добро на попытку. Без приказа мы ничего не делаем, мы ведь солдаты, а не сброд какой-нибудь. Капитан Толчард так завещал.

— Слушайте, — вмешалась я, — мне нужен только Кук. Вы знаете, где он, или нет?

Я видела по лицу Мариотта, что он разрывается между осторожностью и желанием покрасоваться.

— Да, — в конце концов уступил он. — Знаю. Вот что я вам скажу: как говорят, людям он точно не друг. Но, по крайней мере, он сам себе хозяин.

— В отличие от жителей Эбботсдейла? — уточнила Верити.

— Именно. Он не сидит без дела, уминая картошку и раздавая команды.

— Так вы поможете найти Кука?

Мариотт задумался.

— А давайте так: вы поможете нам завтра, а послезавтра мы доставим вас к Куку. Как вам такая мысль?

Мы с Верити переглянулись. Похоже, выбора у нас не было.

— Что ж, ладно. Но чем мы сможем вам помочь? Надо будет таскать ящики с динамитом? Как уже убедились Джефф и Тоби, мы сильнее, чем кажемся на первый взгляд.

Верити коснулась моей руки.

— Нет, — твердо сказала она. — Давайте оставим это дело экспертам.

23. Вольные стрелки Бакингемшира

Ночь в трактире выдалась относительно уютной. Нам с Верити пришлось делить комнату на верхнем этаже, которую, видимо, когда-то сдавали путешественникам; там был отдельный умывальник, правда, без воды, а под кроватью — ночной горшок.

Как ни странно, в те тревожные времена мне почти всегда неплохо спалось. Словно я устала постоянно жить в страхе. То же было и с моей матерью, когда она умирала от болезни легких. Невозможно все время бояться; в конце концов, страх отходит на задворки ума, вытесненный житейскими заботами. Да и над бедным Беном Греем, думаю, я уже выплакала все глаза.

Помимо прочего, меня изрядно утомила поездка на велосипедах. Удивительное дело, но сегодня ветераны Второй войны зачастую с ностальгией вспоминают, каким чистым в те годы был английский воздух. Почти все промышленные предприятия в южных графствах прекратили работу, и Кордон был сущим раем для велосипедистов.

Проснувшись утром, я с облегчением обнару-

жила, что никто из Эбботсдейла нас не выследил — ни Фрэнк, ни даже Тед Лейн. Значит, план оставался в силе.

Мы позавтракали крольчатиной с картошкой, запили все это вполне приличным крапивным чаем и разузнали, в чем состоит замысел Мариотта. Как оказалось, за ночь он его немного доработал, чтобы выделить нам важную роль. Мариотт перенес карты из подвала в зал, чтобы показать их нам. Как выяснилось, я уже успела мельком увидеть место предстоящей операции: это был тот самый затопленный участок к западу от Амершема, который я заметила с холма.

Бывший управляющий банка водил бледным пальцем вдоль линий на карте.

— Это река Мисборн. Течение в ней слабое. Она берет начало в Грейт-Миссендене, вот здесь, и течет на юго-восток, в долину, через старую часть Амершема, а в конце концов сливается с рекой Колн возле моста Вестерн-Авеню, вот тут. Точнее, так было раньше. Когда в Амершем прибыли марсиане, земляной вал, оставшийся вокруг места их посадки, образовал нечто вроде дамбы, — он указал на голубые штрихи. — В зависимости от осадков и времени года вода прибывает и убывает, но долина Мисборн постоянно затоплена

— вплоть до Литтл-Миссендена. А вот здесь эта дамба преграждает прежнее русло реки.

Это было у деревни под названием Мантлс-Грин, на пересечении Уайкомб-роуд, где располагался наш трактир, и главной дороги, ведущей на юг Амершема в сторону Аксбриджа и Лондона.

— И, как мы знаем, марсиане мало что смыслят в реках и водоемах, потому что воды у них на планете мало, — сказала я.

— Именно.

Верити кивнула:

— Понятно. Вы хотите взорвать дамбу.

— Не я, но мои люди… Как вы верно заметили, мисс Эльфинстон, марсиане наивны как дети, когда речь заходит о воде. Дамба удерживает огромную массу воды, которая, разумеется, весит в три раза больше, чем весила бы на Марсе. Уверен, марсиане этого не понимают и именно поэтому оставили дамбу без охраны и без каких-либо дополнительных укреплений. А ведь ниже по течению, в руинах Амершема, находится их цитадель, то, что, по всеобщему мнению, можно назвать главным штабом марсиан в Англии, — Редут. Мы уничтожим дамбу и затопим Редут. Они даже не успеют понять, что произошло.

Верити снова кивнула.

— Понимаю, почему эту затею одобрили. Можно не на шутку навредить марсианам, — она поглядела на «Тоби» и «Джеффа», — ничем особо не рискуя.

Один из них, тот, что пытался меня ущипнуть, как будто бы оскорбился. Другой, который был повеселее, послал ей воздушный поцелуй.

— Марсиане с подозрением относятся ко всем движущимся транспортным средствам. Но если ехать спокойно, они могут и не напасть, по крайней мере, сразу. И здесь пригодитесь вы.

Верити хмыкнула.

— Как прикрытие?

— Насколько мы успели убедиться, марсиане умеют различать мужчин и женщин…

Это было верно и до сих пор оставалось загадкой для ученых, которые не раз указывали на бесполость самих марсиан.

— Также марсиане, судя по всему, знают, что их скорее атакует группа мужчин, чем группа мужчин и женщин. Вы для них будете просто двумя парочками влюбленных, решивших покататься. Возможно, получится выиграть немного времени. Особенно если вы будете вести себя так, будто вы навеселе…

Таков был план. Пока Мариотт обсуждал детали

с мужчинами, Верити отвела меня в сторону.

— Похоже, отказаться мы не можем, — пробормотала я. — Если хотим, чтобы нам помогли найти Кука. Да и мысль в общем-то неплохая.

Верити, у которой военного опыта было больше, отнеслась к идее с сомнением.

— Пожалуй. Но в компании этих болванов — банковского управляющего и парочки похотливых шутов — нам повезет, если останемся целы. Очень может быть, что в нашем случае единственный шанс навредить марсианам — сделать так, чтобы они, глядя на нас, надорвали животы от смеха… Кстати, а марсиане вообще смеются?

— Ученые пока не сошлись во мнениях на этот счет, — с напускной серьезностью ответила я.

— И насчет этого динамита у меня тоже неважное предчувствие. Давайте вот как договоримся: делайте все то же, что и я…

В течение часа машины были готовы — их оказалось две.

И что это были за машины! Меня очень впечатлил «роллс-ройс», в котором Фрэнк за мной приехал. Но там я увидела автомобили еще дороже — «мерседес» недавней модели и еще один «роллс-ройс», «Серебряный призрак». Крыши,

впрочем, были сняты, чтобы марсиане видели пассажиров, а к кузовам были приварены и примотаны железные и стальные плиты. В багажнике «роллс-ройса» я увидела ящик с динамитом.

Что и говорить, все трое мужчин прямо-таки сияли, пока мы разглядывали машины.

— Знаю, знаю, о чем вы думаете, — сказал Мариотт почти смущенно. — Как можно так обращаться с такими шикарными автомобилями? Особенно с «Призраком». Пришлось разобрать кучу всякой рухляди, чтобы набить их железом как следует.

— А толку? — фыркнула Верити. — Тепловой луч прорежет все это в один миг.

— Это на один миг больше, чем у нас было бы без брони. Представьте: мы едем к марсианам и нарезаем круги у них под носом. Они видят в машине нас, таких милых и невинных. А потом мы достаем гранаты и швыряем прямо им под ноги, — он покрутил воображаемый руль, делая вид, будто ведет машину. — Марсиане стреляют — пш-ш-ш! Приложит нас, конечно, знатно, но, если повезет, жить будем. Хотя бы еще минутку протянем. И поможет нам эта самая броня. Бух! Бабах!

Казалось, что он, управляющий банком, представляет себе все как игру в солдатики. Но я не стала насмехаться над ним. Пусть даже Мариотт с нами не ехал, он был куда храбрее, чем все, кого я встречала внутри Кордона. Кроме Верити. И уж точно немало храбрости нужно было для того, чтобы отправиться навстречу боевым машинам в открытом автомобиле.

— Вам лучше поехать в «ройсе» вместе с Джеффом, — сказал Мариотт. Джеффом он назвал любителя пощипать дам за мягкие места. — У «мерседеса» сзади много хлама. Мы надеемся соорудить крутящуюся пулеметную турель, как, знаете…

— Мы поедем на «мерседесе», — твердо сказала Верити.

— Уверены? А то…

— Уверены.

Мариотт пожал плечами и повернулся к своим людям, чтобы дать им последние указания.

Мы пожали друг другу руки на прощание, и это не был дежурный жест. Затем расселись по машинам: было решено, что Тоби поедет с нами на «мерседесе», а за ним пристроится Джефф на «роллс-ройсе» с динамитом. Именно это распределение по машинам — и предусмотрительность

Верити — спасло нам жизнь.

Итак, мы отправились в путь.

Было странно, по крайней мере первые полмили, ехать по пустой, освещенной солнцем дороге через обманчиво мирный клочок английской сельской местности. В салоне необычно пахло: это был не привычный аромат дорогого автомобиля, кожи и моющего средства, а куда менее приятный запах стали и пороха. Я немного досадовала, что большую часть вещей пришлось оставить в трактире. Впрочем, у Верити при себе остались аптечка и револьвер. А у меня в кармане куртки лежали послания Уолтера.

Все началось еще до того, как мы успели добраться до воды.

Тоби заметил его первым.

— Марсианин! — прошептал он.

Впереди, на зеленом лугу, мы увидели боевую машину, которая шагала на северо-запад. Большего невезения трудно было представить: похоже, марсианин возвращался из патруля и столкнулся с нами. В том, что он нас заметил, сомневаться не приходилось — марсианин тут же ускорил шаг и причудливой вихляющей походкой поспешил к нам.

Тоби мгновенно вдавил педаль газа, и машина

рванула вперед.

— Нужно успеть раньше него! — крикнул он. — Если заложим заряды, хотя бы выбросим ящик из «ройса»…

Мы с Верити в ужасе переглянулись: это было полнейшее безумие. Лучше уж выскочить из машины и спрятаться в канаве, чем лететь навстречу врагу! Но нас никто не спрашивал — за рулем был Тоби. Оглянувшись, мы увидели, что и Джефф следует за нами на той же скорости.

Мы помчались вниз по холму, и впереди я уже видела дамбу — двухлетнюю насыпь, поросшую красной марсианской травой. Вода за дамбой, заливавшая долину слева от нас, тоже была покрыта красной и зеленой растительностью — марсианская и земная природа смешались здесь воедино. Я не увидела там марсиан — и потеряла из виду того, кто нас заметил.

Зато он нас не потерял.

Мне показалось, что я услышала треск, как от электрических искр, и ощутила запах электричества — возможно, так пахла плазма, в которую превращался воздух, пронзенный тепловым лучом. Луч пронесся совсем рядом, но все же мимо. Дальность выстрела теплового луча измеряется милями, но прицелиться было делом техники, и

даже марсиане иногда промахивались.

Удар пришелся на дорогу позади нас. Я оглянулась и увидела свежую воронку, обломки камня и асфальта, еще не успевшие осыпаться на землю, и «роллс-ройс» с Джеффом и ящиком динамита, который вот-вот должен был въехать в эту воронку.

— Держись! — закричала Верити и пригнулась, закрыв голову руками.

Позже мы разобрались, что произошло.

Верити с самого начала подозревала об опасности, однако так и не смогла донести свои опасения до Мариотта. Чувство вины мучило ее, но зря: Мариотт все равно бы к ней не прислушался.

Динамит — вещество нестабильное. Он на три четверти состоит из нитроглицерина. Со временем динамит начинает «потеть» — нитроглицерин протекает и собирается на дне контейнера. Потому-то Верити и спросила Мариотта, переворачивает ли он ящики, — опытный человек делал бы это регулярно. Хуже того, нитроглицерин может кристаллизироваться снаружи шашек, из-за чего конструкция становится еще чувствительнее к движению и ударам. Большинство производителей сказали бы, что динамит при соблюдении всех должных условий можно

хранить не больше года. Ящикам, которые Верити нашла в подвале, было не меньше двух лет, и условия, в которых они хранились, никак нельзя было назвать подходящими.

Позднее она сказала, что если бы Мариотт и его подручные даже до операции с дамбой просто уронили ящик в подвале…

Я смотрела, как «роллс-ройс» съезжает в кратер.

Взрыв подбросил нашу машину в воздух, словно игрушечную. Даже в тот миг, когда моя собственная жизнь висела на волоске, меня охватил страх за нашего водителя Тоби. Но позднее мы поняли, что, скорее всего, он мгновенно умер в искореженном автомобиле.

А нас с Верити вышвырнуло через открытую крышу и понесло прочь вместе с обломками машины. И мы обе, к огромной удаче, рухнули в воду.

Я с силой ударилась о ее поверхность, однако мое падение смягчили подводные растения. Некоторые были желто-зелеными, земных цветов, но большая часть — красными, уродливого марсианского оттенка. Поначалу я даже не пыталась шевелиться. Потрясенная, я почти с радостью ощутила под собой мягкие листья и тугие стебли.

Казалось, будто меня подхватила чья-то огромная ладонь. Странно, но уколов шипов, которые я до того приметила на марсианских растениях, я не чувствовала — поначалу.

Я видела над собой поверхность воды и дрожащий солнечный круг — а потом заметила тонкий силуэт марсианина. Он смотрел на меня спокойно и бесстрастно, как биолог на головастика, извивающегося в пруду. Я попыталась вдохнуть — кажется, взрыв выбил у меня из легких весь воздух — и вода, словно холодный суп, полилась в горло. Меня охватил ужас, и я наконец начала барахтаться. Но шипы цеплялись за одежду и царапали тело. Они впились в меня и не отпускали. Это были не просто растения — это были смертоносные разумные существа. И я была беспомощна перед ними.

Моя грудь сжалась, но при попытке выдохнуть воду я наглоталась еще сильнее. Я старалась вырваться из цепкой хватки красных растений, но, будто в кошмаре, чем яростнее я сопротивлялась, тем крепче они меня держали.

Я сдалась. Понимая, что там и умру, и точно зная это, я попыталась принять свою участь. Помню, что не молилась, что на меня, вопреки расхожему поверью, не нахлынули воспомина-

ния и сожаления. Я просто замерла и надеялась, что мне удастся избежать долгих страданий.

А потом я увидела перед собой его.

Он походил на человека, пусть даже его тело покрывали гладкие волосы, на руках, которые он тянул ко мне, между пальцами были перепонки, а из прорезей на горле выходили пузырьки воздуха. Неужели это были жабры? Его пах и грудь были покрыты волосами, но каким-то образом я поняла, что он мужского пола.

Он спустился ко мне, стоя в воде в полный рост, держась на плаву с помощью легких движений пальцев и перепончатых ног. Кажется, я заметила у него на груди крест, сверкнувший золотом. Распятие? Он взял мое лицо в ладони, и я почувствовала холод его пальцев.

А затем он поцеловал меня. Я ощутила, как его губы — тоже холодные — касаются моих, и воздух, густой и горячий, проникает мне в рот. Я закашлялась, выплевывая воду в рот незнакомцу, но он прижал свои губы вплотную к моим и не отводил их, пока я сотрясалась и заходилась кашлем. Его сильные руки тем временем освобождали меня от враждебных растений — стебель за стеблем, шип за шипом.

Внезапно я оказалась на свободе. Он схватил

меня под мышки, всего раз толкнулся ногами, и мы устремились к поверхности, все так же соприкасаясь губами. В следующий миг я потеряла сознание.

24. Пробуждение

Я выплыла из забытья подобно тому, как ранее поднялась к свету из мрачных глубин. Мир вокруг стал обретать очертания и оказался вполне знакомым и привычным.

Я лежала в кровати в обычной комнате с окнами и дверью и слышала, как дождь барабанит по крыше. Вдалеке раздавались раскаты грома — не рокот оружия, не грохот взрывов, которыми обычно сопровождалось наступление марсиан. Просто шум грозы.

Но я погрузилась обратно в сон, блаженный сон, который позволял мне ни о чем не думать.

Когда я снова проснулась, вокруг было светлее, но свет стал мягче. Дождь все барабанил, однако грома больше не было слышно — гроза закончилась. Теперь я осознала, что лежу в чьей-то чужой ночной сорочке, едва ли не полностью состоящей из рюшей и оборок, а постельное белье отдает затхлостью.

Я повернулась на бок и увидела возле окна знакомую фигуру.

— Верити?

Она с улыбкой обернулась ко мне.

— Проснулась. Ты спала неспокойно, бормотала что-то. Звала кого-то по имени Бен. Я не хотела тебя будить. Нет, не вставай, не надо.

Верити подошла ко мне, и я увидела, что одна рука у нее висит на кое-как сделанной перевязи. Аптечка, которую Верити носила на поясе, теперь лежала раскрытой на столе среди пыльного хлама: там были часы, судя по виду, сломавшиеся еще веке в девятнадцатом, уродливая церковная утварь, выцветшие фотографии в серебряных рамках.

Верити потрогала мой лоб, сунула мне в рот градусник, прощупала пульс, прослушала меня стетоскопом. Затем дала мне стакан воды, который я с благодарностью осушила.

— Не волнуйся, вода свежая, — я расставила ведра под дождем.

— Это я должна за тобой ухаживать, — хрипло ответила я. Горло саднило, а где-то в груди чувствовалась смутная боль. — Ты сломала руку?

— Трещина в кости. Зато ты чуть не утонула. Если бы не китериец, который тебя спас…

Перед глазами вспышкой мелькнуло все произошедшее.

— Да. Он… это же был он, а не она?

— О да.

— «Китериец»?

— Человек с Венеры. Их так зовут ученые. Я слышала по радио.

— Там, под водой, он был похож на ангела, — и снова проблеск воспоминаний. — И на нем было распятие, Верити!

Она улыбнулась.

— Да. Похоже, они теперь повально увлеклись религией. По мне, так во всем виноват викарий из Эбботсдейла. Китерийцы, как ты понимаешь, околоводные существа. Им бы спасателями в бассейнах работать, — она коснулась больной руки и поморщилась. — А вот залечивать переломы они не мастера. У нас с ними по-разному устроен скелет — кажется, даже кости у них состоят из какого-то другого вещества.

Верити была права. Исследования образцов, найденных в 1907 году, показали, что у гуманоидов на Марсе скелеты на основе кремния. Вероятно, потому что кремний очень часто встречается в камнях и пыли на сухой поверхности этой планеты. В свою очередь, кости китерийцев, как показали проведенные позднее исследования, основаны на плотных формах углерода и состоят из длинных молекул, придающих им эластичность. Для прямохождения при сильной

гравитации такие кости не очень подходят, но для тех, кто плавает в воде как тюлень, лучшего и придумать нельзя.

— Если решишь лечиться по методу китерийцев, будь готова, что тебя будут облизывать и купать в грязи. Но я не была уверена, что все это мне поможет, поэтому справилась по старинке, с бинтом и шиной. Мне помог Чарли.

— Чарли?

— Тот китериец с распятием, который тебя спас. Я подозреваю, он провел среди людей больше времени, чем другие.

— Но почему Чарли?

Верити улыбнулась.

— Среди сородичей у него явно есть другое имя. Я его назвала в честь Чарльза Дэниелса, который на Олимпийских играх 1904 года завоевал все золотые медали по плаванию — помнишь? Наверное, нет. Игры проходили в Сент-Луисе, и мы с сестрой и отцом поехали…

— Ты позволила этому гуманоиду наложить тебе шину?

— Получилось, конечно, топорно. Будто ее накладывал орангутан, пусть даже и смышленый, — в его действиях было больше силы, чем аккуратности. Но он разобрался, что надо делать.

Китерийцы все-таки умнее большинства высших приматов, хоть с людьми и не сравнятся.

— Господи Боже, Верити, ты бы еще тем клоунам из трактира предложила наложить шину.

— Они оба мертвы, — просто ответила она. — Динамит взорвался, помнишь? Ты больше суток пролежала без сознания.

Я посмотрела в окно на серое небо.

— Даже погода за это время переменилась.

Я все помнила, но как в тумане. Кусочки мозаики путались в голове, и сложить их в единую картину мне удалось лишь позднее.

— Нет, серьезно, люди с Венеры!

Верити снова улыбнулась.

— Даже если учесть, сколько всего мы уже успели повидать, — удивительно, правда? Хочешь их увидеть? — Она встала. — Сейчас как раз время обеда. С этим домом нам повезло. Видимо, жильцы покинули его после потопа; мы сейчас, по сути, находимся на острове. В кладовке приличный запас консервов, есть дождевая вода для питья — в общем, беспокоиться не о чем. Я растопила печь в гостиной, так что горячей воды тоже хватит. Прополоскала твою одежду, она, наверное, уже высохла… Проводить тебя в ванную? Хотя я, конечно, уже тебя помыла… Не смущайся!

Я ведь все-таки медсестра… в некотором роде.

Я снова заснула и снова проснулась.

Полностью придя в себя — по крайней мере, так мне казалось, — я с тревогой подумала о времени, оставшемся в моем распоряжении. Новое противостояние планет ожидалось летом, а значит, следующая волна марсианских цилиндров уже могла быть в космосе, — Уолтер и Эрик это прекрасно знали. Я должна была завершить свою миссию до того, как они доберутся до нас. Вот только я даже не знала, какое сегодня число, не говоря уже о том, когда марсиане снова нападут.

Я выбралась из постели, слегка пошатываясь, и отправилась на поиски календаря. Календарь не нашелся, зато обнаружился дневник. Я пролистала его, скользя взглядом по заметкам о днях рождения всяких племянниц и юбилеях разных умерших родственников, написанным неразборчивым старушечьим почерком, и попыталась обдумать свое положение. Как бы Уолтер рассуждал на моем месте? День, когда планеты сойдутся ближе всего, наступит в июне, а высадка марсиан, если вообще произойдет, должна случиться за три недели и один день до того… Но когда именно ожидалось противостояние? Мне казалось, что 10 июня, но я не была уверена. И какое сегодня

число? В комнате не было ничего, что помогло бы мне узнать ответ, даже радиоприемника.

Я снова почувствовала недомогание и вернулась в постель, твердо вознамерившись потом спросить у Верити, какое число на дворе. Но забыла. Забыла.

Разбудила меня новая тревога. Я вылезла из кровати, порылась в вещах и наконец нашла на комоде рисунки Уолтера. Они все так же лежали в кожаной папке, которая оказалась не только прочной, но и водонепроницаемой. Рисунки были невредимы. Я снова заснула.

25. На вилле у китерийцев

Проснувшись вновь, ближе к вечеру, я почувствовала себя гораздо лучше.

Встать я смогла без посторонней помощи. Приятно было наконец стянуть сорочку, которую, казалось, еще недавно носила женщина на несколько десятков лет старше меня, и выбраться из кровати, в которой поднималась туча пыли каждый раз, когда я ворочалась с боку на бок. Впрочем, Верити нельзя было винить в том, что она не стала перестилать мне постель, — перелом есть перелом. А пресловутые китерийцы пусть и хотели помочь, но в дом заходить, видимо, не порывались. Умыться и с помощью Верити переодеться в собственную одежду тоже было приятно.

Затем мы с ней уселись на маленькой веранде, заварив индийский чай, который нашли в запечатанной банке — редкая удача! — и поедали солонину с консервированными персиками. В самой веранде, несмотря на ее вычурность, не было ничего особо примечательного: такую вымощенную площадку с бордюром из невысоких колонн и парой львов при входе как раз и ожи-

даешь увидеть возле подобного жилища. Как я предположила, некогда на ее месте было здание, служившее домиком привратника. В целом все выглядело довольно прозаично — вернее, выглядело бы, если бы не потоп.

На дверях и стенах были видны пятна от брызг, и повсюду чувствовался запах сырости и гниения. Ковры все как один заплесневели. Но дом, подобно многим старинным зданиям, был возведен на небольшом возвышении. Поэтому, когда вода поднялась, он остался как бы на острове, окруженный озером, из которого торчали изгороди, телеграфные столбы и верхние этажи домов, которым повезло меньше. Зрелище было странное, навевающее тоску и в то же время парадоксально умиротворяющее. Этот дом словно сошел со страниц романа о далеком будущем, когда наша цивилизация окончательно распадется и ее останки будут медленно погружаться в безжизненное болото.

Открывавшийся с веранды пейзаж удивлял неожиданными сочетаниями цветов — как выяснилось позже, типично марсианскими. Красные водоросли раскинулись по поверхности воды, словно кувшинки, а на земле, еще свободной от них, по-прежнему зеленели земные травы и

деревья. Красные озера и океаны, зеленые континенты — ровно такую картину наши астрономы наблюдали на Марсе.

Здешние обитатели были под стать неземному пейзажу.

Мы с Верити до самого вечера просидели на веранде, укрывшись выцветшими одеялами: ели консервированные фрукты, пили чай и наблюдали за китерийцами. Они лениво плавали или отдыхали, лежа на спине и подставив солнцу волосатые животы. А потом вдруг молнией бросались в воду и выныривали, набрав полный рот красных водорослей.

Я сразу поняла, что китерийцы сильны, быстры и чуют добычу как прирожденные охотники, но в грязных водах Земли охотиться им было особо не на что. Они могли прокормиться только красными водорослями, доставленными сюда в цилиндрах с Марса. Но как же было удивительно смотреть, как худощавые китерийцы снуют в воде, будто тюлени, только с пугающе человеческими лицами на гладких обтекаемых головах!

Детеныши среди них тоже были — очертя голову они метались туда-сюда. Порой они выныривали на поверхность с каким-нибудь трофеем, будь то полевка или утонувшая крыса, и, радост-

но смеясь, хлопали в ладоши, а мы хлопали им в ответ. Они были очень похожи на человеческих детей.

На отдых китерийцы собирались парами или по трое-четверо. Дети прижимались к родителям или забирались им на спины и животы. Самые маленькие сосали крохотные груди матерей — и поскольку зубы у них были острые, это наверняка было очень больно. Я бы назвала эти группы семьями, но любой знаток вам скажет, что не стоит мерить всех человеческими мерками.

Тем, кто не видел китерийцев на воле, никогда не вообразить, как они грациозны, как изящны в игре. Я говорю «в игре», потому что именно игрой казалось мне каждое их движение, каждое действие, как бывает у выдр, тюленей и, может быть, дельфинов — разумных водных млекопитающих Земли.

Верити провела узницей в Кордоне два года и поэтому знала о товарищах по несчастью намного больше меня — и больше всех, кто жил снаружи. За прошедшие с тех пор годы нам довелось лучше изучить китерийцев как на свободе, так и в неволе (в тех странах, где в исследовательских целях допускается подобное обращение с разумными существами), а шведский физик и

химик Аррениус провел многодисциплинарное исследование природы этих существ и их происхождения.

Во-первых, можно точно сказать, что китерийцы, которых мы видели в Кордоне, действительно с Венеры. Самое веское доказательство этого для меня заключается в их физиологии. Сила китерийского скелета лишь немногим уступает человеческому — он приспособлен для предельно легкой гравитации Венеры. Для сравнения: скелет марсианских гуманоидов приспособлен к силе тяжести, составляющей треть от земной, и до крайности истончен. Природа не делает нас более крепкими, чем необходимо. Венера ближе к Солнцу, и от его яркого света китерийцев защищают маленькие глаза и способность кожи выдерживать солнечные лучи. Напротив, Марс отстоит от Солнца дальше, чем Земля, поэтому для нас там было бы очень сухо — и поэтому у марсианских гуманоидов такие большие глаза, которые слепит яркий свет.

На Венере, как утверждает Аррениус, тепло и очень влажно — это мир, полный болот и воды, заключенной в облаках и на поверхности. Это не столько планета, сколько одна большая лагуна. На ней примерно на двадцать — тридцать гра-

дусов жарче, чем в Конго, а влажность Венеры в шесть раз выше земной. Скапливаясь над поверхностью в виде пара, влага образует большие облака. Сквозь них не разглядеть из космоса саму планету, а китерийцы никогда не видят звезд. Но на Венере очень светло — должно быть, днем там равномерно освещено все небо.

К такому миру китерийцы приспособлены идеально. Их тело как нельзя лучше подходит для жизни в воде — и это не ограничивается перепонками на руках и ногах. У китерийцев сильные и объемные легкие, которые могут сохранять воздух даже под большим давлением. У них есть и жабры, которые я заметила при первой встрече с Чарли. Сердца у них целых три: одно для перекачки крови по телу, а еще два — дополнительные. Они качают кровь через жабры, которые извлекают из воды кислород. Мне говорили, что подобным свойством обладают земные осьминоги.

(Кстати, распространенность гуманоидов на разных планетах остается загадкой для ученых. Кто-то говорит, что дело в похожей среде обитания: по той же причине, например, дельфин — морское млекопитающее — стал походить на рыбу акулу. Другие полагают, что еще до

прилета марсиан на Землю имели место некие межпланетные миграции. Возможно, обитатели Юпитера или даже других, менее крупных, но более древних миров — Сатурна, Урана или Нептуна — посещали молодые планеты и оставили на них своего рода образец жизни. Но более глубинные различия, например в составе скелетов, будто бы говорят об обратном. Есть ли у нас космические родственники? На эту загадку нет ответа.)

Облачный слой Венеры такой плотный, что жар наверняка распространяется равномерно от экватора к полюсам. Поэтому, как утверждают последователи Аррениуса, флора и фауна на всей планете тоже должна быть универсальна. Говорят, что на планете без географических или сезонных изменений эволюция должна быть очень и очень медленной. Возможно, на Венере обитают куда менее интересные и сложно устроенные живые существа, чем на Земле; быть может, ее папоротниковые болота населены медлительными травоядными, которые ведут там ленивую размеренную жизнь. Но другие ученые указывают на очевидную разумность китерийцев. По уровню развития они сопоставимы с неандертальцами: охотятся, мастерят орудия труда, хоть и не слишком активно, потому что

доступного сырья мало. На Венере камни, из которых могли бы выйти мустьерские ручные топоры, погребены под целыми милями гниющей болотной растительности. А может, китерийцам просто не нужны все эти орудия. Некоторые считают, что китерийцы по природе своей эстеты: их разум заточен не на стремления, характерные для человечества, а на взаимодействие друг с другом и на простые физические удовольствия вроде плавания и соперничества между собой.

Стэплдон даже допустил, что на плодородной, влажной и теплой Венере могут быть и другие виды китерийцев — на клочках сухой земли, а может, даже в густых и плотных облаках. Там наверняка полно воздушной дичи, и, если так, местные летуны могли счастливо избежать марсианских охотников, когда те нагрянули на Венеру.

Однако, как мне показалось, некоторыми чертами поведения и физиологии китерийцы скорее напоминают не охотников, а добычу. Их самки вынашивают детей быстрее, чем мы; рождаются они активными, готовыми к опасностям и уже способными плавать — возможно, чтобы спасаться от хищников, привлеченных запахом родовых жидкостей. А еще порой они выказывают бо-

язнь перед чем-либо большим — сжимаются от страха при виде цеппелинов, убегают даже от тени газометров. Возможно, огромные существа вроде плиозавров стерегут океаны их планеты. И, может статься, не агрессия, а именно страх обеспечил их виду разумность — например потому, что для выживания необходимо было сотрудничать. Я наблюдала их недолго, но успела прийти к этой мысли.

Когда напали марсиане, китерийцы определенно стали добычей.

Верити сказала:

— Всех взрослых китерийцев доставили на Землю марсиане в своих цилиндрах. Видишь, сколько из них ранены? Если травмы не тяжелые, они скрыты под волосами, но есть у них и шишки, и ушибы, и плохо зажившие шрамы, у некоторых покусаны уши или даже не хватает пальцев. Все эти травмы они получили еще в цилиндрах — по крайней мере, мы так думаем.

— От марсиан?

— Возможно, не напрямую от них, — Верити повернулась ко мне. — Ты только представь, как все было! Рабство, похоже, изменило облик марсианских гуманоидов. Их так долго угнетали, что они будто бы эволюционировали, чтобы приспо-

собиться к этому. А вот китерийцы — сильные, крепкие, привыкшие к свободе — не такие. Окажись ты на их месте, в цилиндрах, в космосе, видя, как марсиане идут забрать тебя или твоих сородичей себе на ужин, — неужели ты не стала бы бороться за жизнь? Эти битвы в темноте космоса, битвы с собственными соплеменниками за шанс прожить подольше наверняка были отчаянными и жестокими.

— И все же некоторые дотянули до Земли.

— Возможно, таков и был план, — сказала Верити. — У китерийцев шансов выжить на Земле куда больше, чем у хилых марсианских гуманоидов. Потому-то марсиане их и выпустили, чтобы потом было кого разводить и на кого охотиться.

Я усмехнулась.

— Прямо как с кроликами в Австралии.

— Примерно, — она посмотрела на занятых игрой китерийцев. — Будем надеяться, что они не окажутся такими же вредителями, как те кролики, иначе на Земле им мало кто будет рад.

Незачем, вероятно, лишний раз подчеркивать, какое сильное впечатление производила на меня Верити Блисс. Фрэнк позднее говорил, что ее природный ум намного превосходил данное ей образование и при случае не замедлял проявить-

ся. Неудивительно, что ей доверили возглавить медсестер. Сейчас, глядя на то, как внимательно она наблюдает за китерийцами, я пришла к мысли, что где-нибудь в другом мире из нее вышел бы отличный ученый. Ее утрата, о которой я расскажу позднее, стала тяжелым ударом для нас обеих.

Солнце зашло, детеныши задремали, прижавшись к матерям. Взрослые стали расходиться по парам. Это был спонтанный процесс — вялое плавание взад-вперед, толкотня, тычки носом, ласки перепончатыми руками. Затем — в непосредственной близости от соседей и все еще на виду у нас — началось спаривание. По большей части они занимались этим лицом к лицу в воде: самки и самцы держались за торсы друг друга, самец совершал фрикции, а самка двигалась ему навстречу. Иногда самки поворачивались спиной к самцам, и их маленькие личики поднимались над водой. Они шумно дышали, и лица их ничего не выражали. А порой до, после или даже вместо обычного спаривания они ласкали друг друга руками и ртом.

Я не осмеливалась даже взглянуть на Верити.

Она рассмеялась:

— Ничего, привыкнешь. Они ничего не стес-

няются.

— Так, значит, несмотря на ум, их стоит все же считать животными? Животные не знают стыда, у них нет такого понятия.

— Не животными, нет. У них, между прочим, даже есть нечто вроде собственного языка. Его иногда слышно по ночам в тишине — такое размеренное журчание, как ручеек. Может, просто никакие святоши тысячелетиями не убеждали китерийцев, что их плоть греховна.

— А как же распятие у Чарли?

— Как я говорила, можешь сказать за это спасибо викарию из Эбботсдейла, — проворчала Верити. — Он просто одержим этой темой. Китерийцы тоже изгнаны из рая, как мы? А марсиане? Был ли марсианский Мессия, китерийский Христос? Нужно ли нести свидетельство о нашем Иисусе в другие миры? Согласись, вопросы занятные. Викарий попытался поговорить об этом с китерийцами. Я сама видела, как он лез в грязный мельничный пруд, чтобы вручить Чарли распятие! Видимо, тому понравилось, как оно блестит, — Верити посмотрела в воду, где все так же двигались темные фигуры, и подмигнула мне: — Между нами говоря, брачные игры китерийцев заинтересовали нашего викария сильнее, чем

следовало бы. Пойдем отсюда, я даже смотреть на них устала…

Я тоже устала, но вместе с тем была и очарована. Признаюсь, при виде марсианских гуманоидов я всегда испытывала некоторое отвращение — даже не от их внешности, а в целом от убогости этой расы. С китерийцами же я познакомилась недавно и видела в них своего рода «благородных дикарей».

Это, конечно же, только мое предвзятое восприятие. Китерийцы были животными — то есть людьми — с собственной культурой и биологией, как и марсиане, и в моем одобрении они явно не нуждались. Но на этих страницах я честно излагаю все свои мысли.

Мы вернулись в дом. Погасили плиту, на которой кипятили дождевую воду для питья, привели себя в порядок и легли спать.

Кажется, я снова сумела неплохо вздремнуть. Не припомню, чтобы мы строили на следующий день какие-нибудь важные планы. Хватало еды и даже чая. Нам все еще нужно было оправиться от произошедшего, а мне — к тому же передохнуть от долгого пути. Кажется, мы собирались остаться еще на пару дней, чтобы набраться сил и продумать следующий шаг — для которого прежде

всего надо было покинуть остров.

Что бы мы там ни планировали, сбыться этому было не суждено. Потому что через несколько часов нас разбудили дикие крики китерийцев.

26. Жатва

Мы столкнулись на лестнице — обе в чужих ночных сорочках.

— Ты слышала, — сказала Верити.

— Да. Одеваемся и уходим.

— Согласна.

Я поспешила назад в комнату. К счастью, накануне вечером мне хватило здравомыслия разложить дорожную одежду, а сумка у меня и так была почти собрана. Эту сумку с ремнем я нашла очень кстати, потому что любимый рюкзак пришлось оставить в гостинице Мариотта. Я оделась, упаковала остатки вещей, натянула ботинки, но Верити даже со сломанной рукой все равно собралась быстрее меня.

Мы поспешили вниз, прошли через кухню — даже в момент опасности я успела прихватить со стола коробочку с чаем — и выбрались на веранду, где накануне провели вечер. Веранда выходила на запад: небо было ясным, все еще серым, солнце пока не взошло. Перед нами простиралась затопленная местность, зловещая в своей неподвижности вода, поверхность которой покрывали плоские листья красных водорослей.

Китерийцев нигде не было видно, и крики тоже стихли. Казалось, будто их и не было никогда.

— Исчезли! — сказала я. — Но, думаю, им пришлось собирать даже меньше вещей, чем нам…

— Нет, — Верити указала на воду здоровой рукой. — Смотри, вон один.

Скользя под самой поверхностью воды, к нам стремительно приближалась тонкая фигура. Хотя движения ее рук и ног были едва заметны, скорость она развила изрядную. Оказавшись перед нами, китериец вынырнул из воды, окатив все вокруг брызгами. Это был Чарли — распятие все так же сверкало у него на груди. В прыжке он издал странный протяжный крик, затем ударил себя кулаком по виску и указал нам за спину, на восток. Потом плюхнулся на спину, нырнул в воду и исчез.

— Голова, — пробормотала Верити. — Он хотел сказать «голова». Предупреждал нас. Потому что китерийцы так называют…

Солнце наконец взошло, и нас накрыло длинной тенью, очертания которой было нетрудно узнать: знакомый колпак, три длинные ноги, щупальца, сжимающие камеру, и свисающая сеть, внутри которой что-то извивалось.

Голова. Что есть марсианин, как не голова без

тела? Китерийцы очень верно это подметили. И верно поступили, что сбежали.

Боевая машина возвышалась над домом, черная на фоне восхода. Мы только и могли, что стоять и смотреть на нее. Я видела, что марсианин намерен скорее схватить нас, чем прикончить. В его сетях уже болтались люди, будто пойманные рыбы, сваленные прямо друг на друга. Кто-то безвольно обмяк, кто-то боролся, хватался за сети, словно пытаясь разорвать их или выбраться наружу. До меня доносились едва различимые голоса, рыдания, крики, вопли ярости.

Затем я заметила в сотне футов еще одну сеть, свисающую прямо с колпака. У других марсиан я подобного не видела — казалось, будто огромная капля слюны вытекает из гигантского рта.

Насчет этой второй сети мне в голову пришла одна догадка. Я изо всех сил постаралась не поддаться панике, глядя, как существо наклоняется к нам и извлекает из-под корпуса длинное щупальце — металлическое, сверкающее, гибкое, не похожее ни на один механизм, созданный руками человека.

— Ленивая я дура! — яростно выпалила Верити. — Нужно было догадаться! Не смыкать глаз, как китерийцы, по очереди держать дозор. Ну,

теперь-то бежать уже без толку. Если, конечно, ты не предпочтешь кровопусканию тепловой луч.

— Нет, — я схватила ее за руку. — Стой.

Марсианин наклонился с некой зловещей грацией — он казался очень тяжелым, но совершенно не шатался, — и теперь щупальце было всего в нескольких ярдах от нас. Я уже различала кольца, из которых оно состояло, видела зазоры между ними; оно приближалось в клубах зеленого дыма, гибкое, извивающееся, и в его движениях виделась какая-то странная нежность.

Я снова бросила взгляд на сеть, свисавшую с колпака. Настал решающий момент. Во все горло я заорала:

— Кук! Альберт Кук!

Верити изумленно посмотрела на меня.

— Альберт Кук!

Щупальце замерло метрах в трех над нами. Казалось, вся боевая машина застыла на месте. Даже пленники, пойманные в сеть, отвлеклись от попыток спастись — я видела, как они ерзают и извиваются, движимые любопытством. Может быть, мои крики пробудили в них надежду — увы, тщетную, насколько я могла судить.

Вторая сеть, похожая на каплю слюны, стала медленно и плавно опускаться на удлиняющемся

кабеле. Вскоре я заметила, что в ней находится всего один человек, причем он не болтыхался внутри как рыба — нет, он сидел на мягком сиденье, как пилот в кабине биплана. Одет он был весьма странно: на нем было нечто вроде дорогой кожаной куртки, белый парик, как у судьи, и тяжелый золотой медальон на шее, как у мэра.

Он приблизился и увидел мое лицо, а я — его.

— Это вы! — сказала я.

— Это вы! — отозвался артиллерист.

27. Пилот боевой машины

— Что вы здесь делаете?

— Могу задать вам тот же вопрос! — крикнула я.

Верити, должно быть, не меньше меня перепугалась — мы были всего в нескольких футах от боевой машины! И все же она выглядела весьма решительно: одна рука на боку, другая на перевязи.

— Джули, ты не представишь меня своему приятелю?

Кук хмуро посмотрел на нее.

— Давайте-ка без дерзостей. Я вас знаю. Вы из той команды в Эбботсдейле, верно?

— Если даже и так, что с того?

— В таком случае будьте полюбезнее. Иначе в следующий раз, когда я захочу прокатиться по округе на своем лихом жеребце, я укажу ему на вас, а не заставлю отвернуться.

— Не верю, что у вас над ним столько власти. Хотя за это сиденье вы определенно продали душу.

Кук пожал плечами, будто ее выпад совсем его не задел.

— Верьте во что хотите. А вот с вами, — он по-

вернулся ко мне, — мы давненько не виделись. С тех пор как собрались поболтать в доме покойного астронома, еще до падения цилиндров. Вы меня искали?

— Да, — прямо сказала я, открыв тем самым хотя бы часть правды. — У меня послание.

— Для кого?

— Для марсиан. Вас с ними явно связывают некие… отношения.

Он усмехнулся:

— Учитывая, что они до сих пор меня не прикончили и не высосали мою кровь, полагаю, что так. Послание, значит? От кого же?

— От Уолтера Дженкинса.

В мгновение ока усмешка превратилась в гримасу ярости.

— Чертов лжец.

Я едва сдержала смех — сейчас он был бы совершенно неуместен. Этот человек болтается на корпусе марсианской машины-убийцы, но до сих пор держит обиду на то, как его образ исказили в написанной много лет назад книге?

— Неужели ты так мелочен, Берт? Даже здесь? Даже сейчас? Если мы все такие, то, пожалуй, поражение в этой войне мы заслужили.

— О, разумеется, заслужили, по крайней мере

большинство людей. Уолтер Дженкинс так уж точно. Глупый слабак — вот он кто. Нес столько чуши про утопии, про очищение общества, после которого станет возможным «развитие нравственности». Разве ты не понимаешь, что он жаждал именно этого? Как и другие сытые болваны вроде него. Апокалипсиса, который все разрушит. Что ж, я не такой рохля. Я не мечтаю о золотых городах будущего, полных… справедливости. Я принимаю апокалипсис. Это не просто веха на пути к цели — это и есть цель. Это конец. И я в нем живу. Я его населяю, — Кук усмехнулся. — Я ведь здесь, правда? Глядите!

С этим спорить не приходилось.

— Но мне вы поможете? Я ради этого проделала долгий путь.

Он снова улыбнулся — настроение Кука менялось так же резко, как и в былые времена, — и поправил парик.

— Ладно. Хотите поговорить — поговорим. Знаете Вест-Уайкомб, где пещеры?

— Я знаю, — сказала Верити.

— Отлично. Ступайте туда. Пойдете пешком, я вас подбросить не могу. Этот марсианин на такси не тянет, — и он загоготал над собственной шуткой. — На вашем месте я бы срезал путь и дер-

жался поближе к изгородям, — он ткнул пальцем в марсианина наверху. — Ребятки нынче голодны, ищут свежую кровь — ну, вы и сами видели. Потому мы и здесь. Эти рыболюди любят половодье, места много, есть где порезвиться. И поймать их тут легко, всегда есть какой-нибудь старый толстяк, который не успеет уплыть… — он в упор уставился на нас. — А вы как сюда попали?

Я посмотрела на Верити.

— Можно и рассказать. Мариотт все равно еще не скоро предпримет новую попытку. Берт, мы приехали, потому что местные франтиреры надеялись взорвать дамбу и затопить Редут — главную марсианскую яму.

Альберт оглядел местность, оценивая ее с точки зрения солдата.

— Я о таком не думал. Идея была бы ничего, если бы сработала. Что пошло не так? А впрочем, не важно. Теперь к ним уже не подобраться — марсиане обо всем догадаются и будут начеку, — он постучал себя по лбу. — Они сообразительнее нас, и забывать об этом не стоит. А вы держитесь в тени, как я и сказал. Берегитесь боевых машин. А когда доберетесь до Вест-Уайкомба, помашите платком или еще чем и крикните, что вас прислал Берт. Поняли? Моя Мэри стреляет метко

— по крайней мере, учится.

— Мэри?

— Увидите, если доживете, — он посмотрел на часы. — И да, не вздумайте шуметь. Когда вы туда доберетесь, ребенок уже будет спать.

Я посмотрела на Верити, но та только пожала плечами.

— Безумнее этот день уже вряд ли станет, — сказала она.

— А у меня между тем есть дела. Кролики-людишки сами за собой не побегают, — он криво усмехнулся. Под сиденьем у Кука был инструмент — тяжелый ржавый гаечный ключ. Он постучал им по кабелю, на котором висела сеть. — Эй, возница, гони на Пикадилли да не жалей лошадей!

Кабель стал сматываться обратно, и сеть плавно, беззвучно поползла вверх. Я отчетливо помню, как Кук поднимался, восседая в кресле, видимо извлеченном из разбитого самолета, в этом своем абсурдном наряде, в судейском парике, глядя на нас с ухмылкой, пока не слился с прочими деталями огромной инопланетной машины.

Затем марсианин зашагал прочь. Одна из исполинских ног пронеслась всего в нескольких ярдах над нашими головами. Люди в сети засуетились, стали звать нас, тянуть к нам руки. Может быть,

подумали, что мы уговаривали Кука их отпустить. Это, конечно, было глупо, но, окажись я вместе с ними в этих сетях смерти, тоже стала бы вымаливать спасение.

Через несколько мгновений крики стихли вдали.

28. В пещерах Вест-Уайкомба

Мы отправились строго на запад, миновали несколько деревень — Холмер-Грин, Хьюэнден, Нэпхилл. Затем повернули на юг и двинулись в Вест-Уайкомб, куда из Хай-Уайкомба вело шоссе. По совету Кука мы избегали больших дорог и открытых пространств — обходили поля, скрывались в тенях изгородей, пробирались через рощи. Людей нам по пути почти не встретилось. В этих местах жители привыкли прятаться.

Мы наспех пообедали консервами под сенью древнего дуба и выпили дождевой воды. За полдня, должно быть, удалось пройти около семи-восьми миль, но казалось, что больше. Мы обе были достаточно выносливы, но я еще не до конца оправилась после того, как недавно чуть не утонула. А рука у Верити, сдается мне, болела куда сильнее, чем та готова была признать, особенно когда приходилось перелезать через стены. Но мы преодолели этот путь.

Найти пещеры оказалось нетрудно. Вест-Уайкомб-хилл, увенчанный мавзолеем и церковью, был заметен издалека. Некогда на вершине колокольни красовался золотой шар, который было

видно за несколько миль. Верити считала это глупой прихотью кого-то, кому не давали покоя воспоминания о гран-туре в Венецию. Но мы застали церковь лежащей в руинах. Без сомнения, виной тому был беспощадный тепловой луч. От башни остались одни обломки, золотой шар бесследно исчез. Впрочем, это было не важно; мы думали только о том, чтобы целыми и невредимыми добраться до пещер.

Пещеры, как я узнала позже, и сами были реликвиями прошлого. После нескольких сезонов неурожая проживавшее в этих краях семейство Дэшвудов проявило неожиданное великодушие, наняв местных жителей добывать из холма мел. Его использовали для строительства дороги из Вест-Уайкомба в город, а нынешний глава Дэшвудов, будучи человеком весьма ушлым, превратил образовавшиеся в холме пещеры в своего рода памятник.

Мы обнаружили нечто вроде внутреннего двора под открытым небом, обнесенного стенами. Дверь, явно ведущая в пещеры, была расположена в стене с витражными окнами, облицованной кремнем. Это место чем-то напоминало старинное разрушенное аббатство, крыша которого обветшала и обвалилась. Мы со всей осторож-

ностью вошли во двор и направились ко входу в пещеры, стараясь держаться на свету, подняв руки и размахивая белыми платками. Даже крикнули:

— Нас прислал Берт! Мы друзья Альберта Кука! Мэри! Мы женщины и не вооружены!

Последнее было ложью.

Когда мы дошли до середины двора, раздался выстрел. Я не смогла не вздрогнуть, но мы остались на месте.

Верити также сохранила присутствие духа — ее дух был покрепче моего.

— Мы одни! — крикнула она. — С нами больше никого нет. Мы говорим правду, Мэри. Мы встретили Берта…

— Он мертв, да? Небось порылись в его карманах?

— Нет, — ответила я. — Он нас нашел. Ехал на боевой машине.

Верити выдавила ухмылку:

— Марсианский Буффало Билл.

— Звучит весьма убедительно.

— В таком случае можно нам войти? Мы правда не желаем вам зла. Джули знает Берта. И она есть в книге Дженкинса! Мэри, мы знаем, вы защищаете ребенка. Берт нас предупреждал, что вы

будете настороже, и понятно почему.

Последовала пауза.

— Ладно. Только держите руки на виду. Один неверный шаг — пристрелю. Если кто-то идет за вами хвостом и попытается застать меня врасплох — пристрелю их, а потом вас. Отсюда я достану любого.

Верити кивнула.

— Я вижу, Берт отлично вас обучил. Тогда мы заходим.

Мы пересекли двор и подошли к дверям. Там и стояла Мэри — низкорослая, смуглая, суровая, одетая в темно-синий саржевый комбинезон. За ее спиной я увидела освещенный свечами сводчатый туннель. У Мэри была винтовка, но она прислонила ее к стене и сейчас держала в руках револьвер: в ближнем бою он удобнее. Еще одно доказательство того, что уроки Берта не прошли даром.

— Ближе не подходить. Развернитесь. Руки к стене. Бросьте сумки, я их осмотрю.

Мы с Верити переглянулись и исполнили приказ.

Верити вздохнула:

— У меня в кобуре на поясе револьвер.

— Значит, вы солгали.

— А вы бы сразу сознались? Он на предохранителе, но заряжен. И в сумке есть запасные патроны.

— Ясно.

Мэри порылась в сумке Верити и достала оттуда оружие и патроны.

— Можно я их заберу, когда буду уходить?

– *Если* будете. Посмотрим, что скажет Берт.

Где-то вдалеке я услышала детский плач. Учитывая, что нас приставили к стене и вели с нами разговор об оружии, этот звук казался до крайности неуместным.

— Я отведу вас в Зал.

— Куда? — переспросила я.

— Увидите. Идите вперед, рядом, оставайтесь на виду; там горят свечи и лампы, так что не споткнетесь. Револьвер я уберу, но помните: он у меня под рукой, а я наловчилась быстро его доставать.

— Вам незачем из-за нас волноваться, — сказала Верити.

— Волноваться стоит вам. Вперед, живо! — приказала она, будто понукая лошадей.

И мы пошли вперед.

Если задуматься, пещера — превосходное укрытие от марсиан.

Для них это слепая зона. Предполагается, что марсиане не понимают, как устроены пещерные системы. В Центральной Англии пещеры карстовые: они образуются под действием проточной воды, которая точит камень. На Земле благодаря обилию воды подобное явление — обычное дело, чего не скажешь о Марсе. Не считая странных вулканических образований, пещеры на Марсе должны быть в диковинку. Но на Земле, тем более в Бакингемшире, их предостаточно. Позднее я узнала, что власти по всей стране использовали пещеры как средство укрытия от летательных аппаратов и от нападений марсиан.

Пещера Кука, разумеется, была не природного происхождения, но и грубым карьером, который мы ожидали увидеть, она не оказалась. Мы шли по аккуратному туннелю с ровным полом, вертикальными стенами и сводчатой крышей. Как и сказала Мэри, путь был хорошо освещен свечами и дымными масляными лампами. Я даже видела на стенах метки и следы от ударов — полагаю, их оставили рабочие, которые к тому времени уже были лет двести как мертвы.

Туннель вел в пару комнат, от одной из которых в разные стороны вели дополнительные коридоры, как в лабиринте. Мы свернули в один

из них и вошли в другую комнату, побольше. Как оказалось, именно она называлась Залом. И именно в ней Кук и Мэри свили себе гнездышко.

Кроватей в комнате не было, но на ящиках лежал матрас, накрытый простынями и одеялами. Я представила, как нелегко было обустроить здесь приличное спальное место. Грубо сбитые столы и стулья походили на раскладные — из тех, о которых их хозяева рассказывают, что они-де предназначены для военных походов. Одежда висела на вешалках или лежала в открытых сундуках. Готовить еду здесь было не на чем (впрочем, у входа в пещеры располагалась печь с импровизированным дымоходом). В ведрах стояла вода, и позднее я узнала, что здесь был устроен и биотуалет. Помещение отапливалось печью, подогреваемой сжиженным газом, а выше в стене было вентиляционное отверстие для отвода дыма. Поскольку мы находились в самой глубине пещер, почти в ста метрах под землей, я до сих пор не имею представления, как Кук ухитрился обустроить такую вентиляцию — может быть, воспользовался каким-то естественным разломом. Однако я вспомнила, что он служил в конной артиллерии и наверняка приобрел там немало полезных навыков. И все же, чтобы сде-

лать это место пригодным для выживания, явно пришлось не на шутку потрудиться — обеспечить отвод отходов, приток воды и воздуха. Видимо, Кук счел, что безопасность того стоит.

Причина таких стараний стала ясна очень быстро. В центре комнаты в люльке, поднятой повыше над холодным полом, сидел ребенок. Малютке, похоже, не было еще и года, но при виде нас она схватилась за прутья и попыталась встать.

— Какая прелесть! — Верити машинально шагнула вперед.

— Только попробуйте подойти, — раздался голос Кука.

Я изумленно обернулась — он, похоже, следовал за нами по коридору шаг в шаг. Теперь же Кук стоял позади нас у слабо освещенного входа с револьвером в руке.

Верити подняла здоровую руку.

— Слушайте, я, конечно, не врач, но в добровольческом медицинском отряде многому научилась. Вы знаете, что это значит, Берт. И я должна была как можно быстрее научиться ухаживать за детьми и младенцами, когда застряла в Эбботсдейле.

— Белль совершенно здорова, — настороженно

произнесла Мэри.

— Но если я просто осмотрю ее, ничего страшного не случится, — Верити оглядела пещеру. — Вы все время здесь сидите? Вряд ли девочка часто видит солнечный свет. Или врачей. Может быть, витамины…

— Оставьте нас в покое!

Кук вел себя более сдержанно. Он убрал револьвер и шагнул вперед.

— Тише, Мэри, не волнуйся. Вряд ли она хочет навредить.

— Вот именно, — сказала я. — Она вообще попала сюда случайно. Это я вас искала, Берт. А бедную Верити, можно сказать, просто подхватило течением.

Верити усмехнулась.

— Вот она, благодарность за то, что я спасла тебе жизнь.

— Ты понимаешь, о чем я.

Кук погладил Мэри по спине.

— Если она хочет осмотреть Белль — пусть. Может статься, от этого будет толк. Люди нужны, чтобы их использовать. Если они добровольно готовы на это — надо соглашаться.

Мы с Верити переглянулись. То, что Кук завел себе тайную семью, стало для меня неожиданно-

стью, но выражение «использовать людей» было очень в его духе.

— Но не прямо сейчас, верно? — он принялся раздеваться: стянул пальто, парик, цепочку. — Не пора ли ее кормить? Мэри, займись этим, а я приготовлю что-нибудь на ужин.

Мэри, явно раздраженная, взяла малышку и понесла ее куда-то в глубь пещеры. Когда она проходила мимо, девочка посмотрела на нас, широко распахнув глаза.

Берт Кук попытался проявить гостеприимство — в свойственной ему манере.

— Садитесь туда, — велел он, указывая на раскладной стол. — Если я сейчас отвернусь, чтобы сварганить еды, вы ведь никаких фортелей выкидывать не станете?

— Не говорите ерунды, Берт, — устало сказала я, садясь на стул. — Уж меня-то вы знаете. Мы с Верити не какие-то там лихие герои.

— Ладно, — сказал он, пусть и с опаской. — Полагаю, не стоит забывать о приличиях. У нас, как вы понимаете, гости бывают редко, — он хихикнул. — Иногда захаживают крысы, но Мэри при помощи метлы или лопаты с ними живо разбирается. — Он принялся выкладывать из сундука пакеты с едой и оловянные тарелки. — Забавное

местечко, да? Пещеры эти. Я про них разузнал, когда тут поселился. Говорят, тот тип, что их вырыл, проводил здесь всякие сатанинские ритуалы. Но мне что-то не верится. Он был путешественником, развеселым повесой, любил рисоваться. Думаю, выдумал все это, чтобы поддразнить народ. Но история ничего, скажите? И потом, есть ли на свете дьявольщина похуже марсиан? А про них сказочек не рассказывают. Пить хотите? В ведрах вода чистая. Из еды есть бекон, картошка и фасоль, — Кук покосился на меня. — От фермеров. Они мне платят, чтобы я держал боевые машины от них подальше. Оставляют подношения, так сказать. Некоторые, конечно, покладистее прочих. Мы все это готовим порциями в печи у дверей, когда безопасно. А потом едим холодным и запиваем чаем. — Берт поставил чайник на плиту. — Ваш деверь, надо отдать ему должное, накормил меня той ночью в Мэйбэри, много лет назад, в Первую войну. Альберт Кук платит свои долги.

Мы сидели в пещере и ели мясо с хлебом. Насытившись, все немного успокоились и стали дружелюбнее — как обычно и бывает, когда делишь с кем-то трапезу. Я даже подарила Куку коробку индийского чая, которую прихватила на

вилле. Он молча ее принял.

— Как вы до такого дошли, Берт? — поколебавшись, спросила я. — Вы с Мэри? Почему вы прячетесь?

— А вы бы не стали прятаться, занимайся вы тем же, чем я?

— По правде говоря, я не слишком хорошо представляю, чем именно вы занимаетесь.

Он небрежно развернул нож — теперь его острие указывало Верити в грудь.

— Зато она представляет. Если я вас отпущу, вы рысью побежите назад в Эбботсдейл и расскажете всем солдатам и важным шишкам, где меня искать. А они, вполне возможно, расскажут властям, правительству, прочим солдатам. Моргнуть не успею, как меня отсюда выкурят. А мне такого, как понимаете, совсем не надо. — Берт посмотрел на Верити, будто что-то прикидывая в уме. — Значит, мне остается только не дать вам уйти. Верно?

Верити посмотрела на него с презрением и, как мне показалось, с вызовом.

— Я в Эбботсдейл возвращаться не собираюсь. Уж точно не сейчас. Я останусь с Джули, а она хочет идти дальше, к марсианской яме, — так ведь?

Вообще говоря, мы с Верити никогда не обсуждали эту часть моего плана — уж точно не так откровенно.

Берт посмотрел на меня.

— И?

— И она думает, что вы можете в этом помочь. Потому что вас, Берт, там держат за своего.

Я выдавила усмешку.

— Ну же, Берт. Расскажите нам свою историю. Вы ведь больше всего на свете любите говорить о себе — уж это-то я знаю.

Он с удивлением посмотрел на меня, и на лице его расцвела обезоруживающая улыбка.

— Кажется, вы меня знаете лучше, чем я сам. Ха! Ну ладно. Но если вздумаете об этом написать, — он развернул нож в мою сторону, — уж постарайтесь, чтобы на этот раз все было по правде.

Я дала ему слово и постаралась сдержать его на этих страницах.

29. Рассказ артиллериста

— Я был здесь, когда упали цилиндры. Два года назад. Это вы и сами знаете: со мной тогда был ваш муж Фрэнк и те вояки, которых послали встретить марсиан. Все бежали прочь от Кордона, а я — наоборот. Потому что знал, что марсиане будут именно здесь. Поначалу казалось, будто на дворе опять девятьсот седьмой, — в голосе Кука послышалась ностальгия, будто те страшные дни были лучшими в его жизни. Может статься, так оно и было. — Все как тогда. Беженцы тащились по дорогам с детьми, стариками и тележками, вот только мало кто из них смог дотумкать, что мы уже оказались в огромной невидимой клетке, и ее прутья пересекают все дороги. Я видел, как сражаются солдаты, и в целом они показали себя получше, чем в седьмом году, им хватало отваги, к тому же мы все-таки кой-чему научились, вот только в конце концов все это оказалось не важно. А пока они носились там кругами, я наблюдал, слушал и проводил расчеты. Я сразу понял, что нужно марсианам, — они избрали тот же план, что и в прошлый раз. Крушили солдат, железнодорожные и телеграфные линии, автомобили на

дорогах — все, что могло представлять угрозу. Они понимают, как у нас все устроено, знают, что в некоторой степени мы цивилизованные, пусть даже не дотягиваем до них. Но марсиане просто дали людям уйти. И это логично, если подумать. Мы ведь знаем, зачем им нужны. Если бы вы, например, наткнулись на стадо овец, вооруженных пулеметом, то что бы сделали? Правильно: отняли бы пулемет и полакомились баранинкой. Тем же занимались и марсиане.

— Охотились на нас, — сказала Верити.

— Сейчас охотятся. А потом, возможно, начнут нас разводить как скот.

Услышав эту фразу, сказанную таким равнодушным тоном, мы с Верити переглянулись.

— День за днем я прятался и наблюдал за ними. Смотрел, как они в своих боевых машинах нападают на овечьи городишки вроде Эбботсдейла, хватают всех медлительных, ленивых, глупых и слабых, суют в свои сети, чтобы потом сожрать. Видел, как люди ползают у них в ногах, наплевав на тех, кого уже забрали марсиане. Забыв о них, будто их и не было вовсе. Потому что только так и можно с этим справиться: если другого забрали, а тебя нет, ты просто живешь себе дальше и делаешь вид, что того, другого, никогда и не было.

Люди привыкают ко всему. Будто их обучают этому.

Я вспомнила праздничный ужин в фермерском доме в Эбботсдейле, где Милдред Триттон развлекала меня байками из сельской жизни и мы все старательно игнорировали пустующее место за столом.

— Вы правы, Берт, — сказала я. — Хоть мне и не хочется это признавать.

— И не впервой, правда? — Он усмехнулся. — Ну а теперь здоровые овцы уносят ноги, а хромых пускают на баранину, но все они так или иначе овцы. И все эти людишки бестолковы, бесполезны и ничтожны. Если их вырезать, порода только чище станет. В каком-то смысле они выполняют долг перед сородичами, отправляясь на заклание. Понимаете? Но я не такой, нет. Я бродил по округе в одиночку, размышлял, с какой стороны тут можно подойти и как извлечь из всего этого выгоду.

— Выгоду? — с отвращением переспросила Верити.

Он пожал плечами.

— Им ведь все равно пришел бы каюк. А вот мне однажды повезло. Я искал, чем бы поживиться в одной деревушке неподалеку от Чесема, там

всего-то и есть, что паб да фермерский дом, — и тут, гляди-ка, они! Одна, две, три боевые машины знай себе шагают с этими своими сетками. Вот так зрелище в осенний денек!

Он рассказывал нам свою историю и продолжал есть. Нарезал бекон, мешал его с холодным картофелем и размеренно, по-солдатски все это поедал.

— Ну я их и увидел, горстку овец. Они прятались в подвале паба и хотели уже захлопнуть за собой люк. Я к ним как побежал да как пальцами люк уцепил — еле-еле успел! — и стал их умолять меня впустить. Там, внизу, была целая толпа, все толкались, пихались и ныли. Но меня впустили. Я залез и оказался на самом верху этой кучи, у люка. Через зазор все было видно — ну знаете, там такая большая металлическая крышка была. Боевая машина шагала по дороге к Чесему. Что ж, решил я, вот он, твой шанс, Берт. Я распахнул крышку, выскочил на дорогу, снял шляпу, стал махать марсианину, кричать во все горло. Кто его знает, что он там подумал! Но меня увидел и наклонился ближе. Я на секунду даже приготовился угодить под тепловой луч или щупальце. Ребятки в подвале за моей спиной пытались закрыть крышку обратно, но я ее держал крепко. Полагаю,

марсианин увидел, что ему предлагают легкую добычу. Он наклонился, открыл щупальцем крышку — так мягко, аккуратно, как хирург…

Верити не могла скрыть омерзения.

— И вы вот так отдали людей, своих собратьев, марсианам.

— Можно и так сказать. Но они бы все равно умерли. Понимаете, да? Не сегодня, так завтра или послезавтра. Марсиане ведь собирают только десятую долю: популяция-то должна размножаться. При таком раскладе лучше уж умереть сразу, знаете. Так все и началось. С высоты, со своих боевых и летательных машин, много чего видят. О да, много чего. Но это пока что не их мир. А человек на земле наметанным глазом заметит куда больше. Например, где прячутся другие люди.

— Человек вроде вас, — сказала я. — Вы стали марсианским шпионом.

— С марсианами никак не поговоришь, — ответил Кук. — По крайней мере я не знаю, как это возможно. Но взаимодействовать с ними вполне реально. Я вам помогаю, вы меня не трогаете, а завтра я опять вам помогаю. Я стал носить пеструю одежду, цепь, парик, цеплял на себя все разноцветное, что удавалось найти. Ведь марсианам, как я рассудил, трудновато различать

людей. А так меня проще заметить. И когда они меня видят, то знают, что я легко смогу разыскать для них гнездышко-другое, где прячутся люди. В конце концов, они даже приспособили для меня место — вы видели то подъемное сиденье, — чтобы я мог ездить с ними. Когда я в первый раз пытался туда залезть, пришлось ох как попотеть, скажу я вам.

— Но если вас издалека замечают марсиане, то и люди в округе тоже должны, — холодно сказала Верити.

— Это верно, но я очень осторожен. Вот вы, например, обо мне только и слышали, что слухи, — так ведь?

— Да, но эти слухи разлетелись за пределы Кордона, Берт, — сказала я. — Потому я и здесь. Вам стоит быть поосторожнее. Кто-нибудь может и пристрелить вас прямо на этом сиденье. А если до вас доберутся власти…

Кук только расхохотался.

— Вы, Джули, не хуже моего знаете, что единственные власти в этом мире, с которыми отныне и впредь стоит считаться, — это марсиане.

Чайник засвистел. Кук обернулся и заорал:

— Мэри! Чаю!

Мэри быстро вошла, налила кипяток в большой

побитый горшок, поболтала его и разлила нам чай в оловянные кружки.

Верити смотрела на Мэри с легким отвращением.

— Ну а вы для нашего великого выживенца кто? Трофей?

Мэри стукнула кружкой по столу и влепила Верити пощечину.

— Погруби мне еще тут, корова чванливая. Ты обо мне знать ничего не знаешь. Думаешь, я шлюха какая-нибудь?

Потрясенная Верити схватилась за лицо.

— Я не то хотела сказать… — но она быстро умолкла, и я заподозрила, что именно это Верити сказать и хотела.

Мэри указала на Берта.

— Он мне жизнь спас. Мы с подругами — я из Чорливуда — работали на оружейном заводе и на пару дней уехали из города на машине. Я здесь выросла, между прочим. Однажды мы проснулись, и оказалось, что напали марсиане. И мы застряли тут. А когда бензин кончился, мы стали все равно что бродяги. Немного протянули — нам никто не помогал, никто, только солдаты отпускали шуточки совсем как ты. О том, *за что* они готовы поделиться с нами пайком. Потом од-

нажды пришел марсианин, мы разбежались, он стрелял тепловым лучом, я потеряла друзей, оказалась прямо у марсианина под ногами, думала — все, конец пришел. Но потом появился Берт.

— Я смог отвлечь железяку, — сказал Кук. — Привел к сараю, где сидели фермеры. Сядь, Мэри, поешь, не обращай на нее внимания.

— Он меня спас, — упрямо повторила Мэри. — А власть с армией даже пальцем не пошевелили, чтобы помочь. Я не обязана была с ним идти, но пошла.

Берт улыбнулся:

— Не мог ее бросить.

— И вот теперь мы тут. Живем. С ребенком. Когда-нибудь сделаем все как положено — поженимся то есть. Но пока просто выживаем. Насчет того, как Берт с другими поступает, — тут уж я не знаю. Но что-то я не вижу особых смельчаков, когда дело доходит до марсиан.

— Это верно, — признала Верити. — И простите меня. Я поспешила с выводами. Все мы выживаем, как можем. Надеюсь, вы мне позволите осмотреть малышку Белль.

Некоторое время мы ели молча.

Затем я осторожно подала голос:

— Но если вы правы, Берт… То в чем ваша ко-

нечная цель? Если нам так никогда и не удастся избавиться от марсиан…

— А вот здесь я не согласен. Я так никогда не считал. Просто не думаю, что нам это может удаться с помощью пушек и дирижаблей. От властей толку нет, от армии тоже. На дворе очередное противостояние планет, и я уверен, к нам уже летят новые цилиндры. Да что уж там, они могут прямо сейчас висеть у нас над головами, от властей же правды не дождешься. И очень скоро целый мир станет Кордоном. — Кук рыгнул и выковырял из зубов остатки бекона. — И что тогда с нами будет? Останемся только мы против марсиан, и планета наша будет планетой кроликов. Вот мы кто — не овцы, не крысы, как я думал, а просто кролики. Потому что кролики на грядке — вредители, но временами одного-другого можно и на ужин забить, так ведь?

— Но тогда и вы тоже кролик, Берт.

— Верно. Но я — кролик умный. Кролик, который подобрался к ним поближе, видел, как они управляются со своим оборудованием, с боевыми и многорукими машинами. Я кролик, который их изучает. И скоро я найду тех, кто мыслит как я, мы будем прямо у марсиан под носом, а потом однажды — бабах! Сделаем свой ход, никто и

оглянуться не успеет, — голос Берта смягчился, на лице его появилось мечтательное выражение.

Мэри ласково усмехнулась:

— Любит он помечтать. Видели бы вы, как он играет в боевые машины с малюткой Белль. Вжик! Вжух! Шмяк! То еще зрелище.

Оглядев подземную пещеру, я задумалась, приблизился ли Берт хоть на шаг к исполнению своей мечты, или со времен Первой войны, когда мой деверь выставил его дураком и фантазером, ничего не изменилось. Но в целом это меня мало заботило.

Я наклонилась к нему:

— Берт, я хочу, чтобы вы отвели меня в Редут. В большое марсианское логово.

30. Странные переговоры

Кук пристально на меня посмотрел.

— Вы это можете? — с нажимом спросила я.

— Да, — просто ответил он. — Зачем вам туда?

Я предпочла ограничиться легендой.

— Это идея Уолтера. Мой деверь…

— Опять вы про него.

— …думает, что с марсианами можно установить какую-то связь. Вы, можно сказать, и сами в этом убедились. Я хочу показать им рисунки Уолтера. Может быть, для марсиан они будут что-то значить. А даже если нет, мы хотя бы докажем, что мы достаточно разумны, чтобы пытаться с ними взаимодействовать. И, возможно, они пощадят нас.

Кук нацепил на вилку еще кусок.

— Пустая трата времени, — промычал он с набитым ртом. — Пастушья псина тоже может по-своему общаться с хозяином, но она все равно останется псиной. Хоть стихи она гавкай, в университет ее никто не отправит, только побьют да выгонят обратно в поле. Уолтер Дженкинс всегда был мечтательным болваном.

— Но именно он предложил обратиться к вам

за помощью, Берт. Зная о ваших деяниях. Именно вы можете навести мосты между нами и марсианами — по крайней мере, попытаться это сделать. На кону стоит весь мир, Берт. Все наше будущее. Можете считать Уолтера дураком, но разве не стоит хотя бы попробовать?

— Хм. Что скажешь, Мэри?

Она пожала плечами:

— Мне больше охота знать, какая нам с этого выгода.

Кук кивнул и посмотрел на меня.

Я растерялась.

— Не знаю, что такого важного могу вам предложить. Деньги, богатства…

— Есть кое-что. — Кук бросил взгляд на коридор, ведущий в комнату, где спал ребенок.

— Вы беспокоитесь о Белль? — догадалась я. — О ее будущем?

— О том, что никакого будущего у нее может и не быть. — Кук пристально посмотрел на меня. — Слушайте, с людьми я такого пока не видел, но и до этого дойдет. А вот с рыболюдьми — видел.

— С китерийцами? Что вы видели?

— Как охотятся марсиане. Они не просто хищники. Марсиане — не львы. Они не станут преследовать слабых, позволяя сильным спа-

стись. Они куда умнее. Куда хитрее. Порой они предпочитают быть фермерами, пастухами, а не охотниками.

— Хотите сказать, они намерены превратить китерийцев в домашний скот? — спросила Верити. — И нас тоже?

— Посмотрите, что они сделали со своим собственным скотом, гуманоидами с Марса. В их жалких тушках ни капли воли не осталось. Того же они намерены добиться и от нас.

Я кивнула:

— И от китерийцев.

— Они отбирают самых слабых, самую легкую добычу. Но и сильнейших тоже. — Кук постучал себя по лбу. — Я это видел и все понял. Они не хотят, чтобы по наследству передавалась сильная кровь. Используют селекционное скрещивание. И смотрят, кто сражается яростнее всего, кто решительнее дает отпор, — они-то и есть самые изобретательные беглецы.

Я начала понимать:

— И когда дело дойдет до нас…

— Думаю, в будущем они начнут применять более методичный подход. Может, заставят нас драться друг с другом, как на собачьих или петушиных боях. Или на гладиаторских. Как вам

такое? Только представьте, как марсиане толпятся вокруг арены, гикают, свистят, делают ставки на победителей. Только представьте! Или они могут заставить нас охотиться друг на друга. В любом случае победителей будут откармливать, пока те развлекают и приносят пользу, но размножаться им не позволят. Вычеркнут сильных из породы. Возвращаясь в сегодняшний день — как думаете, кого в нашем бакингемширском муравейнике они сочтут сильнейшим?

— Ага, — Верити кивнула. — Вы определенно привлекли их внимание. Боитесь, что вам они позволят жить, а вот вашему потомству — нет. Потому и прячете свою малышку в этом подземелье. Не только от людей. Вы боитесь за Белль.

— А вы бы не боялись? — Кук в упор посмотрел на меня. — Я сделаю, как вы просите. Но взамен вы должны пообещать, что вы, или кто там за вами стоит, вытащите отсюда Мэри и Белль и доставите в безопасное место.

Если такое место где-то вообще есть, подумала я.

Мэри схватила его за руку.

— Берт, нет! Мы без тебя никуда!

— Выживу, не волнуйся, — Кук усмехнулся. — Ты меня знаешь. Но это истинный подарок

судьбы, — он указал на меня. — Если мы сможем вытащить отсюда малышку…

Мы с Верити отошли в сторону, чтобы быстро все обсудить наедине.

— Берт Кук как он есть, — сказала я. — Всех заставляет плясать под свою дудку. Но в чем-то его догадки верны, не думаешь? Он жесток, но рационален. Всегда таким был, еще Уолтер в нем это приметил.

— Мне интересно, как к нему отнесутся военные и власти. Предатель, который, похоже, сотни людей выдал марсианам… Что с ним сделают, если доберутся до него? Придется изобретать целый новый раздел закона. Преступления против вида.

— Верити, думаешь, стоит на это идти? На сделку с Куком?

— Если так мы доберемся до Редута — да, — она улыбнулась. — Да и малышке будет лучше покинуть это место. Все в выигрыше.

— Согласна.

Мы повернулись к Куку и Мэри.

— Берт, у вас есть доступ к телефону? — спросила Верити.

Разумеется, доступ был, как же иначе.

У нас ушли сутки на то, чтобы все устроить.

План состоял в том, что, пока Берт будет пытаться отвлечь марсиан на севере, отряд морских пехотинцев высадится с цеппелина неподалеку от нас, выведет Мэри и Белль из пещер и заберет их из Кордона. Так мы договорились. Большая часть суток ушла на то, чтобы убедить Кука поверить обещаниям, — понадобилось даже личное заверение самого Черчилля.

Разумеется, ни Кук, ни Мэри, ни даже Верити не знали истинной цели всего этого, как не знали и об оружии, которое текло по моим венам. Мистер Черчилль, без сомнения, был в курсе, но в разговоре ни словом об этом не обмолвился.

Во вторую ночь под землей, как и в первую, Кук выдал нам кучу одеял и предложил вздремнуть. Но я так и не смогла сомкнуть глаз.

В полночь мы вышли из пещер. Как я выяснила позже, на дворе было 19 мая, пятница. Кук заверил нас, что вылазку к Редуту лучше планировать на раннее утро: в это время марсиане спокойнее, чем в любое другое.

Оружие мы взяли с собой, но по совету Кука спрятали его в канаве, прежде чем подойти к марсианской базе, — пронести его туда нам бы все равно не дали. При мне были рисунки Уолтера в кожаной папке, привезенные из самого Берлина.

Сквозь безмолвную темноту мы шли к марсианской яме. Я чувствовала, что с каждым шагом во мне нарастает страх, как он нарастал все двенадцать-тринадцать дней моего пути. И еще ощущала, как в крови бурлит яд. Марсиане стали отравой для Земли, и у меня по венам тоже текла отрава, словно мое тело воплощало собой всю зараженную планету.

До Редута мы добрались чуть раньше четырех утра. Альберт Кук усмехнулся нам в серых предрассветных сумерках, будто прочел мои мысли.

— Слышали когда-нибудь о Черной Африке? Добро пожаловать в Черную Англию, милые дамы.

31. Внутри Редута

Спустя два года после падения цилиндров марсианская база в Амершеме, по сути, превратилась в огромную насыпь длиной в милю. Начало ей положили три упавших рядом корабля, чьи внушительные смежные кратеры за это время упорными стараниями марсианских экскаваторов значительно расширились и углубились. Теперь это был один большой каньон, окруженный земляным крепостным валом.

Мы поднялись на этот вал — Верити и я, и с нами Берт Кук. И вот мы стояли на вершине насыпи на промерзшей куче битого асфальта, обломков кирпичей и осколков стекла. И смотрели на Редут.

Первым делом мое внимание привлекли космические цилиндры. Они напоминали огромные накренившиеся колонны, воткнутые в землю: три искореженные огнем металлические пизанские башни в сером утреннем свете. Даже с этого места я разглядела в самом центре каньона загадочное темное углубление. Я знала, что марсиане рыли здесь глубокую шахту, заметную с самолетов-разведчиков. Такие же работы они

проводили в своих ямах и во время Первой войны — например, на Хорселлской пустоши, на месте первого приземления, и в Примроуз-хилле. Очевидно, план был типовым: три больших цилиндра, воткнутые в землю под углом и образующие односторонний треугольник, и глубокая шахта в самом центре. Десятки боевых машин безжизненно стояли вокруг в случайном порядке, чем-то напоминая водонапорные башни, которые можно увидеть в некоторых американских штатах.

А среди этих огромных сооружений в рассветных сумерках блестели и копошились марсиане и их машины, порождая мерный гул и шипение, и из всех щелей и отверстий вырывался зеленый дым. Всюду, куда ни глянь, что-то двигалось, и все это напоминало огромный муравейник.

И даже отсюда я увидела людей — их тут, похоже, была целая толпа. Они недвижно сидели кто на земле, кто на обломках разрушенных домов. Возможно, их взяли в плен не так давно и еще не успели подвергнуть обработке.

— Не шевелитесь, — тихо сказал Кук.

Это вернуло меня к реальности. Теперь я заметила, что по внутреннему склону насыпи, на которой мы стояли, бесшумно карабкалась мно-

горукая машина.

Машина замерла прямо перед нами. Очевидно, она нас сканировала.

У нее, как и у остальных, было пять четко выраженных конечностей и длинные гибкие щупальца, состоящие из уже знакомых металлических колец и нескольких инструментов, прикрученных к передней части. Интересно, какую именно работу она выполняла? Ею управлял марсианин — привычный кожистый мешок, издалека похожий на медведя, свернувшегося перед зимней спячкой, только на его блестящей коже не было меха. Уродливые руки с длинными ловкими пальцами были спрятаны под каркасом машины.

Итак, я встретилась с марсианином. Да, я видела их на картинках и читала свидетельства очевидцев, в том числе своего деверя. Но я никогда не сталкивалась с марсианином так близко, если не считать экспонат в банке, который я видела в Музее естествознания, — и если не считать чудовища, напавшего на нас в тоннеле, но тогда не было времени на хладнокровный анализ. Существо смотрело на меня своими огромными, неожиданно яркими глазами, расположенными на огромной гладкой голове с отвратительным

безгубым клювом вместо рта. Голова была не меньше четырех футов в диаметре. Я знала, что в этой странной анатомии есть своя логика. Следя за развитием обезьяны в неандертальца, а потом в человека разумного, можно заметить закономерности: рост переднего отдела головного мозга, уменьшение надбровных дуг, защищавших глаза, сужение челюсти и жевательных мышц, которые помогали перемалывать грубую пищу. И в марсианах эта эволюция дошла до своего предела. Но в момент нашей встречи меня поразила вовсе не логичность эволюционного развития. Эта несуразная круглая голова с мелкими чертами лица, узкий рот, огромные глаза, расширенные будто в постоянном удивлении, — марсианин был похож на безобразного младенца, и это сходство делало его еще более отвратительным.

Я всегда считала себя разумным человеком, но в тот момент меня с головой захлестнула волна омерзения. Дикая жажда уничтожить это существо, изгнать его с нашей планеты — оно не было ее частью, и я хотела, чтобы оно ушло, каждой клеточкой своего тела. Это была не просто неприязнь — это было инстинктивное всепоглощающее отвращение, и к нему примешивалось дикое отчаяние.

Здоровая рука Верити сжала мою.

— Добро пожаловать в ад, — пробормотала она.

— Ага, а я буду вашим Вергилием, — проворчал Кук. — Ха! Вы, снобы, небось и не ожидали, что мужлан вроде меня начнет цитировать классическую литературу? Просто не шевелитесь. Он всего лишь хочет вас просканировать. Эй, красавчик! Это же я! — он помахал мэрской цепью, висевшей у него на шее. — Я, старый добрый Берт! Мы же давние знакомые. Так что иди передай своему начальству… Кстати, они общаются телепатически, представляете. Читают мысли друг друга.

Я тихонько произнесла, боясь пошевелиться:

— Вы что, правда в это верите?

Он фыркнул:

— Это не вопрос веры. Если какое-то время за ними понаблюдать, как делал я, это становится очевидно.

Вдруг одно из гибких щупалец машины неожиданно стремительно обвилось вокруг нас.

— Не двигайтесь! Я же вас предупредил, они просто проводят проверку! Не шевелитесь!

Меня проверили первой. Я стояла прямо, пока холодная конечность ощупывала меня со всех сторон. Ее движения были четкими, ловкими,

механическими. Я была уверена, что она проверяет меня не только тактильно — возможно, она обладала каким-то эффектом типа рентгеновских лучей и параллельно проводила более глубокий осмотр. Через мгновение все закончилось, и я снова смогла дышать. Следующей была Верити, и она крепко сжимала мою ладонь в течение всего осмотра, особенно когда марсианин исследовал ее сломанную руку.

После этого машина резко отстранилась, повернулась и направилась прочь с присущей ей плавной грацией, видимо возвращаясь к работе, которую прервала, увидев нас.

— Вот и все, — произнес Берт. — Мы внутри. Я часто сюда поднимаюсь и намеренно попадаюсь им на глаза, чтобы они не забывали, кто я такой. И я не зря настоял на том, чтобы вы не брали с собой оружие. Иначе они бы его точно обнаружили, и нас всех ждал бы сток.

— Сток? — переспросила я.

— Сейчас сами все увидите. За мной.

Он повел нас вниз по внутренней стороне насыпи. Приземистая марсианская машина-многоножка спустилась по неровному склону без труда, но нам, двуногим, приходилось выбирать маршрут с большей осторожностью.

Оказавшись на дне Редута, мы пошли вперед. Вокруг кипела работа. Огромные экскаваторы, как кроты, рыхлили землю, формируя вокруг глубокой центральной шахты ямы и ходы, туннели и каналы. В этих углублениях обнаруживались новые углубления, и в некоторых из них в клубах зеленого дыма мне удалось заметить знакомый процесс добычи алюминия из глинозема, а также другие, менее узнаваемые, процедуры. В других ямах я увидела машины, которые строили другие, *новые* машины, — они работали в паре, как хирурги или акушеры. В одной большой яме шла сборка боевой машины: тяжелые многорукие монстры ползали по огромному бронзовому капюшону, длинные конечности лежали, разобранные на секции.

Просто представьте! Неяркий свет утреннего солнца, почти полная тишина — и повсюду суетятся марсиане и их машины.

Неожиданно Кук заставил нас остановиться:

— Притормозите-ка. Они нас не тронут, если мы не наделаем глупостей. Просто посмотрите вокруг… Иногда я останавливаюсь и слегка прикрываю глаза, так что все вокруг становится размытым и нечетким. Они все что-то производят, но это не похоже на заводы людей, так ведь?

Просто остановитесь и попробуйте это усвоить. Давайте представим, что это не фабрика или шахта, а своего рода окружающий пейзаж…

Я замерла, пытаясь подавить страх и инстинктивное отвращение ко всему марсианскому и взглянуть на то, что происходило вокруг, с предложенной Куком точки зрения.

Давно было отмечено, что во всех марсианских машинах есть что-то от живых существ: они обладают высокоразвитой механической мускулатурой, что резко контрастирует с нашими привычными грубыми колесами, зубцами, рычагами и винтами. Теперь я видела это воочию. Экскаваторы синхронно распахивали землю, напоминая дельфинов, ныряющих в океанские волны, а многорукие машины разного размера, сбившись в стаю, перемещались от одного цеха к другому, и рассветные лучи освещали их металлические панцири, будто спины каких-то мигрирующих животных. Вдалеке, у противоположного склона насыпи, я заметила движущуюся пару боевых машин — высоких, элегантных, шествующих сквозь облака пыли. И все это — в тусклом зеленом мареве, в дыму, выпускаемом суставами и креплениями марсианских машин при каждом движении и поднимающемся из

раскопанных в земле ям.

— Я никогда не был в Африке, — пробормотал Кук. — Даже в бурских республиках. Но видел много фотографий. И когда я вот так смотрю вокруг, я вижу вовсе не промышленное производство. Я вижу что-то вроде саванны. Они как дикие животные, большие и малые, одиночки и стада.

— Да, — удивленно произнесла Верити. — Вы правы. Теперь я тоже заметила. Они напоминают скорее живых существ. Многорукие машины похожи на рогатых травоядных, боевые — на огромных жирафов… хотя нет! Для жирафов они слишком агрессивные.

— На тираннозавров, — произнесла я. — Которые бродят по равнинам мелового периода.

— Да, вроде того.

— Знаете, я читал кое-какие книжки, — произнес Кук. — Есть люди, которые убеждены, что когда-то на Марсе были животные. Потому что не могут гуманоиды, а потом марсиане откуда ни возьмись появиться на планете, где не было всего этого зоопарка, не было ни животных, ни растений, ничего. А другие говорят, что всего этого давно уже нет, потому что Марс слишком иссушен. Марсианам пришлось превратить всю планету в огромный промышленный центр, в

фабрику, где не осталось ничего, кроме каналов, машин и насосных станций. Раз — и весь Марс превратился в огромный Бирмингем. Но как же животные, спросите вы? Даже я на своем веку успел увидеть, как животных заменяют машинами. Я учился, когда артиллерия была еще конной, а теперь лошадей сменили на тягачи, уж не знаю, к добру ли это. Многие из нас скучают по живым существам, с которыми мы воевали плечом к плечу. И может быть, марсиане испытывают то же самое, понимаете? И они решили что-то с этим сделать. Может быть, у них в музеях завалялись старые кости или сохранились какие-то редкие животные. Но они пошли дальше, чем мы. Автомобиль ничем не похож на лошадь — для начала, у лошади нет колес. Но у марсианских машин есть ноги, как у животных…

— Я поняла, к чему вы клоните, — сказала Верити. — Возможно, марсиане сделали свои машины более похожими на животных, чем мы.

— Именно, — подтвердил Кук. — Как если бы мы соорудили механических лошадей, слонов и так далее.

— Получается, то, что мы сейчас наблюдаем, — что-то вроде диорамы: мы видим Марс, каким он когда-то был. Хотя бы в общих чертах. Выхо-

дит, марсиане, несмотря на всю свойственную им жестокость, не хотят терять память о своем прошлом. Это даже… романтично, — последнее слово, похоже, далось ей с трудом.

Я улыбнулась, поглядев на старого артиллериста.

— Берт Кук, а вы, выходит, не лишены фантазии!

Но он тут же встал в свою обычную позицию защиты.

— Раз не получил пристойного образования — то и уважения леди не заслуживаю. Но да, с фантазией у меня всегда все было в порядке. Я воображал что-то подобное еще в девятьсот седьмом, когда все вы были уверены, что с марсианами покончено. Один только я и продолжал об этом думать. А теперь идите-ка за мной, вы двое, и я покажу вам вещи, которые выходят за рамки даже вашего воображения.

Мы пошли дальше.

И он привел нас к клетке с китерийцами.

32. Пленники марсиан

На самом деле это была не совсем клетка. Марсиане вырыли для заключенных с Венеры что-то вроде бассейна, неглубокой цистерны с непроницаемыми резиновыми стенками. У налитой в нее воды был красный оттенок марсианской растительности. Над ямой была натянута серебристая сетка, укрепленная с обеих сторон дополнительными кольцами, врытыми в землю. Сетка была шестиугольная, с ячейками размером с пенни — достаточно крупными, чтобы в камеру попадали свет и дождь, и достаточно маленькими, чтобы китерийцы не могли выбраться на волю: они могли просунуть в отверстия разве что пальцы своих перепончатых рук. Но мы тем не менее видели китерийцев, а они — нас; они следили за нами своими маленькими черными глазками на гладких лицах.

Рядом, словно на страже, неподвижно стояла многорукая машина, но марсианина-наездника не было.

Мы осторожно подошли поближе, чтобы лучше разглядеть пленников. Я была обязана китерийцам жизнью и провела рядом с ними какое-то

время, но меня вряд ли можно было назвать экспертом в их психологии. Впрочем, их общее настроение и так было понятно. Большинство этих горемык просто лежали в воде лицом вверх, без движения; на животах некоторых — душераздирающее зрелище — примостились их детеныши. Один крупный самец плавал туда-сюда, но ему хватало лишь пары мощных гребков, чтобы пересечь водоем от края до края. Так ведут себя тигры в слишком маленьких клетках в зоопарке. Еще одна взрослая особь, самка, пыталась прорвать сетку — тыкала в нее пальцами, грызла ее.

— Ничего она не добьется, только зубы сломает, — проворчал Кук. — Хотя я могу ее понять: я сам тоже попытался бы выбраться оттуда.

— В воде красные пятна, — заметила я. — Следы кормления?

Кук пожал плечами.

— Похоже, это всегда происходит, когда китерийцев держишь в чистой воде — так же как зеленая ряска появляется в застойном пруду. Но этих долго не держат — скоро их вытащат и отправят в банк крови, ну или в сток, — что это значит, он так и не объяснил. — Марсианам нет смысла их кормить, но им нравится получать со

своей добычи что-то ценное. Так что, скорее всего, эту партию к завтрашнему дню уже переработают тем или иным способом, а на их место завезут новых. Прежде чем забирать их отсюда, марсиане пустят по воде ток — что-то вроде электрошока. Так китерийцы становятся более податливыми, но остаются в сознании.

Верити, привыкшая иметь дело с ранениями, скривилась.

— А они вообще понимают, что с ними происходит? Они чувствуют боль?

Кук пожал плечами и повторил:

— Долго их не держат.

Я покачала головой:

— Надеюсь, они все не из Мисборна.

— Какая разница? — грубо сказал Кук. — Мы ничего не можем для них сделать — и никогда не могли… Пойдемте.

И он повел нас дальше, в глубь марсианского комплекса.

В следующей яме сидели люди.

Писатель должен быть аналитиком. Он должен описывать, что видел, а не что чувствовал. Но случались моменты, даже во время написания этих мемуаров, когда я завидовала Уолтеру Дженкинсу и его самопровозглашенной отстраненности

от проблем человечества!

Вообразите себе условия содержания, схожие с клеткой китерийцев: яма в земле, поверх нее сеть, закрепленная по периферии кольцами. Но воды в этой яме не было, и она была гораздо глубже. Рядом с ней тоже стояла многорукая машина, как охранник в тюрьме.

Изнутри на нас глядели лица, подобные монеткам на дне фонтана, — на этот раз человеческие. Лица были бледные, грязные, некоторые — дерзкие, некоторые — испуганные, некоторые — заплаканные. Пленников было чуть больше десятка. В яме было так темно, а люди были настолько чумазыми, что их тел практически не было видно. Я видела лишь лица — и эти лица возникают в моей памяти каждый раз, когда я вспоминаю о тех событиях.

Они заметили, что мы подошли, — скорее всего, со дна ямы были видны лишь силуэты на фоне рассветного неба. При нашем появлении они заметно разволновались и начали выкрикивать:

— Эй! Вы кто такие? Можете нам помочь?

Некоторые голоса явно принадлежали образованным людям.

— Пожалуйста, заберите мою дочь, ей всего три года…

Я увидела, как ребенка на руках поднимают к свету.

— Не переживайте, — пробормотал Кук, — дотянуться до вас они не могут. Марсиане специально сделали яму такой глубокой — они усвоили урок. У людей сильнее воля к жизни, чем у китерийцев, и они более изобретательны в нанесении ущерба. Так что решетку поставили повыше, чтобы эти хитрые обезьянки не могли до нее дотянуться.

Верити, кажется, вернула себе хрупкое подобие самоконтроля.

— Я не о своей безопасности пекусь, Кук. Там, внизу, маленькие дети.

Он посмотрел на нее и рассмеялся:

— Что ж, придется вам стать пожестче. Мы правда ничего не можем сделать. К тому же они не будут особенно страдать. С ними поступят так же, как с пленниками с Венеры, — долго их здесь не продержат. Через них тоже пропустят ток, их парализуют или оглушат и вытащат из ямы как полудохлую рыбу.

Я взглянула на него:

— Как вы можете быть таким бессердечным, Берт? Даже вы…

— А какой у меня выбор…

— Эй, это же Берт Кук! Чудовище, ты предал

нас! Давайте, ребята…

Из глубины ямы будто бы вздыбилась людская волна. Я увидела одного человека, потом другого, потом стену облепил целый рой тел, и третий человек поднялся по спинам товарищей и попытался схватиться за сетку, за которую в итоге зацепился. Эти действия были явно отработаны заранее, и импульсом к началу стал выпад против Кука. Упомянутый третий мужчина был грязен и плохо выбрит — но я заметила, что у него прекрасные черты лица и умные глаза: может быть, я мыслила предвзято, да и внешность обманчива, но он выглядел как мыслитель, юрист, учитель или писатель. При этом лицо его было искажено ненавистью, и я представила, как он раздирает Берта Кука на части голыми руками. Но все, что он мог, — отрывисто ругаться из-за сетки.

Машина, охранявшая заключенных, громко загудела и двинулась по направлению к яме. Но Кук проворно встал на ее пути, загораживая проход. Он вынул из кармана куртки горсть каких-то черных камешков и принялся бросать их в яму, целясь в карабкающегося наверх мужчину.

— А ну назад в яму, дикарь! Я сказал, назад!

Несколько камешков отскочили от решетки, другие упали внутрь ямы, не причинив пленни-

кам никакого вреда. Но один из камней попал карабкающемуся мужчине прямо в лоб, и тот с воем упал назад. Вновь раздался яростный рев, смешанный с мольбами, которые стали еще более отчаянными, когда Кук потащил нас прочь от ямы и мы исчезли из поля зрения пленников.

Верити схватила меня за руку и сжала ее что есть силы.

Кук шел и ухмылялся, явно довольный собой.

— Нам еще многое предстоит увидеть.

— Эта галька, которую вы бросали… — начала я.

— Это не галька.

— Можно посмотреть?

Он оглянулся, чтобы удостовериться, что марсиане за ними не наблюдают, потом вновь засунул руку в карман куртки. Камни, которые он вынул, были черными, переливающимися и заостренными.

— Кремни, — произнесла я.

— Не просто кремни. Посмотрите на них. Посмотрите на их грани…

Верити взяла один из камней и повертела в руках.

— Кто-то их раздробил, — она взглянула на Кука. — Вы?

— Нет, не я. Я пытался — в конце концов, кремневые отложения здесь в буквальном смысле под ногами, — но только палец повредил. Может, когда-нибудь научусь. Нет, я стянул их из музея.

— Из музея? — переспросила я. — То есть они доисторические. Лезвия топоров и наконечники копий.

— Именно. Однажды я попробовал пронести один из таких камешков внутрь прямо под носом у марсиан… Если ты пытаешься пронести оружие, они всегда тебя останавливают. Даже лук со стрелами. Однажды я чисто для проверки взял набор маленького лучника в магазине игрушек — так они и его забрали. Но камни они игнорируют — даже заостренные. Они не распознают их истинной цели.

— Не видят в них инструментов, — изумленно произнесла я. — Не понимают, что это оружие каменного века. Оружие, которым человек пользовался на протяжении большей части своей истории.

— Ха. Берите ближе. Матушка моей Мэри всю жизнь провела здесь неподалеку, и дедушка рассказывал Мэри, что в его детские годы рабочие, плотники и тому подобный люд, когда хотели сделать работу быстро, а ножа под рукой не было,

не видели ничего лучше, чем подобрать кремень, отломить кусочек и наточить его хорошенько. Один оригинал даже умудрялся с его помощью бриться.

— Но марсиане их не распознают как оружие, — повторила Верити. — Не считают инструментами.

Я кивнула.

— Может быть, они и помнят что-то о своем прошлом — это сохранилось в облике машин, в странной искусственной экологии, которую они сами изобрели. Но свой собственный каменный век они позабыли…

— Если, конечно, он у них вообще был — не факт, что геология Марса это позволяет, — сказала Верити. — А вы, Берт, — вы кричали, что человеческим заключенным никак не поможешь, и в то же время бросали им заостренные камни прямо на глазах у марсиан!

— Этого слишком мало, — ответил Берт, слегка смущенный тем, что его план раскрыли. — Даже кремень не сможет разрезать металлическую сетку, я проверял. Ничто не может ее разрезать.

— Не понимаю, — недоуменно сказала я. — Зачем же тогда нужны эти камни?

Верити терпеливо произнесла:

— Кремень не может разрезать решетку. Но он может резать человеческую плоть, Джули.

И тут до меня дошло.

— Это наилучший выход, — произнес старый артиллерист. — Для тех, у кого хватит силы воли это сделать. Или спасти таким образом детей. Так что, можно сказать, я бросаю им своего рода вызов.

Переварить такое было по-настоящему тяжело — вероятно, потому, что у меня не настолько богатое воображение, как у Кука или, например, Уолтера.

— Что ж, в таком случае вы делаете доброе дело, Берт, — произнесла я.

— Это все, что я могу.

— У вас все-таки есть сердце…

— Не смейте никому об этом рассказывать.

— Со стороны и не скажешь.

Он взглянул на меня неприветливо.

— Марсиане об этом тоже пока не знают, но если догадаются, то моей маленькой игре конец. Они пытаются нас понять. Ставят эксперименты. Вы сказали, что пришли сюда, чтобы поговорить с марсианами. Тогда для начала вам стоит увидеть, чем они занимаются. И понять, что к чему. Именно это я вам сейчас покажу.

33. Лаборатория

Он проводил нас к той части базы, где довольно глубокие круглые ямы были расположены рядами в строгом порядке. Над каждой была натянута металлическая сетка, и рядом с каждой стояла многорукая машина — недвижный страж, не знающий усталости. Теперь я слышала тихий стон и бессильный плач, причем явно не одного человека, а сразу многих. Я непроизвольно попятилась. Думаю, я так бы и не решилась подойти, если бы не поддержка Верити, — к тому же мне не хотелось показывать свою слабость ни Берту Куку, ни окружающим нас марсианам.

В первых нескольких ямах, впрочем, не обнаружилось ничего нового, кроме смертельно бледных и измученных призраков, которые когда-то были людьми: мужчин, женщин и детей, на несколько часов заключенных вместе, чтобы потом принять свою еще более страшную участь. Отличие состояло в том, что в расположении этих ям будто бы был какой-то строй, какая-то закономерность, они напоминали огромное игровое поле с клетками. Я знала, что человеческие ученые проводят эксперименты в похожих

условиях. Если они хотят проверить, например, эффект от разных сочетаний ингредиентов для нового лекарственного средства, они разрабатывают матрицу комбинаций и реализуют ее в лаборатории, — и это было похоже на то, что я наблюдала здесь.

Берт подтвердил мои догадки: он сказал, что это нечто вроде лаборатории. Марсиане занимались здесь изучением человеческой души.

— Насколько я могу судить, у марсиан нет семей, в нашем понимании. Как и семейных связей. Конечно, они производят на свет потомство, но, когда появляется малыш, он может примкнуть к любому взрослому по своему выбору. И, кстати, грудью они тоже не кормят; даже если когда-то марсиане были млекопитающими, сейчас это не так. Молодняк, едва отделившись от родителей, начинает сосать кровушку, — можно сказать, с юных лет приучается к вину.

— Что за мерзкая шутка!

— При этом, как мы уже могли убедиться, они достаточно преданы друг другу, — продолжал Берт. — Преданы расе в целом. Когда они преодолели все это расстояние и снова прилетели в Англию, их целью, конечно, оставалось исследование того, как с нами справиться, но в первую

очередь они вернулись за останками тех, кого им пришлось бросить.

Я кивнула.

— Уолтер предсказывал, что так и будет, и приводил тот же самый довод.

Но Берта Кука совершенно не интересовало, что там когда-либо говорил или писал Уолтер Дженкинс.

— Короче говоря, они здесь. Изучают нас. И они заметили, что мы тоже преданы друг другу, но в рамках семьи — преданы нашим родителям, братьям, сестрам и в особенности детям.

Ко мне подбиралось отвратительное осознание происходящего.

— И как это связано с теми рядами ям?

— Ну, они ставят над нами опыты. Перемешивают группы. Подробностей я не знаю. Но в одной яме сидят, например, родители с детьми. В другой — незнакомые друг с другом люди — взрослые и дети. Это две крайние величины, остальные — промежуточные сочетания. Вопрос: вы можете пожертвовать собой ради своего ребенка, но сделаете ли вы это ради чужого? Или, скажем, ради племянника, племянницы или внука… Если предложить вам обменять двух племянников на одну родную дочь, что вы сделаете? А десяток пле-

мянников? Вот что они исследуют — по крайней мере, именно к таким выводам я пришел. Я день за днем следил за тем, как они приводят в лабораторию все новые образцы, за тем, как дети плачут и зовут матерей, с которыми их разлучили.

— Значит, они экспериментируют с человеческими эмоциями, — произнесла Верити. — С нашей способностью любить.

— Однажды я видел вот что, — произнес Кук еще более мрачно. — Здесь были молодые родители с ребенком. Когда многорукая машина пришла за ребенком, они сразу его отдали — самую очаровательную светловолосую девочку, что я когда-либо видел. Своими руками отдали дочку машине, сунули ей прямо в щупальца. И знаете, что сделали марсиане? Они отпустили этих родителей. Я видел это своими глазами. Они подняли сетку и дали им вылезти из ямы. Те были все в грязи и слегка не в себе и долго моргали, привыкая к солнечному свету. И мне пришлось рассказать им, как выбраться отсюда, и проводить их. Я смеялся до колик, а они плакали навзрыд — но, несмотря на это, шли за мной. Сейчас они где-то там, снаружи, возделывают сад и собирают гостей на ужин. Потому что именно таких, как они, марсиане и хотят сохранить. Они

производят селекцию. Понимаете? Им нужны инертные, легко контролируемые, эгоистичные особи, не знающие, что такое преданность. Именно этой цели они и добиваются. Подчинитесь — и вы выживете и потом воспитаете таких же эгоистов.

Верити покачала головой:

— Это бесчеловечно, Берт.

— Зато вполне правдоподобно, — пробормотала я.

— И это только начало, — продолжал Берт Кук. — В тот момент, когда они добьются полного нашего разобщения… — он поднял руки, будто демонстрируя нам эту сцену. — Вот как я представляю себе будущее. Людей будут выращивать рядами в полях, как растения, и все они будут пассивно ожидать своей очереди. И боевые машины будут сновать между рядами, вынимая людей из ям, когда они созреют, — он рассмеялся. — Что, вас тошнит? Слишком тяжело это принять? Это еще не все. Посмотрите-ка сюда!..

И Кук театральным жестом (он стал заправским шоуменом, когда катался по миру и рассказывал со сцены всякие истории) показал на еще одну клетку, еще одну яму.

Верити смогла подойти к яме ближе, чем я, но,

в конце концов, она была медсестрой и видела куда больше кошмарных вещей, чем выпало на мою долю. Я же не смогла заставить себя рассмотреть то, что находилось в яме; я увидела это лишь мельком, и это был чистый ужас.

Там сидела молодая женщина, не старше двадцати пяти. Она была обнажена выше пояса; нижняя часть тела была покрыта грубым одеялом. Женщина лежала на спине в полутьме ямы. Рядом с ней сидел мужчина и смотрел на нас — смотрел обиженно, возмущенно, почти собственнически. А из живота женщины росла голова — явно человеческая, похожая на голову десятилетнего ребенка. Сморщенное личико, закрытые глаза, острый нос, безволосый череп. Длинные костлявые пальцы зажимали рот. Верхняя губа была приподнята, напоминая формой букву «V». Это все, что я успела увидеть, прежде чем отвернулась.

Верити пугающе спокойно произнесла:

— Что это за человек?

Кук пожал плечами:

— Какой-то доктор — ну или выдает себя за доктора. Еще один тип людей, которых не убивают. Если скажете, что вы доктор или медсестра или что умеете лечить людей, они сохранят вам

жизнь, по крайней мере на время. Что может быть лучше, чем заполучить овцу, которая изображает из себя ветеринара перед остальным стадом? И это не единственный подобный эксперимент. Я имею в виду, связанный с размножением. Их это все крайне интересует. Им нравится исследовать беременность на разных стадиях, — он великодушно не стал вдаваться в детали. — А также рост и развитие детей. Они забирают детей у родителей и помещают в отдельную яму. Возможно, хотят увидеть, как дети постепенно одичают. Сбиваемся ли мы в стаи, как волки? Знаем ли мы язык от рождения или нужно, чтобы нас кто-то ему научил?.. Полагаю, именно подобные вопросы их интересуют и то, насколько послушными мы можем быть.

— Но там, в яме… — начала Верити.

— Обычно такие гибриды долго не живут, — спокойно сказал Кук. — Плод высасывает из тела матери слишком много крови за слишком короткий срок. Я говорю «плод» и «мать», но не уверен, что эти слова подходят для обозначения того, что мы видим, я не Гексли. Кое-кто полагает, что некогда марсиане были похожи на нас. Может, и так. Они были людьми или, по крайней мере, гуманоидами — как те несчастные, которых они

взяли с собой, чтобы питаться ими во время полета. Но они эволюционировали — или, скорее, сами вызвали у себя мутации, изменив естественную форму. Евгеника, хирургическое улучшение генофонда или махинации с зародышами — не знаю, как именно это было. Я знаю только то, что читал, но я и половину из этого не понял.

— А теперь они пытаются то же самое сделать с нами, — продолжила Верити, и ее лицо исказили отвращение и ненависть. — Они проверяют, можно ли превратить нас в таких же марсиан, как они сами.

Я прошептала:

— Что бы это ни было, я бы хотела…

— …это остановить? Я тоже. Прекратить этот бесконечный круговорот боли.

Кук сухо произнес:

— Кажется, вы до сих пор не понимаете. Марсиане уверены, что оказывают нам услугу. Поднимают нас на ступень выше по эволюционной лестнице, как если бы я превратил шимпанзе в университетского, как его там, *профессера*. И с их точки зрения они имеют право. А что есть боль? Что это вообще такое? Вы, умники, продолжаете повторять, что марсиане куда развитее нас, смертных. Возможно, учитывая, что их головы

отрезаны от тел, они перестали понимать саму суть боли, как и удовольствия? Тогда почему их должна заботить боль, которую они причиняют нам? Нас же не заботит боль, которую испытывает животное на бойне или дерево, которое мы срубаем. Так что испытывать ужас перед действиями марсиан весьма лицемерно, вам так не кажется? — он ухмыльнулся. — И, видя подобное, вы что, до сих пор надеетесь, что сможете вступить с ними в переговоры на равных? Все еще надеетесь впечатлить их знанием теоремы Пифагора, или что?

Я поняла, что даже Берт Кук, каким бы мрачным воображением он ни был наделен, не способен представить истинную цель моей миссии, догадаться, что бурлит у меня в крови здесь и сейчас, на последнем этапе пути в семьсот миль из цивилизованного Берлина сюда, в самое сердце зла, — нет, не зла, а невыносимой космической неизбежности, в средоточие интеллекта и холодной логики дарвинизма.

Но, возможно, Берт прав. С марсианской точки зрения и, вероятно, с точки зрения наших далеких потомков, которым придется столкнуться с угасанием Солнца и замерзанием Земли, как это случилось с родной планетой марсиан, от-

вратительное обращение с женщиной, лежащей сейчас в этой яме, — это первый шаг к новому этапу эволюции и благороднейший дар, который марсиане нам преподносят.

Так или иначе, Берт Кук сказал, обращаясь ко мне:

— Кажется, пора вам показать, чем все заканчивается.

34. Сток

Итак, нас привели к самому центру воронки, раскинувшейся на милю. Отсюда можно было охватить взглядом все окружающие насыпи, и я увидела, что над восточной стеной скоро поднимется солнце, — все еще было раннее утро. Прямо перед нашими глазами из земли, как мегалиты, торчали огромные упавшие цилиндры: это была марсианская святая святых. Также рядом с нами находилась гигантская шахта; отсюда было слышно, как экскаваторы усиленно раскапывали ее, расширяя и расшатывая стены, и еще был слышен пульс, стучавший глубоко из-под земли — бум-бум-бум, — как гигантский двигатель или живое сердце. Чтобы лучше вообразить все, что мы увидели после этого, вам нужно для начала представить монотонный ритм этого огромного механизма.

В небольшом углублении, напоминающем арену, расположились марсиане. Они вылезли из машин и отдыхали на ковре из красной травы. Это были приплюснутые шары, будто сдувшиеся, со смятой кожей. Думаю, это было связано с силой земного притяжения. Я вновь увидела

вблизи их странные лица: ни надбровных дуг, ни подбородка, огромные темные глаза, рот в форме буквы «V», крутые потные лбы — чем-то напоминающие лоб Уолтера Дженкинса. Один из них временами срывал своими длинными гибкими пальцами побеги растения, похожего на кактус, и засовывал их в рот. Марсиане смотрели друг на друга огромными глазами, гудя и посвистывая, как неисправные паровые котлы. Огромные, вялые, уродливые, они смотрелись почти комично, если бы не окружавшие их механизмы.

Ох уж эти механизмы…

Представьте себе подвесные кронштейны, напоминающие виселицы, и у их основания все те же многорукие машины. На каждой виселице болтались люди, подвешенные вверх ногами. Эти пленники не сопротивлялись, но все же были в сознании. Последующие анатомические исследования доказали: марсиане использовали электричество, чтобы сделать пленных безвольными и вялыми, неспособными сопротивляться, но все это время они находились в сознании — и, скорее всего, ощущали боль. Все они были взрослыми — спасибо хотя бы за это: мои воспоминания были бы еще чудовищнее, если бы среди этих жертв обнаружились еще и

дети. Итак, подвешенные люди. Глаза закрыты, лица залиты кровью, волосы разметались, юбки женщин непристойно свисают. Некоторые из жертв были весьма неплохо одеты — но теперь это было уже не важно.

И красная трубка, торчащая из шеи у каждого повешенного — с левой стороны, как сейчас помню, — прикрепленная прямиком к яремной вене или сонной артерии. Эти трубки с другой стороны подсоединялись к кормушке, расположенной между сидящими марсианами, и были помечены какими-то неизвестными значками, которые Кейнс, эксперт по переливанию крови, впоследствии счел указаниями на группы крови; возможно, марсиане предпочитали или вынуждены были потреблять человеческую кровь только особых видов, и потому трубки были помечены, чтобы не перепутать.

Потому что, разумеется, происходило пиршество.

Последний этап процесса был несложным. Своими странными руками с длинными пальцами марсиане брали трубку и засовывали ее во что-то вроде катетера, прицепленного к своему телу, и переключали рычажок, чтобы кровь текла напрямую из человеческого тела в их собственное.

В кругу марсиан сидели даже детеныши — они были копией взрослых во всем, кроме размера, и у них были свои собственные маленькие катетеры. Я заметила, как один из взрослых аккуратно помог растерянному малышу прикрепить трубочку к телу. Это было почти трогательно.

— Иногда во время еды они впадают в исступление и высасывают все до капли, — прошептал Кук мне в ухо. — И потом приходится долго ждать, когда же будут пойманы следующие жертвы, сколько бы ни было многоруких машин. Марсианину нужно пропускать сквозь свой организм много крови. Почему? Я не хирург, но могу предположить, что это для того, чтобы заменить грязную кровь чистой и избавиться от отходов, а как иначе им это делать? Никто из нас ни разу не видел, чтобы марсианин ходил в туалет, не так ли? Вы небось даже об этом и не задумывались. Иногда они просто сливают из пленников всю кровь в огромные холодильники. Ну а временами, как сейчас, они неспешно ее вкушают. Это у них вроде чаепития, понимаете? — он рассмеялся. — Они сидят почти чинно. Иногда опустошают человека за один заход. А иногда переворачивают его и вешают в хранилище, оставляя лакомство на будущее. Само собой разумеется, в итоге вы-

сасывают всех.

— А потом? — похолодев, спросила я.

— А потом от них больше никакого толку, — он жестоко улыбнулся. — Вороны в этом смысле союзники марсиан. Вы, леди, держитесь молодцом — я был уверен, вы в обморок грохнетесь или сразу сбежите. Итак, что теперь? Предложите им поговорить о геометрии?

— Нам нужно посоветоваться, — сказала я, и мы с Верити отошли в сторону.

Ее лицо было искажено гневом и отвращением.

— Будь у меня цеппелин и огромная бомба, я бы стерла это место с лица земли. Такого не должно происходить на нашей планете.

Пришло время признаться. Если не сейчас, то когда?

— У меня нет бомбы, Верити, но есть кое-что не хуже…

И я вкратце рассказала ей об Эрике, базе Портон-Даун и сыворотке в моей крови.

Я ожидала, что она обидится, узнав, что я скрывала от нее эту информацию. Я бы на ее месте так и поступила. Но Верити оказалась лучше меня и гораздо умнее, чем можно было ожидать, учитывая ее образование. Как только она поняла

общий принцип, то сразу предложила варианты действий.

— Ты воспользуешься этим оружием? Мы же сейчас в самом логове, а Куку удается безнаказанно здесь бродить. Если бы мы могли попасть в хранилище крови, о котором он говорит…

— Нет, — я отпрянула и отвернулась. В смятении, измученная, я сейчас действовала на инстинктах, и они говорили мне, что травить никого нельзя. — Если мы используем этот беспощадный патогенный вирус из африканских джунглей, чем мы будем лучше марсиан? И даже если мы преуспеем, этого будет недостаточно. Даже если мы отравим этих марсиан, другие найдут противоядие, и на Землю будут прибывать все новые и новые цилиндры…

Верити беспомощно спросила:

— Так что же тогда делать?

Решение озарило меня как вспышка света.

— Один из читателей моих мемуаров, — как-то раз сказал мне Уолтер Дженкинс, — раскритиковал мою точку зрения на то, что случилось с марсианами на Земле в 1907 году.

Я тогда ответила:

— Ты имеешь в виду их массовую смерть от вируса? Как именно раскритиковал? Насколько я

знаю, это был продуманный и логичный вывод.

— У него были претензии к логике повествования. В смысле, к литературным качествам моей книги. Потому что, учитывая всю нашу борьбу с марсианами, этот конец слишком сильно напоминал явление «бога из машины». Эти бактерии, говорил он, появились буквально ниоткуда и гарантировали моей истории неожиданный счастливый финал — все жили долго и счастливо. Как будто я обманул своих читателей. Как будто я это *придумал*! Как будто все это — художественная литература!

— Это не тот же, кто критиковал твоего «Человека тысячного года»?

— Нет, другой, но я от него тоже натерпелся. Мне пришлось указать этому доморощенному критику на то, насколько тщательно я подготовил читателей к финальному повороту событий, — это понятно с первого абзаца, если внимательно читать текст. В начале я говорю, что марсиане следили за нами, «как человек в микроскоп изучает эфемерных тварей, кишащих и размножающихся в капле воды». Потом я потрудился подробно рассказать, как зараза проникла в красную траву и другую пищу марсиан еще до того, как в их кровь попал вирус… И так далее,

и тому подобное! Бактерии были еще в самом начале! И еще мне хотелось донести до этого парня, что он упустил в этой книге главное. Это был не роман, это была историческая хроника, и появление бактерии для разрешения конфликта выглядит вполне логичным, оно было просто необходимо и обусловлено как исторически, так и биологически. Все дело в контексте, Джули. Марсиане никогда не вступали с людьми в войну. Мы просто стояли у них на пути — или, точнее, были одним из их трофеев. Это была война Марса против Земли, марсианских организмов против миллиардов лет земной эволюции. Не война существ, а истинная война миров. И в финале вовсе не было «бога из машины». Нет, победила Земля.

Сейчас, стоя в самом центре кошмарной ямы, я как будто слышала голос Уолтера, нашептывающий мне все это. Конечно, убийца в моей крови — это не решение, и ни одно человеческое оружие не может быть решением. И Фрэнк тоже это понял, когда смотрел, как красная трава поглощает и убивает земную жизнь, — именно на поверхности земли развернулась настоящая война, война между почвами, война между разными формами жизни.

Думаю, дело было в напряжении и потрясениях

последних нескольких дней. А может быть, сыграли свою роль воспоминания о Бене Грее — как он, прежде чем взорвать гранату, уничтожившую его самого, тщательно удостоверился, что я и мои спутники останемся невредимы. Если он в такой ситуации был способен здраво мыслить, неужели я не смогу?.. Как бы то ни было, дальнейшие события я посвятила памяти Грея.

Ибо, стоя там, я в первый и единственный раз за всю свою жизнь размышляла как Уолтер Дженкинс. И в моем сознании будто бы открылось окно. Мне показалось, что я вижу, чем все закончится, что я вижу выход. И он все время был у меня с собой — нет, речь не о смертельном вареве, которое текло по моим венам: решение хранилось в потрепанной кожаной папке, которую я привезла с собой из Берлина по просьбе бедного Уолтера. Или, точнее, решение скрывалось в тех идеях, из которых вырос проект Уолтера, идеях, которые стали базисом для Лжи Эрика и его руководства и которые сам Уолтер будто бы в какой-то момент потерял из виду.

Это была война миров. И именно так на ней нужно было сражаться и побеждать.

Я в нетерпении схватила Верити за руку. Мне хотелось, чтобы она тоже это осознала.

— Оглянись вокруг, Верити! Это Англия, и здесь находятся создания из двух других миров — с Марса и с Венеры. Это межпланетная война, как и говорил Уолтер, и именно так мы должны к ней и относиться! И никакой мелкий саботаж ни к чему не приведет.

Насколько я помню, в тот момент она выглядела сбитой с толку и совершенно запутавшейся. Она спросила:

— А что тогда делать?

Мой мозг все еще работал непривычно быстро, и план продолжал формироваться в голове в тот самый момент, когда я его описывала. Я вспомнила о Мариотте и о том, как он хвастался, что умеет изменять земную твердь, и рассмеялась во весь голос.

Верити смотрела на меня с подозрением.

— Джули?

— Я знаю, что нам делать. Но сейчас нам нужно выбираться отсюда.

— Отлично. А потом?

— А потом связаться с Эриком Иденом и Мариоттом с его подрывниками… Помнишь, он бахвалился тем, что взрывы могут изменить лицо планеты? Что ж, давай проверим. Предстоит потрудиться, Верити! Хорошенько потрудиться!

Кажется, именно в этот момент я увидела в небе зеленую вспышку.

Верити оглянулась, тоже ее заметив. Лучи солнца осветили восточную сторону насыпи.

Я схватила девушку за плечи.

— Верити, сколько времени?

Она взглянула на часы.

— Пять утра с небольшим.

— А день какой?

— День? А почему…

— Я запуталась — слишком долго была без сознания…

— Пятница, 19 мая, кажется…

Я похолодела. Теперь я вспомнила: выцветший дневник, старушечья спальня. Именно *этот* день я вычисляла своим измученным сознанием, надеясь, что достаточно точно запомнила дату противостояния — 10 июня; мне нужно было отсчитать три недели и день до этого астрономического события. Если марсиане собирались приземляться в этом году, они должны были сделать это 19 мая. А вот и фейерверк, точно по расписанию!

Последовала еще одна вспышка, и по небу пролегла зеленая полоса — словно трещина, расширяющаяся к западу.

Я вновь потрясла Верити за плечи:

— Цилиндры! Заметила их?

— Очевидно, следующая волна. И хватит меня трясти!

— Возможно, будь мы за Кордоном, мы бы знали о новом вторжении, правительство объявило бы, что на Марсе выстрелили пушки…

Она выглядела растерянной:

— Не понимаю. Марсианские цилиндры ведь всегда падают в полночь. А сейчас солнце почти взошло…

— Имеется в виду полночь в месте посадки, — резко поправил Кук, вглядываясь в небо. — Там, а не здесь. О, вот еще один, смотрите! И еще один! Вжух, вуу-хуу!

И пока мы разговаривали, а марсиане невозмутимо продолжали трапезу, из облаков появлялось все больше и больше цилиндров. Все они направлялись на запад, к Атлантическому океану.

В Америку. Там, на восточном побережье, в Нью-Йорке и Вашингтоне, в Бостоне и Майами, как раз была полночь.

И я поняла, что права. Даже если бы я успешно заразила британских марсиан, другие адаптировались бы к бактерии, и мы все равно проиграли бы войну. Наша единственная надежда — Уолтер

и его геометрия. Она содержалась у меня в мозгу, а не в крови.

— Я же говорил, — Берт Кук воздел руки к небу. — Эй, спускайтесь к нам, красавчики!

Книга III. Мир, охваченный войной

1. Дом в Далеме

В день, когда молния ударила в землю, Уолтер Дженкинс находился в Берлине. Из этого могущественного города он гораздо лучше мог наблюдать за планетарной катастрофой, чем я, застрявшая в английском Кордоне.

Уолтер жил в съемном доме в деревеньке под названием Далем, на юго-западе Берлина. Позже, приехав в город после всего, что случилось, я из чистого любопытства посетила этот дом. Далем — роскошное, утопающее в зелени место (по крайней мере, было таковым до нашествия марсиан и, безусловно, когда-нибудь снова будет), в пределах которого находится даже кусочек Грюневальдского леса; здесь широкие улицы и большие виллы. Уолтер потом рассказал мне, что решил уехать подальше от «лабораторий» центрального Берлина, где Фрейд и прочие продолжали изучать его прототипическое расстройство, его «боязнь пушек». А здесь он жил спокойно, никем не потревоженный, и мог размышлять. Но что самое главное, здесь у него была возможность своими глазами наблюдать за войной миров, которую он предсказал.

И с этой целью — еще задолго до того, как начались атаки, — он провел дополнительные телефонные линии, обзавелся телеграфом-приемником и очень мощными беспроводными установками. Все это, разумеется, стоило нешуточных денег, но, как я уже писала, благодаря Летописи Уолтер не был стеснен в средствах. И похоже, что он решил: раз уж марсиане летят к нам во всеоружии, то деньги в любом случае скоро не будут значить ничего.

А марсиане действительно летели. Он был в этом абсолютно уверен, как любой, кто не принадлежит к высшим научным, военным или правительственным кругам.

Сейчас уже трудно вспомнить, насколько тотально засекречен был в то время астрономический проект. Но у Уолтера были свои ресурсы и связи. Он прислушивался к перешептываниям, словам и домыслам своих приятелей из мирового астрономического сообщества, многие из которых были так поглощены научными изысканиями, что не уделяли особого внимания засекреченности. Короче говоря, кое-какая информация просачивалась именно благодаря им.

И так Уолтер в конце концов выяснил, что марсианская пушка действительно снова начала

стрелять, причем уже 8 апреля. То есть еще до того, как я посетила его берлинское жилье в мае, хоть тогда он еще ничего не знал. Все в точности как в двадцатые годы, когда новости о нашествии марсианского флота дошли до него с большим запозданием.

Уолтер пытался проанализировать всю доступную информацию, но вскоре количество ударов стало совершенно очевидным. В 1907 году с Марса стартовало целых десять цилиндров. В 1920-м в десять раз больше — целая сотня упала в центре Англии. А теперь, по внутренним расчетам астрономов, их число увеличилось еще в десять раз — к Земле приближалась *тысяча* марсианских кораблей.

Но где же приземлятся марсиане? Цилиндры вроде бы плавали в космосе и собирались во флотилии. Те, что вылетели позже, присоединялись к этой межпланетной армаде — как в случае с британскими наступательными силами.

Но поскольку марсианские пилоты, летя сквозь пространство, постоянно корректировали траекторию своих кораблей — недаром те мигали зеленым, даже войдя в земную атмосферу, что я сама наблюдала из ямы в Амершеме, — их тактика на протяжении многих дней оставалась

неясной.

Поэтому Уолтер собрал всевозможные карты, включая даже простенький школьный глобус, а также вооружился астрономическими таблицами и математическими справочниками. И даже логарифмической линейкой! Хотя Уолтер был журналистом-философом, а вовсе не математиком, он еще давным-давно узнал, что математика — язык астрономии. И в конце концов наблюдения астрономов за цилиндрами и огнями, уже более точные, сложились у него в голове в единую схему, по которой двигался марсианский флот.

Основной принцип оказался простым. *Марсиане всегда приземлялись в полночь по местному времени.* Уолтер видел, как они появляются из темноты, ныряя в земную тень. Он представил себе вид из цилиндра, летящего в первой группе: европейские города — Лондон, Берлин, Париж, все остальные — уже в свете дня, а Америка покрыта полночной тьмой, и большие города возле рек и побережий сияют, словно бриллианты. Беспомощные, со всех сторон окруженные тьмой.

А позже, по мере того как планета вращалась и ночь двигалась дальше, приземлялись новые боевые группы марсиан — одна за другой, одна за другой.

— Я вам говорил, — бормотал он себе под нос (так он потом вспоминал), сидя на рассвете в одиночестве берлинского дома, в пижаме, в халате, наверняка с кругами под глазами, среди столов и стен, покрытых листами с его неразборчивыми заметками. — Говорил я вам, идиоты несчастные.

2. На Лонг-Айленде

С приближением ночи Гарри Кейн подумал, что атмосфера в особняке Бигелоу становится слишком уж оживленной. Нет, не то слово — скорее, лихорадочной. Или даже без пяти минут паническ ой. Все знали, что если марсиане собираются прилететь на Землю к ближайшему противостоянию, то высадка должна начаться сегодня ночью — или, точнее, в полночь на 19 мая, в пятницу, за три недели и один день до противостояния. Это мог высчитать любой, у кого был календарь, пусть даже в серьезных газетах об этом не писали. Если астрономы что-то и засекли, то народу об этом не сообщалось. Но даже при этом атмосфера на вечеринке в Бигелоу накалилась до предела.

Возможно, дело было в выпивке, или в таблетках, или в регтаймах, которые неустанно играл оркестр, или же в головокружительном осознании того, что ты молод, богат и можешь делать все, что душе угодно… Или, возможно, в ощущении каждого, что он — один из немногих (ладно, немногих сотен) счастливчиков, кого пригласили на эту вечеринку в сей переломный момент, после которого, возможно, настанет конец света

— во всяком случае, если оправдаются самые печальные предсказания газет…

И как же одним словом, одной фразой описать всю эту безумную блистательную хрупкость?

Как я уже упоминала, мой добрый друг Гарри работал журналистом и писал в популярные нью-йоркские газеты, в частности в «Сатэрдей ивнинг пост». А еще он писал бульварные романы, которые публиковал под псевдонимом. Что ж, каждый крутится как может… Он обладал отличным чутьем на сенсации, и именно поэтому, как потом оказалось, в ту судьбоносную ночь оказался точно там, где нужно. Но еще одного умения, важного навыка настоящего репортера, ему недоставало: ему тяжело давались слова. Слова ополчились против бедняги Гарри. И это ему сильно мешало: он смотрел на ограбленный ювелирный магазин, на сошедший с рельсов поезд, на автокатастрофу — и перед его голубыми глазами мелькали неуловимые лексические единицы. Я как-то сказала ему, что он стал бы великим писателем, если бы умел писать.

Зато к деталям он был крайне внимателен. Записывая воспоминания той ночи, он отметил, что ближе к полуночи оркестр заиграл «Шейха Аравии».

Гарри без устали прокладывал себе путь через толпу танцевального зала Бигелоу, не обращая никакого внимания на богатый узор обоев, японские панели на стенах и парижские люстры, украшавшие эту прекрасно освещенную комнату. Он прошел сквозь широкое французское окно и присоединился к людям, толпившимся на веранде под открытым небом. Гарри помнил даже, что за выпивку держал в руке — виски с содовой, уже не первый бокал за вечер. Он вообще запомнил очень много деталей той ночи.

Выйдя на веранду, он огляделся. Сам особняк Бигелоу походил на какое-нибудь крыло Версальского дворца, перенесенное через Атлантику на Лонг-Айленд, и сад не уступал ему в роскоши. Лужайки, засаженные цветущей сиренью, сливой и боярышником, освещались разноцветными гирляндами. В центре сада находился бассейн — круг голубого света, в котором, как дельфины, плавали девушки — почти все в пристойных купальных костюмах, те, впрочем, позже неминуемо уступили бы место более фривольным нарядам, — так было всегда. А дальше виднелась пристань с парочкой маленьких яхт, темные воды Саунд-бич и — расплывающиеся в тумане огни Манхэттена на горизонте.

Люди двигались как красавцы-призраки с бокалами в руках. Женщины — в дорогих шифоновых одеяниях, увешанные драгоценностями, мужчины — в костюмах и лакированных ботинках, как у Гарри, или — это, наверное, были местные с Лонг-Айленда — в белых фланелевых одеждах и теннисных туфлях. Главным цветом в тот год — или месяц, или неделю — явно считался пурпурный, а у каждой женщины волосы были уложены в идеальное каре. Гости Бигелоу походили друг на друга как две капли воды, пока глаз не начинал различать тонкие, тщательно подобранные детали. Так рука об руку идут мода и деньги — большие деньги, очень большие.

Поглощенный созерцанием собравшихся гостей, Гарри упустил главное событие вечера. Вскоре он заметил, что многие из этих нарядных людей смотрят вверх. Только тогда он и сам перевел взгляд на небо. Май был на исходе, и ночь стояла ясная, теплая — лишь чуть-чуть тянуло прохладой. Огни вечеринки сияли так ярко, что не было видно ни одной звезды.

Но Гарри увидел, как на востоке небо перечеркивали яркие полосы. Они вспыхивали и гасли одна за другой.

Гарри был сельским мальчишкой из Айовы;

ему случалось наблюдать метеоритный дождь, и эти вспышки напоминали его. Но все они были параллельны друг другу и сосредоточены в одном месте — так что их явно кто-то направлял. И он еще никогда не видел метеоров, которые светились бы зеленым.

Конечно, он знал, что это значит. Не особенно заботящиеся о своей репутации газеты, в числе которых были и те, куда он сам пописывал, предсказывали это. Гарри никогда не бывал в Англии, никогда не видел вблизи марсиан или их механизмов, кроме как на фото и в кадрах кинохроники. Он успел наклепать несколько сенсационных статеек про марсианскую угрозу, но одно дело — фантазировать о чудищах с Красной планеты, а другое — понимать, что фантазии стали реальностью.

Многочисленные часы в доме на разные голоса пробили полночь.

Вскоре после этого Гарри услышал звук, похожий на раскаты грома, и ему показалось, что на востоке он увидел вспышки — отблески колоссальных взрывов.

Он стоял в стороне от всех, в тени.

У собравшихся в особняке людей то, что случилось, вызвало необычайное оживление. Они

кричали, визжали и улюлюкали; некоторые ни с того ни с сего бросились танцевать. Были и те, кто зааплодировал. Поразительное легкомыслие, подумал Гарри, который, как всегда, отчаянно пытался найти нужное слово, как белка — пропавший орех. Шум и блеск вечеринки вкупе с переизбытком химических стимуляторов наложились на космический ужас, и сочетание получилось изысканным и манящим, как шербет в бокале с шампанским.

Знакомая девушка схватила Гарри за руку.

— Гарри, потанцуй со мной! Подумать только — вечеринка по поводу конца света! Говорят, тут и Гуггенхайм, и Эдди Кантор, и Джек Демпси…

— И Вудхауз тоже.

— Кто-кто? Гарри, ну пойдем же танцевать! Что с тобой?

Он улыбнулся, покачал головой, мягко высвободил руку, и девушка, кружась, унеслась прочь.

Гарри покинул ярко освещенный сад и направился вниз, к пристани. Он слышал, как ревут моторы, — охотники до впечатлений мчались к месту посадки марсиан в погоне за свежей сенсацией. И вспомнил, как Уолтер описывал падение самого первого цилиндра в Хорселле: там тоже собралась туча зевак посмотреть на диковину.

Он спустился к пристани. У воды он заметил мужчину и женщину, на редкость спокойных по сравнению с остальными: они стояли под навесом, смотрели на небо и спокойно курили. Некоторое время Гарри наблюдал за ними — двумя силуэтами в клубах дыма. Он почувствовал, что перед ним не парочка и что эти двое не будут возражать против его общества. (Хотя Гарри не мог похвастаться ловким обращением со словами, эмоции он улавливал отлично.) Так или иначе, он подошел к ним без тени смущения.

— Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Они обернулись. Женщина сдержанно улыбнулась; мужчина слегка пожал плечами, и показалось, что это движение было для него болезненным. Он был в форме, и Гарри подумал, что, возможно, перед ним какой-нибудь ветеран.

Отдавая дань вежливости, он предложил им сигареты.

— Интересная выдалась ночка!

— Спасибо марсианам, — сказал мужчина. — Они явились как раз вовремя, если верить выкладкам астрономов, — хотя военные специалисты полагали, будто высадка произойдет в другом месте.

Гарри протянул руку:

— Меня, к слову, зовут Гарри Кейн. Пишу для газет.

На мужчину, кажется, это не произвело никакого впечатления, однако протянутую руку он пожал. Рукопожатие было крепкое, но Гарри заметил, как мужчина скривился, шевельнув плечом. На вид ему было лет сорок, он был смуглый, крепко сбитый и носил форму младшего офицера.

— Билл Вудворд. Капитан, если по нашивкам не видно.

Гарри проглотил это, решив сохранять вежливость.

— В отставке?

— Не совсем. В отпуске по болезни, — он постучал по плечу. — Поймал пулю на Филиппинах полгода назад. Все бы ничего, только я уверен, что пуля была немецкая. Восстановление идет неплохо. Армия великодушно платит по счетам, хотя дом неподалеку, который я арендую, не чета этому особняку. Семьи у меня нет, и суетиться вокруг меня некому, как я только что рассказал мисс Рафферти.

Говор выдавал в нем южанина.

Женщина тем временем внимательно изучала Гарри. Она протянула руку и представилась как

Мэриголд Рафферти. Ей было лет тридцать, и говорила она с бостонским акцентом, насколько Гарри мог судить. На ней был костюм для верховой езды: ботинки, длинная юбка, подходящий жакет. Однажды Гарри сказал мне, что на фоне разряженных прожигательниц жизни она выглядела довольно блекло и казалась куда более взрослой.

— Гарри Кейн, — повторила она. — Мне знакомо ваше лицо, но при взгляде на него вспоминается другое имя. Скажите, а книги вы случайно не пишете?..

Гарри покраснел.

— Боюсь, что да, мисс Рафферти…

Она щелкнула пальцами.

— Я так и знала! «Эдисон против строителей каналов» — это ведь вы написали?

— Это скорее подработка. Она неплохо оплачивается с учетом журнальных публикаций и прочего. Но я считаю себя серьезным журналистом…

— Эдисонада, ну надо же! — улыбнулся Вудворд. — Рассказы о похождениях великого изобретателя лампочки. Я читал парочку романов. Мой любимый — «Эдисон и марш Кайзера». Это ваш?

— Нет…

— Он мне всегда казался, по крайней мере, более-менее достоверным. Не сказал бы, что немцы нас простили после того, как мы забрали у испанцев Филиппины, Кубу и Гуам. Но Эдисон против марсиан — это уже перебор! — Он взглянул на Мэриголд Рафферти. — Мне всегда было интересно, как этот выдающийся человек относится к тому, что стал главным героем подобных книжек.

Мэриголд легонько стукнула его по здоровой руке.

— Ну же, Билл! Мы знакомы всего несколько минут — не только друг с другом, но и с этим бедолагой, хватит над ним потешаться! Гарри — или Джарвис Икс Кендор, так ведь звучит ваш псевдоним? — полагаю, если вы хотите знать, что думает Томас Эдисон по поводу своей роли в ваших романах, вы могли бы спросить у него самого!

— Эдисон? Не могу похвастать знакомством с ним, мисс Рафферти! Думаю, он сейчас в Нью-Джерси, в Менло-Парке.

Мэриголд покачала головой.

— Вовсе нет. Он прямо здесь, мистер Кейн. Здесь, на Лонг-Айленде. Более того: он был на этой самой вечеринке! Но он быстро утомляется —

что, впрочем, неудивительно: ему уже семьдесят пять, хоть он и на редкость крепок для своих лет.

— Эдисон приехал сюда, на Лонг-Айленд? Но зачем?

— Пожалуй, я должна все объяснить, — ответила Мэриголд слегка сконфуженно. — Я тоже работаю в Менло-Парке; моя специализация — телефонные сети, но в последние пару лет я стала кем-то вроде персонального ассистента мистера Эдисона. Он с самого начала отнесся к возможности нового нашествия всерьез и во время каждого противостояния выезжает с семьей в место, которое кажется ему безопасным убежищем на случай высадки марсиан. Подальше от Нью-Йорка, который, вполне вероятно, мог бы стать мишенью при атаке. При этом и компания, и правительство охотно оказывают ему всяческую поддержку.

— Вот так вот, Джарвис, — усмехнулся Вудворд. — В своем бульварном романчике вы были недалеки от истины…

— Я бы не называл его бульварным…

— Эдисон не сверхчеловек, однако он представляет большую ценность для всей нации. Так вышло, что он снял виллу недалеко от моей. Я оказался соседом Томаса Эдисона! Кто бы мог

подумать?

— Вы говорили, что правительство поддерживает его, — сказал Гарри, обращаясь к Мэриголд. — Неужели старик действительно настолько важен?

Та пожала плечами:

— Это не риторический вопрос? Вы же сами написали о том, что Эдисон изобретает супероружие, чтобы победить марсиан.

— Но это же просто вымысел. В реальной жизни…

— В реальной жизни Эдисон тоже изобретает супероружие, чтобы победить марсиан.

Гарри Кейн так и уставился на нее.

Ему, впрочем, показалось, что он понял логику Эдисона; он и сам прокручивал в голове похожий сценарий. Если бы марсиане собирались нанести удар по Нью-Йорку, они наверняка приземлились бы на материке — это могло облегчить им перемещение. Поэтому Лонг-Айленд, отделенный от континента проливом, до поры до времени оставался бы в безопасности. Пожалуй, он действительно мог бы стать подходящим местом для того, чтобы укрыть такое национальное сокровище, как мозг Эдисона.

Это объясняло и то, почему сам Гарри здесь

оказался: похоже, многие из городских богатеев пришли к похожему заключению. За место на курортах Лонг-Айленда в последние дни развернулась нешуточная схватка, и Гарри приехал сюда, чтобы посмотреть, как толпа счастливчиков распорядилась своей удачей.

Ему хватало исторического чутья, чтобы понять, что недавний наплыв нуворишей в Америку связан с небывалым экономическим ростом страны. Здесь и освоение новых месторождений (в Неваде добывали серебро, в Монтане — медь), и головокружительный рост молодых индустрий, таких как телефонная связь, кино и фотография, электричество, автомобилестроение. Но в больших городах, особенно на Манхэттене, благодаря финансовым спекуляциям, торговле облигациями и выдаче обеспеченных кредитов можно было разбогатеть очень быстро и абсолютно законными способами. И незаконными тоже, конечно: сухой закон породил обширный черный рынок. Бьющее через край богатство лежало в основе той гедонистической суматошной культуры, благодаря которой стала возможна эта вечеринка.

На этом фоне заокеанские проблемы выглядели малозначительными. Что с того, что немцы в Европе размахивают флагами и бряцают оружи-

ем, что с того, что они задумываются о создании мировой империи? Это были далекие проблемы, с которыми можно было разобраться как-нибудь потом. Даже марсианские атаки на Англию смотрелись отсюда абстрактными и нереальными — настолько вразрез они шли с обычной мировой повесткой.

Но потом поползли слухи о новой волне захватчиков с Марса. Что, если на этот раз они решат приземлиться не в Лондоне, а в Бостоне или Нью-Йорке? Гарри подозревал, что большинство американцев со снисхождением относились к попыткам британцев отразить вторжение 1907 года и даже двухлетней давности. Американские войска, безусловно, справились бы лучше британских — американский дух, вне всякого сомнения, оказался бы более стойким. Гарри чувствовал настроения, которые пронизывали его родную культуру, и именно поэтому стал писать собственные «Эдисонады», гимн героическому сопротивлению. Судя по отзывам издателя и объемам продаж, он задел нужную струнку.

Однако сегодня, прислушиваясь к болтовне, Гарри посмотрел на ситуацию с неожиданного ракурса. Если бы марсиане действительно приземлились в Америке, тысячи людей наблюдали

бы за военными маневрами, за массовым бегством, за тем, как организована защита городов, но кто рассказал бы историю о привилегированной верхушке? Что предпримут богачи? С Лонг-Айленда, по представлениям Гарри, можно было, попивая шампанское, наблюдать, как с Манхэттена изгоняют марсиан, а затем вернуться на руины, прилететь туда изящными птицами. Позже на страницах своей книги «Марсиане в век джаза» Гарри в подробностях описал тот самый день. Опубликовал он ее под своим настоящим именем.

Теперь фантазии обернулись ужасающей истиной, и тот факт, что чутье его не подвело, был для Гарри слабым утешением в ту расцвеченную огнями ночь. Потому что марсиане вряд ли явились с добрыми намерениями.

Мэриголд вдруг ахнула:

— Смотрите! Там, в небе! Снова летят…

Вудворд посмотрел наверх и кивнул, сжав губы.

— Зеленые вспышки. Вторая волна? — Он взглянул на часы. — В Англии пару лет назад было две волны, но с разницей в сутки. Сейчас даже часа не прошло после полуночи. У них новая тактика — присылать вторую волну через час

после первой?

Он был прав в этом предположении — и, возможно, оказался первым, кто его высказал. Такова была стратегия, которой марсиане придерживались при всех своих атаках в течение этой ночи и следующего дня.

— Я мало что смыслю в Марсе, — сказал Вудворд, — но я бывал под артиллерийским огнем. И мне сдается, что эти снаряды летят прямо сюда, на Лонг-Айленд. И упадут недалеко от того места, где мы стоим. А вовсе не на Манхэттене.

— Вот вам и безопасное место, — сказала Мэриголд. — Пойду позвоню мистеру Эдисону.

Гарри увидел новые вспышки, и с востока снова донесся грохот.

3. В особняке Бигелоу

Внутри дом был залит светом. Гарри и Билл Вудворд ждали, коротая время за сигаретами, пока Мэриголд искала телефон, чтобы позвонить в резиденцию Эдисона. Оркестр продолжал играть — прямо сейчас звучал какой-то печальный вальс. Гарри узнал его: он назывался «Три часа утра». Композиция была выбрана неудачно — было лишь начало второго. На вечеринке все еще оставалось множество людей, рекой лилось шампанское и красное вино и звучал веселый хор голосов — и во всем этом Гарри виделось что-то донельзя хрупкое и уязвимое. Он принял из рук у проходившего мимо официанта бокал мятного джулепа, но затем поймал взгляд Вудворда. Тот кивнул, и Гарри увидел в этом немое предложение: «Лучше оставаться трезвыми». Гарри сделал небольшой глоток и отставил бокал.

Вудворд тихо осведомился:

— У вас есть машина?

— Здесь нет. Я живу неподалеку, пришел пешком.

— Моя здесь. Довольно побитый жизнью «додж», но вполне на ходу. Знаете ли, я не сто-

ронник нынешней манеры менять автомобиль каждый год, просто чтобы иметь салон самой модной расцветки. Возможно, стоит сходить и проверить, как она там. Некоторое время назад отсюда многие рванули на машинах.

— Я слышал. После полуночи. Думаю, куча нетрезвых водителей решила поглазеть на марсиан, — Гарри непроизвольно оглянулся в поисках Мэриголд в легкой тревоге, словно бы они трое были связаны некими узами. — Давайте всё обдумаем, Билл. Мы полагали, что марсиане не высадятся на острове, потому что это бессмысленно, — и тем не менее они здесь. Почему?

— На мой взгляд, возможны две причины, — сказал Вудворд. — Одна из них, возможно, такова: они намеренно делают то, чего мы не ожидали, чтобы застать нас врасплох. Человеческий генерал тоже мог бы поступить подобным образом — никому не хочется попасться в ловушку. Но судя по тому, что я о них читал — впрочем, это чтиво недалеко отстояло от ваших «эдисонад», — им вообще все равно, что мы делаем или думаем. Мы просто не можем толком ничего с ними сделать. Или нам пока не удавалось. Следовательно, вторая возможная причина: им так удобнее. Насколько можно сказать по опыту Англии, они все

еще достаточно уязвимы в первые минуты после приземления, хотя теперь уже не настолько, как раньше. Но даже несколько минут, потраченные на то, чтобы выгрузить из цилиндров оружие, дают преимущество противнику. Я полагаю, они изучили карту и сочли Лонг-Айленд местом, где в первые минуты или даже часы мы их не побеспокоим. А потом они уже с новыми силами направятся в город. В любом случае, какими бы ни были причины, это сработало. Здесь, на Лонг-Айленде, нам особо нечего им противопоставить. Национальная гвардия, полиция — ну, возможно, пара орудий с военных судов, и то если их успеют достаточно быстро подогнать.

— В военном деле я полный профан. Но мы ведь их остановим, верно?

Вудворд пристально посмотрел на него.

— Поймите, Гарри, армия США — это не та сила, которой, как вы думаете, она является. Большая часть сражений, которые мы вели со времен Революции, — небольшие стычки с индейцами на западе, или в Мексике, или с испанцами в 1898 году. У нас нет огромной призывной армии, как в Европе, у немцев, у русских — даже в Британии после первого нашествия марсиан она появилась. Единственный эпизод в истории,

когда нам удалось поставить миллионы людей под ружье, — Гражданская война, где сражались призывники Севера и Юга. Возможно, если бы мы вступили в большую европейскую войну в 1914-м, все было бы иначе. Но сейчас, как я полагаю, в сумме у нас несколько сотен тысяч регулярной армии плюс гвардия и ополчения штатов. И большая часть этих сил сейчас отнюдь не на восточном побережье. Да и не на западном, если уж на то пошло.

Гарри совершенно не понравилось то, что он услышал.

— Так где же они?

— В наших гарнизонах в Пуэрто-Рико, на Кубе, на Филиппинах. Одним словом, на тех территориях, что были захвачены нами во время Испанской войны. Некоторые — на мексиканской границе. А оставшиеся — на Западе, в бывших индейских землях. Конечно, та угроза давно уже миновала, но исторически сложилось так, что армейские гарнизоны расположены именно там.

— Исторически сложилось! Боже ты мой. Ну что ж, очень жаль, что марсиане не высадились на

Диком Западе, — возможно, Хопалонг Кэссиди [11] спас бы ситуацию.

— Успокойтесь, — мягко проговорил Вудворд.

— Извините. Но я уверен, что правительство подготовилось к нашествию. Наверняка они получали какие-то предупреждения от астрономов, даже если их и не обнародовали.

— Безусловно. Но как, скажите на милость, защититься от атаки, которая может ударить абсолютно куда угодно, в континентальную часть страны и не только, и вдобавок обрушивается с неба? Впрочем, я ничего не знаю. Я ранен и на больничном.

— Тсс! Слышите шум машин? Похоже, они возвращаются все разом…

---

[11] Примечания: 11

Хапалонг Кэссиди — отважный ковбой, герой рассказов и романов американского писателя Кларенса Малфорда, ставший персонажем американского фольклора.

4. Исход

Шум машин на подъезде к особняку стал громче.

Подъездная дорожка, судя по всему, была гордостью особняка Бигелоу: длинная, ярко освещенная электрическими фонарями, усыпанная хрустящим розовым гравием, который привезли из Англии за сногсшибательные деньги. Говорили, что это такой же гравий, каким усыпана улица Мэлл — та, что ведет к Букингемскому дворцу.

Когда Вудворд и Гарри вышли, здесь все еще было множество машин — «доджи», «форды», даже несколько фургонов. И один великолепный «роллс-ройс» с салоном, отделанным зеленой кожей.

— У вас прямо-таки слюнки текут, — заметил Вудворд.

— Когда-нибудь, — сказал Гарри. — Когда-нибудь.

— Продолжайте писать «эдисонады». Кстати говоря, для журналиста вы не так уж наблюдательны, сдается мне. Не заметили главного.

— А? — Гарри огляделся. — А, вы о том пустом

гараже.

— Это гараж, где обычно стоит машина Дэна Бигелоу, хозяина дома. У него сейчас «даймлер», я полагаю.

— Значит, он уехал, — сказал Гарри. — Я не заметил.

— А вы вообще его встречали?.. Вот и я нет. Предполагаю, что на вечеринках вроде этой наличие хозяина не главное. Кроме того, я предполагаю, что в силу своего статуса он мог получить какие-то новости раньше нас.

Гарри похолодел.

— Разве он не предупредил бы гостей?

— Рискуя, что дороги окажутся запружены и он сам не сможет выбраться? Мне кажется, люди вроде Дэна Бигелоу не достигают своего положения без некоторой доли холодного расчета.

Шум машин превратился в рев. Гарри и Билл обернулись и поглядели на дорогу сквозь ажурные стальные ворота. Мимо проносились все новые «доджи» и «форды», было и несколько машин побольше — они мчались на высокой скорости, как понял Гарри, с востока на запад, в сторону мостов и Манхэттена.

— Зеваки, — проронил Вудворд. — Возвращаются обратно.

— Точно. — Гарри посмотрел на часы. Еще не было даже половины второго. — В полночь они все высыпали наружу и отправились искать место приземления марсиан.

— И нашли его. И, возможно, все еще продолжали на него глазеть, когда появилась вторая волна. А теперь…

— Они в ужасе оттуда бегут. Следовательно, кратеры не особенно далеко отсюда — может, в получасе быстрой езды. Двадцать — двадцать пять миль на восток?

— Осторожно! — Вудворд оттащил его назад. Одна из машин на скорости повернула на дорожку, чуть не зацепив стойку ворот, и затормозила на розовом английском гравии.

— Помогите! Помогите!

Вудворт и Гарри были одними из первых, кто добрался до машины, — и наиболее трезвыми. За рулем оказалась молодая женщина, явно не слишком опытная в деле управления автомобилем.

— Это его машина! Не моя! Мы просто поехали прокатиться! Хотели посмотреть — думали, будет весело…

На заднем сиденье мешком лежал мужчина, на вид столь же молодой. Его белый пиджак и

штаны были заляпаны кровью. Множество рук потянулось к нему, но Вудворд был тут как тут. Тоном, не допускающим возражений, он велел всем отойти — и, к изумлению Гарри, они подчинились. Это звучало как приказ.

Вудворд опустился на колени возле молодого человека, щупая пульс.

— Он дышит. Но пульс слабый. Не знаю, в сознании ли он. Держись, сынок. Я видел людей, которые переживали вещи и похуже. — Вудворд оглянулся на прочих гостей, которые смотрели на Гарри, словно любопытные и слегка напуганные павлины. — Подходите, только если вы опытная медсестра или врач. Только в этом случае.

После некоторой паузы из толпы выделился молодой человек в слегка поношенном парадном костюме.

— Я студент-медик. Это подойдет? Я на четвертом курсе в…

— Хватит болтать. За дело!

Молодой человек немедленно занялся раненым.

Вудворд с Гарри обошли машину и поспешили туда, где несколько женщин пытались успокоить девушку, сидевшую за рулем.

— Я сделала все, что могла! Никогда в жизни не

водила машину!

— Вы все правильно сделали. Там действительно марсиане?

Девушка кивнула и понурила голову. Она сообщила, что марсиане высадились возле Стоуни-Брук.

— Мне показалось, там весь город собрался. Все пялились на эти чертовы кратеры и на взрытую землю. А потом, около часа ночи, с грохотом стали падать новые цилиндры — что это было за зрелище! Как только они приземлились, наружу сразу полезли марсиане. Ну, гвардия и полиция открыли огонь. Но марсиане… и полиция, и гвардия — они просто сгорели, понимаете? А потом поднялись эти их машины на ходулях, как в цирке, — и все бросились прочь. Но Симпсон упал — похоже, подвернул лодыжку. Я пыталась помочь ему встать, но мы были прямо на дороге, и появился автомобиль… И он просто сбил его, отшвырнул, понимаете, как олененка, — готова поклясться, что специально!

— Как вы смогли затащить его в машину?

— Моя дорогая, выпейте бренди. Хотя бы глоточек, чтобы успокоиться.

— Вы запомнили номер автомобиля? Пусть полиция узнает об этом — марсиане, не марсиане…

Вудворд потянул Гарри за рукав:

— Мы здесь больше не нужны. Пойдемте обратно в дом.

Они пошли назад по дорожке к дому, который по-прежнему был ярко освещен. Но теперь гости, похоже, массово покидали его, и было слышно, как машины заводятся, скрипят колесами по гравию и отъезжают прочь, устремляясь на запад.

Что примечательно, оркестр продолжал играть — сейчас он исполнял джазовую композицию, которую Гарри определил как «Блюз на Бил-стрит». Продолжали сновать официанты и другие служащие, желающим все еще разносили алкогольные напитки — и желающие находились. Некоторые гости явно намеревались кутить до самого конца. Но также подавали и кофе, и Вудворд с Гарри с радостью взяли по чашке.

Вудворд то и дело поглядывал на часы.

— Возможно, у нас есть в запасе несколько часов. Пару лет назад в Англии они приземлились в полночь в точности как здесь и, похоже, дожидались рассвета, прежде чем массово выступить. Конечно, в этот раз волны распределились иначе, но тем не менее…

— Хм. Но ведь чем дольше мы ждем, тем меньше у нас шансов выбраться с острова.

Вудворд ухмыльнулся:

— «У нас». Мы что, теперь играем в одной команде?

— Полагаю, я смогу лучше вести машину, чем вы с вашим раненым плечом.

Вудворд нехотя кивнул:

— Вероятно, вы правы. Вы говорили, что живете неподалеку. Какая у вас машина?

— «Форд-Т».

— Пфф. Вы что, пижон? Поедем на моем «додже». Но…

— Но нужно подождать мисс Рафферти.

— Мэриголд. Да.

Гарри огляделся:

— Может, получится узнать, что вообще творится. Здесь же наверняка есть радиоприемники, где-то в отдалении от танцевальных залов.

— Вы же вроде бы репортер. Не можете связаться с редакцией? Они, вероятно, осведомлены о ситуации.

— Хм, а это идея. Я бы даже мог отправить репортаж.

Вудворд встал.

— А вы не упустите выгоды, как я посмотрю.

Для Гарри и Вудворда это была долгая ночь, полная ожидания.

Они дежурили неподалеку от радиоприемника. С места посадки марсиан на Лонг-Айленде не поступало почти никаких новостей. Гарри подумал, не позвонить ли родителям в Айову, но потом решил, что только перепугает их до смерти этим ночным звонком.

Примерно в три из редакции «Пост» сообщили, что президент Хардинг объявил о высадке второй волны марсиан на холмах близ Лос-Анджелеса. Это случилось в полночь по местному времени, как и на Лонг-Айленде.

Около четырех по дому прошел слуга, разыскивая Вудворда. Его вызывали к телефону. Звонила Мэриголд Рафферти, которая отыскала Эдисона и его помощников на вилле. После короткого обсуждения было решено посадить пожилого ученого на катер и отправить через пролив на Манхэттен. На катере не было места для всех, и, несмотря на яростные протесты Эдисона, Мэриголд пришлось оставить. Сейчас она ждала машину, чтобы вернуться в особняк Бигелоу, но вокруг царил хаос. Вудворд сказал, что они в любом случае ее дождутся, и Гарри, несмотря на растущее раздражение оттого, что они здесь застряли, кивнул в знак согласия.

Прошел еще час.

В шесть стали появляться первые сообщения о том, что марсиане выдвинулись из своих ям возле Стоуни-Брук. Ни для кого не стало сюрпризом, что они направились на запад, вдоль пролива, к Манхэттену. Местные власти могли выставить только небольшие силы для обороны, к тому же они были гораздо больше озабочены эвакуацией.

В десять минут седьмого у ворот появилась Мэриголд Рафферти.

Они втроем помчались к машине Вудворда, Гарри сел за руль, и они покинули особняк и влились в медленную реку машин и людей, которая тянулась на запад вдоль всего острова. Гарри оглянулся и увидел, что даже сейчас, в разгоравшемся дневном свете, особняк Бигелоу все еще светился огнями. Вероятно, где-то внутри по-прежнему играл оркестр.

5. Я прибываю в Торнборо

Было пять утра (в Британии; на Лонг-Айленде полночь), когда мы с Верити потребовали у Альберта Кука, чтобы нас отвели к Эрику Идену.

Кук немедленно откликнулся, и то, что он сделал, нас весьма впечатлило. Он вывел нас из Редута, позвонил с секретной телефонной станции кому-то из армейских, с которым ранее обсуждал условия соглашения, а затем отвел нас к отлично закамуфлированной машине, и мы помчались сквозь Кордон. Кук убеждал нас, что марсиане ни за что его не тронут, но я не могла до конца в это поверить.

У периметра нас встретили двое неразговорчивых солдат в камуфляже без знаков отличия, с зачерненными лицами, и проводили ко входу в туннель. При спуске мне пришлось бороться с сильнейшим безотчетным страхом — показалось, будто, заглянув под землю, я увидела там, в темноте, Бена Грея. Однако я справилась. В этот раз марсиане не заметили нашего путешествия под Траншеей — или не подали виду.

На выходе, уже за Кордоном, нас встретил младший офицер — лейтенант Хопсон, ожидав-

ший возле закамуфлированной бронемашины с женщиной-водителем. В машине были стопки одеял и фляжки с кофе. Я уже не в первый раз поразилась продуманности этой системы, которая связывала между собой все — от погруженных в хаос предместий до осажденного пространства внутри Кордона.

Мы просили Кука только о встрече с Эриком Иденом, которого я считала своим главным связующим звеном с армейским командованием. Но, когда мы тронулись, не я, а Верити задала прямой вопрос о том, куда именно нас везут. И только в этот момент мы узнали, что направляемся в Торнборо на некую базу лэндшипов. Кажется, раньше я не слышала такого слова. Когда Верити спросила у офицера, что это такое, тот не ответил — возможно, не имел права.

Итак, мы снова были в дороге. Я уютно устроилась на заднем сиденье рядом с Верити, завернулась в свежевыстиранные армейские одеяла, попивала крепкий, хоть и довольно несвежий кофе и слушала, как впереди переговариваются офицер и водитель, предупреждая о своем прибытии командные пункты по беспроводной связи.

На небо я старалась не смотреть.

В Торнборо оказалась армейская база — она

располагалась в паре миль восточнее Букингема и в тридцати милях к северо-западу от Амершема и марсианского Редута.

Было довольно сложно что-либо разглядеть, пока мы преодолевали заграждения, поскольку, конечно же, военные стремились не выдать себя марсианам. Каждое здание, каждая машина были выкрашены в коричневый с зеленым либо укрыты камуфляжной тканью. Но лэндшипы, на которые указал Хопсон, когда мы проезжали мимо них, нельзя было спутать ни с чем другим. Они стояли рядами, как загадочные холмы разных размеров. Самый маленький из них был примерно двадцать футов длиной и десять в высоту — я сразу предположила, что это какой-то транспорт, — а самый большой выглядел попросту колоссальным: в длину он был более трехсот футов, а с обоих концов на нем стояли пушки в три моих роста. И он напоминал корабль, хотя мы были далеко от моря. Но все это едва просматривалось за камуфляжем и защитной сеткой.

Верити стиснула мою ладонь.

— Какие пугающие штуки!

Я сжала ее руку в ответ.

— По крайней мере *эти* монстры на нашей стороне.

Все тот же лейтенант проводил нас внутрь базы. Вокруг на удивление творилась суматоха. База, судя по всему, была замаскирована под беспорядочно разбросанные здания фермы. Они были соединены туннелями из ткани и фанеры — как я полагала, чтобы быть незаметными с воздуха. Снаружи, на «скотном дворе», солдаты в тяжелом боевом снаряжении, тихо переговариваясь, разбивались на группы по четыре, шесть и двенадцать человек.

Солдаты были в обычных касках, с противогазами и стрелковым оружием, но у каждого почему-то были при себе инструменты: гаечные ключи, отвертки и тому подобное.

Нас спешно провели мимо них, и мы вошли в двери. Внутри было несколько комнат, наскоро разделенных перегородками. Офицеры, стоя группами, переговаривались. Стены были сплошь покрыты картами, а на столах стояли тарелки с заветрившимися бутербродами и чашки с остывшим чаем. Люди в форме тем временем в буквальном смысле носились по туннелям между главным домом, сараем, конюшнями и амбаром.

— Словно в осиное гнездо попали, — тихо сказала мне Верити, пока нас вели мимо всей этой суеты. — Но марсиане ведь не собираются снова

атаковать Англию?

— Не собираются, судя по свидетельствам астрономов и очевидцев, — сказал Эрик Иден, появившись перед нами в дверном проеме, — мы наконец добрались до его кабинета. Как и солдаты, которых мы видели во дворе, он был в боевой экипировке и явно готовился к какой-то операции. — Но уже поступили сведения об их высадке в некоторых других местах. Пойдемте, у нас мало времени.

Он торопливо провел нас в кабинет — этим утром все было второпях, и мне, уже измотанной и страдавшей от недостатка сна, становилось все сложнее с этим справляться. Я бегло оглядела карты, развешанные по стенам. Одна из них представляла собой карту мира в проекции Меркатора; туда, где находились Лос-Анджелес и Нью-Йорк, были воткнуты оранжевые кнопки. Шел девятый час, и смысл этих меток был очевиден.

— В этом цель нашей сегодняшней операции, — говорил Эрик. — Сейчас на подходе новая волна цилиндров. Они прибудут сегодня — аналитики ожидают их приземления в различных точках по всему земному шару. А британский войсковой корпус расположен ближе всего к командному

пункту марсиан. И мы собираемся этим воспользоваться.

Верити кивнула:

— При помощи тех машин, похожих на тараканов.

Он ухмыльнулся:

— При помощи лэндшипов, да. Мы берегли их для особого случая. Но когда, если не сейчас? И ваш покорный слуга — капитан корабля Его Величества «Боудикка», самого мерзкого таракана из всех. И притом что я крайне рад видеть вас обеих в добром здравии, я в то же время и весьма разочарован, что вы провалили миссию с зараженной кровью, мисс Эльфинстон. Но я уверен, что сотрудники разведки выжмут вас досуха, требуя подробных отчетов обо всем, что вы видели внутри марсианского Кордона. А теперь прошу меня извинить — я должен найти свой экипаж и отправиться…

Я схватила его за руку:

— Эрик! Мы приехали сюда, чтобы найти вас. Вы должны меня выслушать.

Могу себе представить, как я выглядела — в несвежей запачканной одежде, возможно с пятнами крови, пахнущая грязью, землей, потом и усталостью. С безумными глазами — но, хотелось

бы верить, полная решимости.

— Я в самом деле…

— Метки, — сказала я.

Его окликнул младший офицер:

— Майор Иден, нам нужно загружаться…

Он попытался высвободиться:

— Джули, меня ждет бой.

— А я пришла рассказать, как выиграть войну — или, по крайней мере, закончить ее.

Он замялся, явно обуреваемый сомнениями.

— Опять этот бред Дженкинса, верно? Ту историю с «посланиями» мы использовали просто как прикрытие для плана с заражением крови, не будем же мы опять к ней возвращаться? Это довольно эксцентричная…

— Ничего эксцентричного, Эрик. Послушайте, я была настроена еще более скептически, чем вы. Но после того что я видела за Кордоном… Эта война вовсе не то же, что война одних людей против других, например немцев с русскими…

— Вообще-то в основном с французами, — добавил он вполголоса с неприятной улыбкой.

— Это межпланетная война. Как, собственно, Уолтер и говорил с самого начала, еще со времен Летописи. И если мы хотим в ней победить, мы должны мыслить в этих масштабах.

— И в этом нам должны помочь рисунки?

— Не сами рисунки, а то, что на них изображено. Метки. Символы. Та самая геометрия, о которой говорил Уолтер.

Младший офицер кашлянул — смысл его намека был довольно прозрачен.

Но Эрик помедлил еще секунду, и я встретилась с ним глазами.

— Хорошо. Баркер, отведите команду на «Боудикку». Надеюсь, Хетерингтон способен завести эту чертову махину — в конце концов, она сконструирована по его плану. Я скоро буду.

— Да, сэр, — сказал офицер и поспешил прочь.

Иден повернулся ко мне:

— У вас пять минут и ни секундой больше.

— Тогда умолкните и выслушайте меня.

Я наскоро обобщила все выкладки Уолтера насчет межпланетной коммуникации. Раньше Эрика это не особенно интересовало, разве что как прикрытие для его собственного плана, но сейчас я заставила его задуматься.

— В конце концов, это ведь довольно старая идея, — говорила я. — Вы же знаете, что мания оставлять послания для других цивилизаций возникла задолго до того, как появились марсиане и доказали, что другие цивилизации действи-

тельно существуют. Люди даже предлагали рисовать в пустыне пифагорейские треугольники и подсвечивать их, чтобы они стали заметны наблюдателям с Марса. И в конечном счете оказались правы!

Стоит отдать должное Эрику — он, несмотря на предстоящую битву, которая явно занимала все его мысли, казалось, сообразил, что к чему.

— Все это выглядело как полная чушь, — медленно проговорил он. — Но потом, после войны седьмого года, астрономы заметили в облаках на Венере светящиеся знаки… Метки — так их называет Дженкинс?

— Именно! Это было в 1913 году. И в то же самое время ровно такие же символы были обнаружены на Марсе. Теперь считается, что они ознаменовали успешное вторжение марсиан на Венеру.

Он медленно кивнул:

— Допустим. Но даже если я поверю во все это, каким образом это связано с марсианами в Бакингемшире?

— Самым непосредственным. Это способ коммуникации между мирами, и теперь мы можем им манипулировать. У вас есть карта высадок в 1907 году? А также карта — или снимки с воздуха — высадок в 1920-м?

Одна из отпущенных мне пяти минут ушла на попытки отыскать соответствующие карты в беспорядке комнаты, и еще одна — на то, чтобы найти толстый восковой карандаш, с помощью которого я стала наносить отметки на карты. Мне не нужно было сверяться со своими бумагами — я помнила все, что показывал Уолтер. Извилистыми линиями и петлями я соединила места посадки марсиан в Суррее в 1907 году с более свежими в Бакингемшире. Молча, без каких-либо комментариев, Эрик сделал выводы самостоятельно.

Он поднял карту 1907 года с моими каракулями.

— Но это… тот же самый знак, который астрономы видели на Венере!

— Именно. Вы все видите сами. Это их клеймо — и сейчас они выжигают его на теле самой Англии. Снова и снова. В 1907 году они пытались сделать то же самое, просто не успели. Сейчас, в Бакингемшире, они заняты тем же — это видно на картах Мариотта, просто нужно знать, как смотреть, — я похлопала по своей потрепанной кожаной папке. — Здесь сделанные Уолтером изображения этих знаков. Я должна была показать их марсианам как доказательство работы

нашей разведки.

— Это было нужно лишь для прикрытия, и я не вникал в детали. Именно этот набор символов вы и предлагаете подделать, верно я понимаю?

— Да! Но сейчас нас интересуют не марсианские метки… — и я в двух словах объяснила ему свой план: что, зачем и почему.

Эрик ненадолго задумался, а затем ухмыльнулся:

— Это безумие! Просто невероятно!

— Я знаю. Даже сам Уолтер Дженкинс об этом не думал — а это говорит о многом. Но это может сработать. Смотрите, я знаю, что вы переправляете оружие и боеприпасы повстанцам внутрь Кордона. Я встречалась с одним из связных, с Мариоттом.

Идену в этот момент явно стало не по себе.

— Тысячи ваших солдат заперты там, внутри, с самого момента вторжения. И я знаю, что вы на связи с этими людьми. Нам нужно просто связаться с этими группами и объяснить им, как использовать эту возможность, — попытка будет только одна. Раздать задания, чтобы они произвели крайне точные и аккуратные манипуляции на поверхности…

Он в упор взглянул на меня:

— Вы ведь понимаете, что вам придется самой этим заниматься? Я могу отдавать распоряжения военным, но вам придется убедить Мариотта и прочих точно так же, как вы убедили меня, по крайней мере хотя бы отчасти, — и довести дело до конца. Я не смогу этого сделать, здесь нужно ваше видение.

Я этого ожидала — и боялась.

— Если мне снова придется вернуться в этот ад на земле…

Верити схватила меня за руку:

— Я буду с тобой.

Эрик задумался.

— Ну и война! Что за дилеммы вы передо мной ставите! — Он взглянул на часы. — Не то чтобы вы меня окончательно убедили; в какой-то момент мне все равно придется побеседовать с вами о том, почему задание с заражением крови не увенчалось успехом. Но наряду с более привычными методами попытка не повредит — и практически ничего не будет нам стоить. Что ж, ваши пять минут давно истекли. И вот что я вам скажу: если вы хотите вернуться в Кордон сегодня, есть только один путь — со мной, на «Боудикке». По дороге заглянем на склады — вас нужно экипировать. Надеюсь, вы умеете шнуро-

вать ботинки на бегу…

6. В Лос-Анджелесе

Существует множество воспоминаний о том, что позже было названо Второй марсианской войной, однако они сильно различаются по качеству и достоверности — большая часть из них, насколько я могу судить, была написана «очевидцами», находившимися глубоко в тылу, и основана на свидетельствах, полученных через вторые или даже третьи руки. Но, чтобы получить правдивые сведения, нужно свидетельство очевидца, наблюдавшего битву своими глазами и при этом достаточно удачливого, чтобы избежать смерти в мясорубке тех майских дней, — и, конечно, достаточно честного, чтобы изложить события именно такими, какими он или она их видели, не приукрашивая правду из соображений коммерции или собственного возвеличивания.

И, на мое счастье и счастье историков будущего, такие очевидцы существуют.

Одна из них — Чери Гилберт, ныне достаточно известная фигура. На тот момент ей было двадцать четыре года, и во время высадки марсиан неподалеку от Лос-Анджелеса она работала личным ассистентом директора кинокомпании

«Парамаунт». Чери уже тогда имела больше навыков, чем обычный офисный клерк, а в индустрии на тот момент царил такой хаос, что время от времени ей приходилось брать на себя самые разные задачи, включая и технические. В 1921 году она даже неожиданно для себя стала оператором на съемках «Любовницы кайзера» Гриффита, поскольку инфлюэнца вывела из строя половину команды.

— Именно поэтому тебе нужно пойти со мной, — говорил Гомер Гирднер, пока, задыхаясь, вел Чери вверх по Маунт Ли, покрытому зеленью холму, возвышающемуся над Голливудом, а потом еще выше, в горы Сан-Гейбриел. В Лос-Анджелесе было всего семь утра пятницы (а в Англии в это время — чуть позже полудня, и я была заперта в корпусе медленно ползущего по земле лэндшипа, о чем речь пойдет позже). Но ветер, дувший с материка к морю, уже успел принести слабый запах гари. Чтобы открылся обзор на восток, надо было подняться повыше. Однако все знали, что марсиане приземлились именно там, в глубине материка, в стороне Сан-Бернардино. И свидетельства войны уже были очевидны.

Все было точно так же, как и в Нью-Йорке. Две волны цилиндров: первые пятьдесят с чем-то

— просто пустышки, которые воздвигли на земле Кордон, готовя плацдарм для второй волны. Та прибыла часом позже и принесла с собой экипажи и боевые машины. В следующие несколько часов этот же сценарий повторился по всей планете. Казалось, что в Голливуде никто не ложился, следя за обрывистыми радиосводками с первых боев: подразделения Национальной гвардии и регулярных войск встретили огнем марсиан, выбравшихся из цилиндров, но без какого-либо заметного эффекта. Позже, через несколько часов, примерно к рассвету — вновь точно так же, как и в Нью-Йорке, — боевые машины марсиан вышли за пределы Кордона и начали наступление.

Поэтому теперь, этим ранним летним утром, спустя всего шесть часов после того, как в Калифорнии приземлился первый цилиндр, в холмах уже ощущался запах гари.

Гомер шел впереди по тропе, задыхаясь и обливаясь потом. Его слова прерывались одышкой — хотя, как отметила про себя Чери, это она тащила на себе видеокамеру, а сам Гомер нес только легкие катушки с пленкой.

— Я знал, что ты согласишься, — говорил он.

— Неужели?

— Ну перестань. Фигурально выражаясь, ты

самый смелый парень из всех, кого я знаю.

— Очень мило с твоей стороны.

— Я серьезно. Это ведь ты продолжала снимать, когда на площадке «Нерона» декорации загорелись по-настоящему, — все остальные убежали, поджав хвосты, а ты сделала великолепные кадры. И еще я видел, как ты врезала актеру, который распускал руки.

— Меня за это чуть не уволили, — гневно сказала она, сама начиная задыхаться — тропа стала еще круче. — Повезло, что его разбитую губу оказалось несложно скрыть при помощи грима.

— Он получил по заслугам. Послушай, Чери, мы сегодня станем свидетелями исторических событий — да черт побери, мы сами творим историю! Мы единственные, кто заснимет, как марсиане входят в Лос-Анджелес. Это будут просто потрясающие кадры, и однажды фильм снимут уже о нас с тобой.

— Подозреваю, в этом фильме мы будем любовниками.

Он шел по тропе к ней спиной, но Чери была абсолютно уверена, что в этот момент он залился краской. Гомер был редактором сценариев и мечтал снимать собственные фильмы — черт возьми, да об этом все вокруг мечтали, за вычетом тех,

кто грезил об актерской карьере, — и еще она знала, что он в нее влюблен.

— Так или иначе, — сказал он, — мы заработаем кучу денег.

Но Чери уже не слушала его. Запах гари усилился, и ей показалось, что в утреннем воздухе разносятся какие-то звуки: словно бы отдаленный рев, ликующий или яростный, словно крик огромного зверя: «Улла… Улла…»

Чери продолжала карабкаться вверх. Они должны были все выяснить — а что еще оставалось?

Наконец они добрались до площадки, которая, по словам Гомера, подходила для съемки; он сказал, что заранее ее приметил. Пока Чери устанавливала камеру на штативе, Гомер бросил коробки с пленкой, вынул из рюкзака радиоприемник и стал его настраивать, пытаясь поймать сигнал. Потом они оба принялись рыться в рюкзаке в поисках бутылок с водой.

Чери окинула взглядом открывшийся вид.

Место действительно было выбрано удачно. Лос-Анджелес расположен в низине, обрамленной горами на западе и востоке, и отсюда, с этой высоты, в объектив попадало все: и бесстыдный блеск Голливуда, и серая груда зданий в центре города. Прямо под ногами виднелось зеленое пят-

но Пасадены, пригорода с лужайками, кустами роз и вьющейся геранью; Чери давно вынашивала мечту когда-нибудь туда переехать. А на западе, за городом, простиралась бесконечность Тихого океана, все еще покрытая утренним туманом. Этим утром океан усеивали суда: яхты, пассажирские лайнеры и продолговатые серые силуэты боевых кораблей.

Дорога, ведущая из города, тоже казалась запруженной — хотя даже самые крупные автомобили выглядели отсюда ползущими муравьями. Чери показалось, что она услышала пронзительный свист паровоза, почти такой же тревожный, как и те жутковатые крики с востока.

Прошлой ночью, когда наконец выяснилось точное место приземления марсиан, бóльшая часть ее знакомых в Лос-Анджелесе сказали, что планируют собрать вещи и убраться из города. Если они действительно решились уехать, то их путь наверняка лежал на север, в сторону Сан-Франциско, по лучшим шоссе и по прибрежной железнодорожной линии. Ей стало интересно, поставят ли камеры на вокзалах и вдоль шоссе, чтобы запечатлеть этот великий американский исход, повторяющий то, что случилось на Лонг-Айленде и до этого дважды в Лондоне.

Впрочем, пора было приниматься за дело. Она установила камеру, зарядила ее пленкой и вручную перемотала несколько кадров, настраивая панорамную съемку. После она развернула камеру и сфокусировала ее на Гомере, который сидел на грязной земле, надев наушники, и возился с радио.

— Вот дерьмо, — вдруг сказал он.

Чери нахмурилась: он редко ругался.

— Что случилось?

— Марсиане… Я настроился на KDZF.

Он был заядлым радиолюбителем, и Чери знала, что это была его любимая станция — и одна из наиболее заслуживающих доверия, поскольку ею владел Автомобильный клуб Южной Калифорнии.

— И еще перехватил переговоры нескольких полицейских отрядов.

— И что же делают марсиане?

— Они разрушили акведук. Река Оуэнс… Как только они выбрались из своей ямы, то немедленно послали туда отряд.

Чери, конечно, знала об акведуке — широком канале, по длине сопоставимом с расстоянием от Вашингтона до Нью-Йорка, который доставлял в Лос-Анджелес воду. И теперь этот великолепный

образец гражданской архитектуры был разрушен — вот так запросто.

— Значит, они хорошо подготовились, — задумчиво произнесла Чери. — Перерезали главную артерию. И где они сейчас?

Гомер вслушался в передачу, и его глаза округлились. Он снял наушники, встал, огляделся вокруг и ткнул пальцем на восток:

— Вон там.

И в этот момент боевые машины марсиан как ни в чем не бывало прошагали по холмам прямо позади них.

— Господи, — произнес Гомер.

— Помоги мне.

— Что?

— Помоги развернуть камеру. Подавай пленку. Скорее, Гомер, черт побери! Мы же залезли сюда именно за этим!

Нажимая на рычаг, она смотрела сквозь объектив на уменьшенные копии марсиан. Она увидела пять, шесть, семь машин, рассыпавшихся по холмам. Чери снимала то панорамно, то крупным планом, пытаясь ухватить самую суть их движения. Сейчас издалека они казались ей не столько машинами, сколько грациозными животными: высокие и длинноногие, наподобие

жирафов, они расхаживали по склонам в поисках лучшей позиции.

Пять лет назад, в своем родном городе Мэдисоне, штат Висконсин, она постоянно пересматривала фильм Гриффита «Марсианское лето», выпущенный в честь десятилетней годовщины Первой английской войны. Этот фильм с Чарли Чаплином — в фирменном образе обаятельного артиллериста-кокни — и Мэри Пикфорд, игравшей спасенную им девушку, в которую он позже влюбился, был одной из главных причин, по которым Чери вообще решила отправиться в Голливуд. Теперь же у нее было чувство, что снятые Гриффитом сцены с высокими и шаткими боевыми машинами, поверженными отважными британскими войсками под началом еще более отважных американских добровольцев, не очень-то близки к реальности.

Со стороны залива раздался грохот, заставив ее подпрыгнуть. Она потеряла фокус, и камера зашаталась.

Гомер схватил Чери за плечо и закричал:

— Смотри! С кораблей стреляют пушки!

Чери увидела клубы дыма у бортов тех самых серых силуэтов. Снарядов она разглядеть не могла, но вскоре увидела на холмах, где обосно-

вались марсиане, взметнувшиеся фонтаны земли и услышала звуки взрывов. Пушки выстрелили еще раз и еще. Война началась. Чери спешно повернула камеру.

Гомер сжал кулаки:

— Да! Размажьте этих дьяволов! Видишь, сперва был небольшой недолет, потом перелет — это они окаймляют огнем, а следующими залпами…

Но марсиане закреплялись на своих позициях, и Чери увидела, как они поднимают свои ужасные механизмы, которые с виду так сильно напоминали кинокамеры, но на самом деле были чем-то совершенно иным. Некоторые, казалось, стреляли по снарядам, которые выпускали с кораблей, и те просто взрывались в воздухе, не причиняя марсианам ни малейшего вреда. Другие машины спускались по склонам, совершенно не обращая внимания на снаряды, которые продолжали врезаться в землю вокруг них.

— Я думаю… — начала Чери.

Гомер вдруг охнул:

— Снимай панораму, ради всего святого. Снимай! Город! Взгляни на город!

Она повернулась, продолжая вращать ручку.

И увидела, что наступающие марсиане поливают огнем Лос-Анджелес. Тепловые лучи,

ровными линиями прорезавшие воздух, были невидимыми — объективу ее простенькой камеры они совершенно точно были недоступны, да и вообще их вряд ли удалось бы запечатлеть на пленку, — но не заметить их эффект было сложно. Город, который только что мирно спал в утреннем свете, теперь был охвачен пламенем, и в воздух вздымались столбы дыма. Через несколько минут Чери показалось, что она слышит звон пожарных колоколов и отдаленные крики. Она машинально уменьшила масштаб, чтобы захватить панораму.

— Боже, — сказал Гомер. — Это как Фриско после землетрясения. И где эта чертова армия?

— Примерно там же, где и чертов флот?

Чери указала на воду: одно из серых судов накренилось и горело.

— Боже, боже… Какая дальнобойность у этих тепловых лучей?

— Англичане утверждали, что по меньшей мере несколько миль. Гомер, ты думал, мы с тобой снимем, как марсиане маршируют к центру города, а Национальная гвардия героически сопротивляется? Но в этом же нет никакого смысла. Они могут так и оставаться на холмах и перестрелять всех прямо отсюда.

Грянул еще один колоссальный взрыв — на сей раз не похожий на раскат грома: казалось, будто какой-то исполин в гневе топнул ногой. Чери показалось, что земля под ней дрогнула.

Гомер в возбуждении указал на север. Там поднимались клубы черного дыма.

— Ты только посмотри! Они атаковали нефтеочистительные заводы!

Чери снова сняла панораму и затем приблизила кадр.

— Сперва акведук, теперь нефть.

— Это все летательные машины, которые производили разведку с английской территории, — сказал Гомер. — Они облетели весь мир и все изучили. Знают, куда бить.

— Да, — сказала Чери. — Город погибнет от жажды, потому что нет воды, а потом мы потеряем возможность сопротивляться, потому что не будет топлива.

Она огляделась и добавила:

— Они снова движутся.

Огромные машины шагали сквозь редевший туман, уверенно спускаясь вниз по склону, и теперь их невидимые тепловые лучи ударили по близлежащим пригородам у подножия холмов. Когда тепловой луч пронесся над Пасаденой, Чери

зафиксировала камеру, снимая, как загораются зеленые лужайки, а дома разлетаются на куски, словно дешевые декорации.

— Надо убираться отсюда, — сказал Гомер.

— Я буду делать то, за чем мы пришли. Снимать, пока пленка не кончится.

Он потянул ее за рукав:

— Чери…

— Подай пленку или оставь меня в покое.

Он мгновение поколебался и нагнулся за новой коробкой.

А тем временем в Англии я сама шла в бой.

7. «Боудикка»

«Боудикка», лэндшип Его Величества, вблизи поражала своим масштабом. Но проектировали ее, должно быть, совершенные безумцы.

Такое впечатление сложилось, когда я впервые смогла рассмотреть ее в лучах утреннего солнца, пока мы спешили наружу вместе с Эриком Иденом, — командир судна оказался последним, кто взошел на борт, поскольку был отвлечен моими рассуждениями о межпланетных способах связи. С лэндшипа сняли маскировочную ткань — правда, его корпус тоже был покрыт белыми, черными и зелеными пятнами, — и теперь его форму можно было без труда рассмотреть. Представьте себе широкий приземистый корпус, возвышающуюся над ним башню и тяжелые пушечные турели — две на носу и одну на корме. Здесь, как и на флоте, на каждой турели было по паре четырехдюймовых пушек на управляемых платформах. А теперь мысленно водрузите это на огромный каркас с тремя необъятными колесами — два спереди, одно позади. Да, именно необъятными: каждое колесо было не менее сорока футов в диаметре, а высотой примерно с шесть человек, если

бы те встали друг другу на плечи; колеса такого размера были бы уместны в цирке или в парке аттракционов. Сверху на них были массивные шины с рифлеными протекторами.

«Боудикка», величайший из лэндшипов, стояла в авангарде целой флотилии более мелких судов, которые щетинились броней, пушками и гусеницами и выглядели как мутировавшие версии основной модели. Технология все еще считалась экспериментальной, чертеж не был окончательно утвержден, и все суда, которые, как я впоследствии узнала, собирали в отдаленных, скрытых от глаз районах Шотландии, были изготовлены в той или иной степени кустарно.

Когда мы бежали к «Боудикке», многие машины уже были заведены и нас окружал рев двигателей и струи дыма. Повсюду суетились инженеры, обслуживающие этих монстров до последнего, хотя они вот-вот должны были тронуться с места. Было такое чувство, что мы готовимся к старту где-то на гонках в Бруклендсе. Наблюдая, как экипаж и инженеры смеются и похлопывают друг друга по спине, я почувствовала, что этих мужчин объединяет особый дух товарищества — присущий людям, вовлеченным в подобные состязания. И в голове проскользнула отстраненная

мысль: интересно, это впечатлило бы марсиан?

Эрик, по своему обыкновению, внимательно следил за нашей реакцией.

— Она просто нечто, не правда ли? По дорогам она, конечно, едет быстрее, хотя асфальт и проминает. Но и на пересеченной местности развивает достойную скорость, а с учетом ее размеров найдется не так уж много препятствий, способных ее остановить.

Верити, в которой была сильна практическая жилка, скептически хмыкнула:

— Почему у нее три колеса? Помню, в детстве я каталась на трехколесном велосипеде. Тогда я и предположить не могла, что кому-то придет в голову увеличить его до таких грандиозных размеров.

Эрик расхохотался:

— С задним колесом гораздо проще рулить. Только и всего.

— Выглядит она впечатляюще, — выдохнула я на бегу. — Но что может уберечь ее от теплового луча?

Мы наконец подошли к машине вплотную. Эрик постучал по корпусу рукой в перчатке, а затем соскреб немного маскирующей краски, под которой показался желтоватый металл.

— Узнаете? Поверх алюминиевого каркаса здесь броня, для которой мы использовали один из наших ценнейших ресурсов — металл марсианских цилиндров. Мы так и не научились производить его самостоятельно, так что все это срезано с тех самых цилиндров, что приземлились в Суррее пятнадцать лет назад. Этот металл призван защитить тех, кто находится внутри корабля, когда он входит в атмосферу на межпланетной скорости, — так что даже тепловой луч не способен его разрезать. Команды исследователей в университетах и на военных базах потратили годы на то, чтобы в этом убедиться. Собственно говоря, броня уже прошла испытание боем.

Я заметила, что он не сказал, где именно: участие Британии в войне на русском фронте до сих пор официально держалось в тайне.

— Что ж, рада это слышать, — ответила я.

Мы подошли ко входу, который своими скругленными углами напоминал корабельный люк. На землю от него спускался небольшой трап. Сначала мне показалось, что это единственное отверстие в броне, не считая смотровых щелей и оружейных платформ, находящихся на спонсонах — выступах по обе стороны корпуса — достаточно больших, чтобы уместить одного-двух стрелков.

Однако потом я заметила перископы, слегка выступающие поверх корпуса. Похоже, этот корабль в каком-то смысле можно было назвать и субмариной.

Эрик нетерпеливо помахал нам, зовя внутрь.

Мы, не успев завязать шнурки и надеть кожаные шлемы, вскарабкались по трапу и попали в нутро машины. Я тут же отметила, что это пространство нам предстояло делить с двигателями, которые занимали большую часть помещения: два громадных блестящих зверя — дизельные двигатели от фирмы «Санбим», разработанные, как мне сказали, для подводных лодок. Гигантские оси передач и поперечные валы направляли движущую силу к исполинским колесам. Стены и выкрашенный в белый цвет пол ярко освещались электрическими лампами — я не заметила ни единого лучика дневного света. Это было сложно организованное пространство, состоящее из кают и перегородок, мостков и трапов, ведущих к турелям и на башню, — тесное, но геометрически правильное и упорядоченное, в котором даже винтики были выкрашены белой краской. Я почувствовала себя мышью, забравшейся под капот машины.

Здесь все было загромождено, словно в пере-

движном оружейном магазине: у каждой стены стояли стеллажи с разложенными на них снарядами и пулями. В люках под полом хранились разнообразные инструменты; кроме того, через них можно было попасть в машинный отсек судна. Немногие оставшиеся уголки были забиты другими вещами, такими как буксирные канаты, фляги для воды, шприцы со смазкой, защитная одежда, противогазы и очки.

Тут запустились двигатели — в замкнутом пространстве их звук превратился в оглушительный вой, — и машина мощно содрогнулась.

— Нет места для экипажа! — возмутилась Верити, пытаясь перекричать шум.

— Мы что-нибудь придумаем, — прокричал Эрик в ответ. — Не беспокойтесь: вы в самых надежных руках, какие только можно найти. Машину поведет не кто-нибудь, а сами Стерн и Хетерингтон; вся эта конструкция — их рук дело.

Я едва их слышала. Позже я заметила, что члены экипажа общались на неком подобии языка жестов, а порой, чтобы передать друг другу сообщение, стучали по трубам гаечным ключом.

Эрик снова закричал:

— Так, вы двое, займитесь чем-нибудь полезным. Джули, у нас не хватает одного члена

экипажа, так что полезайте на этот спонсон — видите ту дверь в корпусе? Вы можете наблюдать за обстановкой, пусть даже и не умеете обращаться с оружием; здесь везде есть телефонная связь. Я буду на мостике. А вы, Верити, — вы ведь медсестра?

Он отодвинул кучу одежды и достал из-под нее аптечку с ярким красным крестом на белом фоне. Мне показалось, что аптечка ничтожно мала.

— Не совсем. Я из добровольческого медицинского отряда.

— Что ж, это лучше, чем то, что было у нас раньше, то есть ничего. Но когда начнется заварушка, просто не путайтесь под ногами! О, и еще: не подходите к двигателям. Они нагреваются так, что на них бекон можно поджарить…

Так что я взобралась на свой спонсон, где еле хватало места для откидного сиденья, в которое я втиснулась, оказавшись перед рычагами огромной пушки. Ноги у меня оказались задраны, шея — вывернута, я едва могла пошевелиться, и с каждой минутой тело начинало ныть все сильнее.

Лэндшип подался вперед — с резким рывком, которому, как я подозреваю, он был обязан гигантским шестерням, и свирепым дребезжанием, поскольку никакой подвески у него не было.

Мы отправились в путь! Члены экипажа радостно заулюлюкали, а я стиснула зубы, надеясь, что переживу эту поездку.

8. За дело

Наши водители, Стерн и Хетерингтон, как позже оказалось, принимали важное участие в разработке лэндшипа — и то, что они были на борту, я считаю большой удачей.

Капитан Альберт Стерн был добровольцем из гражданских, которому затем было присвоено звание офицера, а капитан Томми Хетерингтон — бравый кавалерист с богатым воображением — служил в Восемнадцатом гусарском полку. Судно, на борту которого мы находились, по всей видимости, родилось из зарисовки Хетеринга на салфетке, когда тот обедал с Черчиллем в одном из лондонских клубов. В то время наши самые мощные военные машины были морскими судами, и в Марсианской войне от них было мало толку. Черчилль был одним из немногих, кто понял, что такие мощные военные технологии следует перенести на сушу.

И, похоже, только с подачи Черчилля эти безумные идеи могли воплотиться в жизнь. По чрезвычайному правительственному распоряжению, в разработку и производство этих монструозных машин были вовлечены крупные предприятия

на севере Британии, от «Метрополитен Кэммел» в Бирмингеме до «Мирлесс Уотсон» в Глазго. Черчилль активно следил за ходом проекта и лично присутствовал на военных испытаниях в горах Шотландии, хотя, как я потом узнала, многие испытания проводились на континенте, а некоторые небольшие модели уже прошли боевое крещение на русско-немецком фронте — но эта кровавая история держалась в тайне.

В пути я успела рассмотреть свою железную клетку. Я заметила смотровые щели — прорези в корпусе, закрытые довольно тяжелыми металлическими створками, которые мне, однако, удалось открыть. Через щели можно было смотреть в сторону от корабля и немного вперед. Был и небольшой перископ, позволяющий худо-бедно просматривать окружающее пространство.

Таким образом я смогла разглядеть местность, по которой мы неслись, и машины позади — целую флотилию, в авангарде которой шла «Боудикка». Здесь были большие и малые лэндшипы, хотя ни один не мог по величине сравниться с нашим. Их выхлопные трубы испускали клубы дыма, а колеса срывали верхний слой грунта и отбрасывали его назад, так что наш путь был отмечен уродливым бурым шрамом на поверхности зем-

ли. Эти неповоротливые суда напоминали мне рыб-рогозубов, морских созданий, страдающих на суше. Машины поменьше, различные автомобили и мотоциклы, проносились мимо нас; над головой, словно яркие насекомые в солнечных лучах, пролетали самолеты, но их гул тонул в реве целой армады лэндшипов.

Тем не менее двигались мы медленно. Максимальная скорость, которую мы были способны развить, достигала всего каких-то четырех-пяти миль в час, и это за вычетом всевозможных поломок и задержек. Машины и мотоциклы могли ехать гораздо быстрее.

По ходу пути я время от времени выходила из своей крошечной камеры. Мне нужно было размять спину и принять хоть какое-то подобие естественной человеческой позы. И, чтобы избавить Верити от необходимости покидать пост, я приносила ей воды из-под крана, ставшей очень горячей за время нашей езды.

Нагрелась не только вода. Все пространство, в котором мы обречены были толпиться, было горячим, шумным, вымазанным в масле, захламленным и битком набитым людьми, так что немудрено, что мы ругались из-за каждой мелочи. Члены экипажа в масках и очках колдовали над

двигателями, бесконечно налаживая дребезжащие поршни и шипящие клапаны. Хорошо хоть воздух был более-менее свежим; видимо, здесь должна быть какая-то система вентиляции, призванная предотвратить скопление выхлопных газов. Но чем дольше тянулось это бесконечное утро, тем сильнее мне казалось, что мы попросту расплавимся в этой всепоглощающей жаре.

И все же наш экипаж, несмотря на высокую температуру и крики, трудился исправно. Это были умные, хорошо обученные молодые люди, знатоки своего дела. Несмотря на усталость, они скорее походили на морских офицеров, нежели на простых солдат, — даже своего командира они звали капитаном. Если бы не война, им бы впору было обслуживать какие-нибудь огромные генераторы на энергостанциях. Неужели так и выглядит война будущего, — думала я, — как противостояние спокойных молодых людей, которые, нажимая на рычаги, сеют смерть где-то неподалеку? Возможно, мы начали походить на марсиан, которые с такой же невозмутимостью вели войну на Земле.

Туалетом здесь служило отверстие в полу, прикрытое металлическим люком. Я воспользовалась им лишь однажды. Оно не было отгорожено,

но в нашем положении было не до стыдливости. Думаю, мы все были изрядно обезвожены, и я не могла вспомнить, когда в последний раз как следует ели.

Дорога до нашего пункта назначения заняла все утро, даже немного больше. И, как я узнала впоследствии, пока мы прокладывали себе путь через грязь, марсиане уже начали уничтожать Лос-Анджелес и приземлились в австралийском Мельбурне.

Признаться, чем ближе мы подбирались к Кордону, тем большее облегчение я испытывала. Было где-то два часа пополудни.

Машины сопровождения давно отстали — остались только боевые лэндшипы, размер которых не оставлял сомнения в серьезности происходящего. Я слышала где-то впереди отдаленные глухие удары, словно раскаты грома. Как мне объяснили, то был артиллерийский огонь: за много миль от нас пушки целились в марсианские позиции невдалеке от нашего места назначения, чтобы прорвать линию оцепления и немного обработать противника перед полномасштабной атакой. Битва, на которую мы ехали, уже началась.

Удары снарядов, казалось, сотрясали всю землю

до основания. Сидя в своем спонсоне, я слышала в телефонной трубке спокойные голоса Эрика и его команды. Шуточек, которыми все перебрасывались в лагере в Торнборо, теперь не было и в помине — лишь рутинное чтение информации с приборов, рутинные отчеты из машинного отсека и мягкий голос Эрика, отсчитывающий оставшееся расстояние:

— До линии ограждения осталось полмили, мальчики, совсем немного…

Я знала, что мужчины на войне замыкаются в себе и уходят в мысли о своих домах, о женах и детях, о матерях. Нужны были офицеры вроде Эрика, чтобы возвращать их к действительности.

— Еще четверть мили — так держать — двести ярдов — вижу, как саперы сматывают проволоку, чтобы мы прошли, и меня так и тянет пропустить стаканчик за их здоровье, но нет… А вот и Траншея.

Пейзаж изменился. Если до этого наш путь пролегал по зеленой сельской местности, которая выглядела точно так же, как и в обычный майский день — пусть даже сейчас на полях не поднимались всходы, а на лугах не пасся скот, — то сейчас перед нами была безжизненная

равнина с разрушенными зданиями и поваленными заборами. Даже деревья были сломаны или сожжены. Поверхность земли, исполосованную сотнями колес, покрывали лунки от снарядов. Я заметила и другие следы сражения: уничтоженную огневую позицию, ружья на которой расплавились, словно были сделаны из шоколада, а не из металла, — и, к своей горечи, белизну человеческой кости, руку мертвеца, торчащую из сухой земли. Я никогда не была здесь, в тылу войны, так как внутрь Кордона попала через подземный туннель. Но теперь я отчетливо видела, как выглядела земля, по которой прошлись тепловые лучи.

— А теперь, мистер Стерн, покажите мне все, на что она способна!

Взревел двигатель, мы рванулись вперед — и тут нос лэндшипа провалился, словно мы упали в бездонный колодец.

Если бы я наблюдала за происходящим снаружи, я бы лучше все разглядела. Но, разумеется, такой наблюдатель, не защищенный броней, вряд ли долго продержался бы в бою.

Как вы помните, чтобы добраться до Кордона, сперва нужно было преодолеть Траншею, систему из трех рвов, достаточно глубоких для боевой

машины. В первый из этих рвов и провалился наш бронированный гигант, влетев туда на скорости, которой я от него не ожидала. Траншея была шириной в пятьдесят футов и такой же глубины — но «Боудикка» имела около ста футов в длину и была создана именно для таких задач. Не успев провалиться, она мощным рывком бросилась прямо через огромный зев траншеи, и ее массивные передние колеса уперлись в дальнюю стену рва. Под свирепое рычание двигателей и ободряющие крики экипажа, колеса, из-под которых так и летели комья земли, сделали свое дело: нос поднялся и выровнялся, и «Боудикка» перебралась через ров, а затем и через следующие два, пробившись через последние баррикады.

Мы были на острие атаки. Позади нас саперы расширяли брешь и наскоро наводили понтонные мосты над траншеями. Машины помельче ринулись вслед за нами и сгрудились у нас в арьергарде, пока мы продолжали наступление.

И марсиане вышли нам навстречу.

Я бросила на них испуганный взгляд через перископ: огромные длинные ноги, бронзовые колпаки, смертоносные камеры, зажатые в щупальцах. Мы ехали прямо в этот лес ног, и даже сквозь рев двигателя я смогла расслышать тор-

жествующие возгласы команды.

Но тут тепловые лучи обрушились на нас со всех сторон.

Казалось, будто по корпусу бьют чем-то тяжелым, и люди вопили от боли. Куски марсианской брони не пропускали тепло, но над обшивкой лэндшипа трудились далекие от совершенства человеческие руки, так что в ней остались щели и швы. С каждым новым ударом теплового луча брызги раскаленного алюминия обдавали внутренность корабля, врезаясь в плоть. У Верити мигом прибавилось работы. Но даже несмотря на ранения и тяжелые повреждения, нанесенные корпусу корабля, мы по-прежнему двигались вперед, прямиком в огонь.

Наконец мы вплотную приблизились к стене из гибких металлических ног. Я отодвинулась от перископа и сжалась.

Последовал оглушительный удар, а за ним — стук, гром и скрежет по крыше, и позади нас что-то взорвалось.

Когда я наконец решилась посмотреть в перископ, одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что случилось. Мы, словно косой, прошлись по металлическим ногам двух машин; они свалились друг на друга, и колпак одной из

них, судя по всему, взорвался, коснувшись земли. Остальные машины, по марсианскому обычаю, тут же столпились вокруг павших. А потом я увидела целую армаду лэндшипов, которые шли прямо на марсиан. Я знала: многих людей, сидящих в этих бронированных чудищах, в ближайшие минуты ждала смерть, но даже если и так — они были твердо намерены прихватить марсиан с собой.

Может показаться странным, что в разгар такого сражения я подпрыгнула от испуга, когда Эрик Иден рывком открыл дверь, однако так и было. Его лицо почернело от дыма и сажи, только возле глаз остались светлые круги от защитных очков. Он улыбался до ушей.

— Вот это был номер, правда?

— Еще какой! Две боевых машины одним ударом.

— На футбольном поле за такое оштрафовали бы. Ну что ж. Позади нас кипит бой, но мы и еще несколько машин поедем вперед. Наша основная цель — отвлечь марсианское командование, так что мы направляемся прямиком в амершемский Редут. Но вам, леди, пора выходить.

Я выбралась из своей камеры, разминая онемевшие члены. Верити лихорадочно перевязывала

сразу четырех раненых с ужасными ожогами на лице, шее, спине, ногах. Судя по всему, каждому вкололи морфий. Пятый мужчина, хоть и прихрамывал от ожога, по мере сил старался помочь Верити. В воздухе курился дым, воняло кордитом; все так же ревели двигатели и визжали шестеренки. И все же экипаж работал с удивительным рвением, и лэндшип двигался дальше.

— Я отправлю с вами одного офицера, — сказал Эрик. — Лейтенанта Хопсона — того самого, кого я за вами посылал, если помните. Он умнее, чем кажется, и хорошо знает местность около Кордона — участвовал в нескольких операциях по внедрению. Он сопроводит вас к Мариотту.

— А Верити?

Та, услышав свое имя, подняла голову.

— Иди без меня, — сказала она и вернулась к работе, даже не дав мне возможности ее поблагодарить.

Мне больше не суждено было увидеть Верити Блисс — она не выжила в том наступлении. Из всех, кого я повстречала во время Второй войны, Верити лучше всех вжилась в отведенную роль — словно эти жуткие события наконец предоставили ей шанс проявить свою истинную суть. Она отдала свою жизнь на фронте и погибла совсем

юной. Я встречала мало солдатов храбрее.

Эрик тронул меня за плечо.

— Ну же, давайте. Чем раньше я от вас избавлюсь, тем скорее снова смогу командовать кораблем. Томми Хетерингтон — славный малый, но слишком уж горячая голова.

Огромный лэндшип даже не остановился, чтобы высадить меня и Хопсона; он развил слишком большую скорость, чтобы полностью ее сбрасывать ради нас, так что мы спрыгнули и покатились по грязи. Но ухитрились ничего не повредить.

Хопсон первым поднялся на ноги и потащил меня в укрытие за куском разбитой обожженной стены. «Боудикка» проплыла мимо нас, словно громадный лайнер, покидающий ливерпульский порт. Незабываемое зрелище.

Как выяснилось позже, она в тот же день добралась до Амершема с остатками своей флотилии, вступила в бой с марсианами и причинила им существенный урон. Среди историков до сих пор нет единого мнения о том, было ли это вторжение хоть сколько-нибудь важным в ходе Второй войны. Что до меня, я считаю, что попытаться стоило. Сама «Боудикка» не сохранилась; ее монументальный остов ныне стал центральным

экспонатом музея.

Хопсон дал мне отдышаться. Затем сказал:

— Теперь надо найти этого пройдоху Мариотта и его дружков. Готовы?

— Еще бы.

Он приподнялся, огляделся и, убедившись, что все чисто, вывел меня из укрытия.

А в последующие часы, пока мы пробирались через Кордон в поисках других заговорщиков, ночь опускалась на континенты и океаны, и еще больше марсианских кораблей садилось на Землю, и еще сильнее ужесточались бои.

9. Побег из Лонг-Айленда

Марсиане начали нешуточное наступление в шесть утра по нью-йоркскому времени, выбравшись из своей ямы в руинах Стоуни-Брук. Они целеустремленно двигались на запад, к Манхэттену, гоня вперед огромную толпу людей на машинах и грузовиках, на мотоциклах и велосипедах, но большинство — на своих двоих: люди бежали на запад в надежде добраться до мостов на континент.

Гарри Кейн, мужественно дождавшийся Мэриголд Рафферти, выехал слишком поздно.

За рулем вудвортовского «доджа», с Мэриголд, приткнувшейся на заднем сиденье, Гарри въехал в медленно ползущую колонну, которая сразу же застопорилась — не столько из-за обилия машин, сколько из-за пешеходов, покрытых пылью людей, ковыляющих рядом с покрытыми пылью грузовиками: взрослых, сгибающихся под грузом вещей, несчастных детей, неуверенно переставляющих тощие ножки, стариков и инвалидов в колясках. В каждый свой приезд на Лонг-Айленд Гарри поражался тому, как здесь уживаются крайняя роскошь и крайняя бедность. Всего лишь

за несколько сотен ярдов от особняка Бигелоу, символа исключительного богатства, располагались жалкие нищие кварталы с неработающими заводами, складами и доками. Местами можно было наткнуться на угрюмую гостиницу или бар — вопреки сухому закону, бары были повсюду, — а вдоль дорог стояли обшарпанные лачуги. Что-то правильное было в том, что тем утром и богатые, и бедные вместе двигались по одной грязной дороге.

Большинство лавок было закрыто; в тех, что все-таки рискнули открыться, толпился народ, а пара магазинов, судя по всему, были разграблены. Самые ужасные толпы скопились на заправках, где еще оставалось топливо. Возле одной из таких Гарри и компания простояли полтора часа в пробке, наблюдая, как машины одну за другой заправляют из пыльных красных баков под присмотром крепких парней с оружием.

— Ничего себе, — сказала Мэриголд, глядя наружу. — Свободный рынок в действии, да? Интересно, почем они сейчас берут.

Вудворд пробормотал:

— У нас больше половины бака. И запасная канистра в багажнике. Если будем глушить мотор, пока стоим в пробке, топлива хватит, чтобы

доехать до Манхэттена, — он не так уж и далеко. Нет, думаю, нам не этого стоит бояться.

Гарри хмуро смотрел в окно. Время от времени наплыв людей был такой, что машина тонула в телах и раскачивалась.

— Такое было в Англии в 1907 году, и в 1920-м тоже.

— И во время европейских войн, — сурово ответил Вудворд. — Думаю, и русскому крестьянину, и бездельнику с Лонг-Айленда неважно, кто его преследует — немецкий броневик или марсианская боевая машина.

— Кстати, полиции нигде не видать, — заметила Мэриголд. — Как и гвардии. Проклятье! Это все из-за меня. Вы двое могли бы выехать на несколько часов раньше. Не надо было меня ждать. Мы ведь даже не были знакомы еще сутки назад.

Вудворд засмеялся:

— На фронте все именно так и происходит. В гуще боя, когда все смешались, ты сражаешься бок о бок с парнем, которого не то что сутки — еще минуту назад знать не знал.

Мэриголд ответила:

— Я никогда не была на фронте.

— Теперь были, — мягко сказал Вудворд. — О, там образовалась лазейка: можем ехать.

Солнце взошло уже высоко. Гарри взглянул на север, за пролив, и ему показалось, что он увидел отблеск света на панцире боевой машины. Они вполне могли шагать по мелководью вдоль берега.

— Вот ведь умники, никакие пробки им нипочем, — скривившись, сказал Вудворд, когда Гарри указал ему на это.

Они добрались до города примерно в полдень.

10. Мосты Нью-Йорка

План Вудворда заключался в том, чтобы пересечь Квинс, а затем весь Манхэттен по мосту Квинсборо.

Но еще задолго до того, как они приблизились к мосту, стало понятно, что преодолеть весь путь на машине не удастся. Во-первых, такая тактика пришла в голову не только им: и автомобилисты, и пешеходы — все устремились к нескольким пропускным пунктам у Ист-Ривер, в том числе и Квинсборо, вследствие чего везде образовалась плотная, намертво застывшая пробка, которая начиналась задолго до прибрежной зоны.

А во-вторых, Квинс был в огне. Еще до того как они вышли из машины, внутри салона все провоняло дымом, а на горизонте то и дело вспыхивали зловещие отблески, казавшиеся яркими даже в такой солнечный день.

Прежде чем бросить машину, Вудворд собрал остатки воды, еды, пива и извлек из чемодана, лежащего позади, массивные мотоциклетные рукавицы и шарфы.

— Это защитит вас от огня. Закройте рот шарфом, чтобы не надышаться дыма… И вот, возьмите

это, — он вручил каждому по револьверу.

Гарри рассмотрел оружие.

— Кольт, похоже.

— Он самый, десятилетней давности. Отдача у него еще та. Как-нибудь верну их армии. Вот каждому по паре обойм.

Он оглядел своих спутников.

— Надеюсь, вы знаете, как этим пользоваться.

Вудворд показал им азы обращения с револьвером — как заряжать его и снимать с предохранителя.

— Я никого сегодня не собираюсь убивать. Просто представьте себе, что это такая волшебная палочка, которой вы сможете взмахнуть, чтобы расчистить себе путь.

— Вы, кажется, подготовились ко всему, — заметила Мэриголд.

— Еще чего. Просто решаю проблемы по мере их возникновения.

Прежде чем оставить машину, он внимательно запер ее и положил под стекло армейский парковочный талон. И подмигнул Гарри.

— От марсианского теплового луча это не спасет, но, как знать, может, заберу ее как-нибудь.

Гарри заметил, что Вудворд напоследок сунул в карман лопатку для снятия шин.

— Ну что ж, мы перейдем этот мост или погибнем.

И они направились в Квинс, который оказался лабиринтом из складов, фабрик и невзрачных многоквартирных домов с видом на реку. Длинный поток беглецов, растянувшийся по Лонг-Айленду от самого Стоуни-Брук, где приземлились цилиндры, вливался в горящие пригороды, жители которых также обратились в бегство. Везде царили паника, хаос, разрушение. Улицы перекрыли горящие машины и толпы людей.

Они шаг за шагом продвигались через все это на запад, к берегам Ист-Ривер. Вудворд старался уводить их от самых крупных пожаров; очаги огня можно было определить по клубам густого дыма, поднимающегося в небо. И Вудворду, и Мэриголд ловко удавалось прокладывать себе путь, ныряя в переулки, перелезая через стены и перебегая через опустевшие дворы. Однажды они даже срезали путь через чей-то дом, выйдя в заднюю дверь. К облегчению Гарри, им удавалось избежать стычек; уж лучше бежать, чем ввязываться в драку.

Своим цепким репортерским взглядом он подмечал детали: вот старушка в клубах дыма, лихорадочно пытающаяся запереть дверь; вот на

крыльце громко плачет ребенок с игрушечным корабликом в руках. А вот беременная женщина посреди улицы, у которой вот-вот начнутся роды, — несколько человек столпилось вокруг, чтобы помочь, остальные равнодушно пробегают мимо. Какой-то старик, схватившись за сердце, внезапно умер прямо у Гарри на глазах — просто упал и умер. Гарри задумался, кем был этот человек. Он еле сдерживался от искушения достать из нагрудного кармана блокнот с карандашом, но всякий раз, стоило ему остановиться, Мэриголд и Вудворд подталкивали его в спину.

— Эй, шевелись, болван!

А потом Гарри заметил где-то высоко в небе блеск бронзы. То был возвышающийся над Квинсом колпак боевой машины.

Мне он рассказывал, что это зрелище необычайно его потрясло, привело в крайнее возбуждение; все вокруг казалось ненастоящим, как будто они попали на съемочную площадку какого-то грандиозного фильма. Вот что значит быть молодым.

Наконец они прорвались к реке и благодаря чудесной способности Вудворда ориентироваться на местности оказались прямо у моста Квинсборо.

Гарри, хоть и кашлял от дыма, был сражен

великолепием открывшегося вида. Впереди был мост, под ним река, на которой виднелись серые палубы боевых кораблей и судов поменьше — по всей видимости, паромов, отважно перевозивших с острова все новых и новых беженцев. А за мостом устремлялись ввысь здания Манхэттена. Воздух над городом, насколько хватало глаз, был чистым: дыма здесь не было — пока не было. Оглянувшись, Гарри увидел охваченный пламенем и дымом Бруклин и услышал раскаты далеких взрывов. Он знал, что в Бруклине много промышленных объектов, нефтекомбинатов и доков, которые, несомненно, станут мишенью для марсиан.

Мост Квинсборо превратился в сплошную мертвую пробку из машин и людей.

— Марсиане туда пока не добрались, — сказала Мэриголд. — Так что у нас все еще есть фора. Осталось только перейти мост. Вот дерьмо.

Гарри рассмеялся.

— Эй, попрошу не выражаться! Ты не в Менло-Парке, знаешь ли.

Вудворд протиснулся вперед.

— Идем. Пришло время воспользоваться волшебными палочками.

Он прокладывал путь, протискиваясь через

толпу, и Гарри с Мэриголд изо всех сил старались не отставать. Револьвер играл чисто символическую роль. Вудворд продвигался вперед, расталкивая людей и выкрикивая приказы, которым все беспрекословно повиновались — в сущности, подумал Гарри, он движется вперед благодаря тому, что свято уверен в своем праве здесь пройти.

Так, дюйм за дюймом, ярд за ярдом, они и перешли мост.

Мост пролегал над островом Блэквелла, где стояли хмурые серые здания: больницы и тюрьма. Какие-то люди, отделившись от толпы, сходили на этот остров — видимо, совсем измученные, а может, в надежде, что этот клочок земли посреди реки окажется безопаснее Манхэттена. Но остров был забит почти битком, и крепкие парни, по виду — тюремные охранники, выстроились в ряд и вооружились дубинками и пистолетами, не давая никому пройти.

Так они и шли, проталкиваясь сквозь толпу, карабкаясь по застрявшим машинам, пока наконец не добрались до Манхэттена. Здесь людской поток растекался по близлежащим улицам, где хоть и было полно народу, но все же гораздо меньше, чем в Квинсе или на мосту.

Вудворд поманил их ближе к себе. Все трое едва переводили дыхание; волосы у всех были всклокочены.

— Все в порядке? А теперь разыщем армию Соединенных Штатов.

И он решительно зашагал на запад по 60-й Ист-стрит.

11. Центральный парк

Как выяснилось, подразделения армии, Национальной гвардии и государственной полиции разбили лагерь в Центральном парке. Вудворд оставил Гарри и Мэриголд на углу 59-й и Пятой авеню, а сам отправился в парк узнать у какого-нибудь офицера, что вообще происходит.

Манхэттен все еще казался Манхэттеном. По улицам по-прежнему ехали автомобили, хотя движение ускорилось, а среди машин стало заметно больше военных грузовиков. На перекрестках все так же стояли полицейские. Гарри, уставший и немытый, чувствовал себя бродягой, которого невесть каким ветром занесло в город. Но даже здесь по тротуарам спешили люди с чемоданами и рюкзаками; детей тащили за собой, а пожилых катили на инвалидных креслах, точно так же, как и на Лонг-Айленде. Гарри показалось, что они все направляются на север.

Оттуда, где он стоял, было видно отель «Плаза». Гарри вздохнул.

Мэриголд приподняла бровь.

— Что тебя гложет?

Он поглядел на жалкие остатки фрака.

— Посмотри на меня. Я не переодевался с тех самых пор, как собрался на вечеринку у Бигелоу, то есть уже почти сутки. Мне бы не помешала пара часов в отеле — ну, знаешь, принять душ, выпить шампанского, закурить сигару, почитать новости в газетах…

Мэриголд, напротив, явно не тревожилась из-за своего костюма для езды. Он оказался вполне практичным и удобным, и за все время в пути на нем не появилось ни пятнышка. Она пожала плечами.

— Что ж, дело твое. Что до новостей — разве не от них мы бежим? Новости мы знаем лучше любого редактора газеты в городе.

— И то верно. И никто не знает, живы мы еще или нет…

Едва подумав об этом, Гарри огляделся в поисках телефонной будки и, следуя порыву, поспешил к одной из них — позвонить родителям. Мелочь в кармане оказалась неожиданной находкой, однако еще большей неожиданностью была исправная телефонная связь. Его семья в Айове была в безопасности, но тревожилась и неотрывно смотрела новости. Гарри искренне пообещал приехать, как только сможет. Когда Мэриголд тоже попыталась связаться с родными,

связь внезапно оборвалась. Прошло немало дней, рассказывал Гарри, прежде чем он снова смог кому-то позвонить.

Подошел Вудворд, держа руки в карманах.

— Видели бы вы, что армия сотворила с парком. Господи Иисусе. Я после недели кадетских курсов и то рыл сортиры получше.

Мэриголд спросила:

— И что же, готовы наши отважные бойцы сразить врага?

— Надеюсь. Паттон тоже надеется.

— Кто это?

— Да так, один мой друг. Хорошо это или плохо, но в нашей армии немногие побывали в настоящем бою — в отличие от Джорджа. Он принимал участие в Мексиканской экспедиции в шестнадцатом году, а теперь командует здесь. И добился того, чтобы его повысили до майора, — он усмехнулся. — Умный парень, как ни крути.

Мэриголд это, судя по всему, совершенно не впечатлило.

— Ладно, хватит похвал. Что этот Паттон собирается делать?

Вудворд пожал плечами.

— Придумать, как лучше использовать силы при неизбежном столкновении и защитить мир-

ное население. Сейчас он как раз яростно спорит с командованием о том, когда следует взорвать мосты, ведущие в Квинс и Бруклин.

— Ты имеешь в виду Квинсборо? — изумился Гарри. — Но ведь там же полно людей! И, помимо паромов, больше нет способа добраться сюда с Лонг-Айленда.

— Так и есть. Но командование считает, что и для марсиан другого способа нет. Если нам удастся их сдержать…

— Ты это серьезно? — Мэриголд была в бешенстве. — Сдержать? Неужели никто из твоих дружков не читал сводки из Англии? Река их не остановит!

Вудворд поднял руки.

— Я лишь передаю весть. Они тем временем налаживают пути эвакуации с острова. Можно пойти на запад в Нью-Джерси — поезда еще курсируют, кроме того, есть паромы и мосты, — или отправиться на север по мосту в Бронкс.

Он огляделся и понизил голос:

— Паттону приказали отрядить своих людей, чтобы те проследили за вывозом золотых слитков с острова. Но об этом никому ни слова.

— Значит, они отправляют людей на север и запад, — задумчиво произнес Гарри.

— Верно. Но я боюсь, что именно туда и последуют марсиане после того, как захватят Манхэттен. Это как-никак единственный путь на континент.

— Значит, мы пойдем на юг, — сказал Гарри. — Конечно, мы снова застрянем на острове, черт бы его побрал…

— Но зато уйдем из зоны военных действий, — ухмыльнулся Вудворд. — Слушай, ты ведь репортер. Тебе наверняка захочется быть в центре событий, верно? Марсиане в Нью-Йорке! Это же репортаж века. Вот что: отправляйся в Бэттери-парк, он довольно далеко к югу отсюда. Держись в стороне от пожаров. Если получится, я найду тебя там, когда все устаканится. *Если* устаканится.

Гарри почувствовал себя неожиданно беспомощным из-за перспективы потерять Вудворда — словно ребенок, оставленный отцом.

— А как же ты?

— Пойду обратно в парк. — Вудворд постучал себя по руке. — У меня за плечами — простелены они или нет — больше боевого опыта, чем у половины ошивающихся там болванов. Да и потом, кто-то должен возвращать Паттона к действительности.

Какой-то солдат бежал к ним от реки в поисках того, кому можно было доложить обстановку. Он

что-то кричал о новом плане. Вудворд постоял немного, пока не понял, что происходит.

Взрывать мосты смысла не было.

Марсианские боевые машины попросту брели через Ист-Ривер между мостами Квинсборо и Вильямсбург, выстроившись широким полумесяцем. Глубина реки здесь была не более сорока футов — сущий пустяк для машины высотой в сотню футов; как ранее с негодованием заметила Мэриголд, это давным-давно следовало понять из сводки британских новостей. Как потом выяснилось, в это самое время под трехногими чудовищами сновали мелкие приземистые многорукие машины, резво ныряя в реку и карабкаясь на сушу на другом берегу. Ошметки ила и водоросли сползали с блестящих алюминиевых корпусов, пока камеры тепловых лучей готовились к атаке.

Глядя вдоль 60-й стрит, Гарри увидел их: марсиан на Манхэттене. С позиций в Центральном парке раздавался грохот артиллерии.

Гарри и Мэриголд, обменявшись быстрыми рукопожатиями с Вудвордом, побежали на юго-запад.

А на Землю тем временем продолжали прибывать цилиндры.

12. Прибытие марсиан в Мельбурн

Люк Смит утверждает, что утром, когда началась Вторая война, ему исполнилось четырнадцать. Сейчас, когда я пишу эти строки, ему уже перевалило за двадцать пять, он образованный молодой человек, выучившийся на адвоката и страстно жаждущий защищать права своих соотечественников. Память Люка отчетливо сохранила каждое воспоминание о тех безумных днях, и каждое из них он записал, как только наконец выучился грамоте.

Однако Люк Смит — не настоящее имя, и даже в дни прилета марсиан его звали иначе. В детстве Люка разлучили с семьей, жившей в Северной Виктории. До десятилетнего возраста мальчика воспитывали христианские миссионеры, назвав его в честь апостола Луки, а затем его «одолжили» — да, именно «одолжили» — какому-то фермеру из Бендиго. Над ним издевались; от подробностей он уклонялся, но, возможно, обидчиком был кто-то из его племени. В двенадцать лет мальчик сбежал оттуда в буш.

Люк отправился в Мельбурн — он много о нем слышал, но ни разу его не видел. Он пытался

приспособиться к городу, этому огромному механизму по производству невообразимой массы отходов, где выживали те, кто половчее, и в конце концов прибился к другим бедным аборигенам, еще более невидимым и презираемым здесь, нежели в глубинке.

Он был не лишен сообразительности, но его словарный запас и манера речи оставляли желать лучшего, а образования у него и вовсе не было. И все же, общаясь с другими и прислушиваясь к замечаниям белых, которые, должно быть, считали, что он их не понимает, он осознал всю незавидность положения таких, как он. И это с самого юного возраста укрепило его в решимости выжить любой ценой.

Люку всегда казалось, что в одиночку легче.

А потом появились марсиане.

Цилиндры приземлились в Фэйрфилде, к северо-востоку от Мельбурна, 20 мая, в полночь по местному времени и в полдень по английскому.

Люк провел ночь в луна-парке на архипелаге Сент-Килда, на берегу залива Порт-Филлип к юго-востоку от Мельбурна. В ту роковую субботу он проснулся на рассвете. Вокруг, казалось, не было ни души. Сквозь сон он слышал рев машин и крики животных, но это его не потревожило:

ночью в парке всегда было шумно. Это была огромная, плохо патрулируемая территория, существующая на обочине закона, и здесь было полно укромных уголков, где такой мальчишка, как Люк, мог спокойно поспать.

Однако, выбравшись из укрытия, он обнаружил, что вокруг было пусто.

Он прошел вдоль парка мимо аттракционов и билетных касс; одни были заперты, а другие просто брошены. Сперва он подумал, что можно было бы вломиться в какой-нибудь киоск, но осторожность повела его к привычным мусорным бакам. Тамошние крысы показались ему жирнее, чем обычно.

Перекусив, он, повинуясь неведомому инстинкту, покинул луна-парк и отправился в центр Мельбурна.

Он прошел Альберт-парк и направился на юг города, к реке. Люк всегда хорошо ориентировался на местности. После нескольких лет, проведенных в Мельбурне, он знал город как свои пять пальцев, хотя некоторые уличные вывески и вызывали у него затруднения. Пригороды почти опустели — те немногие люди, кто в них остался, заперлись в жилищах и боязливо выглядывали из окон на северную сторону, высматривая

опасность, о которой Люк еще не знал. Тут и там запоздалые беглецы пешком покидали местность. Трамваи безжизненно стояли на рельсах. Люк увидел парочку разграбленных магазинов. Брошенные вещи валялись прямо на улице.

А еще он увидел то, чего не видел никогда в жизни: мертвых белых людей. Они погибли в давке, когда все в панике бросились бежать, и их тела лежали на земле.

Люк перешел Ярру по мосту Квинс и оказался в дорогих кварталах. Мельбурн в те годы был еще совсем молодым городом; позже Люку предстояло узнать кое-что из его истории — о золотой лихорадке, обеспечившей средства для его основания, и о банковском кризисе 1893 года, о котором до сих пор говорили вполголоса.

Инстинкт, побуждавший постоянно искать себе пропитание, привел его на рынок Королевы Виктории, где между прилавками с едой теснились лавки с одеждой и прочими товарами. Люк хорошо знал это место; в базарные дни здесь было полно народу из высших слоев общества, начиная от преподавателей колледжей в длинных мантиях и заканчивая старушками-итальянками в черных одеяниях, толкающими перед собой тележки. Бродяги приходили сюда

что-нибудь стащить. Он и сам сюда наведывался — в основном чтобы порыться в мусоре, а изредка попрошайничал, если это было необходимо. Сегодня здесь было безлюдно, как и везде. Зато в мусорных баках за прилавками было полно объедков: холодного мяса, лежалого хлеба и недоеденных пирожных. Люк решил поискать какой-нибудь мешок и наполнить его едой: больше такой возможности могло не представиться. Но бежать с грузом было бы трудно. Он решил вернуться, когда проголодается, — может быть, снова повезет найти еду.

А пока его ничто не тревожило, даже голод.

Следуя неясному порыву, Люк направился через весь город к Суонстон-стрит, к государственной библиотеке Виктории. Он знал, что там полно книг, и даже смутно представлял себе, зачем они нужны, хотя сам мог прочитать разве что собственное имя, и то с трудом. В библиотеке его больше всего манил внушительный купол — поговаривали, что это самый большой бетонный купол в мире (хотя на самом деле это было не совсем так, но местные любили прихвастнуть). Люку просто нравилось стоять и смотреть на что-то, чему во всем мире нет равных.

Меня завораживает этот образ: мальчишка-або-

риген в оборванной одежде стоит на газоне перед двумя колоннами фасада, на пустынной улице города для белых людей, неграмотный, грязный, несчастный и всеми презираемый — и все же зачарованный этим памятником знанию.

Именно тогда над библиотекой, в самом центре Мельбурна, поднялась марсианская боевая машина.

Позже Люк дивился тому, что почти не испугался. Но его, мальчишку с окраин, в городе поражало все: и громадные здания в деловом районе, такие высокие, что они, казалось, могли упасть в любой момент, и даже чертово колесо в луна-парке — все это ошеломляло его не меньше, чем боевая машина.

Какое-то время марсианин стоял неподвижно, словно глядя на мальчика, который в ответ таращился на него. Затем взвились сверкающие щупальца, вскинув какой-то предмет, напоминающий пушку. Люку уже приходилось видеть оружие. Он повернулся и побежал со всех ног. Но любопытство заставило его оглянуться и посмотреть, что происходит.

Тепловой луч раскрошил библиотечный купол на множество осколков, и тысячи драгоценных книг вспыхнули ярким пламенем.

Люку доводилось слышать, как белые оправдывали захват земли его предков и вымирание его народа. Когда европейцы впервые высадились на берегах Австралии, они назвали ее «ничейной землей», никому не принадлежащей. Этой территории не было на бумаге — а значит, и людей, живших на ней, словно бы не существовало. Война железа против камня закончилась победой европейцев. Теперь, убегая, Люк думал о том, что эта огромная машина принесла с собой новую войну. Возможно, думал Люк, она была японская, он как-то слышал разговоры мельбурнских богачей, которые побаивались территориальных притязаний этих иноземцев. И карать она будет не железом, а огнем.

Он бежал, бежал и смеялся на бегу.

13. В Пекине

Если Люк Смит проспал вторжение марсиан, то, когда они появились в Пекине — там они приземлились несколькими часами позже, — Том Эйлотт сначала не поверил в угрозу внеземного вторжения.

— Таков уж был Китай в двадцатые годы, — сказал он мне много лет спустя во время нашей встречи в Сиднее, где он презентовал свою книгу о тех временах. — Казалось, безумие уже достигло пика. А потом…

В шесть утра его растормошил друг — студент-китаец по имени Ли Цичао.

— Ты вставать! Война! Ты смотреть!

Этому страстному последователю Сунь Ятсена, грезящему о китайской демократии будущего, едва исполнился двадцать один год. Это был способный и многообещающий, но необразованный парень из деревни, который приехал в город, чтобы как можно больше узнать об устройстве власти и дипломатии. Ожидая зова судьбы, он перебивался как мог на разных канцелярских работах — где и встретился с Томом Эйлоттом.

Ли был склонен преувеличивать, и Том попы-

тался отвернуться.

— Ну да, ну да. Разбуди, когда загорится дом…

Самому Тому было всего двадцать два, и он пытался снискать славу трудолюбивого репортера для «Таймс». Тем утром ему с трудом удалось продрать глаза после бурной ночи в компании молодых европейцев в барах Посольского квартала, как его тут называли. Это был район в пределах Внутреннего города, который долгое время пребывал под протекцией западных правительств и компаний.

Да и вообще, войной в Китае тогда нельзя было никого удивить. Боксерское восстание против иностранного вмешательства произошло каких-то двадцать лет назад; последнего императора династии Цин, совсем юного парнишку по имени Пу И, заставили отречься от престола десять лет назад. В стране царил беспорядок с 1916 года, когда умер первый президент, авторитарный правитель Юань Шикай. В Пекине все еще заседало признанное мировой общественностью Бэйянское правительство, но на деле большинство территорий пребывало под контролем тех или иных военных командиров либо находилось под влиянием Запада.

Но Ли тряс Тома изо всех сил и путался в ан-

глийских словах, что нередко случалось, когда он был взволнован.

— Война приходить, Том! Война быть!

Теперь уже и сам Том услышал отдаленные глухие взрывы, топот сотен ног, крики мужчин и женщин и громкий плач испуганных детей — до боли знакомый звук в здешних краях.

Первой мыслью Тома было — репортаж.

Он заставил себя проснуться. Он спал в рубашке, белье и носках, так что оставалось схватить штаны, пиджак и туфли. Не слушая возражений Ли, Том побежал в туалет — мочевой пузырь был готов лопнуть.

— Ты идти! Война здесь!

— Конечно, Цичао, конечно, — бросил он через плечо, застегивая штаны. — Что там на этот раз? Чжили? Фэнтянь? И где, черт возьми, мой фотоаппарат? Или, может быть, и вовсе Гоминьдан?

Ли улыбался во весь рот, невероятно возбужденный, — восприятие войны, свойственное юности. Том был уже достаточно зрелым, чтобы это понимать.

— Идти посмотреть!

Они выбежали на свет — такой яркий, что Том зажмурился, и помчались на юг к Внутреннему городу. В воздухе стоял плотный дым, воняло

порохом и горько отдавало гарью.

Том рассказывал мне, что центр Пекина состоит из множества квадратов, обнесенных стенами. Был Внутренний город — жилище аристократов, высокопоставленных служащих, военных, а с недавних пор еще и иностранцев в Посольском квартале, хотя мирились с ними нехотя. Внутри него находился Императорский город, славящийся водными садами. В нем, в свою очередь, был расположен Запретный город, защищенный рвом и тремя рядами стен. Внешний город, огромный придаток с множеством храмов, примыкал к южной стене Внутреннего. Разумеется, после свержения династии Цин Запретный город уже не был запретным, но любому иностранцу было известно, что лучший вид на город и деревни за ним открывался с городских стен.

На них и взбирались сейчас Ли с Томом. Том сделал глубокий вдох — и закашлялся от дыма.

Вскоре они оказались на вершине стены. Пейзаж, который отсюда открывался, глазу европейца показался бы скорее лесным, чем городским: среди зелени деревьев то тут, то там виднелись ярко-желтые точки — верхушки пагод. В самом Пекине, казалось, все было мирно. Чего нельзя было сказать о прилегающих деревнях.

Посмотрев на восток, Том и Ли увидели в лучах восходящего солнца силуэты боевых машин. Впереди себя они отбрасывали тонкие тени. Эту картину Том узнал сразу — он видел фото из Британии. Позже он говорил, что его, как и многих других людей, впервые увидевших марсианские технологии, околдовало естественное, почти животное изящество этих невообразимых механизмов. Было в диковинку видеть их здесь, вдали от Англии, словно наложенными на китайский пейзаж.

Машины, выстроившись широким полумесяцем, шагали по направлению к городу. Ли попробовал их сосчитать:

— Раз, два, три, четыре… восемь, девять, десять… много.

Машинам пытались противостоять. Том видел у них под ногами вспышки орудий и то, как снаряды бьются о броню. В таком отпоре не было ничего удивительного: Том подозревал, что, не считая немецкого фронта в России, это было одно из самых милитаризированных мест на планете. Быть может, военачальники хоть раз решили заключить союз ради борьбы против общего врага.

Но даже если и так, то это оказалось безуспешным. Марсиане хорошо усвоили урок, полу-

ченный во время сражений в Англии, и сейчас попросту сбивали снаряды в воздухе — в тот день в этом мог убедиться весь мир. Том видел военную технику, всадников на приземистых лошадях, даже людей на верблюдах, приехавших из Гоби, — и все они суетились под ногами у марсиан. И повсюду люди, животные и машины ярко вспыхивали, точно мотыльки, попавшие в пламя сварочной горелки.

За марсианами образовался словно бы коридор из дыма, и там, где они прошли, разгорался пожар.

— Надо бежать отсюда, — сказал Том. Но не удержался от того, чтобы поднять камеру и пару раз быстро щелкнуть.

— Какой вид! — сказал Ли. Он так и сиял.

— Тебе это как будто в радость, — заметил Том.

— Китай в полном раздрае, — ответил тот. — Повсюду иностранцы. Русские хотят Монголию. Британцы хотят Тибет. Японцы хотят Маньчжурию. Американцы — американцы всем торгуют. Власть — просто пустышка, в стране сплошные военачальники. И все же, все же Китай — великая страна. Даже марсиане это понимают!

— Они на вас напали, а ты в этом видишь преимущество?

— Наступает новая эра, — сказал Ли. — Я пойду на восток, пойду на юг, найду Гоминьдан, найду Сунь Ятсена. Говорят, к нам примкнет император.

— Какой император? Пу И? Он же еще дитя.

— Пусть марсиане прогонят иностранцев. Тогда китайцы прогонят марсиан. Мы выстояли против Чингисхана. Выстоим и против этой напасти. А потом…

Но тепловой луч уже подбирался к Пекину, и дома в дальних пригородах охватило пламя.

Том спрятал камеру.

— Ладно, Цичао. Давай сначала попробуем выжить, чтобы не пропустить это прекрасное будущее.

Ли улыбнулся:

— Пошли!

Они перелезли через парапет и побежали прочь, спасаясь от марсиан, которые уже начинали крушить город.

14. Вторжение на Манхэттен

Когда в Пекине уже начиналось субботнее утро, в Нью-Йорке был еще полдень пятницы. И в ту пятницу Гарри Кейн и Мэриголд Рафферти наблюдали за разворачивающейся битвой за Манхэттен.

Из Бэттери-парка, конечной точки их пути на юг, открывался отличный вид — лучше и быть не могло (если, конечно, это выражение вообще было уместно в такой день). Парк находился на холме, и в поисках идеального вида Гарри и Мэриголд ухитрились забраться на вышку Монро. Ее, как и многие другие вышки вдоль Атлантики и Мексиканского залива, построили в 1910 году, когда стало очевидно, что немецкая агрессия направлена в том числе и на Штаты — в нарушение многолетней доктрины Монро, подразумевающей невмешательство европейцев в американские дела. Предполагалось, что с этих сооружений будут высматривать немецкий флот, но вскоре вышки оказались бесполезными, поскольку их функцию взяли на себя самолеты. Однако в Бэттери-парке с подобной вышки откры-

вался отличный вид на южный Манхэттен, что и сделало ее популярным местом среди туристов.

Разумеется, в то утро она была заперта. Но взломать замок было секундным делом. Еще каких-то несколько минут занял подъем наверх по винтовой лестнице — лифт не работал.

И перед ними раскинулся нижний Манхэттен, где высились величественные здания — как деревья в лесу, мимоходом подумал Гарри, щурясь от света. Витиеватый узор причалов и судоверфей вокруг острова усиливал сходство с естественным пейзажем. Это было великолепное зрелище: сверкающие на солнце окна, изысканная геометрическая простота улиц — все яркое, свежее, полное жизни, — хотя даже отсюда был заметен разительный контраст между богатством и бедностью, и невдалеке от устремившихся ввысь дворцов располагались перенаселенные кварталы, где ютились бедняки со всего мира.

Но теперь на Манхэттен пришла внеземная война.

Собственно говоря, сражение началось, еще когда десятки марсиан шагали через Ист-Ривер, приближаясь со стороны Бруклина. Флот пытался их задержать: миноносцы выстроились вдоль залива и атаковали неприятеля. Однако они

даже не успели приблизиться к машинам: разрушительная мощь тепловых лучей расплавила корпуса и взорвала топливные баки, превратив корабли в груды бесполезного металла. Несмотря на это, несколько снарядов все же попало в цель. Гарри видел невооруженным глазом, как устрашающие марсианские машины на мгновение замирали, а затем падали, словно люди, которым в глаз прилетела пуля. Каждая такая потеря выводила из битвы сразу несколько машин: еще во время первого вторжения в Англию было замечено, что к павшим марсианам устремляются их собратья.

Но прочие марсиане, одержав победу в этом коротком сражении, целыми и невредимыми ступили на восточное побережье.

Скелетообразные фигуры пробирались через остров, мелькая между зданиями и отражая бронеей солнечный свет. «Словно сама смерть, какой ее представляли в Средние века, явилась на землю», — написал Гарри в своем блокноте. А косой им служил тепловой луч. На фоне небоскребов Центрального Манхэттена даже захватчики не казались высокими, но их лучи разносили стены, как взрывчатка разбивает породу на месте добычи ископаемых. Рассыпались бетонные стены,

плавились стальные балки, стекло разлеталось миллионами брызг. Гарри видел, как люди в ужасе бежали по улицам. Они показались ему муравьями, что разбегаются, пытаясь спастись от людей с огнеметами.

Вскоре к битве присоединились вооруженные силы на суше. Гарри слышал грохот огромных пушек в Центральном парке и треск более мелких орудий и представил Вудворда и его товарища Паттона во главе этой отчаянной атаки на приближающихся пришельцев. Одна довольно многочисленная группа марсиан остановилась у Центрального парка, где, судя по всему, сосредоточились вооруженные силы. Но вскоре еще больше их двинулось на север, как и предвидел Вудворд, — несомненно, в поисках легкой добычи на севере Нью-Йорка и дальше на материке.

Третья группа двигалась на юг через центр города, направляясь прямиком к вышке Монро — по крайней мере, так казалось. Вряд ли, думал Гарри, они движутся так медленно, потому что им оказывают сопротивление. Скорее всего, дело было в плотно стоящих зданиях и обилии доступных мишеней. Атаковать — тяжелый труд.

— Вот и цена всем нашим предположениям, — проворчал Гарри. — А мы-то думали, что они

сюда не пойдут.

— Похоже, у них достаточно машин, — сказала Мэриголд. — Что ж, по крайней мере, мы все отлично увидим.

Голос ее звучал на удивление бесстрашно. Да и сам Гарри почти не чувствовал страха: может быть, он исчерпал все его запасы, а может, просто переутомился.

Южная группа разделилась: один отряд свернул налево, к побережью, другой направился к военной верфи на Ист-Ривер, третий — к густонаселенным районам в нижнем Ист-Сайде. Там не было высоких зданий, и марсиане играючи сносили дома тепловым лучом.

Центральный отряд тем временем достиг делового квартала. Гарри видел, как под их натиском пала ратуша; теперь, когда здание, где заседали городские власти, оказалось разрушено, все организованное сопротивление, если таковое и имелось, должно было рассыпаться. Вулворт-билдинг — построенное десять лет назад и все еще самое высокое в мире здание, в семь раз выше боевых машин, — привлекло их особое внимание. У Мэриголд в кармане жакета нашелся маленький бинокль, похожий на театральный. Она передала его Гарри, и тот увидел, как многорукие машины

вскарабкались на стены здания и начали разрушать его с верхних этажей, спускаясь все ниже и ниже, а обломки каменным водопадом сыпались на улицы.

— В этом даже есть своеобразная красота, — сказал Гарри. — Словно цветок распускается.

— Похоже, они намеренно выбрали его своей целью. Может, Вулворт-билдинг было видно с Марса, и они приняли его за какой-то военный штаб.

— Я когда-то пил там кофе, — мрачно сказал Гарри.

— Мы его восстановим. Будет еще выше и еще лучше.

Но на самом деле после всего увиденного Гарри не испытывал подобной уверенности.

Марсиане наконец подошли к южному краю острова. Крупные военные укрепления на входе в гавань — форт Томкинс на побережье Нью-Джерси и форт Гамильтон в Бруклине — тоже открыли по ним огонь. Однако было похоже, что еще один отряд марсиан прошел через Бруклин и уже атаковал форт Гамильтон тепловыми лучами — оружием настолько дальнобойным, что можно было достать и до форта Томкинс.

Гарри увидел, что одна из машин направилась

на остров Свободы и выбралась на берег. Она была примерно втрое ниже статуи Свободы и какое-то время стояла рядом, наблюдая сражения на суше и воде. Гарри услышал потусторонний крик:

— Улла!

Затем, видимо решив, что на статую не стоит тратить время, машина развернулась и направилась прочь.

Мэриголд тронула Гарри за руку.

— Нужно уходить. Они скоро будут здесь.

— Улла! Улла!..

Гарри подумал, что в этот жуткий день такой крик звучит по всему земному шару. Растерянный, оторопелый, он не возражал, когда Мэриголд взяла его за руку и потащила по лестнице на первый этаж.

— Улла! Улла!

15. Уолтер Дженкинс в Далеме

Через восемнадцать часов после вторжения на Лонг-Айленд Уолтер Дженкинс все еще был в своем импровизированном наблюдательном пункте в Далеме. На его часах было одиннадцать вечера. Жажду и голод он кое-как утолил двумя флягами кофе и печеньем, подготовленными еще перед нападением. Он не спал уже больше суток, но все же надеялся, что это не повлияло ни на его сосредоточенность, ни на способность здраво рассуждать.

Уолтеру казалось, что он понял стратегию марсиан. Пока прибывали все новые цилиндры и на Землю лился дождь из огня и металла, Уолтер думал не об астрономии, а о географии, не о межпланетных пространствах, а о точках высадки на Земле. Взгляд его часто обращался к карте мира, на которой он ярко-красными чернилами обозначил все места, где, согласно сводкам, приземлились марсиане. Теперь для него было очевидно, что, как он и предполагал, первые цилиндры падали ровно в полночь по местному времени, после чего за ними следовали корабли с экипажами. Он представил себе эти цилиндры в

космосе, готовые обрушиться на Землю, — словно пули, выпущенные из гигантского пулемета.

Но этот залп явно был направлен на первостепенные для людей объекты. Казалось, марсиане нацелились на все густонаселенные районы, от Азии до Австралии. И в каждом случае они приземлялись почти вплотную к наиболее важным городам. Первая волна пустых цилиндров подготавливала почву, за ней следовала вторая волна, и в течение шести часов большие боевые группы отправлялись в наступление — они слаженно и быстро проводили крупномасштабные атаки на города и ключевые объекты их обслуживания, топливные склады, транспортные узлы. Казалось, что, уничтожая все многовековые достижения индустриальной цивилизации и тем самым обезглавливая человеческое общество, марсиане рассчитывают на скорую победу в этой войне.

И все же человечество, как думал Уолтер, не имело права ее проиграть. Ведь если весь мир падет, как два года назад пала Англия, где склады опустели, фабрики были разрушены, а правительство распалось, то мы вскоре утратим способность сопротивляться, и нам никогда не удастся накопить достаточно ресурсов, чтобы нанести ответный удар. Существование человече-

ства как независимого вида может завершиться уже в этом поколении. И детей будущего ждут миллионы лет рабства — как тех несчастных из марсианских цилиндров.

Но война еще не была проиграна.

Уолтер сосредоточился на текущей ситуации. Первые цилиндры падали в самых разных уголках мира — в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Мельбурне, Пекине и Бомбее — по одной группе в сутки. Теперь же тактика изменилась — буквально за последний час, пока он слушал сводки из Пекина по радио. Три мишени, не меньше, были выбраны на одном меридиане: Санкт-Петербург в России, Константинополь в Османской империи и Дурбан в Южной Африке — первая марсианская цель на этом континенте.

Затем Уолтер увидел зеленую вспышку в темном небе и взглянул на часы. В Берлине была полночь.

Он стал ждать, когда грянет гром.

16. Игра теней

— Улла! Улла!

Когда забрезжил тоскливый, печальный рассвет, Эмре услышал зловещий крик над Константинополем, в котором тонули даже голоса муэдзинов.

По призванию Эмре Сахин был солдатом и прошел боевую подготовку. Десять лет назад в одной из войн против Балканского союза ядро, выпущенное из греческой пушки, оторвало ему левую ногу и часть правой. Ему было всего двадцать. Теперь Эмре время от времени писал репортажи, и ему предстояло оставить одно из самых захватывающих свидетельств о пришествии марсиан в Константинополь — на пользу мне и многим другим историкам.

Однако за несколько дней до прибытия марсиан Эмре, предвкушая скорое завершение Рамадана, готовился к представлению театра теней.

Он всегда любил последние дни Рамадана, три дня празднеств после месяца поста: когда родственники приходили друг к другу в гости и дарили сладости, табак, духи или фарфор, когда друзья собирались в кофейнях, когда на открытом

воздухе устраивали ярмарки со всевозможными развлечениями для детей. Получив ранение, Эмре, пытаясь чем-нибудь себя занять, начал ставить сценки театра теней — собственные переложения народных легенд для племянников и соседских детей и пикантные истории для взрослых. Искусство это было незамысловатым, но Эмре был хорошим рассказчиком, а потому это увлечение оказалось в радость ему и семье. И, по сути, помогло ему заново открыть для себя жизнь.

Теперь Эмре вынужден был много времени проводить в родительском доме, в самом сердце той ветхой и обшарпанной части Константинополя к югу от Золотого Рога, который иностранцы называли Стамбулом. Жить после ранения было, разумеется, нелегко, но кое-что приносило ему утешение. Жизнь даровала Эмре преданных старших братьев, сестру и юных племянников. Так он и начал писать; помимо кукольных сценок, он помогал племянникам делать домашние задания и записывал рассказы, которые для них сочинял. Некоторые из этих историй он публиковал в одной стамбульской газете, редактор которой всячески призывал его писать еще. Мать Эмре, пережившая своего мужа, вероятно, считала этот

замысел ребячеством и пустой тратой времени. Но у ее сына, по большей части прикованного к постели, этого времени теперь было в избытке, так что он волен был тратить его как угодно.

Быть выездным репортером он, разумеется, не мог. Зато мог путешествовать во времени с помощью книг, одолженных у родственников. Он писал очерки по истории города и вскоре стал писать для туристических путеводителей, за что платили лучше. Иностранцы толпами ходили по Стамбулу, пытаясь таким образом показать, что они друзья, а не враги османов, — все дело, конечно, было в нефти.

Сейчас Эмре беспомощно следил за новостями. Война Шлиффена грозила нарушить порядок в Османской империи так же, как и в Российской, но Эмре казалось, что в последнее время все как будто бы наладилось. Султана вернули, хоть это и не встретило всеобщего одобрения. Британцы настаивали на своем «протекторате», чтобы обеспечить себе доступ к Суэцкому каналу и нефти с Ближнего Востока, но в остальном не вмешивались во внутренние дела. Что до немцев, те оказались полезными союзниками, пусть и временно: помогали умерить пыл русских, которые намеревались прибрать Константинополь

к рукам. Временные союзники. Должно быть, на большее надеяться не стоило.

И вот посреди всего этого бурного исторического водоворота приземлились марсиане.

Во время Второй войны Константинополь отличился тем, что первые марсианские цилиндры упали в пределах города, а именно в более современной его части, которую местные пренебрежительно называли Франгистаном — «городом иноземцев». Тамошние гостиницы, деловые здания и посольства были разрушены подчистую, но мало кто из уцелевших турок об этом скорбел.

Однако вскоре марсиане двинулись дальше.

Они прошли через районы Пера и Галата. Затем боевые машины попросту пересекли вброд Золотой Рог к северу от построенного немцами нового моста и вышли к старому городу. Несколько веков назад древние стены Римской империи не устояли против турецких пушек, а сейчас не смогли остановить тепловой луч. Остается только гадать, ощущали ли марсиане, по какому старинному городу они шагают, высоко вздымая бронированные колпаки над пыльными улицами, рынками и блестящими куполами мечетей. Но могу предположить, что для такой древней

расы, как марсиане, даже Константинополь ничем не отличался от наскоро разбитой палатки на обочине.

Их вторжение в Стамбул повергло жителей в шок: в 1922 году связь в большей части империи, даже в старинных городских кварталах, была очень примитивной. Когда появились боевые машины — включили сирену, а местные патрули забегали от двери к двери, звоня в каждый дом. Один из братьев Эмре, таща за собой детей, пришел забрать мать.

К несчастью, про Эмре в общей суматохе позабыли. Раненый солдат, слишком гордый и упрямый, чтобы позвать на помощь, остался в своей комнате в задней части дома.

Поэтому, когда появились марсиане, Эмре был совершенно один.

Первым, что он увидел, был какой-то тонкий столб, проплывший мимо окна. Позже он понял, что видел ногу боевой машины, которая прокладывала себе путь через полуразрушенный квартал, словно взрослый, осторожно ступающий по ковру с разбросанными игрушками.

У Эмре было собственное средство передвижения — нечто вроде приземистой тележки, которую для него смастерил один из братьев.

Практичная, но ненавистная Эмре вещь, поскольку она напоминала ему тележку попрошайки. И все же сейчас он, опираясь на свои сильные руки, перебрался на нее из кровати и покатился по пустым коридорам к входной двери.

Что-то шло по улице.

Эмре увидел нечто вроде железного паука, такого огромного, что он перегородил всю улицу, однако передвигавшегося на своих пяти ногах с поразительным изяществом. Его гибкие конечности ощупывали здания по обе стороны улицы, заползали в окна и двери. На спине чудища Эмре разглядел что-то вроде кожаного мешка. Это был марсианин, управляющий машиной. В некоторых местах это было привычной тактикой: марсиане отправляли небольшие многорукие механизмы для разведки в густонаселенные районы перед их уничтожением — или, может быть, в поисках сырья для пропитания. Точно такая же судьба за пятнадцать лет до того едва не настигла Уолтера Дженкинса и священника в разрушенном доме в Шине.

Похоже, марсианин заметил Эмре. Машина остановилась и замерла, жуткая в своей неподвижности. Эмре тоже ждал, сидя в тележке. Они были словно странные двойники — каждый

двигался с помощью своего механического приспособления.

Потом Эмре часто задумывался, чем бы закончилась эта встреча, если бы не тот ребенок.

Это был мальчик, которого почему-то бросили здесь, босой, не старше шести, — Эмре, кажется, не знал его. Он замер в дверном проеме, осмотрелся и побежал к Эмре — возможно, первому взрослому, которого увидел за все утро.

Эмре тут же замахал руками.

— Стой! Вернись!

Но марсианин оказался быстрее. Краем глаза Эмре увидел, как металлическое щупальце взмахнуло в воздухе камерой теплового луча, словно волшебной палочкой. Взорвались стены, посыпались стекла, вспыхнули деревянные рамы.

А потом едва видимый луч коснулся ребенка.

В тот день Эмре был не единственным турком, увидевшим марсиан. После вторжения в Англию в 1907 году в Османской империи изучали марсиан как потенциальных врагов, поскольку, помимо прочего, они уничтожили мечеть Шах-Джана в Уокинге, и султан лично отправил гуманитарную помощь местной общине. Даже сейчас храбрый молодой офицер по имени Мустафа Ататюрк руководил обороной древней

Святой Софии — героизм, который впоследствии позволил Ататюрку при поддержке Федерации федераций многого достичь на международной арене и совершить немало славных дел. Константинополь был стойким городом: он пережил вторжения, падения империй, землетрясения, пожары, а за последние десятилетия — множество военных переворотов и контрпереворотов. Он бы выстоял и против внеземной угрозы.

Но тогда Эмре ничего этого не знал. Он был один против марсиан. Один, и все же не беспомощен.

Уже десять лет он был калекой, но ему было всего тридцать, и руки его сохранили прежнюю силу. Охваченный гневом, он, изо всех сил отталкиваясь от булыжной мостовой, устремился к марсианину. Эмре надеялся, что успеет продырявить этот кожаный мешок, прежде чем погибнет.

Однако марсианин безучастно смерил его взглядом своих глаз, лишенных век. Затем развернулся и пошел прочь. Эмре пытался было догнать его, но быстро выбился из сил.

Лишь спустя некоторое время Эмре набрался смелости поискать останки мальчика. И по ужасающей иронии обнаружил там, где он стоял, своеобразную игру теней. Тепловой луч прошел

настолько стремительно — возможно, в таком тесном пространстве марсианин остерегался запускать его на полную мощность, — что сжег ребенка дотла, но едва задел стену за ним.

На стене осталась тень мальчика, сгоревшего на бегу, словно нарисованная на темной каменной поверхности.

17. Над Дурбаном

— Улла! Улла!

Вой марсиан раздавался по всему миру: в Америке, Северной и Южной, в Австралии, в Азии — и в Африке.

Ранним воскресным утром, когда марсианские машины продолжали разорять Дурбан, высоко над городом, в предгорьях Драконовых гор, Гопал Тилак встретил женщину из народа зулу. Она сидела одна, сложив рядом скромные пожитки, и утренние лучи освещали ее лицо, лишенное всякого выражения.

Я встретилась с Тилаком намного позже, на руинах Бомбея, и узнала, что он был свидетелем разрушения Дурбана. К тому времени как мы познакомились, Гопал стал преуспевающим юристом, консультировавшим новое независимое индийское правительство о том, как правильно применять законы о правах человека, установленные Федерацией федераций в Басре. В тихой чайной на окраине Бомбея, совершенно английской по духу, Гопал рассказал мне о событиях того ужасного утра и случайной встрече в предгорьях.

На вид женщине было лет тридцать — на десять с лишним лет меньше, чем ему. Она, кажется, не заметила, что он подошел. Тут, наверху, было тихо; грохот взрывов и крики, доносящиеся из города, казались не более чем шепотом на ветру. И все же можно было различить грубый, резкий вой марсиан, доносящийся из десятка разных мест:

— Улла!..

Гопал кашлянул, чтобы не испугать женщину своим внезапным появлением, и этот звук в тишине прозвучал неожиданно громко.

Женщина взглянула на него без всякого интереса и отвернулась.

— Можно рядом с вами присесть? — спросил он по-английски.

— Это не мой холм.

— Да, верно.

Насколько он знал, аборигенам было разрешено владеть землей только на семи процентах территории Южно-Африканского Союза. Даже сейчас он думал как юрист, хотя в то утро имело значение только то, что он человек.

Он подошел и неловко уселся рядом с женщиной. Пиджак покрылся пылью, галстук он давно развязал, а лакированные кожаные ботинки, предназначенные для офисных ковров, а не кру-

тых склонов, все истерлись. Гопал был в хорошей форме, он играл в теннис и в крикет, но жизнь беглеца была ему в новинку. Он инстинктивно почувствовал, что эта женщина, привыкшая к тяжелому труду, куда крепче него.

— У меня есть вода, — сказал Гопал.

— У меня тоже. У одного нет воды — надо поделить. Тут воды мало.

— Спасибо. А еда? У меня есть печенье…

— Голодный?

— Нет, — он вздохнул. — Хотя стоило бы — я уже давно не ел.

У Гопала была с собой сумка. Он давно выкинул из нее книги и другие тяжелые предметы, и теперь там оставались только документы, которые нужно было иметь при себе всякому, кто находился на территории Британской империи, несколько печений и фляжка с водой. Он взял фляжку, сделал глоток и протянул ее женщине.

— Я ехал на поезде в Дурбан. Здесь я помогаю индийским наемным рабочим защищать свои права. Когда я узнал, что марсиане атаковали Америку, то попытался покинуть страну и отправиться домой, в Бомбей. Но несколько часов назад там тоже приземлились марсиане. А теперь они и в Дурбане! — сказал он с горьким смеш-

ком. — Вот уж повезло так повезло. Мой поезд остановился, не доезжая до города; машинист хотел развернуться. Но мне нужно попасть на побережье, в порт…

— И ты пойти пешком.

— Да, — ответил он и, поколебавшись, добавил: — Меня зовут Гопал Тилак.

Женщина кивнула. Она сказала, что ее зовут Нада, и назвала фамилию, которую Гопал не запомнил.

— Нада. Необычное имя. Или нет?

Она пожала плечами.

— Мама работать на ферме. Жена фермера дать мне имя. Нада. Имя из книги. «Ничего» на других языках. Она думать, это забавно. Книгу я потом прочитать.

— Вы говорите по-английски…

— На африкаанс лучше.

— Умеете читать и писать.

— И считать. Семья работать на ферме, в деревне. Я в городе, в компании. Компания продавать алмазы.

Алмазы и трансваальское золото, подумал Гопал, — несметное богатство из земных недр, которое изливалось отсюда в мир, принося доход в основном британцам, владевшим правами на

добычу ископаемых.

— Когда прилететь марсиане… — начала Нада.

— Вы решили пойти домой. Прямо как я. Вот только направляемся мы в разные стороны.

Нада посмотрела на него.

— Ты знать Дурбан?

— Не особенно хорошо. По работе мне в основном надо ездить в глубь материка, в маленькие города, в деревни. В этой стране, сшитой из лоскутков, в деревнях больше всего трудностей — и у африкандеров, и у индийцев, и у зулу вроде вас.

— Зулу здесь первые. Теперь у нас все забрать.

— Я знаю, — сказал он с чувством. — Десять лет назад, даже больше, я работал с Махатмой Ганди. Слышали о нем? Он юрист, учился в Британии, а здесь боролся за права индийцев. Ненасильственное сопротивление — вот его метод; на нашем языке это называется «сатьяграха». Ты просто откладываешь инструменты и отказываешься работать. Но даже несмотря на то, что мы одержали маленькую победу, в жизнь претворилась куда большая несправедливость — узаконенная дискриминация местного населения.

Он пожалел, что использовал такие сложные слова, но Нада, кажется, поняла.

— Ганди? Где он теперь?

— Вернулся в Индию, чтобы защищать права своих соплеменников на родине.

— В Бомбее?

— Надеюсь, что нет.

Он закрыл глаза и попытался представить, как сейчас выглядит Бомбей. Гопал родился в Дели, в обеспеченной семье, но в юности переехал в Бомбей, прельстившись возможностями, которые открывал этот город, неимоверно разросшийся под властью Британии. И Гопал полюбил его: старинные кварталы, огромные текстильные фабрики в промышленных районах, даже величественные административные здания британцев. И запах, запах — аромат специй, сладкий запах сандаловых палочек, которые жгли на фестивалях. Похоже, тем ужасным утром в Бомбее горели не только сандаловые палочки.

— Не мочь сражаться с марсианами, — сказала Нада. — Просто ждать, пока они уйти. Что там за слово?..

— Слово? Ах да — сатьяграха.

Она повторила его, смакуя на языке:

— Сатьяграха. Ждать, пока враги не уйти. Потом забрать свою землю.

Она была права, подумал Гопал. Но даже если марсиан удастся победить, они успеют вмешаться

в людской уклад по всей Земле и перевернуть его с ног на голову. Ничего уже не будет как прежде нигде в мире.

Нада встала.

— Теперь я идти домой.

Он тоже встал. Они разделили между собой воду, проследив за тем, чтобы каждому досталось поровну, потом крепко пожали друг другу руки, и Нада ушла вдаль, в холмы.

Гопал подождал, пока марсиане прекратят громить город, и направился вниз, к окраинам Дурбана.

Марсиане покинули город еще до того, как Гопал успел до него добраться. Позже он с удивлением узнал, что их видели направляющимися на север — целая армия марсиан уверенно маршировала в джунгли, в заросшее лесами сердце Африки.

18. Возле Санкт-Петербурга

— Улла! Улла!

Вой марсиан в тот день был слышен на каждом континенте, во всех частях света; он звучал и на юге Африки, и на севере России:

— Улла! Улла!

В полночь марсиане приземлились в Тосно, примерно в тридцати милях к юго-востоку от Санкт-Петербурга. Позже Андрей Смирнов думал, что пришествие марсиан в Россию уже само по себе довольно странное событие. Но для него оно оказалось еще более странным, чем для прочих.

Стрелок-пехотинец Смирнов не спал в ту ночь и видел, как с неба падают цилиндры, словно зеленые искрящиеся звезды. Большинство солдат в городских казармах спали как убитые и все пропустили. Даже когда они по пробуждении услышали удивительные новости, они придали им мало значения. Марсиане были заботой англичан; заботой русских были немцы.

Санкт-Петербург, столица России, располагается между Ладожским озером на востоке и Финским заливом на западе. На восьмой год затянувшейся войны немецкие дивизии проби-

лись через территорию Финляндии и атаковали город с севера, явно намереваясь наконец взять столицу и тем самым нанести России мощный удар под дых. Но императорская армия оказала им достойное сопротивление. Немцы взяли под контроль северо-западную часть Петербурга, и город отгородился от них милями траншей, колючей проволоки и артиллерийских окопов, за которыми протянулись рвы и деревянные баррикады, сооруженные самими жителями. Но немецкие захватчики врезались в тело страны, как нож, и застряли там на долгие годы.

В ту ночь солдаты полка, где служил Андрей, сменяя друг друга на вахте, расположились на отдых в актовом зале бывшего здания школы недалеко от Александринского театра, превращенного в казармы. Они находились вдалеке от позиций, на южном берегу Невы, разделявшей город пополам. И когда настало утро, солдаты под звуки горна выстроились во дворе, где уже много месяцев не играли дети.

Как только они вышли на улицу, стало ясно — что-то происходит. Андрей слышал звон церковных колоколов, призывающий горожан просыпаться.

Вскоре выяснилось, что полк Андрея должен

был идти не на север, к немцам, а на юг — навстречу марсианам. По рядам пронесся страх — словно призрак прошелестел между солдатами, и Андрей явственно это почувствовал. Он был одним из многих миллионов — кто-то говорил, что аж из пяти, — кого призвали на службу, после того как Германия объявила войну. С тех пор как оказался в Санкт-Петербурге, он практически не видел настоящего боя. Неужели он избежал немецкой пули, чтобы принять смерть от рук инопланетного захватчика?

Но в тот день эта участь его миновала.

Лейтенант в щеголеватой офицерской форме расхаживал вдоль строя, бегло оглядывая солдат. Возле Андрея он остановился, похлопал его по плечу и кивнул.

— Ты сгодишься. Сюда.

В тот момент жизнь Андрея сделала крутой поворот — и благодаря этому повороту он стал одним из тех людей, кому я спустя годы отправила письмо с просьбой записать свои воспоминания об этом дне.

Но пока он чувствовал только замешательство и тревогу, потому что ни один солдат не любит перемен: на войне перемены всегда не к добру. Андрей посмотрел на своего капрала, но тот лишь

пожал плечами. У Смирнова не оставалось другого выхода, кроме как последовать за офицером.

Лейтенант смерил его взглядом.

— Имя?

Андрей ответил.

— Мотоцикл водить умеешь?

— Так точно. Я…

— Я адъютант генерала Брусилова.

Смирнов машинально подобрался.

Лейтенант вручил ему пакет и небольшой белый флаг.

— Слушай приказ. Ты передашь немцам послание. Ты вообще слушаешь, что я говорю?

— Никак нет… то есть да, простите. Немцам?

— Ты мог о них что-то слышать. Такие, знаешь, неприятные типы, любители сосисок и остроконечных шляп.

— Прошу прощения.

— Мы, естественно, пытались достучаться до них и другим путем — по телеграфу, по радио. Нам время от времени надо вести переговоры. Может быть, радио сработает. Но если нет, на тебя вся надежда.

— Есть.

Он стоял, ожидая подробностей.

Лейтенант, который на вид был ненамного

старше Смирнова, в нетерпении взмахнул руками.

— И чего ты ждешь? Пинка?

— Но как я…

— Поезжай на мотоцикле к немецким позициям и помаши там этим чертовым флагом, прежде чем тебе успеют отстрелить причиндалы. И проследи, чтобы немцы прочитали эти письма. Все ясно?

Конечно, на деле все оказалось куда сложнее.

Первая часть задания была достаточно нехитрой. Андрей поехал на мотоцикле на северо-запад через самую живописную часть города: он пересек Дворцовую площадь и проехал по мосту через Неву, откуда открывался прекрасный вид на Петропавловскую крепость — самое старое здание в городе, которое ныне служило тюрьмой и было, подобно многим городским достопримечательностям, покрыто шрамами от немецких снарядов. В тот день улицы были полны смятенных и перепуганных горожан, так что Андрею то и дело приходилось жать на газ и махать рукой, чтобы ему освободили дорогу. До жителей явно долетели вести, что на юге приземлились марсиане, и естественным позывом было бежать — но куда? Самым логичным казался путь на

север, однако там поджидали немцы, они никуда не делись, и германская пуля убивала не менее надежно, чем марсианский тепловой луч.

Андрей добрался до северо-западных пригородов. Здесь было рукой подать до фронта, и улицы, по которым ехал Андрей, были полуразрушенными и почти пустынными.

Когда он добрался до первых траншей с российской стороны, ему пришлось предъявить свой пакет.

Андрея остановил часовой, отвел его к капралу, а тот пошел с ним к другому лейтенанту, который прочитал охранное письмо с явным изумлением. Он оглядел Смирнова с ног до головы.

— Не хотел бы я оказаться на твоем месте. Мы отправим пару человек тебе на подмогу, чтобы прикрыли, если что, — и найдите-ка ему палку побольше, чтобы прицепить этот флаг!

У Андрея забрали оружие и провели по сети траншей к передовой. Там он, поднявшись по короткой лестнице, выбрался из-под земли на свет. После пыльной тесноты траншей было на диво приятно снова оказаться на солнце. Затем его отвели к отверстию в проволоке, через которое он пролез наружу.

И вот он пошел по рыхлой грязной земле, разма-

хивая белым флагом и с каждым шагом чувствуя себя все более жалким. Ему случалось бывать на передовой, но он никогда раньше не выбирался из траншей…

— Стой.

Это слово было произнесено на русском, но с резким акцентом. Впереди стоял мужчина в серой форме, такой же грязной, как и у него, — Андрей недостаточно хорошо разбирался в немецких знаках различия, чтобы понять, в каком звании солдат. Сердце бешено забилось. Но Андрей заставил себя приветливо сказать:

— Доброе утро.

Мужчина рассмеялся:

— И тебе.

— Ты говоришь по-русски?

Немец вздохнул:

— Учил в университете. И вот мне награда: стою и беседую с каким-то болваном, в то время как ваши снайперы в любой момент могут прострелить мне башку.

— Равно как и мне ваши.

— Это верно. Но вы сделали первый шаг. Что тебе нужно?

— Ничего. Я кое-что принес, — сказав это, Андрей протянул немцу пакет, слегка запачкав-

шийся в пути. — Это для вашего командира.

— Вот как. Несомненно, послание от знаменитого генерала Брусилова.

— Угадал.

— А ты кто? Его приятель?

— Просто посланец.

Немец взял пакет и внимательно его изучил.

— Думаю, мы оба знаем, к чему это все. И что же, по-твоему, Брусилов хочет сообщить нашему командиру?

Как ни странно, Смирнов об этом не задумывался.

— Будь я генералом, я бы предложил вам сложить оружие и присоединиться к нам в борьбе против общего врага.

Немец кивнул.

— И то верно. Сквозь вашу крестьянскую армию они прожгут себе путь за считаные минуты. Вместе мы хотя бы чуть-чуть подольше их задержим — вы на это рассчитываете?

— Я просто передаю послание.

Немец взвесил на ладони пакет.

— Если бы я тут решал, — сказал он, — я бы с вами объединился. По двум причинам. Во-первых, потому, что все мы люди. А во-вторых…

— Что во-вторых?

— Тут, на передовой, ходят слухи, что цилиндры упали и возле Берлина тоже.

— Ого.

— Немцы и русские — два могучих войска. Если мы объединимся, возможно, даже марсиане сочтут нас достойными противниками. Как думаешь?

— Может быть.

Немец посмотрел Андрею за плечо.

— Ваша Россия — так себе страна. Сколько лет назад вы отменили рабство, шестьдесят? Всего шестьдесят! А ваш царь до сих пор сидит на троне…

— Теперь он отчитывается перед Думой. На собрании 1917 года…

— Это когда решили отправить за решетку всех большевиков?

Андрей плохо разбирался в политике.

— Кого?

— А что до вашей армии — да, в ней миллионы человек, но они плохо обучены, плохо вооружены…

— Так плохо, что наш город до сих пор не называется Вильгельмсбургом, хотя ваш кайзер еще несколько лет назад хвалился, что его захватит и переименует.

Немец расхохотался:

— Уел. Даже если мы будем сражаться бок о бок, марсиане все равно нас одолеют. И что тогда?

Андрей усмехнулся:

— Тогда мы отступим, как во времена Наполеона. Ни одному завоевателю еще не удавалось захватить всю Россию. Это невозможно. И марсиане в этом убедятся.

— Хм. Что ж, я должен отнести твое письмо командиру, который передаст его своему командиру, а потом оно попадет к генералам, которые, возможно, прямо сейчас говорят по полевому телефону с Брусиловым… Буду ждать того дня, когда мы вместе пройдемся по Невскому проспекту, дружище.

— Как тебя зовут?

— Фогт. Ханс Фогт.

— А я Андрей Смирнов. Прощай, Ханс Фогт.

— Прощай, Андрей.

Они отдали друг другу честь — каждый по своему обычаю, — развернулись и разошлись в разные стороны.

19. Наступление с Эльбы

К моменту встречи Андрея с Хансом Фогтом марсиане действительно высадились в Берлине, точнее, неподалеку от него.

Уолтер Дженкинс, закопавшийся в ворохе карт, схем и расчетов, не сразу определил, что марсиане приземлились на северном побережье Эльбы, милях в семидесяти к юго-западу от города Дессау. Уолтер машину не водил — он говорил, что у него на это не хватит нервов, — но с тех пор, как побывал беженцем, всегда имел при себе карманный атлас местных дорог. Стоило ему взглянуть в атлас, как он понял, что марсиане наверняка пойдут строго на северо-восток, чтобы нанести удар по центральному Берлину. А значит, прокладывая себе путь через юго-западные пригороды, они прошли бы рядом с Далемом или даже сквозь него.

Поэтому пора было уходить.

Уолтер умыл лицо холодной водой, надеясь, что это придаст ему бодрости. В глубине души он жалел, что в последнее время так мало спал.

На этот раз Уолтер не бежал сломя голову, как когда-то прежде. Он на всю жизнь запомнил

урок, который извлек из общения с Альбертом Куком, когда за пятнадцать лет до того они пытались пробраться через захваченный марсианами Суррей. Сложив свои заметки в огнеупорный сейф, Уолтер надел пальто, матерчатую кепку и тяжелые сапоги, набил карманы лекарствами и кремами, хлебом, сыром и спичками, взял фонарик, карманный нож и пачку сигарет, с помощью которой надеялся завести полезные знакомства. Язык он знал плохо и потому не забыл прихватить атлас и немецкий разговорник. Блокнот с карандашами он тоже взял — Уолтер всегда брал с собой канцелярские принадлежности, чтобы вести заметки о своих приключениях или, точнее, размышлениях.

Со стороны могло показаться странным, что Уолтер особо никуда не торопится. Для меня остается загадкой, насколько обдуманными были его действия, учитывая, что тогда каждый час был на счету.

Уолтер черкнул записку владельцам виллы и оставил ее на кухонном столе, прижав пустой кофейной кружкой. Затем с долей сожаления оглядел свои карты, журналы и схемы.

В семь утра он наконец вышел из дома. Осторожно запер за собой дверь, один ключ взял с

собой, а запасной спрятал за косяк. Затем выкатил велосипед из укромного уголка за сараями. Это был «роли», надежный английский транспорт, который Уолтер выписал себе за приличную сумму; всего за пару дней до того он смазал цепь и проверил шины.

Уолтер Дженкинс во второй раз в жизни оказался между наступающим марсианским войском и беззащитным человеческим городом.

Прошел уже час с тех пор, как марсиане покинули свою яму (если они придерживались прежнего расписания). Должно быть, они были уже в пути, и в этот самый момент где-то гибли несчастные, пытающиеся остановить их наступление. Рассуждай Уолтер рационально, он мог бы легко разминуться с марсианами — пойти на восток или запад, в Вустермарк или Шонефельд, например. Но если Фрейд и его ученики чему и научили Уолтера, так это тому, что в такие времена им двигало нечто более глубокое, нежели рациональность. Когда-то он направился прямо в Лондон, который, как Уолтер тогда полагал, все еще был под властью марсиан. За пятнадцать лет ничего не изменилось. Пока в Берлине занимался рассвет, в душе Уолтера боролись любопытство и страх — и любопытство уже не в первый раз

победило. Вперед, в сердце Берлина!

Он улыбнулся, забрался на велосипед и поехал по дороге.

Уолтер направился к Рейнштрассе, одной из крупнейших магистралей, ведущих в центр города.

Он запыхался задолго до того, как добрался до выезда на главную дорогу. Ноги и поясница у него ныли. Когда марсиане нагрянули в первый раз, ему исполнился сорок один год, теперь же Уолтеру было под шестьдесят и уставал он гораздо быстрее. Но он не сдавался — угрюмо крутил педали, обливаясь потом в своем толстом пальто.

Поначалу Уолтер не замечал ничего странного. Машины и мотоциклы, как обычно, проезжали мимо, люди появлялись и исчезали из виду — многие в строгой офисной одежде. Жители пригорода, по своему обыкновению, ехали на машинах, трамваях и автобусах в конторы и магазины в центре города. Возможно, правительство кайзера до сих пор пыталось успокоить народ: «Работайте как обычно, мы справимся с угрозой».

Первых солдат Уолтер встретил на пересечении с Рейнштрассе. Он слез с велосипеда, чтобы все получше разглядеть.

На обочине дороги стояли грузовики, бронемашины, мотоциклы и несколько небольших артиллерийских орудий. Немецкие солдаты в серых шинелях собрались вокруг. Они курили и тихо переговаривались под мерный треск раций. В небольшом парке напротив другие солдаты спешно сооружали земляное укрепление. Это должна была быть звездообразная конструкция, окруженная траншеей, с пулеметами на концах лучей и большой гаубицей в центре.

Уолтер подошел к паре мужчин, которые стояли рядом с орудием; видавшую виды пушку тянули две смирные лошади. Этих солдат Уолтер выбрал потому, что они не курили. Он достал свою пачку, которую взял с собой именно на такой случай, и на ломаном немецком спросил:

— Вы едете навстречу марсианам? Я слышал, они приземлились рядом с Дессау.

Один из мужчин взял у Уолтера сигарету, но в разговор вступать явно не собирался. Другой, капрал, поменьше ростом, посмуглее и с более цепким взглядом, ответил:

— Нам тоже так сказали. Ждем, пока остальные соизволят поднять задницы с кроватей и построиться здесь, а потом начнем наступление на юго-запад. Нам обещали прикрытие с воздуха.

— Значит, они уже в пути? Марсиане?

— Из ямы в Дессау они вышли, да, — яму он назвал немецким словом Adlerhorst, «орлиное гнездо». — Тройенбрицен уже пришлось оборонять. Судя по всему, войско у них приличное. Никто не знает точно, сколько их. Разведчики посчитать не успели — видимо, были слишком заняты тем, что уносили ноги. Но говорят, некоторые марсиане повернули к Бранденбургу и Потсдаму.

В небе что-то загудело. Уолтер поднял голову и увидел клин самолетов, летящих туда, откуда он пришел. Наверное, это были разведчики.

— Скоро узнаем больше.

— Да.

— Вы хотите не дать им дойти до города?

Капрал окинул взглядом Уолтера и шрамы от ожогов на его лице.

— Ты англичанин?

— Так заметно? Знаю, по-немецки я говорю не очень хорошо.

— Видел там марсиан?

— Да. Особенно из первой волны. — Уолтер указал на свое лицо, на руки, затянутые в перчатки. — Заработал эти шрамы, когда спасался от них. Но бойцом я никогда не был.

— И все же, — сказал капрал, — ты видел их так близко… Не сомневаюсь, что и мне сегодня выпадет такая честь.

— Они невообразимо ужасны.

В глазах капрала сверкнул огонек понимания: это был ветеран, который не верил никому на слово, но инопланетного врага недооценивать точно не стал бы.

— Ну а ты? Куда пойдешь?

— В город.

Капрал снова окинул его взглядом и пожал плечами.

— Дело твое.

Двигатели взревели, мужчины засуетились. Уолтер повидал достаточно солдат, чтобы понять: кто-то где-то отдал кому-то приказ.

Капрал потушил сигарету и заложил окурок за ухо.

— Спасибо, что угостил. А теперь иди-ка отсюда, пока мой лейтенант не реквизировал у тебя велосипед.

20. В столицу

Далем находился всего в нескольких милях от центрального Берлина, но Уолтер продвигался медленно. Ближе к центру дороги оказались забиты машинами, автобусами, даже несколькими гужевыми повозками — и, конечно, пешеходами. К тому времени офисных работников на улице стало меньше — их сменили уже привычные Уолтеру беженцы: семьи с детьми, стариками, чемоданами, спешившие прочь оттуда, куда должны были явиться марсиане. Уолтеру пришлось спешиться и проталкивать велосипед через толпу. Как и в Лондоне 1907 года, мальчики продавали свежеотпечатанные газеты, в которых были последние новости о пришествии марсиан. Время от времени мимо проезжали автомобили официальных лиц вроде военных, полицейских или властей — например черный «мерседес» с флагами, — и гражданские расступались с дороги. Куда ни глянь, везде были солдаты с полицией, — короче говоря, как сухо писал Уолтер, сплошные униформы.

Если ранее жители Далема не до конца поняли значимость происходящего, то теперь Берлин в

полной мере стал осознавать, что инопланетное войско наступает. И все же — по крайней мере, пока — не было и намека на стремительный распад общества, который Уолтер наблюдал в Лондоне в тот ужасный июнь 1907-го. Возможно, тут нечему было удивляться. Разумеется, если марсиане решат пойти в атаку, то на Берлин, куда же еще! И немцы, безусловно, должны быть к этому готовы. И тем не менее Уолтер изумился до глубины души, когда увидел, как мимо, вращая валиками, едет уборочный грузовик. Это в такой-то день! В этом был весь Берлин.

Но не успел грузовик отъехать, как Уолтер услышал звук, похожий на отдаленные раскаты грома. Он доносился с юга и запада, и был это, несомненно, звук орудий, причем очень крупных. Воздух наполнился запахом гари. Толпа взволновалась. Пешеходы куда резвее зашагали, в пробках загудели автомобили, солдаты и полицейские стали выкрикивать команды.

Уолтер дошел до Потсдамской площади, которую считал берлинским вариантом площади Пиккадилли. Здесь машины ездили как придется, а тротуары оказались еще более запруженными. Но рекламные вывески сияли все так же ярко, и многие магазины, к удивлению Уолтера, были до

сих пор открыты.

А затем Уолтер вдруг заметил боевую машину.

Едва различимая за пеленой тумана, она возвышалась над зданиями на северо-востоке — то есть совсем не там, откуда ждали прихода марсиан. Уолтер увидел, как бронзовый колпак, который невозможно было ни с чем спутать, со звериной грацией развернулся и исчез из виду. Два самолета, висевшие высоко в небе над городом, устремились за ним.

С самого Лондона он не встречал марсиан! Взбудораженный, Уолтер стал пробиваться на север. Он во что бы то ни стало хотел оказаться рядом с марсианами.

21. Марсиане в Берлине

Уолтер добрался до Эберштрассе, проходящей вдоль восточной границы городского парка Тиргартен. Здесь, как обнаружил Уолтер, люди в основном спешили на юг, подальше от марсиан, и ему пришлось с боем пробираться через толпу, а ярдов через сто, к сожалению, ничего не оставалось, кроме как бросить велосипед.

Уолтер попытался понять, как на северо-востоке могла оказаться боевая машина. Он, в конце концов, бежал от отрядов, наступающих с юго-запада. Оба раза, когда марсиане шли атакой на Лондон, в 1907 и 1920 годах, они более или менее целенаправленно устремлялись к центру города. Но боевые машины были быстры, а марсиане, судя по всему, стали изобретательнее в тактике — и, как выяснилось впоследствии, по всей планете они действовали по-разному, в зависимости от ландшафта и от того, насколько активно им противостояли люди. Возможно, штурмовая группа, в которой могла быть не одна сотня машин, разделилась на небольшие отряды, и теперь они направлялись в центральный Берлин с востока, запада и даже севера, а также напрямую с юга. Ес-

ли они отрежут все возможные пути отступления, эвакуироваться из города будет невозможно… А если марсиане окружат Берлин, скорее всего, они превратят его в гетто, отвратительную мясную кладовую. Та же участь могла ожидать столицы Пруссии, Германии и Срединной Европы.

Но эти мысли пришли к великому рассказчику потом. А пока что он продолжал упорно шагать прямо в гущу событий.

В сам парк, главной достопримечательностью которого, по воспоминаниям Уолтера, до того дня была коллекция табличек «Вход воспрещен», гражданских не пускали. Солдаты рыли траншеи и возились с артиллерийскими установками. Уолтеру показалось, что он видит зенитные орудия и большие корабельные пушки, а также полевую артиллерию. Но, продираясь сквозь толпу, он не мог остановиться и рассмотреть весь этот арсенал.

Уолтер дошел до Унтер-ден-Линден возле Бранденбургских ворот. Там, к его удивлению, маршировали люди. Ни стариков, ни детей, ни инвалидов в колясках среди них не было — это были не беженцы. И не военные, не полицейские: Уолтер разглядел только несколько человек в униформах и блестящих медных шлемах — они

настороженно держались в отдалении от толпы. Демонстранты были обычными горожанами, в основном молодыми, среди них были и мужчины, и женщины. Они шли прямо на восток по широкому бульвару, несли флаги Пруссии и Германии, нехитрое оружие — палки и дубины — и пели немецкий гимн на ту же мелодию, что и у британского: «Heil dir im Siegerkranz, / Herrscher des Vaterlands! / Heil, Kaiser, dir!..» [12]

Уолтер заглянул в атлас и все понял. На восточном конце Унтер-ден-Линден, за мостиком, ведущим на Музейный остров, находился Штадтшлосс — городской дворец кайзера. Был ли Вильгельм в тот день в своей резиденции? Разумеется, был, ведь Берлин оказался под угрозой. А где еще собираться людям, как не у дворца завоевателя Франции и России? Точно так же в Британии толпы в знаменательные дни приходили к Букингемскому дворцу.

«Fuhl in des Thrones Glanz / Die hohe Wonne ganz, / Liebling des Volks zu sein! / Heil Kaiser, dir!..» [13]

---

[12] Примечания: 12

В нашей реальности так звучал императорский гимн в Германской империи с 1871 по 1918 год. Примерный перевод: «Славься ты в венце победном, / Государь Отечества! / Слава тебе, кайзер!»

[13] Примечания: 13

«Почувствуй с радостью, / Какое счастье быть / Любимцем нации! / Слава тебе, кайзер!»

Поддавшись порыву, Уолтер присоединился к толпе и направился к дворцу. Солнце успело подняться довольно высоко, и массивная глыба дворца уже виднелась над головами толпы и над кронами деревьев. Уолтер всегда считал, что склонен поддаваться чужому влиянию, особенно в напряженной обстановке. Он не забыл, как проникся безумными идеями Берта Кука на Путни-хилле, когда этот непримечательный с виду артиллерист выложил ему свой план победы над марсианами. Уолтеру пришлось приложить все усилия, чтобы не затеряться в этой марширующей поющей толпе, охваченной духом неповиновения. И глубоко заблуждающейся, подумалось ему: как будто можно сдержать межпланетное вторжение, покричав немного да помахав кулаками. Но Уолтер не мог не признать, что почувствовал воодушевление.

А затем за дворцом показался марсианин.

Он был ясно виден на фоне неба и рядом с дворцом выглядел как человек рядом с кукольным домиком. Затем возле него возник другой, и еще один, и еще — они маячили вдалеке, похожие на темные столпы причудливой формы. Головы в капюшонах поворачивались туда-сюда, словно с любопытством озираясь.

Люди заметили марсиан. В толпе послышались крики, визги — и да, снова гневные вопли протеста, даже оскорбления. Процессия остановилась; толпа давила со всех сторон.

Главный марсианин управлял цилиндрической камерой. Даже издалека Уолтер видел каждую деталь: щупальца обхватили прибор и аккуратно навели его на цель. Сам тепловой луч Уолтер, конечно, с такого расстояния разглядеть не мог.

Дворец взорвался, брызнув дождем кирпича, стекла и мрамора.

Боевые машины зашагали сквозь горящие руины. Они с легкостью пересекли неглубокий пролив, отделявший Музейный остров от материка, и затем смело и удивительно быстро двинулись прямо по Унтер-ден-Линден.

Толпа распалась, превратившись в скопище отдельных людей, которые бежали или пытались бежать. Солдаты и полицейские, присматривавшие за порядком, тоже бросились наутек. Ну наконец-то, подумал Уолтер, проталкиваясь из толпы на свободу, вот и распад общества, который ему уже случалось видеть. Неизбежный крах всей человеческой организации перед сокрушительной мощью марсианских машин. Но даже

тогда несколько человек не поддались всеобщему порыву и не кинулись бежать. Они прятались за деревьями, целясь оттуда в марсиан, или пытались спешно соорудить баррикады из досок и прочего хлама.

Но марсиане неустанно шли вперед, прямо сквозь толпу. Их электрическим конечностям хватало одного движения, чтобы расшвырять людей в стороны или раздавить. Проекторы теплового луча работали безошибочно, точно и беспощадно: люди вспыхивали и сгорали дотла прямо на глазах. Послышались стоны, крики раненых — тех, кого тепловой луч задел небрежно и только сжег конечность-другую, обратив плоть в пепел. В воздухе разлились знакомые запахи: жженого кирпича, расплавленного тармакадама — там, где тепловой луч коснулся дороги, и горелого мяса.

Орудия в Тиргартене наконец загрохотали — от громовых раскатов корабельных пушек дрогнула земля. Уолтер видел, как снаряды взмывают в воздух. Один врезался в бронзовый корпус марсианина. Тот зашатался и упал, и люди в толпе, увидев это, радостно завопили. Двое других марсиан прервали преследование и склонились над собратом, как обеспокоенные солдаты над ране-

ным товарищем. Но, как и всегда, большую часть снарядов прямо в воздухе снес тепловой луч, и до цели они долететь не успели. И тем не менее Уолтер понял, что немецкие артиллеристы должны были попытаться дать отпор — как за несколько лет до них англичане, как ранее в ту ужасную ночь американцы, китайцы, русские и турки.

Положение резко усугубилось. Отступление быстро переросло в паническое бегство, задние ряды напирали на передние, и на бульваре воцарился полный хаос. Шальные снаряды падали прямо в толпу — казалось, немцы перебили больше своих, чем марсиан.

И Уолтер тоже спасал свою немало повидавшую шкуру, следуя инстинкту самосохранения, к которому он вообще-то не привык прислушиваться. Он кинулся в толпу, снова проталкиваясь по Унтер-ден-Линден на запад. Если удастся пройти Бранденбургские ворота, которые были уже совсем близко, возможно, он сумеет добраться до Тиргартена. Он видел, что там толпа редеет — люди старались держаться подальше от военных укреплений и прятались в тени деревьев. Уолтер и раньше скрывался от марсиан — под водой, в разрушенных домах, — значит, сможет спрятаться и снова.

Но толпа была плотной, и марсианские машины позади двигались слишком быстро, посылая вокруг тепловые лучи. Уолтер толкал впереди идущих в спины, пытаясь протиснуться сквозь сплошной людской поток.

А затем прямо из-за ворот, перед которыми оказался Уолтер, послышался новый звук — словно настоящий гром грянул с небес. Потрясенные люди закричали; кто-то пригнулся к земле, кто-то попытался убежать.

— Это марсиане, да?

— Еще марсиане?

Уолтер вырвался из толпы и нырнул под сень каштана, верхних ветвей которого уже успел коснуться тепловой луч. Там Уолтер съежился, прижав колени к груди. Гром все так же ревел в небесах.

А затем Уолтер увидел сквозь крону каштана самолеты. Человеческие, не марсианские машины.

В центре мчался огромный бомбардировщик метров двенадцать длиной, с четырьмя импульсными двигателями. Он летел так низко, что, казалось, вот-вот заденет Бранденбургские ворота. Когда бомбардировщик пронесся над головой Уолтера, тот почувствовал, как шум двигателей обрушивается на землю тяжелыми

волнами. Махину окружала свита самолетов поменьше — истребителей. Они летели куда быстрее и метались между небом и землей, уже развертывая оружие и грохоча огнем автоматов. Позднее Уолтер выяснил, что бомбардировщик этот назывался «Гота-В», а истребители были юркими и надежными самолетами под названием «Альбатрос» — они не раз пересекали Ла-Манш, чтобы атаковать марсиан в Лондоне. Немецкие воздушные силы, побывав в горниле русской войны, сделали огромный рывок в развитии. И теперь эти самолеты кружили над собственной столицей, над самым ее сердцем.

Уолтер, конечно же, должен был увидеть все. Он выбрался из-под спасительного каштана и подобрался к краю бегущей толпы.

Он видел, как истребители ныряют и пикируют и, грохоча орудиями, целятся в корпусы и конечности марсианских машин. Однако их пули, похоже, только отскакивали от крепких бронзовых панцирей. Тепловой луч касался истребителей одного за другим, почти ласково, и те вспыхивали и разваливались на части.

Но тут наконец бомбардировщик поднялся выше и сбросил груду снарядов, которые градом посыпались на марсиан. Те отчаянно сопротив-

лялись, размахивая камерами тепловых лучей, однако снарядов было так много, что некоторые смогли поразить цель. Корпуса двух, трех, четырех марсиан вспыхнули ярким пламенем. Огненные шары рухнули под ноги другим марсианам, и те зашатались и попадали на землю, наконец прервав свой размеренный марш. Обезумевшая толпа радостно заревела.

Снаряды, которые использовались в тот день, были зажигательными бомбами Д-класса «Электрон» с корпусами из магния и марсианского алюминия, который горел при температуре в тысячу градусов. Это был еще один продукт, произведенный на Восточном фронте и опробованный на многострадальных русских. Даже марсианские спайки и сцепления оказались бессильны перед таким жаром. А когда первый бомбардировщик улетел, сбросив груз, низкий гул объявил о приближении второго, который также направлялся к Унтер-ден-Линден.

Но Уолтер видел, как через толпу к основанию Бранденбургских ворот пробирается многорукая машина. Каким-то образом она смогла опередить остальных, в то время как высокие боевые машины атаковал бомбардировщик. Потом машина безо всяких усилий забралась по одной

из колонн, как огромный жук по игрушечным воротцам. Уолтер разглядел внутри нее марсианина — пульсирующий серый мешок. Машина с легкостью добралась до верха и встала рядом со скульптурой, венчающей ворота, — богиней в колеснице, запряженной четырьмя лошадьми. Марсианин поднял громоздкий цилиндр — камеру теплового луча.

Второй бомбардировщик угодил точно под луч. Одно крыло ему отрезало как ножом, топливные баки взорвались прямо внутри самолета. Еще несколько секунд он по инерции двигался вперед, но затем начал падать, вращаясь и хватаясь за воздух оставшимся крылом. Выжившие марсиане навели на бомбардировщик свои лучи, и он разлетелся на части, осыпав толпу раскаленным дождем.

Не успели обломки самолета достичь земли, как Уолтер бросился бежать — мимо ворот, подальше от торжествующих марсианских машин, подальше от разбросанной толпы, в тень парка Тиргартен.

22. Нью-Йоркская эдисонада

Когда на Манхэттен наконец опустилась ночь, Гарри и Мэриголд слезли с вышки Монро, но не решились уйти из Бэттери-парка. Они нашли заросшее травой углубление — судя по всему, бывший артиллерийский окоп, — и устроились там на ночь, накрывшись пальто. Они выпили воду и съели печенье, которое взяли с собой. Ночь, по счастью, была теплая, и Гарри, кажется, даже немного поспал, хотя витающий в воздухе дым то и дело заставлял его заходиться кашлем.

Среди ночи он выбирался из ямы, чтобы посмотреть, как продвигаются бои. Ночь была темной, хоть глаз выколи, и Гарри предположил, что небо затянуто дымом. Нижний Манхэттен был почти полностью обесточен, хотя кое-где светились яркими огнями отдельные здания, словно драгоценные камни в ночи, — возможно, это были больницы со своими собственными генераторами. На реке горел остов корабля — одно из бравых боевых судов умирало, отбрасывая на воду яркие отблески.

А на бруклинском берегу, освещенном огнями пожаров, которые никто и не думал тушить,

Гарри увидел боевые машины. Они осторожно пробирались через руины. То и дело какой-то из тонких силуэтов склонялся, почти изящно, и протягивал металлические конечности к земле, чтобы поднять с нее что-то извивающееся и, вероятно, кричащее. Марсиане, как до этого в Англии, собирали урожай для жуткой трапезы.

Гарри задумался о том, что в эту ужасную ночь творится в других уголках мира.

Он с тяжелым сердцем вернулся в окоп, свернулся рядом с Мэриголд, ощутив тепло ее тела, и постарался уснуть.

Гарри проснулся из-за того, что кто-то тряс его за плечи. Было уже светло, и сверху над ним нависало зачерненное ухмыляющееся лицо.

Он дернулся, и кто-то зажал ему рот рукой. Рядом Гарри увидел Мэриголд — она пыталась привести в порядок свои спутавшиеся волосы.

Руку осторожно убрали.

— Билл Вудворд?

— Он самый.

— Я… сколько времени?

— Около шести утра. Спал ты крепко, надо сказать.

— Шесть утра субботы?

— Точно так. Мы тут, полагаю, все уже изму-

чились.

— Ты ушел в Центральный парк, к армии…

— И весь день убивал марсиан. Или, по крайней мере, пытался. Мы приняли на себя удар, — хмуро сказал он. — Нас было в разы меньше — две сотни против двадцати тысяч. Но мы уж постарались, чтобы наше присутствие не осталось незамеченным. Эвакуация продолжается, и, быть может, мы спасли сколько-то жизней. По радио говорят, что Бейб Рут в безопасности.

— Ну, уже что-то!

— А к концу дня нам кое-что сбросили с парашютами. Отчаянная была операция — и все же она удалась.

— Сбросили? Что именно?

Мэриголд склонилась к ним.

— Это была доставка из Менло-Парка, Гарри.

Теперь Гарри увидел, что у Вудворда с собой что-то вроде тележки, прикрытой зеленым армейским одеялом. Вудворд откинул одеяло — под ним лежали три металлических цилиндра. Он достал и взвесил на руке один: около фута в ширину, четыре фута в длину, в кожаном футляре. С виду он напоминал какую-то деталь двигателя или пулемета.

— Думаешь, ты с этим сладишь? Это последнее

изобретение мистера Эдисона.

— Эдисона? Мы что, лампочками их закидаем?

— О, вовсе нет, — сказала Мэриголд. — В Менло таких удалось сделать пятьдесят штук. Их почти не испытывали, половина, скорее всего, вообще не сработает. Но если хотя бы малая часть окажется действующей, мы сможем нанести мощный удар. В конце концов, в округе, по нашим подсчетам, две с половиной сотни машин, и если мы выведем из строя хотя бы одну…

Гарри сел и потянулся за цилиндром.

— Дайте посмотреть.

Мэриголд шлепнула его по руке.

— Тихо! Придержи коней, Хопалонг, это взрывоопасно.

Вудворд снова ухмыльнулся:

— У нас много дел. Вставай, приводи себя в порядок, съешь что-нибудь. Я сварил кофе…

— Серьезно? Вокруг конец света — а ты варишь кофе?

— Ну, еще не конец.

К семи утра они, следуя за Биллом Вудвордом, проникли в нижний Ист-Сайд. Это было нетрудно. Электричества не было, никто не пытался проехать по развороченным улицам, а в некоторых кварталах полыхали пожары. У границ

района, словно тюремные надзиратели, стояли боевые машины, но, как и в английском Кордоне, отдельные люди могли беспрепятственно ходить мимо них, коль скоро они не представляли для марсиан опасности.

По крайней мере, с виду.

Вудворд отвел их, по-видимому, в район Аллен-стрит (впрочем, разрушения оказались так велики, что Гарри не был уверен в правильности своих догадок), где марсиане в свете утреннего солнца, взошедшего над оккупированным городом, уже начали воздвигать свои обычные сооружения. Экскаваторы вырыли глубокую яму — для этого им пришлось разгрести гору обломков, разрушить уцелевшие подвалы и вгрызться в гранитное дно Манхэттена. Над воронкой стояли боевые машины, некоторые — без седоков, а деловитые многорукие механизмы уже начали превращать американскую землю в алюминий, готовясь к постройке новых машин. В тени скрывались отдельные марсиане: они тяжело волочили свои мешкообразные тела и при виде друг друга издавали приветственный гул. Солнечных лучей марсиане, создания более холодного мира, чем наш, старательно избегали. Разрушенные дома, лишившиеся стекол, взирали на это сверху

своими темными оконными провалами.

А посреди ямы, сгрудившись вместе, сидели люди: мужчины, женщины и дети, всего человек тридцать. Кажется, их движения ничто не стесняло, но Гарри не сомневался, что любые их попытки к бегству будут немедленно пресечены. Он по привычке стал мысленно составлять их словесные портреты. Большинство людей, судя по виду, были обитателями здешних бедных кварталов, застроенных многоквартирными домами: усталые женщины, угрюмые мужчины, босоногие дети. Но был среди них один солдат, явно раненный, такой же беспомощный, как и все остальные, и женщина в форме медсестры. Одна из матерей, у которой на коленях сидел неугомонный ребенок, по-видимому, упрашивала медсестру помочь малышу, но та только отворачивалась.

Трое мятежников глядели на все это из-за разрушенной стены.

— Как скот, который согнали на бойню. Что с вами, американцы? — прорычал Вудворд. — Но сегодня у марсиан ничего не выйдет. Вот что мы сделаем…

Тактика была простой. Вудворду и Гарри нужно было заложить три бомбы в углубление, которое

заметил Вудворд, — оно находилось невдалеке от скопища машин. Возможно, это был подвал, пострадавший от взрыва. Бомбы должны были сдетонировать одновременно — по радиосигналу, который пошлет Вудворд. И пока марсиане будут пребывать в смятении, на другой стороне ямы Мэриголд позовет пленников за собой и выведет их на свободу.

В этом заключался план. Они быстро подготовили все необходимое.

Затем Вудворд, мрачно ухмыляясь, начал обратный отсчет:

— Три, два, один…

Все прошло почти как по нотам.

Изобретение, над которым трудились в Менло-Парке Эдисон и другие ученые, представляло собой бомбу нового типа. Наработки, положенные в ее основу, были получены при изучении марсианских технологий. Подозреваю, что Гарри так полностью и не понял принцип ее действия — как, впрочем, и я.

Бытует мнение, что марсианские устройства — например, генераторы тепловых лучей — используют энергию, полученную из атомных ядер. Эйнштейн и прочие ученые доказали, что, если сжать материю до высокой плотности, она перей-

дет в новое состояние, изменив свою структуру. При этом выделится невероятное количество энергии — как если бы сама масса превращалась в энергию. До Второй войны суть этого процесса не до конца была нам понятна, да и сейчас его не удалось взять под контроль. Исследования этого феномена, которые начались вскоре после Первой марсианской войны, привели к страшным катастрофам в Илинге, Южном Кенсингтоне и других лабораториях.

Тем не менее к 1922 году стало ясно, что марсиане достигали такого плотного сжатия материи, используя мощные электромагнитные поля. И благодаря нашим собственным исследованиям в соответствующих областях земные технологии сделали огромный шаг вперед.

Бомба Эдисона называлась ударно-волновым излучателем; для солдат, которые ее использовали, она была просто электронной бомбой. Ее цель была простой: на краткий миг создать на ограниченной территории чрезвычайно мощное электромагнитное поле. Это стало возможным благодаря одному занятному открытию (то, о чем я говорю как о занятном открытии, физики, полагаю, назвали бы итогом многочисленных теоретических исследований и экспериментов).

Если окружить магнитное поле проводником, например кольцом из медной проволоки, а затем сжать это кольцо, магнитный поток, идущий сквозь проводник, сохранит свою силу, но его интенсивность при сжатии станет значительно выше. В этом нет никакой хитрости — подобный эксперимент можно продемонстрировать на школьном уроке физики, вооружившись электромагнитом и мотком медной проволоки.

А теперь увеличим масштаб. Прикрепите к проводнику несколько пачек мощной взрывчатки. Аккуратно разместите их так, чтобы сила взрыва была направлена внутрь, — и, перед тем как все это разлетится на части, поле на долю секунды станет невероятно плотным.

Эдисон догадался, что марсианским машинам для функционирования необходимо электромагнитное поле. Их огромные ноги, например, снабжены тем, что Уолтер Дженкинс некогда назвал «подобием мускулатуры, состоящим из дисков в эластичной оболочке». Под действием поля эти диски поляризуются и притягивают друг друга либо, напротив, отталкивают. Благодаря этому все движения марсианских механизмов — от размашистых шагов боевой машины до тонких манипуляций, которые многорукая машина

совершает своими щупальцами, — выходят такими плавными и грациозными. Но если вблизи будет находиться источник электромагнитного излучения, достаточно мощный, чтобы повлиять на эти поля…

Как мне говорили сами люди, работавшие в Менло-Парке, устройства, которые Билл Вудворд принес Гарри и Мэриголд — эти цилиндры, каждый из которых мог с легкостью нести один человек, — могли производить импульсы в десятки тераватт и в миллионы ампер, то есть превосходящие по силе грозовой разряд. Некогда Берт Кук говорил, что человеческая артиллерия против марсиан — все равно что лук и стрелы против молнии. Теперь, во время обороны Нью-Йорка, люди наконец обратили молнию против марсиан.

Взрывы оглушили Гарри, укрывшегося за стеной. Еще много дней после этого у него звенело в ушах.

Выбравшись из укрытия, он заметил, что сдетонировали всего две бомбы. Но и они нанесли марсианам достаточный урон. У него на глазах одна из боевых машин зашаталась и упала, как спиленное дерево, свалившись на уже разрушенный дом. Другие механизмы словно парализовало;

деловитые экскаваторы и многорукие машины застыли на месте. Марсиане, застрявшие в механизмах, с тревожным уханьем пытались выбраться наружу, и Гарри задумался, какими фразами — гневными ли, испуганными — они сейчас обмениваются с помощью телепатии.

Мэриголд подняла камень.

— Сейчас они беззащитны. Мы можем убить их, прежде чем машины очнутся — если очнутся.

Но Вудворд удержал ее руку.

— Не надо. Видишь — некоторые машины уцелели. Хватит и одного теплового луча… Сделаем то, зачем пришли. Давай выведем гражданских.

Пока люди торопливо покидали яму, по разбитым улицам уже приближались новые боевые машины, спеша на помощь своим собратьям. Было очевидно, что, несмотря на нанесенный урон и на то, что на оккупированной территории взорвалось еще несколько похожих бомб, Манхэттен по-прежнему принадлежал марсианам.

— Но для начала неплохо, — сказал Вудворд. — Американцы наконец-то начали давать отпор. Неплохо, да!

23. Мир в осаде

После марсианского триумфа в Берлине Уолтер Дженкинс не нашел ничего лучше, чем присоединиться к беспорядочной толпе, которая бежала прочь из центра на окраины и дальше, за город. И, к собственному удивлению, вновь оказался в своем арендованном доме в Далеме.

На часах едва пробил полдень.

Для Уолтера подобное положение было уже не в новинку. Он отправился в кабинет, собрал оборудование и отнес его в подвал, где ранее хранились только дрова, уголь и вино. Кроме того, туда даже удалось затащить телефон — его провод растянулся по ступенькам. Последнюю вылазку наружу Уолтер совершил за водой и едой. Затем он вернулся в свой импровизированный бункер: там он время от времени слушал радио, питающееся от аккумулятора, пытался кому-то дозвониться и судорожно строчил заметки при свете свечей.

Таким образом в ночь на воскресенье родились новые свидетельства Уолтера о Второй войне.

Он узнал, что к полудню субботы — по лондонскому времени — по трансатлантическому

телеграфу и телефону пришли срочные сообщения о марсианских атаках на Буэнос-Айрес. Марсиане прибегли к своей привычной стратегии: совершили посадку в полночь по местному времени — то есть тогда, когда в Лондоне было раннее утро, — в долине Ла-Платы, а на рассвете начали наступление на город. Позже появились очень впечатляющие фотографии: марсиане разрушают огромные зерновые элеваторы на берегах реки; боевые машины гордо возвышаются над скотобойней Ла Негра; богачи толпятся на борту frigorificos — огромных рефрижераторных судов, на которых возят мясо из Аргентины. А беднякам, как и всегда, пришлось самим заботиться о своем выживании. (Романтическая история о гаучо, которые верхом на лошадях отправились навстречу марсианам и при помощи болас опрокидывали боевые машины, оказалась просто красивой сказкой.)

Столица Аргентины бесславно пала. Но это было последнее вторжение марсиан: череда высадок, которая началась на Лонг-Айленде и продолжалась в течение суток, на этом завершилась.

К середине субботы на планету упало около тысячи цилиндров: они приземлились в десяти

местах — в Америке, Африке, Европе, Азии и даже Австралии. Земля была прошита нитями пожаров, и эти нити складывались в единый узор, несомненно, видимый с Марса. Попытки оказать захватчикам организованное сопротивление потерпели крах — как и в Англии в седьмом и двадцатом году. Новейшие изобретения вроде американских электронных бомб или немецких зажигательных смесей могли разве что ненадолго оттянуть момент поражения, не более.

У Уолтера не было сомнений, что стремительный распад человеческой цивилизации и вечное владычество марсиан над Землей неизбежны.

Но на следующий день все изменилось.

24. Месть марсиан

В Нью-Йорке было около девяти утра. Гарри Кейн, Мэриголд Рафферти и Билл Вудворд сидели в Бэттери-парке, где провели уже вторую ночь, и пытались рассмотреть, что происходит в Нижнем Манхэттене и Бруклине. Кое-где до сих пор полыхали пожары, а реки все еще были завалены обломками кораблей. Беглецы ели немецкие сосиски, которые добыл Вудворд, и пили кофе, сваренный в кастрюле на костре. Стоял ясный солнечный день — в разоренном городе такая погода казалась неуместной.

Мэриголд сказала, глядя в бинокль:

— Я не вижу боевых машин. Быть может, Билл, твоя верещалка говорит правду.

Вудворд забрал у погибшего связиста переносную радиостанцию и пытался следить за боевыми действиями.

— Они все еще на ходу. Как и предсказывал Паттон, от Манхэттена они пошли на север и сейчас уже в Коннектикуте. Сообщают, что они добрались до Пикскилла на Гудзоне и до Данбери на Хусатонике. Вероятно, дальше на север они не пойдут — по той местности трудно передвигать-

ся. Есть мнение, что их цель — Спрингфилдский арсенал в Массачусетсе, самый крупный в стране; перед приземлением марсиане проводили разведку. А одна группа, похоже, готовится к наступлению на Хартфорд, если не на Бостон. И есть еще группа, которая направляется на юго-запад — возможно, в сторону Филадельфии, Балтимора, Вашингтона. Армия окружила их в местечке Гроверс Милл в Нью-Джерси и пока что задерживает. Но где бы они ни были, с Манхэттена они ушли.

— Спасибо эдисоновским бомбам, — с усмешкой сказала Мэриголд.

Вудворд кивнул:

— В принципе, они отреагировали так же, как и до этого в Англии. Я знаком с историей. В Суррее в 1907 году, когда артиллерийский снаряд впервые сшиб одну из машин — готов поспорить, они и не ожидали, что мы способны на что-то подобное, — подхватили раненого и на время удалились в свои ямы. Как и здесь. Мы щелкнули их по несуществующему носу, и они отступили.

Глядя на восток, Гарри заметил что-то в небе над Бруклином и Лонг-Айлендом — вроде облака посреди ясного неба. Но для облака оно было слишком темным и двигалось чересчур быстро. Если не облако, то что тогда? Цеппелин?

— Так или иначе, — сказала Мэриголд, — я, знаете ли, не заметила, чтобы кто-то озаботился спасательными операциями.

— Еще заметишь, — заверил Вудворд. — На это нужно время: все-таки целый город был разгромлен.

Облаков было целых три. Плотные, черные как ночь, они летели по небу, и, казалось, из них льется темный дождь.

Они стремительно приближались. И это были вовсе не облака.

— Вот черт!

Мэриголд картинно закатила глаза:

— Гарри! Здесь представитель армии Соединенных Штатов, не выражайся!

Но Гарри было не до шуток. Он указал на небо:

— Они возвращаются.

Мэриголд посмотрела наверх, сложив ладони козырьком.

Билл Вудворд нашарил собственный бинокль и вскочил на ноги.

— Летательные машины. Разведчики говорят, они больше и дальше, чем кажутся, и куда быстрее, чем можно представить.

— Значит, они скоро будут здесь, — сказала Мэриголд. — А то черное вещество, которое они

разбрасывают, — смотрите, оно стелется по земле, словно дым от сухого льда. Обволакивает здания.

Гарри кивнул.

— Британцы называют его черным дымом. Новая модификация, водоустойчивая. Этим погубить массу людей проще, чем тепловым лучом. Но здесь его, похоже, применяют точечно. Они хотят сломить наше сопротивление, но не истребить нас. Британцы обнаружили: если ты даешь отпор, тебе крышка.

— Нью-Йорк дал отпор, — хмуро сказала Мэриголд. — И вот наша награда.

И Гарри Кейн впервые с начала войны — а может, и вовсе впервые в жизни — ощутил подлинный страх. Из всех передряг, которые до этого выпадали на его долю, он выбирался уставшим, изможденным, но целым и невредимым, словно был бессмертным, неуязвимым — типичная иллюзия, свойственная молодости.

Но при виде летательных машин он почувствовал, что все изменилось. Стена черного дыма, которая надвигалась на него тем воскресным утром, была подобна самой смерти — безжалостной и неумолимой. Гарри подумал, что он обречен, как и вся планета.

Что ж, он ошибся, как и Уолтер. Потому что я

справилась со своей задачей.

25. В игре

В пятницу днем, вскоре после того как я в сопровождении лейтенанта Хопсона покинула лэндшип «Боудикка» и высадилась внутри марсианского Кордона, я снова вышла на Мариотта, а через него — на бойцов сопротивления. Тем временем уцелевшие телефонные линии, ведущие в Кордон, разрывались от новых инструкций для расположенных внутри частей — все шло в соответствии с планом Эрика.

Не уверена, что Мариотт поверил моим сбивчивым объяснениям, когда я рассказывала, зачем прошу его использовать все запасы динамита ради одного грандиозного взрыва, который должен преобразить ландшафт. Хотя он любил рисоваться, он был расчетливым и практичным человеком, твердо намеренным по мере возможностей дать отпор марсианам. Его вовсе не грел тот факт, что наша операция не ударит по ним напрямую. Но, думаю, как ни парадоксально, ему было лестно получить приказ от властей, перед которыми он, по его представлениям, до сих пор имел обязательства и которым был верен. Мысль, что он примет участие в такой сложной опера-

ции с участием множества военных, запертых, как и он, внутри Кордона, вызывала у Мариотта восторг. И, что еще более важно, ему нравился символизм этого действия.

В конце концов, вы только представьте: создать послание, которое будет видно из космоса!

Какие бы чувства Мариотт ни испытывал по этому поводу, мне все-таки удалось его убедить, и он со своей повстанческой армией, раскиданной по всему Кордону, тут же взялся за дело. Мы встретились уже ближе к вечеру, так что остаток дня ушел на то, чтобы все спланировать, а большая часть следующего дня — на то, чтобы установить взрывчатку в нужные места, избегая внимания марсиан. К утру воскресенья все было готово. Уверившись в этом и проведя последний раунд переговоров с военными властями, Мариотт связался по телефону со своими вольными стрелками и велел им подорвать закладки ровно в полдень.

Так все и случилось.

Тем воскресным днем по всему Кордону, даже в амершемском Редуте, марсианские укрепления дрогнули под ударом тщательно спланированных взрывов. Конечно, не все прошло гладко: слишком мало времени было на подготовку,

какие-то бомбы уже вышли из строя, солдаты и франтиреры закладывали взрывчатку в спешке, каждую секунду рискуя попасться на глаза марсианам. Но и того, что было сделано, оказалось достаточно, так что наш план сработал. При сравнении фото с воздуха, снятых до и после взрыва, это было видно особенно отчетливо.

На фото, сделанном в половину девятого утра, марсианские укрепления образовывали протянувшиеся на несколько миль узоры — пока не завершенные, но в остальном почти идеальные копии тех зловещих знаков, которые мы впервые заметили на поверхности Венеры и Марса после вторжения захватчиков на более юные планеты, а впоследствии благодаря Уолтеру Дженкинсу углядели и в расположении ям, вырытых марсианами в 1907 году в Суррее. Это были символы марсианского триумфа. Но после полудня, когда улеглась пыль и рассеялся дым, они превратились в круги разного размера — конечно, далеко не идеальной формы, но вполне различимые. Таким образом, в тот воскресный полдень мы, люди, стерли марсианскую метку с лица нашей планеты, но заменили ее не собственным символом, а юпитерианским — кругом, той идеально симметричной фигурой, что горела в облаках

самого Юпитера.

И через несколько часов последовал ответ марсиан.

Тем временем в Бэттери-парке трое беглецов, взявшись за руки, смотрели на приближающиеся летательные машины. Вудворд и Гарри стояли по обе стороны от Мэриголд.

— Старик Бигелоу так и не узнает, какую кашу он заварил, пригласив нас троих на вечеринку, — сказала она. — Неужели это было всего лишь в четверг? Кажется, будто это происходило в каком-то другом мире.

— Вы жалеете, что мы в это ввязались? — спросил Вудворд. — Сопротивление, электронные бомбы… Если бы не это, может, нам удалось бы сбежать…

— Ни на минуту, — сказал Гарри.

Мэриголд улыбнулась.

— И я не жалею, — твердо сказала она. — И, знаете…

И тут что-то изменилось.

Стена черного дыма резко замерла в воздухе.

Летательные машины перестроились: описав большой круг, они развернулись и удалились так же стремительно, как и прилетели, — огромные блюдца на фоне неба становились все меньше и

меньше, пока окончательно не растворились в утренней дымке. Остатки черного дыма рассеялись над водой, и их сдуло ветром.

Гарри захлестнуло облегчение. Только когда страх отступил, он осознал всю его глубину. Но тот факт, что он остался жив, привел его в недоумение.

— Что произошло?

26. Перемирие

На тот момент в Берлине было около трех часов дня. И Уолтер Дженкинс, укрывавшийся в подвале, тут же заметил, что поведение марсиан изменилось — словно они прекратили атаку и начали потихоньку отступать. Их крик «Улла!», который в тот день разносился по всей планете, теперь казался более жалобным.

Он вылез из подвала и с бешено бьющимся сердцем — поскольку не был уверен в правильности умозаключений — вышел на свет. На улицу высыпали и другие люди — покрытые пылью, испуганные, израненные, — и все наблюдали, как боевые машины, высокие, изящные, уходят на север, покидая город.

Окинув взглядом эту картину, Уолтер, думаю, догадался, что произошло — вернее, что я сделала: быть может, к нему пришло озарение, как ранее и ко мне. В конце концов, в основе всего этого лежала его идея, хоть я и внесла в нее свои коррективы. И даже час, когда я совершила задуманное, он угадал верно: около полудня по британскому времени.

Он поспешил обратно в подвал для подтвер-

ждения своих домыслов, молясь о том, чтобы телефонная связь не прервалась.

Конечно, все наши представления о том, как отреагируют юпитериане, увидев нашу метку, были основаны на догадках. Но догадки эти, в свою очередь, были результатом исследований.

Чего хотели юпитериане? Быть может, когда марсиане захватили Землю и Венеру, жители Юпитера оставили метки в облаках и на поверхности спутников как предостережение беспокойным расам, как знак того, что их планета должна остаться нетронутой? И может ли случиться, что в стремлении обеспечить выживание своему виду юпитериане однажды затеют войну, чтобы прогнать вездесущих захватчиков-марсиан и с Земли, и даже с Венеры?

Когда я представляла себе, как из грязи и камней возникнут эти исполинские символы, я считала, что тем самым мы покажем Юпитеру: наша планета — его союзница в грядущем эпохальном сражении. И, по-видимому, в ответ юпитериане послали марсианам какое-то предупреждение либо распоряжение, и захватчикам ничего не оставалось, кроме как отступить. В первый и единственный раз в жизни я мыслила в планетарном масштабе — и поэтому смогла

прийти к спасительному решению. Если вам угодно, можете называть это «богом из машины» — как бактерия, которая истребила марсиан в девятьсот седьмом году. Но на сей раз именно я призвала это божество.

Созданные мной символы возникли в полдень по лондонскому времени. Марсиане начали отступление примерно в два часа дня. С чем была связана эта задержка, которая стоила нам немало тревог?

Уолтер предвидел что-то подобное — по крайней мере, так он мне говорил впоследствии. Юпитер где-то в пять раз дальше от Солнца, чем Земля; расстояние между планетами колеблется в пределах от четырехсот миллионов миль до шестисот миллионов. А значит, лучу света понадобится не меньше тридцати четырех минут, чтобы добраться от Земли к Юпитеру, и еще тридцать четыре минуты, чтобы проделать обратный путь.

Уолтер, к примеру, убежден, что юпитериане, чьи способности должны намного превосходить даже марсианские, наверняка изучают Землю и все деяния ее обитателей в мельчайших деталях — и не издалека, а с близкого расстояния, способом, недоступным марсианам с их громадными

телескопами. Я при этом воображаю себе рой невидимых искусственных глаз, устремленных на нашу планету. Но, конечно, на самом деле наблюдение должно быть организовано намного сложнее, просто мы неспособны представить себе его устройство, как крошечные существа в капле воды не в силах постичь устройство микроскопа.

Но как данные всех этих наблюдений достигают Юпитера? Эйнштейн доказал, что ничто во Вселенной не может двигаться быстрее света. Может ли Бог превзойти его в скорости, я не знаю, но даже юпитериане не всесильны. Соответственно, любой ответ на наш сигнал — юпитерианские символы, грубо начертанные на английской земле, — не мог дойти до нас меньше чем за час. Потому что любому сигналу нужно время, чтобы добраться до Юпитера и обратно.

Но, пусть и с задержкой, сигнал сработал — отступление марсиан служило тому доказательством. Мы вмешались в межпланетный конфликт. Мы воззвали к юпитерианам, как затравленный школьник зовет дядю, чтобы тот спас его от обидчиков.

Сигнал сработал.

Когда несколько недель спустя Уолтер вернулся в Англию и мы встретились, его так и распи-

рало от гордости. Он отдавал должное моему внезапному наитию, но, конечно, все лавры по праву принадлежали ему. А потом он едва не расплакался при мысли о нашем безрассудстве, о *моем* безрассудстве. Думаю, Уолтер даже слегка меня побаивался. Ведь если подумать, что мы наделали?

Что *я* наделала?

Я неизбежно привлекла к человечеству внимание юпитериан. Жители Юпитера древнее нас и, следовательно, неизмеримо более умны. Мы можем надеяться на то, что Юпитер окажется великодушным небесным дядюшкой. Но, как говорит Уолтер, даже если так, нет никаких оснований полагать, что действия, которые им представляются благими, покажутся нам добрыми или милосердными. Так ребенок, плачущий у постели больной матери, даже вообразить не может, с какими моральными дилеммами сталкивается военный доктор при распределении раненых.

И все же, поразмыслив, Уолтер согласился, что выбора у нас не было. Юпитериане могли нас пощадить; в планы марсиан это определенно не входило.

Как бы то ни было, в то судьбоносное воскресе-

нье и в последующие дни и месяцы нас мучило еще немало загадок.

Марсиане отступили. Китерийцев они оставили на Земле, как и выживших людей, но гуманоидов с родной планеты забрали с собой. И, как и в 1907 году в Англии, начался медленный, довольно безрадостный процесс восстановления.

Постепенно группы военных, ученых и всевозможных официальных лиц отважились приблизиться к марсианским сооружениям и увидели, что те пусты. Марсиане исчезли, на этот раз прихватив с собой все машины, все цилиндры, все произведенные на Земле устройства.

Но поскольку мы знали, что Землю покинула только небольшая часть захватчиков (об этом я расскажу в свой черед), оставалось загадкой, куда делись марсиане?

И что насчет других наших соседей? Да, они спасли нас, пусть и косвенно, — но как? Было ясно, что юпитериане при виде наших корявых меток отправили марсианам какой-то приказ. Но каким образом? Что это был за сигнал?

Ответ на этот вопрос рано или поздно стал очевиден всем, кто удосужился выглянуть в окно. В то время, в конце мая 1922 года, Луна шла на убыль — 26 мая, в следующую пятницу после

пришествия марсиан, было новолуние. Но даже тогда невооруженным глазом было заметно, что она изменилась. На затемненной части диска виднелась тонкая линия — арка, начертанная на поверхности. А когда показалась растущая Луна, все человечество ясно увидело то, что нежеланные гости с Марса, судя по всему, заметили куда быстрее. На Луне красовался исполинский круг — серебристый, идеально ровный, диаметром в тысячи миль, ярко сияющий даже на ее затененном боку. Юпитериане оставили свою метку на поверхности нашего спутника.

Кому был предназначен этот символ, сомнений не было. В последующие месяцы, когда Луна росла и убывала, знак оставался на месте. Минул один год, и другой уже подходит к концу, когда метка вдруг исчезла — так же внезапно, как и появилась. Это случилось 7 апреля 1924 года.

Именно Уолтер первым вычислил смысл этой даты.

— Марсиане рассчитывали свои атаки с учетом нашего цикла смены дня и ночи и приземлялись в полночь по нашему времени, — сказал он мне. — Тут то же самое. Лунная метка оставалась на месте почти два года, без сорока трех дней. Поскольку один год был високосный, получается,

что она просуществовала шестьсот восемьдесят семь дней…

То есть ровно один марсианский год.

Книга IV. Марсиане на Земле

1. Телефонный звонок

Кэролайн Эммерсон позвонила мне осенью 1936 года, через четырнадцать лет после Второй марсианской войны, совершенно неожиданно.

Я тогда более-менее мирно жила в Париже, неподалеку от своей невестки Элис. Прошедшие годы я провела, восстанавливая свою карьеру журналиста и работая, хоть и довольно медленно, над черновиками того труда, который вы читаете сейчас. Из-за наложенных военными ограничений — даже в эпоху Федерации федераций мы по привычке храним тайну, когда дело касается марсиан! — мне приходилось умалчивать о собственной роли в отражении марсианского нашествия. (К тому моменту, как мой бесстрашный американский издатель опубликует эту книгу, мне будет уже все равно.)

Мне было сорок восемь лет. Смертоносная инфекция была изгнана из моего тела при помощи полного переливания крови, и я верила, что на этом моя связь с марсианами оборвана. Историю, которую вы сейчас читаете, можно считать последней дозой этой инфекции.

И, хоть мне и стыдно в этом признаваться,

сперва я даже не поняла, кто звонит: Кэролайн и Дженкинс развелись еще до начала Второй марсианской войны, но замуж она больше не выходила и вернула девичью фамилию. Тем не менее именно об Уолтере она хотела со мной поговорить.

— Я за него беспокоюсь, — шепотом сказала она по телефону. — Вы же знаете, он никогда не переставал всем этим заниматься. Сразу после войны он ринулся участвовать в конференциях в Басре, где несколько раз публично выставил себя ослом. А теперь он выхлопотал себе доступ к оставшимся от марсиан воронкам в Амершеме и проводит там все время, когда не спит. Совершенно не думает о своем здоровье, как и прежде.

— Я заметила, что в газетах снова печатают его статьи.

— Чтобы шокировать публику, я полагаю. Вы же знаете, как сейчас меняются настроения в обществе с приближением противостояния…

Она имела в виду ближайшее противостояние планет, которое ожидалось в 1939 году. Марс и Земля снова должны были оказаться на одной линии, и предполагаемому космическому флоту было бы проще пересечь межпланетное пространство — довольно пугающая перспектива

для тех, кто верил в страшилки, активно распространяемые старыми вояками вроде Черчилля. И если бы марсиане последовали привычной схеме, они наверняка воспользовались бы ближайшей возможностью — в 1937 году, всего через несколько месяцев. Но один потенциальный шанс они уже упустили, а в 1920-м нашествие случилось за два противостояния до оптимального. Меня возмущало, что, судя по всему, при прекрасном новом порядке широкой публике было доступно настолько же немного информации об астрономических событиях, как и при старом.

На этот раз слухи подогревались еще и возобновившимися попытками угадать, где же прячутся марсиане, прилетевшие на Землю в двадцатые. После войны их никто не видел, но все были убеждены: они все еще где-то скрывались. В общем, ясности все эти разговоры не добавляли.

— Настроения угнетающие, — шепотом сообщила Кэролайн. — Все эти слухи о том, что немцы, русские и американцы снова вооружаются несмотря на соглашения. И конечно, Уолтер во всех газетах призывает к миру и критикует политику роста вооружений, прямо-таки ручная зверушка сторонников ненасилия. Некоторые даже называют его предателем человечества!

— Вы опасаетесь за его душевное здоровье.

Она грустно рассмеялась:

— Я всегда опасалась за его душевное здоровье. Но сейчас дело не в этом, Джули. Я боюсь за его жизнь. После убийства Хорен Микаелян…

Это случилось два дня назад, и я тоже была глубоко шокирована убийством этой тихой радетельницы за мир и единство, которая столько сделала; убийством, вдохновленным теми, кто страшился новой войны с марсианами — или, возможно, о ней мечтал.

— Уолтер уже выступал на Би-би-си с резким осуждением этого акта. И конечно, я полностью его поддерживаю, конечно, он должен говорить то, что думает, но…

Я вздохнула:

— Но, как мы видели в девятьсот седьмом, он, не моргнув глазом, может нырнуть в гущу событий, даже не задумавшись о собственной безопасности.

— Пожалуйста, поезжайте к нему, Джули. Убедитесь, что он в порядке.

— Но Кэролайн…

Отношения Дженкинсов представляли собой очень долгую и запутанную историю, и бедняжка Кэролайн выносила все это с большим терпением

и достоинством. Однако я знала, что Дженкинс никогда не переставал испытывать нежные чувства к покинутой жене. Как однажды проронила сама Кэролайн, об этом можно было прочесть в его книгах.

— Кэролайн, это вы нужны ему, а не я.

— Я не могу, — прошептала она. — Не могу.

Такие уж они, семейные узы.

Конечно, я не могла отказать в помощи — более того, я готова была согласиться, что Дженкинс, вполне вероятно, в опасности после случившегося с Микаелян. Само собой, я согласилась к нему отправиться. Даже если это означало, что моему издателю придется еще дольше ждать завершения книги.

Я попыталась установить контакт.

И долго ждать не пришлось — я получила приглашение лично от Уолтера, за подписью нашего старого приятеля Эрика Идена. Наш старый добрый ненадежный рассказчик предлагал встречу в воронках марсиан неподалеку от Амершема.

2. Последствия

Я признаю: когда позвонила Кэролайн, я была довольно-таки оторвана от реальности. Мне нравилось наблюдать за восстановлением израненного мира, сидя в относительно спокойном Париже, как бы со стороны — позиция вполне в духе Дженкинса.

После Второй войны мир сильно переменился.

Хотя марсианская угроза была отражена за несколько дней, последствия были столь же болезненными, как и всегда: поиск выживших, захоронение тел, начало восстановления того, что было разрушено, — а также неблаговидные схватки за осколки марсианских технологий. А потом дали о себе знать другие, более долгосрочные проблемы. Марсиане улетели, но банки по-прежнему не выдавали ссуды, биржи не работали, и в США, как и в Лондоне и в Берлине, не был в безопасности даже золотой запас. Глобальная торговля была нарушена, так что через пару недель нас настигли перебои с электричеством, нехватка продуктов, недостаток питьевой воды — даже в тех городах, жители которых и краем глаза не видели ни единого марсианина. Потом

начались болезни.

А потом — восстания. А следом — революции: в Дели, в турецких провинциях и даже во Франции — против немецкой оккупации. Некоторые опасались, что весь мировой порядок стоит на грани катастрофы.

Эти первые послевоенные дни на самом деле и были причиной, побудившей Микаелян созвать свой «парламент отчаявшихся» в Басре.

Хорен Микаелян была армянской монахиней, которая во время Второй марсианской войны находилась в Париже, спасаясь от преследований османов. После войны ее появление в качестве ключевой политической фигуры стало знаменательным событием — и не менее знаменательной была ее способность к убеждению, благодаря которой были предприняты первые робкие попытки установить новый мировой порядок после нашествия марсиан. Одним из первых ее серьезных достижений было заключение перемирия между Германской и Российской империями. Совместное выступление двух армий против марсиан под Санкт-Петербургом и в других местах этому поспособствовало.

А затем, уже имея за плечами это достижение, Хорен созвала президентов, императоров, монар-

хов и дипломатов, а также ученых, историков и философов собраться в Басре, древнем городе, в сердце одной из первых мировых цивилизаций (откуда перед этим спешно вывели британские войска). На той первой конференции были заключены соглашения об объемах гуманитарной помощи, банки быстро договорились о том, как облегчить давление на мировую экономику, и были запущены более долгосрочные проекты — эти институты позже стали опорными столбами нового порядка. Поначалу придуманная Микаелян «Федерация федераций» была не более чем гарантией взаимной поддержки и разрозненными мерами по восстановлению торговли и разграничению сфер интересов. Но тем не менее «Басрский междусобойчик», как это со злой иронией называл Черчилль, способствовал тому, что человечество научилось управлять собой несколько более разумно, чем это происходило до сих пор.

Конечно же, Уолтер Дженкинс, этот известнейший утопист, бывал частым гостем саммитов в Басре. Годы отнюдь не прибавили ему благодушия. Он неоднократно писал об известных персонах, которых там повстречал — в частности, о Ганди, представителе только обретшей

независимость Индии, или Ататюрке, посланце Оттоманской империи. Но главным впечатлением Дженкинса, судя по всему, было чувство раздражения из-за того, что его полностью затмил давний противник. «Вы, конечно, его знаете, — писал он. — Это тот самый «человек тысячного года» с его нагнетающими тревогу романами и необоснованными предсказаниями. Постоянно на ножах с какими-нибудь социалистами, с вечно тянущимся по пятам шлейфом амурного скандала. А этот его чертов писклявый голос!..» Человечество чуть было не распростерлось ниц перед марсианами, а мы, как видите, вопреки всему продолжаем наши смешные склоки. Как ни странно, это вселяет в меня веру в наш вид.

И здесь я должна отметить, что благодарные потомки не забудут старания «человека тысячного года», который продвигал Декларацию прав человека как краеугольный камень новой Конституции.

Все это, похоже, работало. Институты, создания которых добивалась Микаелян и которые ранее выглядели столь утопичными — глобальная транспортная сеть, национализация прав на разработку природных ресурсов вроде полезных ископаемых, международная система финансовой

помощи для раннего медицинского вмешательства, за которую так ратовал Кейнс, — быстро доказали свою полезность. Даже скептически настроенные американцы, предпочитавшие изоляционистскую политику, изменили свое мнение относительно нового порядка, получив щедрую финансовую помощь на восстановление страны — после разрушительных наводнений, устроенных вышедшей из берегов Миссисипи в 1926–1927 годах, и позже, когда биржевой крах на Уолл-стрит чуть не вызвал глобальный финансовый кризис. А вторжение Японии в Китай в 1931 году стало еще одной проверкой новых способов управления. Восстановленный на престоле император Пу И обратился к совету за помощью, и согласованное международное давление заставило японцев отказаться от затеи. Даже древние империи постепенно смещались в сторону более мягкой и свободной формы правления: будучи рудиментами эпохи покорения и грабежа, теперь они постепенно превращались в формы мирного человеческого сосуществования.

Тем временем китерийцы, наши невольные гости с Венеры, — то есть, конечно, те из них, которых марсиане не забрали с собой при поспешном бегстве, — были предметом международного

междисциплинарного изучения. Они обитали в зоопарках и специальных резервациях по всей планете, и публика жадно следила за исследованиями, новости о которых появлялись в газетах и на телевидении. Некоторые, впрочем, утверждали, что китерийцев стоило бы поселить не в резервациях, а в здании их собственного посольства. Но решение столь непростых вопросов, я полагаю, следует оставить на будущее.

Что касается меня, я инкогнито отправилась в Басру на масштабное празднование 24 апреля 1925 года, когда была принята Конституция. А также должна признать, что приезжала в Лондон на празднества в честь независимости Ирландии и Индии, и, кроме того, когда женщины — наконец! — получили право голоса, в 1930 году.

Но я всегда сбегала обратно в Париж. Думаю, за время войны что-то во мне изменилось. Оказываясь среди людей — особенно в толпе, — я в какой-то момент перестаю чувствовать за физической оболочкой душу, словно люди превращаются в резервуары с кровью, ожидающие, когда марсиане их опустошат. Легкая форма «синдрома Дженкинса», скажете вы. В Лондоне, например, мне было спокойнее у монумента Неизвестному солдату перед пустой гробницей,

чем в окружении живых людей.

В общем, мы наслаждались эрой надежды и единства, вселявшей во всех энтузиазм, даже несмотря на вечное бурчание Дженкинса. Но эта эра оказалась слишком короткой; напряжение снова нарастало. Виной тому было устройство Солнечной системы, из-за которого Марс неумолимо приближался к Земле, — и это напряжение рукой какого-то сумасшедшего демонстранта уже унесло жизнь неутомимой евангелистки мира, самой Хорен Микаелян.

И вот я была здесь, готовая снова броситься в водоворот.

3. В Англию на монорельсе

Несмотря на тысячелетнее соперничество Англии и Франции, расстояние между ними по прямой составляет всего две сотни миль. И поздней осенью 1936 года мне потребовалось всего два часа, чтобы переместиться из Парижа в Лондон. Два часа!

И хотя мне еще не было пятидесяти, я чувствовала себя очень старой в этом новом веке. Например, монорельсовая дорога между Лондоном и Парижем была чудом марсианской технологии — мы смогли обратить себе на пользу их виртуозное владение электромагнитными полями. (Сейчас эта технология используется научными институтами по всей Федерации, но в те времена была монополизирована Британией.) Когда я была маленькой — напомнила я себе, словно старая карга в кресле-качалке, — даже автомобилей еще не было, а теперь такое. Вагон, в котором я находилась, продвигался вперед под действием невидимой электрической энергии, балансируя на монорельсе при помощи ряда одиночных колес, удерживая равновесие благодаря законам механики, как эквилибрист на уницик-

ле. Так что, надеюсь, вы извините тот факт, что я с тревогой вцеплялась в подлокотники кресла, пока поезд мчался вперед высокотехнологично и беззвучно.

Но я утешала себя созерцанием восхитительных видов. Монорельсовая дорога держалась на высоких колоннах, и поезд несся над крышами домов. Сам Париж — к радости его жителей — практически не был затронут буйными первыми десятилетиями двадцатого века. По большому счету, от рук немцев он пострадал значительно больше, чем от нашествия марсиан. Было приятно смотреть на осенний старый город в мягком вечернем свете.

Наиболее важное здание в современной части города было построено недавно, и его из окна поезда не было видно: я говорю о посольстве Федерации федераций на площади Фонтенуа. Скромное здание из стекла и марсианского алюминия хорошо вписалось в парижскую панораму, хотя, конечно, оно всегда будет выглядеть блекло на фоне Эйфелевой башни, с большими затратами восстановленной к Олимпийским играм 1924 года.

По пути я заметила, что погода меняется: с востока шли темные грозовые тучи, угрожая

вскоре закрыть осеннее солнце. Я проклинала свою неудачливость, хотя жалобы на судьбу вряд ли были справедливы. В Северном полушарии в последнее десятилетие климат лишь ухудшался и часто происходили стихийные бедствия — ливни, снежные бури, ураганы с градом, яростные ветра, — которые совершенно не способствовали попыткам человечества оправиться от разрушений, нанесенных марсианами. Пожилые люди, к числу которых я осторожно начинала относить себя, часто с ностальгией вспоминали о прежних, домарсианских временах, о Поздней Викторианской эпохе и солнечных днях юности, которые сейчас казались идиллически прекрасными. Впрочем, возможно, все люди помнят о далеком прошлом только хорошее. Но у меня, конечно, были доказательства, что это не так.

Преодолев Париж, состав понесся по полям северо-западной Франции, без остановки миновал Амьен и Булонь, а затем в полной тишине, словно на невидимых электромагнитных крыльях, мы понеслись над Па-де-Кале. Над головой снова засияло яркое солнце, внизу поблескивали, волнуясь, воды пролива и сверкали изящные металлические опоры — еще одно творение Эйфеля.

Когда мы пересекали канал, кофе разносили стюарды, говорившие на обоих языках. С моей точки зрения, это было ненужное пижонство.

Затем мы миновали Хрустальный дворец — новое здание станции в Дувре, — а потом пронеслись над небольшими симпатичными городками Кента и зеленью холмов Норт-Даунс. И очень скоро прибыли в Лондон.

Через Ватерлоо мы промчались с такой скоростью, что мне удалось лишь одним глазком взглянуть на разрушения, которые устроили марсиане во время оккупации Англии, и на восстановительные работы. Но кое-где я увидела многорукие машины и экскаваторы, которые что-то скребли и копали, испуская жуткие клубы зеленого дыма, повсюду сопровождавшего марсианские технологии. А в фешенебельных районах типа Челси и Кенсингтона, а также на Набережной тем временем возводили новые высотные здания — впечатляющие небоскребы с террасами, сверкавшие марсианским алюминием. По крайней мере мне они казались впечатляющими; я давненько не бывала в США и не видела восстановленные здания Манхэттена, которые, по словам Гарри Кейна, заставили бы меня «съесть свою шляпу».

И все же Лондон изменился. В конце концов, после нашествия 1920 года марсиане регулярно обстреливали его, и он пострадал больше других городов Земли — разрушения были заметны везде. Но, как и Великий пожар, это послужило стимулом к обновлению. Так что какой-то современный Рен воздвиг на месте собора Святого Павла новый собор, увенчанный, однако, не куполом, а шпилем из марсианского алюминия с крестом на вершине. Я знала, что многие из новых зданий занимают под землей не меньше места, чем на поверхности: под ними располагались кладовые, бункеры и спальные помещения. Под зданием каждого из министерств правительство также выкопало огромные бункеры — так поступали по всему миру. Некоторые говорили, что, опасаясь возвращения марсиан, мы сами загоняем себя под землю, уподобляясь им.

Мы добрались до Ватерлоо, и я обрадовалась, увидев, кто ожидает меня на платформе. Там стоял Джо Хопсон — почти сорокалетний, с заметной проседью, но как всегда бодрый, одетый в отутюженную свежую униформу. После совместных операций во время Второй марсианской войны нам пришлось также вместе отчитываться перед командованием, и с тех пор мы старались поддер-

живать связь — по крайней мере, обменивались рождественскими открытками. Он хотел заключить меня в объятия, но я уклонилась. Мою кровь уже давно очистили, но физических контактов я избегаю до сих пор. Вместо этого я в шутку отдала честь — так старательно, как только могла.

— Вольно, солдат, — улыбнулся он.

После некоторой борьбы его старомодного воспитания и моей привычки к независимости я все же позволила ему нести свой рюкзак — как обычно, мой единственный багаж.

— Пойдемте, — сказал Хопсон. — Машина ждет.

— Значит, ты теперь капитан? — спросила я. — Если я, конечно, верно читаю погоны.

— Боюсь, что так. Не слишком далеко ушел, верно? Мой инструктор в училище, старина Одноухий Круксвелл, был бы разочарован. А еще я в отставке. Ну, наполовину. Я что-то вроде резервиста, как и большинство ветеранов. Даже жалованье нам полагается, пусть и не ахти какое. Вторая марсианская была такой короткой, что не так много осталось тех, кто успел повоевать по-настоящему, — а тех, кто выжил, и того меньше. Так что оно того стоит — держать нас, старых лошадок, в конюшнях и периодически кормить

овсом, чтобы мы могли время от времени поделиться с молодыми поколениями крупицами бесценного опыта. Как видишь, стараюсь оставаться в форме — на случай, если марсиане решат сделать еще один заход. Я время от времени сталкиваюсь с Тедом Лейном, и он говорит, что до сих пор не может тебя простить.

Я скорчила гримасу.

— Ну, у него есть полное право обижаться.

Джо говорил о тех временах, когда мы вместе с Верити Блисс сбежали из Эбботсдейла, отправившись на поиски бакингэмширских вольных стрелков, и не сказали об этом ни слова Теду, который сопровождал меня с самого Северного моря.

Я добавила:

— Полагаю, оставаться в форме полезно — если ты, конечно, веришь в то, что марсиане собираются вернуться.

Он взглянул на небо — судя по всему, непроизвольно. Это было что-то вроде тика, которому были подвержены все, кто пережил те дни, — и я тоже, вне всякого сомнения.

— Ну, это всегда возможно, — пробормотал он.

Мы добрались до машины с военным флагом, припаркованной на самом удобном месте. Я по-

давила вспышку тревоги, увидев, что это одна из новых моделей на моноколесах: она каким-то образом удерживала равновесие, даже стоя на месте.

С некоторой опаской я села в машину, и мы помчались по Лондону.

Добравшись до пустоши, на месте которой когда-то был Аксбридж, мы наткнулись на многочисленные кордоны, охраняемые военными и полицией. Это напомнило мне Суррейский коридор.

Пара слов, вполголоса оброненных Хопсоном, — и мы быстро миновали кордоны. Джо успел понюхать больше пороха, чем я, и война пришлась на его юность. Он был из тех, кто скрывает свои чувства: в его случае — под притворной неискушенностью, свойственной выпускникам престижных школ. Но даже несмотря на это, время от времени можно было заглянуть в истинную глубину его души, словно луч солнца пронзал мутную воду, освещая то, что таится на дне.

Миновав Аксбридж, мы добрались до остатков Траншеи — сложного укрепления, воздвигнутого вокруг марсианского Кордона. Сейчас сквозь Траншею просто прорубили проход, и я с интересом глядела снизу вверх на укрепления, которые

выглядели словно искусственные холмы, покрытые редкой травой и кипреем. Мне было очень странно видеть это место без солдат, которые наводняли его в былые годы. Затем мы въехали непосредственно за Кордон — через то изрытое кратерами пространство, куда упали первые пустые марсианские цилиндры. Спустя годы на этом месте все еще была безжизненная пустошь.

Однако еще более странно было ехать по сельской местности внутри Кордона, сквозь городки и деревушки, зеленые холмы и сонные окрестности Чилтерн-Хилс, сравнительно нетронутые даже сейчас. Этот регион марсиане, по выражению военных аналитиков, «возделывали», чтобы всегда иметь под рукой гуманоидов, лишенных возможности убежать. Так что здесь можно было увидеть деревушку с несколькими открытыми трактирами, а неподалеку — церковь с расплавленным шпилем. В полях бродили стада коров и овец, и среди них — телята и ягнята, благополучно родившиеся в этом году.

Но я знала, что эта область — вся территория внутри марсианского Кордона — до сих пор находится под управлением военных, как в прежние времена вся страна. Здесь продолжалось в высшей степени секретное расследование: кого из

местных жителей можно было обвинить в активном пособничестве марсианам. Конечно, все это было четырнадцать лет назад, и виновные — или, по крайней мере, те, кто опасался, что их обвинят, — давно сбежали. Например, последнее, что я слышала об Альберте Куке, — что он живет под вымышленным именем в Аргентине вместе со спутницей Мэри и дочерью Бэлль, и мне казалось немилосердным лишать этого сурового, однако здравомыслящего человека спокойной старости. Я была рада, что с Фрэнка сняли обвинения в пособничестве, однако с моего горизонта он с тех пор пропал — насколько я слышала, он работал врачом в странах, все еще оправляющихся от атаки марсиан. А Мариотт получил Орден Британской империи, к его вящему удовлетворению.

И вот наконец мы приехали в Амершем.

4. Снова в Редуте

В очередной раз, не без трепета, я вступила в эту крепость в милю шириной.

Я не была здесь с тех пор, когда мы пробрались в яму в компании Альберта Кука — тогда еще сами марсиане были на месте. Теперь повсюду был виден налет человеческой цивилизации: металлические дорожки, ступеньки и лестницы, небольшие бараки, сваленное тут и там снаряжение. Люди ходили в комбинезонах и шлемах разных цветов. Все это напоминало мне какие-то масштабные археологические раскопки — как у Шлимана в Трое. Однако вокруг были металлические заборы с колючей проволокой, повсюду сновали военные патрули, а когда мы выбрались из машины, я заметила, как над головой проплыл боевой цеппелин, сверкая мощными линзами.

Я постаралась не обращать на все это внимания и представила на месте людей марсиан и их технику. Да, пожалуй, эти террасы мог бы создать марсианский экскаватор. А та горка земли с поблескивающими кусочками кварца вполне могла бы послужить сырьем для многорукой машины, производящей алюминий. На той врезающейся в

стену площадке собирались бы за трапезой сами марсиане, издавая свой жуткий гул. А вокруг стояли бы не скучающие охранники, а боевые машины.

А где-то внизу, под всей этой суетой, по-прежнему лежал в руинах старый Амершем и его несчастные обитатели, мгновенно расплющенные о землю в тот момент, когда упали цилиндры, — уровень разрушений, достойный «Боудикки».

— Столько охраны — ну, вероятно, лучше перестраховаться, — вполголоса проговорила я, когда мы выбрались из машины.

— Безусловно, — сказал Джо, который вел меня дальше, теперь уже пешком, в глубь этого таинственного места. — В конце концов, *мы* бы оставили после себя минные поля и другие ловушки, так что мешало марсианам поступить так же? Впрочем, пока ничего подобного не обнаружили. А еще ведутся разговоры, что стоит сохранить все это нетронутым и создать памятник для будущих поколений, как в Уокинге…

— Не уверен, что это разумно.

Это сказал Уолтер Дженкинс.

Он стоял, ожидая нас. На мой взгляд, выглядел он посредственно: исхудавший, лицо блестит

от защитного крема, руки затянуты в перчатки, напоминающие повязки. Но, в конце концов, ему было уже семьдесят. Он осторожно обменялся рукопожатием с Хопкинсом; со мной он был знаком достаточно хорошо, чтобы не пытаться это сделать.

— Приятно снова встретиться, Уолтер, — суховато сказала я.

— Что, это кажется вам неразумным, а, старина? — благодушно спросил Хопкинс.

— Создавать монумент на месте этого символа подавления. Такие места притягивают силу. Вот посмотрите на лондонский Тауэр: кусок римского форта, заброшенный, а затем снова использованный другими оккупантами — норманнами. Римляне ушли по своей воле, как и марсиане, но от норманнов-то мы так и не избавились! Какой-нибудь очередной диктатор водрузит свой трон на этом месте, апеллируя к мистическому наследию исчезнувших марсиан? Нет уж, спасибо. Пусть лучше зарастает травой.

Хопсон только ухмыльнулся.

— Норманны? Вы, валлийцы, все одинаковы. Прошло восемьсот лет. Все давно быльем поросло.

— Я совершенно серьезно, — возразил Уолтер

без малейшего намека на юмор.

Пока Хопсон вел нас в глубь территории, я взяла Уолтера под руку.

— Будь повежливее, Уолтер. Ты меня сам сюда пригласил, не забывай. Я проделала долгий путь. И ты, конечно, знаешь, что эту встречу устроила Кэролайн?

Ему, кажется, было тяжело даже слышать имя своей жены.

— Вы с ней виделись?

— В этот раз нет. Мы говорили по телефону.

— Очевидно, что здесь была лишь временная остановка. Перевалочный пункт.

— А, ты решил сменить тему? Ну что ж, поговорим о марсианах. Остановка на пути куда?

— Туда, куда они ушли, конечно же.

Я бросила взгляд на Джо Хопсона, он — на меня. Похоже, для него это тоже было внезапное озарение.

Уолтер поглядел на небо, где все еще парил цеппелин.

— Дождь собирается… закончились солнечные деньки. Но, конечно, это часть той же проблемы. Симптом…

— При чем здесь погода?

— Пойдем со мной. Если вы, капитан Хопсон,

будете так любезны и окажетесь со своими документами неподалеку, нам не будут мешать. Меня здесь уже почти все запомнили…

— Опять эта твоя манера, Уолтер. Намеки, полуфразы… Невероятно раздражает.

Мы, две старых развалины в этом музее войны, ссорились, как и всегда. Но продолжали идти вперед, минуя новые и новые заграждения, по настилам и ступеням, в самое сердце Редута, где в земле зиял глубокий провал.

Пока мы подходили, я вспомнила вечно сопровождавший это место звук подземных работ: бум-бум! Но, по крайней мере, сейчас было тихо. Над шахтой установили нечто вроде системы шкивов. Рядом с ней со скучающим видом стояли два солдата и курили. Вот она, победа повседневности, подумала я.

Уолтер изучающе смотрел на меня.

— Заинтригована? Стоило бы. Следуйте за мной, только осторожно.

Система противовесов оказалась очень грубо построенным лифтом, который показался мне довольно ненадежным. А еще здесь было пугающих размеров колесо, предполагавшее трос не менее пугающей длины.

— Не волнуйтесь, технология проверенная! —

заявил Уолтер. — Точно такую же используют для мытья окон в Нью-Йорке — уж вы-то наверняка видели этих бесстрашных парней с ведром и тряпкой, болтающихся над Пятой авеню. Мы не будем спускаться слишком глубоко. Всего футов на шестьсот или около того.

— На шестьсот футов? — для Джо все это явно было полнейшей неожиданностью.

— Давайте запрыгивайте!

Я уцепилась за какие-то перила, Уолтер кивнул солдатам, и мы начали свой небезопасный спуск. Круг света над нами стал быстро уменьшаться; головы солдат темными пятнами выделялись на фоне яркого неба. На платформе, где мы находились, горели электрические лампы, и вскоре я очень этому обрадовалась, поскольку вокруг сомкнулась темнота.

Джо нервно сказал:

— Вы обещали — не глубже шестисот футов.

Уолтер опять улыбнулся:

— Военные повесили на этой глубине спасательную сеть. Держится на системе шестов, закрепленных в стенах, — на случай, если кто-то свалится. Хотя шестьсот футов все равно прикончат кого угодно. А сама шахта глубиной в хороших полмили.

Наступила моя очередь пораженно повторить его слова:

— Полмили!

— Эта глубина необходима для достижения истинной цели, с которой построена эта шахта. Ну, или одной из целей. Как вы считаете, капитан Хопсон, что это за цель?

Джо посмотрел на него.

— А сколько шахта в ширину?

— Чуть больше тридцати ярдов, как вы, возможно, уже догадались.

— Мистер Дженкинс, это что, пушка?

И тут у меня в голове мгновенно все сошлось.

— Ну конечно. Вот отсюда марсиане и улетели!

— По крайней мере те, что высадились в Британии, — сказал Уолтер.

— Значит, они построили себе пушку…

— Отремонтировали парочку цилиндров, — вставил Хопсон.

— …и отправились восвояси, обратно на Марс!

Уолтер усмехнулся.

— Кстати говоря, этот момент был зафиксирован. Запуск видели почти в каждом уголке южной Англии, хотя большинство наблюдателей понятия не имели, что именно они наблюдают. Впрочем, никто из нас тоже этого не знал, пока

фотографии не были проанализированы, а с тех пор они строго засекречены. Вы когда-нибудь обращали внимание, что, даже несмотря на новое объединенное правительство, марвиновский Закон об обороне 1916 года так и не отменили?

Хопсон нахмурился.

— Подождите-ка, старина. Какова, вы говорите, глубина шахты? Полмили? Но ведь этого же и близко не хватит. Я помню, мы в школе читали книжку Жюля Верна про американцев на Луне, как они выстрелили собой из пушки, но мы очень быстро подсчитали, что ускорение и все такое расплющили бы их в лепешку.

— Совершенно верно, — Уолтер явно был впечатлен, хотя постарался этого не выдать. — Однако скорость вылетевшего отсюда снаряда оказалось возможным определить при помощи фотографий, а также наблюдений со случайно пролетавших мимо самолетов и с земли. Из жерла пушки он вылетел с ускорением в десять раз большим, чем земная гравитация, — то есть в тридцать раз больше, чем гравитация на Марсе. Это, конечно, достаточно много, но, предположительно, это можно вынести — если погрузиться в жидкость или особым образом зафиксировать свое тело. Однако цилиндр продолжал ускорять-

ся даже после того, как покинул жерло пушки! Наблюдатели видели зеленые вспышки, а потом — огромный шлейф водорода, выпущенный из основания цилиндра. И если ускорение осталось прежним, то, возможно, со временем скорость достигла четырехсот миль в час — а этого вполне достаточно, чтобы преодолеть земное притяжение и отправиться на Марс.

Хопсон, похоже, испытывал благоговение, смешанное с ужасом.

Лифт, шурша тросами, замедлил ход, и мы увидели аккуратную круглую дверь, проделанную в стене шахты.

— Скоро наша остановка, — сказал Уолтер.

Я взглянула на него.

— Какая остановка?

— Марсианский город, — ответил он. — Будьте осторожны, сходя с платформы.

5. Подземное логово марсиан

Мы осторожно двигались вперед. Это действительно был город — ну или, по крайней мере, поселение, лежавшее глубоко под поверхностью земли. Здесь была разветвленная сеть цилиндрических туннелей и сферических залов, залитая светом электрических ламп. Здешняя геометрия кружила мне голову, хотя я была уверена, что все это тщательно нанесено на карты.

Не считая серебристого металла стен, следов присутствия марсиан не было видно. Зато повсюду были следы присутствия человека: телеграфные провода, закрепленные на стенах, биотуалеты, запасы фонариков на батарейках и даже свечей — вероятно, на случай, если электроснабжение будет отключено, — а еще кислородные баллоны и маски.

— Это чистая предосторожность, — сказал Уолтер. — Здесь отличная вентиляция. Отсюда несколько выходов на поверхность, и воздух циркулирует — судя по всему, естественным путем, хотя у меня есть подозрение, что где-то все же использованы технологии. Возможно, где-то кроется какая-то маленькая деталь, не насос, как

сделали бы мы, а что-то, основанное на осмотической гипотезе или капиллярном эффекте…

Мы добрались до одной из нескольких сферических комнат. Пол ее был сложен из платформ, которые, словно большие ступени, спускались от краев к центру. Эти платформы были отлиты из того же серебристого металла, что и стены. Здесь стояли на страже двое солдат, которые настороженно смотрели на нас. У одного был под рукой полевой телефон.

Уолтер тяжело опустился на ступеньку, и мы последовали его примеру.

— Конечно, всю марсианскую технику давно убрали — почти все вывезли сами марсиане, а остальное забрали люди, которые добрались сюда первыми. Так что можно было только представить, как все выглядело, когда марсиане здесь обитали!

Для человеческого глаза тут наверняка было темновато, но, как мы знаем, солнечный свет на Марсе тусклее. И сами марсиане с гудением перекатывались по этой комнате, как огромные кожаные кули, шевеля своими диковинными щупальцами… Одна только схема этого места довольно много может сказать о том, как устроено марсианское общество.

— Неужели? — я была настроена скептически. — Например, что?

— Просто попробуй сравнить это место с любыми человеческими постройками. Чего здесь не хватает? Тут есть проходы и общие залы — и все! Нет никаких личных помещений — очевидно, марсианам они не нужны. И никаких следов иерархии, статуса — все помещения одинакового размера! Значит, скорее всего, у них горизонтальная общественная структура. Вероятно, они принимают решения при помощи дискуссий.

И, похоже, у них все общее — мы не нашли никаких следов частной собственности. Кроме того, как мы знаем, они невероятно преданы друг другу. И у меня есть серьезные основания полагать, что марсиане владеют телепатией. Они бы просто не смогли друг другу солгать. Ты когда-нибудь об этом думала? Представь, как одна подобная деталь могла бы изменить человеческое общество! И даже эти общие пространства симметричны. Все сидят и рассуждают в кругу. Впрочем, мы нашли одно исключение — комнату, где в полу проделаны особые углубления. У нас есть гипотеза, что в этой комнате обитают молодые особи, отпочковавшиеся от родителей, пока они еще юны и зависимы.

Хопсону, похоже, понравилась эта идея.

— Это как учеба в закрытой школе! Мне не повредило. Марсианин в Итоне? А что, наверняка был бы чемпионом по настольному теннису!

— Я предполагаю, что именно так живут марсиане в своем собственном мире. В конце концов, что мы видим, глядя на их планету? Снег и лед, океаны, растительность, каналы. Но мы не видим марсианских городов. Ни единой постройки. Даже в узловых точках их сложнейшей системы каналов, таких как Solis Lacus. Все это — технологии, но где они все-таки живут?

Я поняла, к чему он ведет.

— Вероятно, ушли под землю — в поселения наподобие этого.

Однако Хопсон, похоже, не мог взять это в толк.

— Но зачем кому-то жить под землей?

— Ради безопасности. Ради чистого воздуха, когда атмосфера истончается и исчезает. Ради тепла — даже когда Солнце умирает, ядро планеты сохраняет жар; кстати говоря, Земля теплее Марса, поскольку она тяжелее. Возможно, нас ждет та же судьба, когда Солнце остынет, — прятаться под землей, согреваясь теплом планеты.

— Но здесь ведь ничего нет, — размышляла я,

оглядывая голые стены. — Чем здесь питаться?

— Жизнь в подземных городах будет зависеть от развития технологий, а не от биологического разнообразия, — важно заявил Дженкинс. — И марсиане уже достигли в этом высот. Они трансформируют свою планету точно так же, как и собственные тела, — стремясь к крайней простоте. Так, они полностью избавились от громоздкой пищеварительной системы и превратились в конструкцию из мозга и системы кровообращения. А теперь рассмотрим их экологическую систему: красная трава, гуманоиды, которые ею кормятся и служат пищей для самих марсиан, — и все! Остальное отброшено за ненадобностью. Я уверен, что в какой-то момент марсиане вообще откажутся от всей этой биологии. Представьте себе машину, которая из камней и энергии солнца — или ядра — создает пищу. Ведь все необходимые элементы можно извлечь из минералов. Формула эффективности очень проста: солнечный свет, горная порода и разум. Я убежден, что в этом и состоит высшая технологическая цель марсиан.

Я фыркнула:

— Ты говоришь так, как будто завидуешь им. Не об этом ли говорили твои психологи — что ты

сам наполовину марсианин? Но марсиане ведь исчезли — по крайней мере, эта группа. А где прячутся остальные? Те, кто приземлился в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, Пекине, Берлине… Даже до тебя должны были дойти тревожные слухи, которые до сих пор порождает это таинственное исчезновение. Что ты об этом думаешь?

Он улыбнулся.

— Вообще говоря, это с самого начала было очевидно.

Я смерила его яростным взглядом. Уолтер все-таки умел взбесить.

— Так, значит, очевидно?

— На Земле для них слишком жарко. Так что они должны были мигрировать туда, где прохладнее. И поскольку большая часть приземлилась в Северном полушарии…

— На севере, — с интересом произнес Хопсон. — Да, то, что им требуется холод, действительно очевидно. Но Арктика, верхушка планеты, занимает огромную площадь! Вы ведь не хотите сказать, что их… уже обнаружили?

Уолтер спокойно ответил:

— Я хочу сказать, что есть соответствующие донесения. Экспедиция запланирована на следующий год. Когда позволят погодные условия.

Джули, хочешь съездить? Узнаем, чем они там занимаются, — вернее, проверим мою гипотезу о том, чем они должны заниматься…

Отправиться в Арктику на поиски марсиан! От такого я отказываться не собиралась. А вы бы разве отказались?

6. «Фатерлянд»

Зима пролетела незаметно, в лихорадке ожидания.

А весной 1937 года в Мурманске я погрузилась на дирижабль LZ-138 «Фатерлянд». Мы отправлялись в Арктику в самый разгар зимы, и погодные условия были настолько недружелюбны, насколько это вообще возможно на старушке Земле. Хотя, как не уставал отмечать Уолтер Дженкинс, для марсианина это было все равно что мягкое лето. Впрочем, нам, особо привилегированным представителям многонациональной делегации, предстояло путешествие в летающей гостинице.

Мы встретились на аэродроме за чертой города. Было прохладно, снег не шел, однако вокруг площадки перед ангаром лежали огромные сугробы. Здесь был Уолтер Дженкинс собственной персоной — ему был уже семьдесят один год, и состояние его здоровья было хрупким как никогда. Джо Хопкинс ехал вместе со мной; он с радостью вызвался быть моим компаньоном, помощником и гидом. Как большинство ветеранов, он был квалифицированным специалистом в очень многих областях, и я была рада, что он к

нам присоединился.

Был здесь и Эрик Иден. Ему исполнилось пятьдесят пять, он наконец вышел в отставку и больше не служил в британских вооруженных силах, но все еще был для правительства платным консультантом по любым вопросам, связанным с марсианами. Война не прошла для него бесследно, но его присутствие, как и присутствие прочих ветеранов, меня успокаивало.

Всего собралось пятьдесят человек самых разных национальностей. Большинство из них были учеными, совершенно мне незнакомыми, но, вне всякого сомнения, вполне компетентными — ведь решение об их назначении принимал комитет Федерации федераций в Париже. Кроме того, подобная поездка, вдобавок окруженная вниманием прессы, естественным образом заинтересовала богатых и знаменитых. Было довольно забавно замечать в толпе на этой продуваемой всеми ветрами площадке знакомые лица. Мне кажется, я узнала руководителя экспедиции: это был Отто Юльевич Шмидт, ученый и путешественник ростом выше шести футов, известный тем, что больше десяти лет руководил экспедициями в русскую часть Арктики. И я не была удивлена, узнав, что здесь есть и другие

герои полярных экспедиций — например, Ричард Бэрд, первый человек, пролетевший над Северным полюсом. На борту также была жена недавно взошедшего на престол короля Эдуарда, американка. Этот союз рассматривался многими как символ нового этапа дружбы между государствами, хотя ее предыдущий развод вызывал некоторые кривотолки. Но сама я королеву Уоллис не видела. Ходили даже слухи, что на борту присутствует кайзер Вильгельм Третий, который желает поучаствовать в полете на самом высокотехнологичном судне, созданном в его стране.

— Еще более злобный, чем его недоброй памяти папенька, — вполголоса произнес Эрик. — Если мы все же окажемся в шаговой доступности от настоящего живого марсианина, на кайзера, возможно, придется надеть намордник.

Но я скоро позабыла о своих спутниках, очарованная самим судном. Впервые я увидела «Фатерлянд» в ярком утреннем свете. Даже в ангаре он выглядел внушительно — огромный металлический цилиндр на бетонной площадке, на фоне которого окружающие строения и обслуживающие машины казались совсем крошечными. Его днище покоилось на колесах, а по бокам были стабилизирующие плавники, как и

на хвосте, где располагался мотор.

И вот раздалась команда:

— Приготовить судно ко взлету!

На серую металлическую поверхность дирижабля набросили что-то вроде сети, и рабочие, снующие вокруг как муравьи, вручную выкатили его из ангара.

В воздухе витал приторно-сладкий запах — как мне сказали, обычный при заправке водородом. Чем ближе мы подходили к судну, тем более внушительным оно казалось: в нем было никак не меньше трети мили от носа до кормы. Но больше всего впечатлило меня не это, а его символика. Мы живем в новую эпоху глобальных федераций — но, глядя на «Фатерлянд», нельзя было этого понять. Он был выкрашен в цвета Германской империи — ярко-желтый и черный, а на носу был выведен мощный орел, также черный, высотой по меньшей мере футов в сто. И если впереди размещалась гондола для пассажиров, а позади — мотор, то средний отсек, как заметил Эрик, предназначался для бомб.

Пассажирский отсек был разделен на две палубы — верхнюю, где находились кухня, кладовые и жилой модуль команды, и нижнюю, где располагались наши каюты, комнаты отдыха и столовые.

На большом воздушном судне всегда полно места; здесь был даже рояль, на котором музыкант играл избранные сочинения Вагнера, пока мы поднимались на борт. Мы быстро нашли наши каюты и разместились. Обстановку собственной каюты — стены с мягкой обивкой, складную койку, телефон, электрические лампы, — я изучила позже. А сейчас я уже слышала, даже чувствовала, как дрожит корпус судна от работы огромных моторов, и поспешила в главный зал, чтобы увидеть взлет.

Я села рядом с Эриком и Хопсоном — Уолтер удалился в каюту и корпел там над своими заметками, не желая прерывать исследований. Зал был отделан по последнему писку моды: бежевые стены, яркие люстры под потолком, стеклянные столы и кресла с хромированными поручнями. На нашем столе стояла даже небольшая ваза со свежими цветами. По сравнению с этим великолепием старая добрая «Лузитания», воспоминания о которой я бережно хранила, казалась совершенно невзрачной.

Раздался крик:

— Отдать концы!

И мы поднялись в воздух.

Как вы знаете, на дирижаблях окна проделаны

в стенах и в полу, чтобы можно было смотреть на безмолвно проплывающие внизу пейзажи, тогда как небо заслоняет массивный корпус судна. И в момент взлета перед глазами открывается, пожалуй, самый завораживающий вид. Аэродром под нами сжался до размеров носового платка, и рабочие, которые махали нам, стоя возле причальной мачты, превратились в крошечных куколок.

Вскоре на юге проступили очертания Мурманска, а на севере раскинулось Баренцево море: у берега вода была синяя, но чуть дальше ее уже покрывали льдины. На горизонте лед сливался в сплошную белую гладь, которая, как я знала, тянулась до самого полюса. Невдалеке от берега я заметила пару ледоколов и низкобортные грузовые суда. Северный морской путь, растянувшийся на шесть тысяч миль вдоль всего северного побережья Евразии, открыт для навигации всего несколько месяцев в году, а если не повезет с погодой, этот промежуток сокращается до нескольких недель, и капитаны, не желая застрять во льдах на всю зиму, торопились открыть судоходный сезон как можно раньше.

Пока мы поднимались, в воздух взмыл небольшой дирижабль, который нас провожал. Монопланы, сверкая алюминиевой броней, с

символикой Российского императорского военно-воздушного флота на крыльях, взмывали и пикировали вокруг нас, совершая головокружительные трюки.

Эрик Иден был впечатлен.

— Это, должно быть, самолеты на реактивных двигателях, построенные по принципу марсианских летательных машин, — безусловно, наследие немецко-русской войны. Наши самолеты до сих пор поднимаются в воздух при помощи винтов.

— Вот ведь дурачье, — бормотал Хопсон, посасывая незажженную трубку — на борту нашего судна, которое приводилось в действие благодаря водороду, курение было запрещено. — Вьются как мухи возле слона.

Но, несмотря на ворчанье, он, как и все мы, вытягивал шею, чтобы лучше разглядеть маленьких дерзких летунов.

7. Через Арктику

Мы должны были пролететь добрые две тысячи миль и достичь Таймырского полуострова. Это расстояние мы могли без особой спешки преодолеть за сорок восемь часов. Из Мурманска мы вылетели во вторник, так что на Таймыре нас ожидали в четверг.

Я предпочитала проводить время в компании Эрика и Джо. Все знали, что я знакома с Гарри Кейном, который недавно стал скандально известен тем, что написал низкопробный радиоспектакль о новой высадке марсиан на Среднем Западе. С учетом приближающейся череды противостояний эта постановка, спродюсированная его женой Мэриголд и транслировавшаяся по радио, вызвала панику. Я не хотела, чтобы меня расспрашивали об этом, так что старалась не привлекать к себе внимания. Кроме того, общество моих спутников было приятно. Мы с Эриком Иденом впервые смогли поделиться воспоминаниями о Марсианской войне; в спокойной обстановке и во многом именно благодаря этим разговорам и сделанным мной заметкам были написаны соответствующие главы этой книги.

Так или иначе, скучать нам не давали.

Во вторник днем, пока внизу проплывали завораживающие виды Северного Ледовитого океана, Шмидт прочитал нам спонтанную лекцию. Несмотря на фамилию, он был русским, но перед собравшейся интернациональной аудиторией говорил по-немецки с сильным акцентом. Ему было под пятьдесят; высокий, властный, с бородой как у Санта-Клауса, он, на мой взгляд, выглядел типичным исследователем, описанным в романах Жюля Верна, и говорил точно так же. Он поведал нам о том, как русские колонизировали собственные территории, — и я с удивлением узнала, что это началось еще в шестнадцатом веке, во времена Ивана Грозного, когда путешественники, ссыльные, охотники за шкурами и раскольники осваивали восточные земли. Ко времени Петра Первого там уже появились первые города, а в девятнадцатом веке была построена Великая Сибирская магистраль. Но только в двадцатом веке, когда затянулись раны, нанесенные войной сперва с немцами, а потом с марсианами, освоение и благоустройство этого региона стали систематическими. Шмидт собственноручно вел первую экспедицию по Северному морскому пути.

Шмидт довольно много бахвалился, но это даже

подкупало — в конце концов, у него было полное право гордиться достижениями своей страны. И, как он утверждал, между освоением Сибири и колонизацией враждебной чужой планеты было немало общего: «Так что, возможно, именно русские первыми водрузят свой флаг на Марсе!» Все из вежливости зааплодировали, а я задумалась о том, что бы по этому поводу сказали марсиане.

Но, конечно, именно благодаря подобным исследованиям присутствие марсиан на Земле было подтверждено, и, как следствие, российская Академия изучения Арктики внесла в Федерацию федераций предложение снарядить нашу экспедицию.

Вечером в среду мы сделали остановку в городе под названием Норильск, стоявшем на реке Енисей, милях в пятиста от пункта назначения. Здесь несколько компаний вело добычу никеля. Мы привезли им разнообразное оборудование — в этом сезоне «Фатерлянд» был здесь первым судном.

Мы с Иденом воспользовались возможностью сойти на землю и немного пройтись по городу. Это было невзрачное место — все здесь было подчинено одной задаче. Город окружала ограда из колючей проволоки, здания были сложены

из шлакобетонных блоков и бетонных панелей, улицы пустовали, на месте убранного снега виднелась лишь утрамбованная земля. Казалось, повсюду стоят бетономешалки. Присутствовали и следы социальной жизни: кроме заводов, тут были школа, церковь, больница — но все недостроенное. Был даже небольшой кинотеатр; на нарисованном от руки плакате значилось, что идет картина Чери Гилберт «Марсианин в Голливуде». Но в целом это было пустынное и мрачное место, и я промерзла до костей, несмотря на дорогую теплую одежду.

— Знаешь, до войны я провел здесь некоторое время, — впервые на моей памяти вслух признал Эрик.

Я хмыкнула:

— Дай угадаю. Ты изучал, как лэндшипы передвигаются по тундре.

Он невозмутимо проигнорировал мой комментарий и сказал:

— Это непросто. В смысле, жить в таком месте.

Мы остановились возле недостроенного здания из бетона и шлакоблоков.

— Например, тут бывают месяцы полной темноты, когда бетон замерзает раньше, чем успеваешь положить кирпич. А когда приходит лето, ста-

новится невероятно влажно и повсюду комары. Люди здесь отчаявшиеся: кого-то занесло случайно, кого-то обманули обещаниями новой жизни на фронтире — ну, ты знаешь, как это бывает.

— А для чего ограда? Чтобы жители не разбегались?

Он ухмыльнулся.

— Или чтобы волки не сбегались. Здесь луну называют «волчьим солнцем».

Раздался гудок, призывая нас обратно на «Фатерлянд». Пора было возвращаться.

И, как только мы с Эриком отвернулись от ограды, вдруг пошел снег: совершенно неожиданно, как мне показалось — с абсолютно безоблачного неба. Нам пришлось прижаться друг к другу и следовать за другими размытыми тенями, чтобы найти путь на судно.

— Даже здесь, — проворчал Эрик Иден. — Даже здесь, в Богом забытом месте на краю света, погода стала… странной.

В среду мы летели всю ночь.

И утром четверга проснулись в небе над местом назначения — полуостровом Таймыр.

8. На мысе Челюскин

После поспешного завтрака мы снова натянули на себя теплую одежду и приготовились спускаться на землю. Мы были готовы к работе: многие ученые несли с собой фотокамеры и разнообразные инструменты в сумках и ящиках. Пока мы шли по трапу, я заметила на боку одного из ящиков имя производителя и поняла, что за прибор находится внутри: это был счетчик Гейгера для измерения радиации.

Оказавшись снаружи, я огляделась. Мы оказались посреди военного лагеря, над которым на легком (по счастью) ветру развевался флаг Российской империи. Я увидела несколько построек, пулеметы и прочее оружие, укрытое брезентом, и ряды машин. Некоторые из них были снабжены полозьями, чтобы передвигаться по снегу. Здесь был даже некрупный лэндшип, выкрашенный в серо-белый цвет. И все это, включая аэродром — достаточно просторный, чтобы вместить дирижабль размера «Фатерлянда», — было обнесено забором. На северной стороне я заметила ворота, вышки и батарею крупных корабельных орудий на вращающихся лафетах.

— Там, в той стороне, — океан, — послышался голос. — Чувствуешь соленый запах? Именно туда и смотрят пушки. На север, за периметр.

Это был Уолтер Дженкинс, кутавшийся в черный тулуп. На нем была тяжелая меховая шапка, а та часть лица, которая виднелась за воротником, была прикрыта темными очками и густо намазана защитным кремом. Я задумалась, становятся ли его шрамы дополнительной обузой на сильном морозе.

— Доброе утро, Уолтер, — сухо произнес Эрик Иден.

Джо Хопсон похлопал его по руке.

— Рад вас видеть. Вы уж не прячьтесь от нас на обратном пути — четырех человек как раз хватит, чтобы сыграть партию-другую в бридж.

— Бридж? — ошарашенно переспросил Уолтер.

Отто Шмидт созвал нас вместе — толпу пассажиров, нескольких членов экипажа и отряд солдат. Он провел нас через ворота на северной стороне, ведущие к океану.

Уолтер шел рядом со мной.

— Тут недалеко. Русские, по случайности совершив то открытие, которое я предвидел еще годы назад, обосновались в двух шагах от нужного места. Знаешь, где мы, Джули?

— На Таймыре — полуострове на севере России, который выдается в Северный Ледовитый океан…

— И разделяет Карское море и море Лаптевых, да.

Мы подошли к проволочной ограде. Ворота тщательно охранялись. У одного из членов экипажа уже были при себе все наши паспорта; младший офицер придирчиво изучил их и пропустил нас внутрь. За оградой, как ни странно, запах океана ощутимо усилился.

— Но знаешь ли ты, где именно мы находимся? — спросил Уолтер. — Это место называется мыс Челюскин. Северная оконечность полуострова…

Теперь, оглядевшись, я увидела океан. Полоса воды вдоль темного, намертво промерзшего берега казалась черной, но дальше до самого горизонта простирался лед, белый, словно кость. И по мере того как мы медленно продвигались дальше, я стала замечать впереди какую-то тень: круглое отверстие, яму, рядом с которой стояли на страже солдаты с автоматами и полевыми радиоприемниками. Ровно такую же шахту, уходящую глубоко под землю, я видела в Амершеме.

— Этот мыс, — продолжал Уолтер, — самая

северная точка не только полуострова, но и всего континента. Прямо сейчас мы стоим на краю Евразии. На северном краю. Теперь понимаешь?

— Марсиане, — выдохнула я. — Они отправились на север. Так далеко, как только могли.

— Марсиане со всей Евразии — из Берлина, Санкт-Петербурга, Пекина, даже из Константинополя — стеклись сюда. Что до тех, кто приземлился в Америке, есть предположение, что они также отправились на север и попали в Азию через Берингов пролив — для марсиан это не слишком существенное препятствие, особенно зимой. В Канаде несколько раз замечали отряды марсиан! К слову, удивительно, что они толком не использовали свои летательные машины.

— А что насчет тех марсиан, которые приземлились в Африке, в Дурбане?

— Их судьба остается загадкой. Они определенно покинули свои ямы. Поговаривали, что в джунглях Центральной Африки находили обескровленные трупы горилл и шимпанзе… Возможно, однажды мы отправим экспедицию на Черный континент и все выясним. Насчет Южной Америки — пока что никто не забирался в джунгли Амазонки, чтобы их найти… Пойдем. Есть еще кое-что, что тебе нужно увидеть.

Я подошла к темной дыре в земле, к яме вроде той, в которую я спускалась в Англии, — только теперь она зияла посреди тундры. Шахта шириной чуть более тридцати ярдов — по диаметру марсианского цилиндра — как и в Амершеме, была покрыта тонким слоем алюминия. Но эта яма не была безмолвной и безжизненной, как амершемская. Когда я осторожно к ней приблизилась, я снова услышала знакомый стук — бум-бум-бум, — словно глубоко под землей билось огромное сердце. Именно этот звук я слышала в Англии, когда пробралась в Редут в компании Альберта Кука. Внутри зашевелились тягостные воспоминания.

— Они здесь, — сказала я. — Все еще здесь.

Эрик Иден едва ли не с нежностью стиснул мою руку.

— Мужайся, старушка.

Я увидела, что несколько ученых отошли от ямы и принялись изучать широкую канаву, простирающуюся с юга на север, — около трех футов в глубину и двадцать в длину. Эти седобородые, облысевшие ученые мужи — среди академиков в те дни по-прежнему было мало женщин — явно были взволнованы. Они натянули защитные перчатки и стали осторожно собирать образцы

травы, которая произрастала в канаве: мясистые алые стебли, покрытые пузырьками и стелющиеся по земле.

Уолтер повел меня дальше, и я увидела другие подобные канавы, пересекающие узкую полоску побережья и уходящие в море. Он наклонился, достал из одной канавы полную пригоршню растительности и дал мне несколько стеблей. На ощупь они были сухими, похожими на резину, но в остальном напоминали водоросли.

— Бери смело — тут этого добра полно и с каждым днем становится все больше. Кое-где оно растет на поверхности, но преимущественно на морском дне.

— Откуда это стало известно?

Уолтер указал на машину, что стояла на берегу. Она напоминала паровой котел на колесиках, но у нее был перископ, как у субмарины, и круглые иллюминаторы с толстыми стеклами.

— Что это? Какой-то батискаф?

— Да, но необычный. Это краулер, он передвигается по морскому дну. Давняя разработка, не получившая развития, но отлично подходящая для некоторых задач. Отважный экипаж этого чудища, сплошь состоящий из русских ученых, спустился на дно океана и зашел далеко под лед.

И везде, куда бы они ни забирались, они находили…

— Вот это? — я подняла стебель. — Красную траву? Я помню, как быстро она разрастается, — это стало очевидно еще в девятьсот седьмом году.

— По-видимому, это действительно какой-то подвид красной марсианской травы.

— Но зачем она нужна?

Вместо ответа он лопнул один из пузырьков на моем побеге. Я ничего не увидела и не почувствовала никакого запаха.

— Чтобы накапливать вот это, — сказал Уолтер.

— Это какой-то невидимый газ?

— Оксид азота. Сочетание азота и кислорода. Состав у него такой же, как и у газа, который обнаружили в полостях красной травы первые исследователи. Ее предназначение очевидно — по крайней мере, я кое-что понял уже тогда.

Теперь я вспомнила, как Фрэнк говорил об истощении воздуха над полями, заросшими красной травой, в Эбботсдейле.

— Я не понимаю. Зачем это, Уолтер? Что делают марсиане?

— Лишают Землю воздуха, — просто ответил он.

9. Ненадежный провидец

Тем вечером, вернувшись на борт «Фатерлянда», Уолтер продолжил обсуждать свои идеи со мной, Эриком и Джо Хопсоном. Мы беседовали за ужином — нам принесли сэндвичи, пиво и тарелку фруктов. В ресторанах теперь было немноголюдно: ученые, еще остававшиеся на борту (прочие обосновались на военной базе), разошлись по своим каютам, которые превратились в импровизированные лаборатории, и, без сомнения, собирались провести ночь, ставя эксперименты и строя теории.

Но Уолтеру уже все было ясно.

— Проблема вот в чем, — сказал он. — Проблема для марсиан, я имею в виду. Тем из них, кто вынужден был здесь остаться, пришлось выживать в мире, не похожем на их родную планету во многих отношениях. Положим, с силой тяжести поделать ничего нельзя. Но что насчет атмосферы? С марсианской точки зрения, она здесь слишком плотная. Их воздух куда сильнее разрежен и имеет другой состав: в земной атмосфере, например, слишком много кислорода и слишком мало аргона.

Джо и Эрик, казалось, с трудом переваривают эту информацию. Наконец Эрик спросил:

— Вы хотите сказать, что эти инопланетные робинзоны хотят изменить наш воздух, чтобы он стал больше похож на марсианский?

— Именно. Почему бы и нет? В конце концов, европейцы расселились по всему земному шару, от Арктики до Австралии, и везде, куда бы мы ни являлись, мы переделывали землю под себя, под свои злаки, под свой скот, искореняя туземные формы жизни. Это происходит даже здесь — вы знали, что картофель, корнеплод родом из Анд, растет за полярным кругом?

— Вот это да! Неужели? — воскликнул Джо. Кажется, этот факт впечатлил его сильнее, чем все услышанное ранее.

— Ну ладно, — задумчиво протянула я. — Получается, марсиане просто опережают нас на шаг. Но как это возможно? Изменить воздух во всем мире…

— Я размышлял об этом, — спокойно ответил Уолтер. — К примеру, изучал движение метеоритов. Мы знаем, что марсиане научились сбрасывать с неба предметы, тем самым причиняя разрушения. И при каждом таком ударе о Землю какая-то часть земного воздуха вытесняется в

космос — не слишком существенная, но все же. И уже не возвращается. Интересно, думал я, можно ли с помощью серии таких ударов — например, сбрасывая на Землю огромные цилиндры, набитые камнями, — попросту вытеснить весь наш воздух? — он вздохнул. — Увы, это невозможно.

— «Увы»! — фыркнул Эрик. — Вы только послушайте!

— Мы изучали последствия таких столкновений с девятьсот седьмого года, а исследовать места падения метеоритов начали еще раньше. Не важно, какого размера камень вы сбрасываете с орбиты, — при этом вытесняется часть воздуха, но совсем ничтожная. Я подсчитал, что нужны тысячи камней, чтобы таким образом лишить Землю всей атмосферы. И только представьте, что произойдет с планетой, если попытаться претворить этот план в жизнь! Нет, марсиане должны были действовать тоньше. Я думаю, они разработали биологический механизм…

— Красную траву, — вставила я.

— Верно. Но усовершенствованную версию, возможно, измененную на клеточном уровне; мы знаем, что марсиане — большие мастера приспособления живых организмов под свои нужды. Профессора, собравшиеся на борту этого судна,

несомненно, придут к более корректным умозаключениям, чем мои, но я полагаю… — он обвел нас взглядом. — Из чего состоит атмосфера?

— Из азота, кислорода и разнообразных примесей, — тут же откликнулся Джо Хопсон. — В школе на уроках химии нам это крепко вбили в голову.

Эрик скривился.

— Ох, Джо, помолчи.

— Очень хорошо. Так вот, я думаю, все устроено следующим образом, — продолжил Уолтер. — Главная цель — избавиться от азота и кислорода, верно? Как от ключевых компонентов. Это возможно — по крайней мере, теоретически. В природе есть растения, которые фиксируют атмосферный азот и перерабатывают его в молекулы, подходящие для усвоения другими живыми организмами. Это верный, но очень медленный процесс. Но существует и процесс Габера, когда азот связывается и на его основе производятся искусственные удобрения. И один-единственный завод, где налажен этот процесс, сможет за неделю извлечь из воздуха столько азота, сколько все океаны планеты за целый год. Однако я думаю, что марсиане действуют еще более тонко. Я полагаю, красная трава провоцирует химические

реакции в самой атмосфере. Азот под воздействием некоего катализатора вступает в реакцию с кислородом — и растения захватывают уже не чистый азот, а его оксид, тем самым удаляя из атмосферы еще и кислород. Конечно, один стебель не может удержать много воздуха. Но то, что ему удалось захватить, он уже не отпустит. Я ставил опыты: у этой травы толстая, будто резиновая, оболочка, которая, судя по всему, не подвержена гниению и не пропускает воздух. Эта трава просто растет и на дне океана, и на земле, и под землей, и ее становится все больше и больше. Это надежное хранилище.

— А растет она очень быстро, — заметила я. — И размножается тоже. Мы наблюдали это еще во время Первой войны.

Уолтер кивнул.

— Ты начинаешь понимать. Возможно, марсианам необходимо что-то еще, чтобы система заработала в полную силу, — например, машины, которые будут засеивать землю травой. Но им не составит труда изготовить такие машины. В Шине я своими глазами видел, как многорукий механизм всего за день может собрать себе подобный… Со времен Второй войны прошло уже пятнадцать лет — и все эти годы марсиане могли

дорабатывать свой план, совершать необходимые приготовления. Помните: марсиане уже перекроили один мир на свой вкус — по мере того как остывало Солнце, они планомерно подгоняли Марс под свои нужды. Они знают, что делают.

— И мы уже наблюдаем признаки этого, — сказала я, вдруг вспомнив невесть откуда налетевшую грозу в Париже. — Странная погода, ураганы…

— Все так. Над этой частью Арктики постоянно стоит циклон, поскольку воздух втягивается в океан и под землю и давление понижается. А по мере того как воздух становится все более разреженным, он теряет способность удерживать водяной пар. Уже скоро нашу планету ждут веселые времена. Готовьтесь к тропическим ливням, граду, снежным бурям… Ха! Я припоминаю грозы в июне девятьсот седьмого, когда марсиане впервые пожаловали в Англию. Можно считать это знамением! Но метеорологические аномалии — только первый этап. По мере того как воздух будет становиться более разреженным — если будет, — те, кто живет на северных широтах, начнут страдать от горной болезни. Постепенно такой эффект будет наблюдаться и на более южных территориях. Начнутся массовые миграции

и так далее. Впрочем, до этого не дойдет.

Эрик метнул на него сердитый взгляд:

— Вы, похоже, в этом не сомневаетесь. Как ни один французский генерал не сомневался в том, что немцы никогда не вторгнутся в Париж.

Уолтер посмотрел на нас, и в его взгляде читалось сожаление: мы явно ничего не поняли.

— Вы знали, что, здесь, на полярных равнинах, за все это время не заметили ни одной боевой машины? Многорукие механизмы — другое дело, они попадались нам на глаза, они предназначены для созидания, а не для разрушения. Это свидетельствует о том, что марсиане намерены здесь остаться. Они не собираются снова идти в атаку. Только не на глазах у юпитериан! Война кончилась. Началась колонизация, и она должна пройти цивилизованно — другого выхода просто нет.

Я попыталась донести до него причину нашей тревоги.

— Но, Уолтер, отбирать у нас воздух…

— Это переговоры. Пусть и своеобразные. Они дают нам понять, чего хотят. В ответ мы должны сообщить, что готовы им предоставить, — возможно, какую-нибудь резервацию. Или даже колонию под куполом. Здесь, на базе, останутся

ученые — именно с этой целью. Быть может, среди них найдется новая Микаелян, способная вести переговоры на межпланетном уровне!

Эрик серьезно проговорил:

— Давайте представим, Уолтер, — чисто гипотетически, — что в том, как марсиане отбирают у нас воздух, которым мы дышим, нет ничего цивилизованного. Допустим, они не прекратят это в какой-то момент, посчитавшись с правилами приличия. Допустим, они попросту продолжат это делать. Как нам тогда быть? Как выжить?

Этот вопрос, заданный с солдатской практичностью, похоже, вызвал у Уолтера раздражение.

— А вы как думаете? Так же, как мы выживали бы на Луне — или, быть может, на самом Марсе. В бункерах и пещерах. Под землей можно построить фабрики, которые будут пополнять скудные запасы воздуха.

— Скудные запасы воздуха, — повторил Эрик. — Скудные остатки человечества. Мы не сможем перемещаться по миру, не сможем самоорганизоваться, не сможем оказать сопротивление.

— Боже мой, — тихо сказал Джо Хопсон. — Это же будет гибель человечества. Как вы и написали в своей Летописи, Дженкинс. Это будет истинная его гибель.

— До этого не дойдет, — снова сказал Уолтер.

— И что нам делать? — спросила я.

Кажется, этот вопрос его удивил.

— Как я и говорил тебе в Берлине, Джули — когда это было, лет пятнадцать назад? — вступать в переговоры.

Эрик мрачно заметил:

— Так или иначе, скоро мы все выясним. Если марсиане вновь намереваются прилететь на Землю, их пушки должны выстрелить в конце марта. Если они не выстрелят, — возможно, Уолтер прав и вся эта история с воздухом — просто эксперимент, не направленный нам во вред. Но если они пошлют сюда новый флот…

Он пристально посмотрел Уолтеру в глаза и спросил:

— Тогда мы об этом узнаем, так ведь?

10. Эпилог

На обратном пути на запад, навстречу Европе и цивилизации, я с удивлением узнала, что Уолтер Дженкинс впервые за много лет собирается направиться в Англию и там задержаться.

Еще сильнее я удивилась, когда он невзначай обронил в разговоре, что он, повинуясь порыву, снова купил тот дом в Уокинге, где жил со своей женой Кэролайн перед первым вторжением марсиан. Именно туда он сейчас направлялся.

— Я должен там быть, — сказал он мне в своей обычной манере, — в полночь двадцать шестого числа — в день, когда вновь выстрелят пушки, если они все-таки выстрелят. В день, когда история снова крутанется вокруг своей оси. Я не забыл возражения Эрика Идена. И уверен, что грядущие события докажут мою правоту.

Но в его голосе при этом не было и тени уверенности.

Как я отмечала ранее, приближение знаменательного астрономического события уже несколько месяцев вызывало общемировую истерию, и новости о марсианах в Арктике, многократно искаженные и поданные как сенса-

ция, только усугубили общий иррациональный страх (или, быть может, рациональный, думала я про себя). Уолтер же, святая простота, нимало не заботясь о своей безопасности, будто и не было трагической гибели Микаелян, рвался в самую гущу споров и дебатов; и, более того, хотел вернуться в Уокинг, в дом, адрес которого был общеизвестен.

Там и тогда, в зале «Фатерлянда», пока под нами еще проплывали арктические пустоши, я решила, что провожу Уолтера домой. В каком-то смысле вся история марсианского нашествия началась в этом уютном домике — по крайней мере, для Уолтера, который ненароком стал голосом целого поколения. Дом в Уокинге казался наиболее подходящим местом, чтобы завершить эту историю — или, если уж на то пошло, начать новую главу. И даже в Уокинге я могла обеспечить Уолтеру безопасность. Я шепнула пару слов своему старому приятелю Эрику, и он уверил меня, что солдаты из нерегулярных частей Британской армии приглядят за нами обоими, «пока эта волна шумихи вокруг марсиан не утихнет, что бы ни положило ей конец».

Но у моей решимости были и другие причины. Мы с Уолтером никогда не были близкими

друзьями — да и возможна ли настоящая дружба между невесткой и деверем? И все же он был членом моей семьи. Я не могла смириться с мыслью, что он словно призрак будет в одиночестве бродить по своему старому дому.

Я по беспроводному телеграфу отправила сообщение невестке в Париж, рассказав ей о своих планах и попросив передать весточку моим друзьям и коллегам, с которыми она сочтет нужным связаться. А уже потом сказала Уолтеру, что собираюсь составить ему компанию.

Тот отреагировал на эту новость не слишком-то любезно.

— Только не путайся под ногами, — бросил он.

Когда мы обошли дом в Мэйбэри-хилл, настежь распахивая окна, я убедилась, что он выглядит почти так же, как и в моих воспоминаниях.

Хотя дом располагался недалеко от центра, он уцелел во время атак 1907 года, а вторая волна марсиан почти не затронула Суррей — в 1920 году больше всего пострадали Букингемшир и Лондон. Последующие владельцы по мере сил поддерживали дух этого места. Столовая с французскими окнами, уже довольно хлипкими, совсем не изменилась. Оттуда открывался вид на сад и на Оттершоу, где некогда жил приятель Уол-

тера, астроном Оджилви. И небольшой летний домик был на месте — Уолтер рассказывал, что они с Кэролайн в хорошую погоду любили здесь обедать. Во всех комнатах стояла подобающая мебель: в столовой — стол и стулья, в гостиной — диваны с плотно набитыми подушками, и так далее. Но цвета не гармонировали между собой, а расположение мебели оставляло желать лучшего.

На верхнем этаже находился старый кабинет Уолтера, окна которого выходили на запад, на Хорселлскую пустошь, куда приземлился первый цилиндр. В какой-то момент кабинет переделали под детскую, о чем можно было судить по обоям: на них красовался Элли Слопер, популярный герой иллюстрированных историй, который шел в атаку на марсианские боевые машины. Из мебели здесь только и было, что массивный стол у окна, стул, стойка для торшера и ряд книжных шкафов, пока что пустующих.

Мы с Уолтером стояли у окна и смотрели на руины Уокинга. Остатки Восточного колледжа, мечети, вокзала и электрической станции до сих пор были различимы. На путях возле железнодорожной арки виднелся остов перевернутого поезда — эта деталь напомнила мне о Кордоне, об

оккупированном марсианами Эбботсдейле. Руины, которые оставили нетронутыми, чтобы они стояли как напоминание о былом, поросли земной зеленью — травой и кипреем; кое-где сквозь обломки пробились даже молодые сосенки.

— Неплохо, — сказал Уолтер. — Я все еще могу тут работать.

— Ты купил этот дом без мебели?

— Именно так. Сказал агенту, чтобы тот обставил его по своему вкусу.

Я постучала по столу: похоже, он был сколочен из старых корабельных досок.

— Судя по всему, он предпочел не тратиться.

— Сейчас есть вещи поважнее, чем столы со стульями.

Он сел на тяжелый конторский стул и покачался туда-сюда.

— Сойдет.

Я вздохнула и потрепала его по плечу.

— Ты все-таки не марсианин, Уолтер. Ты так и не избавился от всех своих физических потребностей. Можно помочь тебе привести дом в порядок, раз уж я здесь? Немного отделки не помешает, и мебель я могу подобрать получше… Поверь, в удобной обстановке тебе и работать будет легче.

Он хмыкнул, достал из портфеля календарь и

водрузил его на пустой стол. А рядом поставил фотографию Кэролайн в рамке, что немало меня удивило.

— Не раньше двадцать шестого, — сказал Уолтер.

Я не стала с ним спорить.

В ожидании этой даты мы погрузились в хлопоты по хозяйству.

Я позвала уборщицу, чтобы она поддерживала дом в чистоте и стирала. Сама я ходила в магазин за покупками, что было не слишком обременительно. Уолтер, как ни удивительно, взял на себя почти всю готовку. Его блюда быстро готовились и еще быстрее съедались — наследие долгих лет холостяцкой жизни, — однако были достаточно сытными. Я вспомнила, что до девятьсот седьмого года у Уолтера была служанка. В те годы прислуга была у всех, кто мог себе это позволить, даже у семейной пары, которая перебивалась случайными гонорарами за философские труды супруга; однако этот обычай ушел в прошлое, и, возможно, к лучшему, поскольку в служанки по большей части шли женщины, у которых не оставалось иного выбора.

Большую часть времени Уолтер просиживал в кабинете: приводил в порядок свои заметки,

возможно, что-то писал. Мне он не давал взглянуть на свои черновики. По крайней мере здесь он придерживался распорядка дня, тогда как на «Фатерлянде», к примеру, необходимость есть и спать была для него досадной помехой. Было ли это следствием моего влияния (удивительно, если так, — большинство знакомых наверняка сказали бы, что я скорее привношу повсюду сумятицу) или дело было в воспоминаниях о размеренной жизни с Кэролайн, я не знала. Порой я задумывалась: быть может, Уолтера привела сюда именно тяга к давно утраченному домашнему уюту?

Сама я в свободное время работала, читала и подолгу разговаривала по телефону с приятелями. Несколько раз я пила кофе с Мариной Оджилви, вдовой астронома, которая до сих пор жила в Оттершоу, в доме с обсерваторией, в нескольких милях от нас. Общалась я и с Кэролайн — иногда она мне звонила. Я уговаривала ее навестить Уолтера или хотя бы поговорить с ним по телефону: «Знаю, что вы в разводе, знаю, что это тяжело, и все же…»

Но она отказывалась.

Так настало двадцать пятое число.

Это был четверг. День, которого все ждали в тревоге и смятении, выдался на редкость тихим

и погожим.

Я проснулась в шесть утра, еще до звонка будильника. Спала я плохо. Я знала, что раньше полуночи никто из нас не ляжет в постель.

Если марсиане решат отправиться на Землю, запуски начнутся ровно в полночь. И, если это случится, арктическая база марсиан окажется военным лагерем, и мир, невзирая на все заверения Уолтера, снова погрузится в хаос. Ни из обсерваторий, ни от тех источников, для которых Уолтер выступал консультантом, не поступало никакой информации о выстрелах на Марсе, однако в двадцатом году я сама убедилась, насколько скрытны и осторожны эти источники, а с тех пор меры для обеспечения секретности только усилились.

Я умылась, оделась и принесла Уолтеру в кабинет завтрак — кофе и яичницу с беконом. Он отложил в сторону рукопись, над которой корпел, и пробурчал слова благодарности. Я знала, что он не спустится в кухню или столовую — не сегодня.

Я провела день, занимаясь своими делами: работала, читала, писала письма и черновики для этих мемуаров, оплатила несколько счетов.

Ближе к вечеру я отправилась на короткую

прогулку — сходила на станцию за газетами. Я купила «Телеграф», «Дейли мейл», «Таймс», свежий выпуск «Панча» и, поддавшись внезапному порыву, приобрела выпуск журнала про Элли Слопера. Я пробежала глазами заголовки, выискивая новости о противостоянии планет. Серьезные газеты пестрели фразами вроде «мир замер в ожидании», но никаких стоящих сведений я не нашла.

Я пошла домой. В Южной Англии стоял дивный весенний денек: на небе сияло солнце, а в ухоженных садиках желтыми огоньками сверкали нарциссы. Если действия марсиан в Арктике и влияли на погоду, здесь и сейчас это заметно не было. Однако было достаточно прохладно, и я подумала, что ночью может подморозить.

Все вокруг казалось тихим и безмятежным.

Я поужинала в тишине. Уолтеру я отнесла суп и сэндвичи, но он так ни к чему и не притронулся.

Около одиннадцати часов вечера я сварила нам кофе и поднялась в кабинет. Там я устроилась в небольшом кресле, которое мы с Уолтером перетащили наверх из гостиной. Он все еще сидел за работой. На столе у него не было ничего лишнего: календарь, часы, несколько стопок бумаги, фотография Кэролайн, сколотая фарфоровая кружка с

карандашами — и телефон, который он держал под рукой.

Той ночью — как сейчас помню — луна была особенно яркой: ее сияющий лик заглядывал в окно кабинета. Полная луна! Зловещий знак — особенно в ту ночь, когда неумолимые космические часы, чьему ходу не могут противостоять ни люди, ни марсиане, отсчитывали минуты до момента, когда наши планеты вновь окажутся друг напротив друга. Глядя на Луну, я подумала: интересно, юпитерианская метка, давно исчезнувшая из виду, оставила на ее холодной поверхности какой-нибудь след, на который наткнутся космические путешественники будущего?

Я решилась нарушить молчание:

— Как я понимаю, от твоих приятелей-астрономов нет никаких вестей.

— Они мне не приятели. — Уолтер постучал пальцем по телефону, потом поднял трубку, чтобы убедиться в наличии гудка. — Это уважаемое астрономическое сообщество, и для меня большая честь быть тем человеком, которому они в первую очередь передают важные сведения. Но нет, никаких новостей. Конечно, сейчас наши технологии шагнули вперед, но те первые

выстрелы, в девятьсот седьмом, я видел собственными глазами. Их было отлично видно даже в домашний телескоп бедняги Оджилви.

— На этот раз к нам отправится целая армада — вернее, флот колонизаторов. Верно?

— Это было бы логично, — заметил Уолтер. — В 1907 году прилетело десять цилиндров, в 1920-м — сто, два года спустя — тысяча. Неужели в этот раз прибудет десять тысяч? Если они, конечно, прилетят, — но они не прилетят.

— Есть люди, которые убеждены: надо что-то делать, а не просто надеяться на лучшее, — сказала я, листая газеты. — Где-то тут был подробный репортаж… Ага, вот он, в «Телеграфе». Черчилль произнес очередную речь: «Хватит ждать! Разве мы ждали Наполеона? Нет! Мы взялись за него, прежде чем он успел до нас добраться…»

Черчилль, этот старый вояка, все еще занимавший пост министра вооружений, после обнаружения в Арктике марсианской базы заявил, что необходимо восстановить «британскую космическую пушку» — так он называл яму в Амершеме, из которой марсиане в 1922 году запустили цилиндр, чтобы попасть домой — и отправить в космос собственную ракету.

Уолтер отнесся к этому плану пренебрежи-

тельно.

— В мире всегда хватало кровожадных идиотов, — сказал он. — Они там все еще работают над бактериологической бомбой?

— Думаю, что да. На карте отмечены предполагаемые цели…

В каком-то смысле это было развитие плана, согласно которому я должна была доставить в марсианский Редут смертоносную инфекцию, впечатляющее своим размахом. Теперь Черчилль задумал отправить на Марс цилиндр со штаммом какой-то жуткой древней бактерии, чтобы заразить целую планету.

— Здесь сказано, что, насколько нам известно, ключевой узел в сети каналов — Solis Lakus. И если в таком узловом пункте заразить систему водоснабжения, инфекция распространится по всей планете.

— По крайней мере в нашей истории такая стратегия сработала, — проворчал Уолтер. — Европейские болезни выкосили местное население в Америке и в других местах, до которых мы дотянулись, — именно так мы стали империей.

— Значит, план Черчилля не лишен смысла, — сухо заметила я, пытаясь его раздразнить. — Если уже есть прецеденты.

— Но даже если так, разве это правильно? Джули, марсианская цивилизация по нашим меркам невообразимо древняя: ее история, возможно, насчитывает миллионы лет. И не исключено, что она хрупкая. Как ты знаешь, я верю, что марсиане общаются при помощи своего рода телепатии. Какие выводы можно сделать из этого? Есть одна странность, которую не отметил почти никто из людей, наблюдавших за марсианами: у них нет книг. Или, по крайней мере, они не взяли их с собой на Землю. В их цилиндрах не обнаружилось ни единой надписи. И вот что я думаю по этому поводу. У марсиан действительно нет книг — вернее, они сами себе книги. Зачем нужны книги, если можно напрямую передавать информацию из одного сознания в другое? Если они умеют это, то могут сливать свои мысли и воспоминания в единое информационное поле, которое больше, чем сумма составляющих его частей. В этом грандиозном хранилище воспоминаний ничего никогда не пропадет и не забудется — пока живы носители информации. Но ты видела, к каким последствиям это приводит. Убивая марсиан, ты тем самым сжигаешь их библиотеки — навечно. Мы словно гунны у ворот Рима, даже хуже.

Я резко кашлянула.

— Но эти твои все знаний прилетели на Землю и убивали нас, и пили кровь наших детей.

Он проигнорировал это замечание.

— Люди вроде Черчилля нужны в военные времена, когда приходится размышлять о немыслимом. Но это тебе удалось восстановить мир, Джули, — тебе, а не Черчиллю.

Так мы сидели и спорили при тусклом свете в нелепой маленькой комнатенке, довольно дурно обставленной, из окна которой открывался вид на руины и на Хорселлскую пустошь, где и началась эта история. И человек, который первым ее записал, пусть и несколько приукрасил, сидел рядом со мной. Теперь я едва ли была готова поверить хоть одному его слову. Но говорил он красиво.

— Они не прилетят, — заявил ненадежный рассказчик. — Юпитериане об этом позаботились. Но — и в этом я согласен с Холдейном — нельзя рассчитывать на то, что они будут присматривать за нами вечно. Да, однажды они вмешались в наш конфликт с марсианами, словно бог из машины, словно ветхозаветный Господь, который в нужный момент насылает мор и потоп. Но полагаться на их помощь в будущем нельзя — да и не нужно. Мы не должны склоняться перед эти-

ми божествами. Нам необходимо самим встать на ноги, и, возможно, та прекрасная Федерация, которую придумала Микаелян, — первый шаг в этом направлении.

— Но сколько еще ждать, Уолтер? Если допустить, что марсиане дали нам время, сколько должно пройти, прежде чем мы поднимемся на следующую ступень?

Чтобы дать ответ, он выудил из кипы бумаг рукопись — пожелтевшую, с загнутыми уголками, с пятнами от пролитого кофе — и все же он держал ее осторожно, едва ли не с нежностью.

— Это труд, над которым я работал в этом кабинете в тот самый день, когда на Холселлской пустоши открылся первый цилиндр. Помню, у меня было селенитовое пресс-папье… интересно, что с ним стало? Я писал статью о развитии нравственности в связи с общим прогрессом цивилизации. Помню, что бросил фразу на середине, отправился к мальчишке-газетчику за номером «Дейли кроникл», и он рассказал мне о «людях с Марса». В тот момент, когда пришлось оторваться, я как раз записывал собственное пророчество. Я так и не вернулся к этой статье. Теперь, глядя на нее, я думаю: каким я был молодым! Каким неискушенным! Из меня не вышло пророка. И

все же мне кажется, что тогда мне удалось нащупать кое-что важное. Теперь я наконец закончил этот последний абзац. Можешь называть меня сентиментальным. Я, конечно же, и пытаться не буду опубликовать эту статью, но…

— Прочитай ее мне, — тихо сказала я.

Он поднес лист к глазам:

— Возможно, через двести лет наступит…

И тут зазвонил телефон.

Уолтер застыл.

Я бросила взгляд на часы. Только что перевалило за полночь.

Уолтер все еще сидел, не шелохнувшись.

После третьего звонка я подошла и сняла трубку.

— Да? Да, он здесь… — я выслушала сообщение и сказала: — Уолтер, это Кэролайн.

Он непонимающе на меня посмотрел.

— Она сказала, что договорилась с Эриком Иденом, чтобы твое астрономическое общество сперва позвонило ей, а не тебе. Чтобы помочь тебе справиться с новостями.

Уолтер взял со стола фотографию Кэролайн и коснулся ее лица сквозь стекло.

— А что с марсианами?

В трубке раздался тихий, спокойный голос

Кэролайн:

— Уолтер, пушка не стреляла. Запуска не было.

— Значит, я был прав.

— Ты был прав.

— Все кончилось. Война миров окончена. Теперь может быть положено начало Союзу рас… — он запнулся и умолк, словно часы, в которых кончился завод. — Кэролайн.

Он снова коснулся фотографии.

— Когда-то мы считали друг друга погибшими.

— Она здесь, Уолтер.

Он склонил голову. И взял у меня телефонную трубку.

Послесловие и благодарности

Из изданий романа Уэллса я могу порекомендовать то, которое в 2005 году вышло в серии Penguin Classics, под редакцией Патрика Парриндера. При написании своего текста я опирался именно на это издание. Также я полагался на текстологические работы Дэвида И. Хьюза и Гарри М. Джегульда (Indiana University Press, 1993) и Леона Стовера (McFarland & Co., Inc., 2001). Кроме того, я многое черпал из работ, накопленных за десятилетия исследований творчества Уэллса: из эпохального труда Бернарда Бергонзи «Ранний Г. Дж. Уэллс» (The Early H. G. Wells; Manchester University Press, 1961), из работ вроде «Теней будущего» Патрика Парриндера (Shadows of the Future; Liverpool University Press, 1995) и «Раннего творчества Г. Дж. Уэллса» Стивена Маклина (The Early Fiction of H. G. Wells; Palgrave, 2009). Среди биографий Уэллса хотелось бы выделить труд Майкла Фута «Г. Дж.: История мистера Уэллса» (H. G.: The History of Mr Wells; Counterpoint, 1995), рассчитанный на широкого читателя. Кроме того, при написании этой книги я посетил два

семинара Уэллсовского общества, которые очень меня вдохновили: первый — об Уэллсе и Первой мировой войне, второй — об Уэллсе и Форде Мэдоксе Форде.

Что касается самой «Войны миров», могу посоветовать недавнюю «биографию книги» за авторством Питера Дж. Бека «„Война миров“: от Г. Дж. Уэллса до Орсона Уэллса, Джеффа Уэйна, Стивена Спилберга и далее» (The War of the Worlds: From H. G, Wells to Orson Welles, Jeff Wayne, Steven Spielberg and Beyond; Bloomsbury, 2016). «Повесть о надвигающейся войне» И. Ф. Кларка (The Tale of the Next Great War; Liverpool University Press, 1995) — хорошая антология и анализ художественных произведений, пронизанных ожиданием войны, к которым относится и «Война миров». В статье Г. Элбера-Авирама «Мой родной город: фантастический Лондон Г. Дж. Уэллса» («My Own Particular City»: H. G. Wells's Fantastical London; журнал The Wellsian, № 38 за 2015 год) говорится о восхищении, которое вызывал у Герберта Уэллса Лондон. (В нашей действительности римский амфитеатр под городом обнаружили только в 1980-х.) Статья Патрика Парриндера «Насколько мы можем доверять рассказчику в „Войне миров“?» (How Far Can We Trust the Narrator of

The War of the Worlds? Журнал Foundation. № 77 за 1999 год) побудила меня к размышлениям об этом непростом персонаже. Также рекомендую книгу Эрика Дж. Лида «Ничья земля» (No Man's Land; Cambridge University Press, 1979), в которой рассказывается о военном неврозе.

Превосходный анализ внутренней хронологии «Войны миров», описанных там военных действий и стратегий был дан в трех статьях Томаса Гандейла и Мэрилин Дадли-Раули в журнале The Wellsian, который выпускает Общество Уэллса (№ 29 за 2006 год и № 31 за 2008-й). В своем повествовании датой первого пришествия марсиан я назначил 14 июня 1907 года. Гандейл и Дадли-Раули показывают, что эта дата лучше всего соответствует астрономическим указаниям, которые оставил в своем тексте Уэллс, но в книге информации недостаточно, и редакторы двух текстологических исследований пришли к разным выводам по этому вопросу.

Еще по поводу хронологии: перевод часов на летнее время впервые был введен в Германии в 1916 году — во время Первой мировой эта мера помогала сэкономить топливо. Вскоре эта практика распространилась на Британию и другие страны. Согласно этой книге Первой мировой

войны не было, и, соответственно, я предположил, что не было и перехода на летнее время, так что британское время везде указано по Гринвичу (как и в романе Уэллса), а мировое время с ним соотносится.

Научные теории конца XIX века, касающиеся эволюции Солнечной системы, послужили отправной точкой для «Войны миров», а действие моей книги разворачивается в мире, где ученые продолжают опираться на эти теории, в том числе на упомянутую Уэллсом гипотезу о туманностях, которую развивали еще Кант (1724–1804) и Лаплас (1749–1827). В реальности Максвелл (1831–1879) доказал несостоятельность этой теории, основываясь на передаче вращательного момента между Солнцем и планетами.

Мнение, что Солнце остывает, отстаивал, к примеру, лорд Кельвин (1824–1907). Что касается самих планет, я выписал Марс таким, каким его обрисовывает в романе сам Уэллс и каким его представляли Лоуэлл и все остальные, — таким, каким он предстает в «Марсе» (Mars; Houghton, Mifflin, 1895) и «Марсе и его каналах» (Mars and Its Canals; Macmillan, 1906) Лоуэлла. (В реальности астроном Джованни Скиапарелли умер в 1910 году.) Из «Географии Марса» К. Марии Д. Лейн

(Geographies of Mars; University of Chicago Press, 2011) я почерпнул интересные сведения о том, как сформировались и на что повлияли представления Лоуэлла о Марсе. «Насквозь мокрую» Венеру описывал, например, Сванте Аррениус в «Судьбе звезд» (Destinies of the Stars; G. P. Putnam's Sons, 1918). Начиная с 1920-х годов благодаря спектральному анализу и другим свидетельствам представления о том, что эти миры напоминают Землю, пошатнулись; окончательные доводы в пользу того, что ближайшие к нам планеты совершенно негостеприимны, появились в 1960-е, после запуска космических зондов.

В том, что касается марсиан, я следовал раннему очерку Уэллса «Человек тысячного года», на которое ссылается сам рассказчик в «Войне миров». Я предположил, что тепловые лучи — это инфракрасные лазеры, которые, как и другие марсианские устройства, работают на ядерной энергии. В реальности работа над ударно-волновыми излучателями, изобретение которых здесь приписано Эдисону, началась только в 1950-х, в СССР и в Штатах, в связи с исследованиями в области атомной энергетики. Я очень признателен Мартину Фоггу из Британского межпланетного общества, автору книги «Терраформирование:

Создание новой среды на других планетах» (Terraforming: Engineering Planetary Environments; SAE International, Warrendale, PA, 1995), за плодотворную дискуссию о том, как именно марсиане могли бы видоизменить Землю.

В каком-то смысле роман Уэллса (как и написанное мной продолжение) — альтернативная история, где точкой бифуркации стал 1894 год, когда таинственные вспышки света на Марсе сочли выстрелами из огромной пушки. Я, впрочем, черпал сведения из множества исторических книг, посвященных тому периоду, в том числе «The Imperial War Museum Book of the First World War» Малькольма Брауна (Guild, 1991), «1913» Чарльза Эммерсона (Bodley Head, 2013), «The War of the World» Найла Фергюсона (Allen Lane, 2006), «1914: Fight the Good Fight» Аллана Маллинсона (Bantam, 2013), «The Fall of the Ottomans» Юджина Рогана (Allen Lane, 2013), «Armies of the World 1854–1914» (Sidgwick & Jackson, 1978) Дэвида Вудворда и «Zeppelin Nights» Джерри Уайта (Bodley Head, 2014) — там приведены сведения о Лондоне во время войны. О женщинах на войне я читал в книге Кейт Ади «Fighting on the Home Front» (Hodder and Stoughton, 2013); о воздушных боях — в «Zeppelins Over England» Кеннета Пулмана

(Evans, 1960); о морских сражениях — в «British Dreadnought vs German Dreadnought» Марка Стилла (Osprey, 2010); об эволюции танков — в «The Devil's Chariots» (Sutton, 2001) Джона Глэнфилда и «British Mk I Tank 1916» (Osprey, 2004) Дэвида Флетчера (корабль Его Величества «Боудикка» основан на «лэндшипе Хетерингтона», спроектированном в 1915 году). Книга Джеймса П. Даффи «Target: America» (Praeger, 2004) рассказывает о том, как правительство кайзера вынашивало планы напасть на США. В очерках Найла Фергюсона «„The Kaiser's European Union" in his Virtual History» (Picador, 1997) и Ричарда Неда Лебоу «Archduke Franz Ferdinand Lives» (Palgrave, 2014) содержатся размышления об альтернативных исходах Первой мировой войны. Корабль «Лузитания» в нашей реальности затонул 7 мая 1915 года — его пробила торпеда, выпущенная с немецкой субмарины.

Я чрезвычайно благодарен своим добрым друзьям, мистеру и миссис Оливер из Уайтлифа, за помощь с локальным исследованием в Чилтерне; довольно полезной оказалась книга The Chilterns за авторством Лесли Хеппи и Элисон Доггетт (Phillimore, 1992). При описании советской Арктики я обращался к книге «Red Arctic» Джона

Маккэннона (Oxford University Press, 1998).

Действие оригинальной «Войны миров» было, по сути, ограничено юго-востоком Англии. Но впервые марсиане прибыли не в Уокинг, а в Нью-Йорк, причем аж в 1897 году — если верить книге Гаррета П. Сервисса «Эдисоновское завоевание Марса», опубликованной в январе — феврале 1898 года в «New York Evening Journal»; фактически это было первое продолжение романа Уэллса. «Эдисонада» Гарри Кейна, упомянутая на этих страницах, — признание в любви к этому тексту. Мое собственное исследование предыдущих продолжений «Войны миров» было опубликовано в «The Wellsian» (№ 32 за 2009 год).

В целом же интерпретация великого романа Уэллса, приведенная на этих страницах, принадлежит мне самому, и ответственность за любые ошибки и неточности несу я и только я.

Стивен Бакстер
Нортумберленд
Май 2016